

Огни Кузбасса

№ 2 / 2021

Дорогие читатели журнала,
поздравляем вас
с Победой в Великой Отечественной войне
и Светлой Пасхой Христовой!

Труженикам тыла посвящается.
Скульптор А. Хмелевской

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

М. А. Евса,
г. Кемерово, министр
культуры и национальной
политики Кузбасса

И. Ф. Фёдорова,
г. Кемерово, председатель
комитета по вопросам
образования, культуры
и национальной политики
Законодательного
собрания Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. И. Лихоносов,
г. Краснодар, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Родная Кубань»

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЁТСЯ С 1949 ГОДА

№ 2 / 2021

МАРТ – АПРЕЛЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Вера ЛАВРИНА
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Агата РЫЖОВА
Елена ТРУХАН
Марина ФЁДОРОВА
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ПРОЗА

- Дарья Верясова.** История блогера Сони. Роман 3
- Виктор Лихоносов.** После разлуки. Глава из книги 72
- Людмила Яковлева.** Я буду ждать. Повесть 85
- Андрей Королёв.** Закрытие сезона. Рассказ 111
- Любовь Шалабаева.** Суматошная жизнь. Рассказ 117

ПОЭЗИЯ

- Григорий Егоркин.** Водичка поможет 69
- Дмитрий Мурзин.** Рыба-шахтёр 82
- Галина Золотаина.** Буду тратить, пока жива 109

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

- Константин Карабанов, Георгий Кольцов, Ирина Ляшко, Михаил Свищёв, Кира Марченкова, Сергей Чернопяттов, Наталья Килоч, Ирина Сидельникова.** Стихи..... 123

КНИГА ПАМЯТИ

- Дмитрий Филиппов.** Хозяин дороги. Документальная повесть 128
- Людмила Ракузо.** Когда мы жили на «43-м пикете» 155

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

- Григорий Шалакин.** Осызание былого 160

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Елена Трухан.** Земные пути к лучезарному слову
(к 70-летию со дня рождения Любви Никоновой) 163
- Нина Ягодинцева.** Смотреть бесплатно в хорошем качестве. Отклик на книгу Дмитрия Мурзина «Новое кино» 164

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Литературная хроника. Подготовил **Дмитрий Мурзин** 170

Поздравляем русского писателя ВИКТОРА ИВАНОВИЧА ЛИХОНОСОВА с 85-летием!

Я вхожу в тишину, в какое-то ожидание, в оставленную мною пустоту, меня потерявшую, я душою кланяюсь всем углам и книжному шкафу. На стене посередке портрет отца. Все годы он скорбно следит за нами с этой увеличенной фотографии, каждый Божий день напоминает, что когда-то до войны он был в семье главным, всё о нас знает, но сказать не может... Под Запорожьем лежат его косточки. Писал в треугольном конверте: «Война закончится – увезу вас жить туда, где тепло и много фруктов». И вот мы переехали сами и его с собой взяли, но на портрете.

Полностью главу из книги воспоминаний Виктора Лихоносова «Одинокие вечера в Пересыпи» читайте на с. 72

Дарья
ВЕРЯСОВА

ИСТОРИЯ БЛОГЕРА СОНИ*

Роман

Часть первая ОСКОЛКИ

Дорога

К вечеру проехали Елец.

Соне удалось развалиться на заднем сиденье в обнимку с зимней резиной, которую водитель вёз домой из Москвы. На границе ожидалось столпотворение, попутчики планировали попасть туда к двум часам ночи. Была поздняя бесснежная осень, и деревья с одной стороны трассы стояли голышом, а с другой – волновались пышной рыжей шевелюрой. Воздух дальних странствий убаюкивал, и почти всю дорогу Соня спала безмятежным сном, изредка поднимая голову и бросая заспанный взгляд в окно.

Накануне она бегала по комнате, набивая рюкзак одеждой, и пела:

– Приготовленья займут полчаса, и подставлю ветрам паруса!

Сергей внимательно наблюдал за суетой, он всё ещё не верил, что Соня решится на поездку. Лишь когда в Донецке нашлась вписка и пришло подтверждение от водителя с блаблакара, лишь тогда Сергей убедился: Соня не шутит.

– Я всё понимаю, – сказал он, – но, может быть, ты не поедешь? Там ведь стреляют. Бомбят.

– И что? – беззаботно отозвалась Соня.

– А если убьют?

– Не-а, не убьют.

– А если покалечат?

– Это хуже, – согласилась Соня. – Но я буду осторожна. Ты ведь сам сказал, что я не видела войны, что я жизни не знаю... Говорил?

– Ну, говорил, – нехотя признал Сергей.

– Вот я и еду посмотреть.

Соня была блогером-тысячником и собиралась стать миллионником. Кроме того, была ещё причина для поездки, но в ней знаменитому блогеру было стыдно признаваться, поэтому Сонины подписчики были уверены, что она едет с гуманитарной миссией.

Сергей возмутился:

– Ты хочешь, чтобы я чувствовал себя виноватым, если тебя укокошат?!

Соня повернулась к нему и развела руками, как бы говоря: что ж поделать?

– А ты едешь с кем-то?

– Было бы с кем ехать, я бы дома сидела! О! Хорошо, что напомнил! – И Соня бросила в рюкзак плотные шерстяные носки.

* Журнальный вариант.

ВЕРЯСОВА Дарья Евгеньевна родилась в 1985 году в Норильске. Подростком переехала в Абакан. Жила в Красноярске, училась в Красноярском государственном университете, окончила Литературный институт им. Горького (семинар О. Николаевой). Работала журналистом, руководителем литературно-драматической части в театре. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Октябрь», «Волга», «Дружба народов», альманахах «Новый енисейский литератор», «Пятью пять», «Илья». Автор нескольких книг стихов и книги прозы «Великий пост. Дневник неофита». В декабре 2013-го и феврале 2014-го ездила в Киев, а в 2017 году – в Донбасс, «для того чтобы собственными глазами увидеть и оценить происходящее». Живёт в Абакане.

Сергей сделал вид, что не заметил язвительности:

- Береги себя! И ноги свои прекрасные береги!
- Я постараюсь. Мои ноги особенно хорошо смотрятся в паре.

Соня ещё раз проверила содержимое рюкзака.

- Как думаешь, зонтик брать?
- Соня, ёшкин кот! Бронежилет бери!
- Угу, выкладываю...

Сергей подошёл вплотную и обнял девушку:

- Не злись. Чего ты такая колючая?

Соня прижалась к его груди:

– Я не злюсь. Просто я уже всё решила. А ты жди меня дома, как верная жена! Я обязательно вернусь!

Потом они долго мирились на тот случай, если с Соней что-то случится, и так затянули прощание, что выспаться ночью не удалось, и теперь Соня наконец дала себе отдых. Меж тем многострадальная южная земля приближалась, в Успенке проходили государственную границу.

– Вывеску сменили, – сказал водитель. – Раньше висела без последней буквы, простреленная вся, позорище такое.

- Простреленная?
- Из автомата.

«Как интересно, – подумала Соня. – Надо запомнить и упомянуть!»

На улице ветер сбивал с ног. Жёлтый месяц лежал на боку, свысока глядели на землю звёзды. Никакого зарева вдали, о котором часто упоминают военные писатели времён Второй мировой. От недосыпа Соню потряхивало.

– Мне надо квиток какой-то заполнять на проезд?

- Нет, россиянам только паспорт нужен.

Необжитая таможня походила на старую автотазовую. Других машин не было.

– А шо ты хочешь? – пояснил водитель. – Это у вас здесь мир, а по ту сторону очень даже комендантский час! Никто никуда не едет, все спят.

Дээнэровская девушка в ветровке, сидя в деревянной будочке, пролистала Сонин паспорт и кивнула: мол, свободна. Попутчики тоже прошли без проблем.

Вблизи будочки стояли бетонные звёзды-волнорезы, какими укрепляют морские берега. Здесь, вероятно, их использовали вместо заградительных ежей. Возле них наши путешественники и расположились на покой до пяти утра – пока не кончится комендантский час.

– А вот там стоял блокпост, – говорил водитель, вырывая на трассу ранним блёклым утром. – И здесь большой блокпост стоял. Па-

латки, заграждения, мешки с песком. Бомжи с автоматами.

- Какие ещё бомжи? – удивилась Соня.

– А какой идиот, по-твоему, согласится стоять на улице круглые сутки? Это потом уже ополчение набрали и поставили нормальных ребят, а сначала бомжам да алкашам автоматы выдали, их вообще всем тогда выдавали. Народ понабрал, прикопал... Тут же у каждого второго огнестрел в сарае захован. А бомжи – те напьются к ночи, давай в воздух палить.

«Живут же люди... – подумала Соня со странной смесью страха и уважения. – Серёже бы тут понравилось».

– Дороги как отремонтировали после танков! А то яма на яме была. Хотя Самару возьми – там теперь дороги хуже, чем здесь. – Водитель довольно хмыкнул. – Вот налево, смотри, ночной клуб «Шоколад», рядом бильярд и боулинг. Популярные места. И под обстрелами работали. Я туда заезжал обедать. Правда, тут обстрелов и не было почти.

Мелькнул указатель на Макеевку. Соня знала, что этот населённый пункт регулярно обстреливают, и хотя сейчас царила тишина, дух у девушки всё равно перехватило.

- А сейчас блокпостов не осталось?

– Сняли почти год назад. Р-раз – и ни одного. Да и зачем они нужны? Ни досмотра толком не было, ни проверки документов. Только движение задерживали.

Водитель высадил Соню возле нужного дома. Деньги за поездку она отдала сразу после границы. Пыталась отдать ещё в Москве, но водитель не взял.

– Потом! – махнул он рукой. – И на таможне... если шо, то родственница, понятно?

Вероятно, мужчина рисковал, подрабатывая частным извозом, но на таможне не заинтересовались характером отношений россиянки Сони с украинцем-водителем, и они расстались добрыми приятелями.

В донецкой квартире, где Соня нашла приют, уже поменяли кухонное окно, выходившее на опасную при артобстреле сторону, но мелко потрескавшиеся балконные стёкла ещё были заклеены листами полиэтилена. Жёлтый ларёк под окнами сильно пострадал от обстрелов, но так и стоял – закрытый, дырявый. Дом напротив ремонтировался. Дворец молодёжи «Юность» тоже остался без стёкол и был затянута парусиной, но люди там не прекращали работать даже в страшном четырнадцатом году.

Дребезжал трамвай, а больше ничего не было слышно в это раннее утро октября шестнадцатого года.

– Ночью Луганск обстреливали, а у нас тихо пока, – сказала Марина. – Пошли на кухню. Будем пить кофе и знакомиться.

Марина была писателем. Она родилась на Донбассе, но жила в Сибири и являлась счастливой обладательницей российского гражданства. Она не была Сониной подписчицей, их свели общие друзья, и гостеприимная Марина, изучив блог девушки, согласилась приютить её на время экспедиции.

– Так что ты хочешь тут увидеть? Живём потихоньку. Там вдали гхупают, здесь уже почти не слышно. Аэропорт держат наши, боёв там практически нет, ну, таких боёв, как при Мотороле были. Может, и наладится жизнь.

– Хоть бы! – воскликнула Соня, а Марина посмотрела на неё с недоверием.

Девушка была модной и легкомысленной.

«Пороху не нюхала, – думала Марина. – И чего её сюда понесло?» А вслух спросила:

– Кофе с молоком?

– И с сахаром, – попросила Соня. – Вы не подумайте, что я дурочка какая-нибудь, я досаждать не буду. Мне просто надо узнать, что такое война.

Марина хмыкнула.

Первый день

В десять утра Марина отправилась в макеевскую школу развлекать второклашек детскими стихами и сказками.

– Ты со мной или отоспишься?

Соня мотнула головой:

– На том свете отосплюсь. Я с тобой.

Куда-то исчезла шапка, и Марина выдала Соню свою, сползавшую на затылок. Уши у девушки оголялись и мёрзли, приходилось постоянно поправлять, чтобы не выглядеть гопницей.

Полноценный трамвайный путь только недавно восстановили, прежде рельсы были разбомблены, и трёхрублёвый трамвай ходил по укороченному маршруту. Девушки ехали мимо громоздкого Дома культуры «Юность», что под ветром хлопал парусиной, обнажая тёмные провалы второго этажа, а над входом красовался призыв-растяжка: «Мы работаем!» со смайликом. Мимо оскаленного ряда разбитых тёмных ларьков с надписью: «Продам дёшево». Мимо светлых фасадов с тёмными зазубринами обстрелов. Мимо целёхонькой шайбы «Донбасс-арены» с

красивыми лицами футболистов на бесконечном фасаде.

Потом прошли через рынок и сели на маршрутку. Но уже за пятнадцать российских рублей с носа.

– Да, у нас российская валюта, – сказала Марина.

– А вот тот дом – это тоже обстрел?

Соня показала на закопчённое здание.

– Нет, оно горело ещё до войны.

Сидящая рядом женщина возмутилась:

– Как это – до войны?! Уже всё началось!

– Это в Славянске началось, а у нас тихо было. Здание то ли подожгли, то ли взорвали.

– Правильно – Славянск? – удивилась Соня.

– Да, а ещё Снежное. По такому ударению легко узнать местных... А вот там сгорела семья в машине, теперь на этом месте крест. А вот туда прилетел снаряд, вход и окна в здание заложили кирпичами. А на берегу реки, в этом лесном массиве, много площадок для отдыха. А это ТЮЗ, он работал во время войны, вообще все театры работали, актёры прямо в них жили, потому что домой далеко, к тому же под обстрелом, вот и бежали за кулисами с кастрюльками. Зрительные залы были битком набиты. Снаружи дикие обстрелы, всё сотрясается, а зрители внутри сидят и смотрят конкурс творчества детей из Иловая, Горловки... А на спектакль билеты добывать надо было, просто так не купишь. И специальные автобусы подходили, чтобы после представления людей развезти по дальним районам. Нет, конкретно этот микрорайон не обстреливался, но, вообще, сюда прилетало.

Марина рассказывала быстро и подробно, а Соня любовалась городом. Он был красив и добродушен, как молодой интеллигентный великан. А ещё он был несчастен, и какое женское сердце не пожалело бы его?

Холод был на улице, холод был в школе. Указатели «Убежище» висели на всех лестницах и коридорах.

– Покажем? – спросила Марина у библиотекарки.

– А что же нет? – согласилась та.

Они спустились в подвал со множеством раскладушек, запасом питьевой воды в бочке и технической – в запаянной вагонетке. Темно, неудобно, но сухо и безопасно.

– А туалет?

– А наверху, прямо возле входа! – безмятежно ответил завхоз.

– Мы же сюда ненадолго спускаемся, – подтвердила библиотекарша, – обстрелы быстро кончаются, да и нет их сейчас. Это в прошлом го-

ду по три раза за день – малышей хватить и бежишь вниз. Недавно учения проводили, отрепетировали всё до мелочей. Пойдёмте, уже пора.

Марину пригласили в качестве почётного гостя на посвящение второклашек в читатели библиотеки. Нарядные дети с блестящими глазами читали детские стихи без вселенского надрыва и нарочитой выразительности. Соня смотрела на малышей и думала, что совсем не место им под землёй. Им надо играть на улице в догоняшки и прыгать в классики, не думая о том, что под школой есть подвал с раскладушками и питьевой водой.

– Играют, конечно, – пожала плечами Марина. – Просто, если обстрел, бегут в укрытие, а так... Вот мы же с тобой идём по улице – не боимся.

«Ну, как сказать!» – подумала Соня, оглядываясь.

Они шли к остановке по той самой Макеевке, которая так часто мелькала в новостях – не официальных новостях «Первого канала», а в сообщениях местных корреспондентов, на которых Соня была подписана в соцсетях вот уже два года. Макеевка была тем местом, куда постоянно «прилетало». Но сейчас они шли по улице и ничего не прилетало.

– Просто странно. Война вроде, а так тихо.

– Погоди, ещё услышишь. Не хочу пугать, но вроде бы снова начинается. На окраинах бахает так, как уже отвыкли.

К середине дня растеплилось, и, оказавшись снова на улице, Соня не надела шапку. Всё равно бы сползла.

Причастие

– Учти, – сказала Марина, – стоять придётся почти на улице, а там взлётка, ветра страшные!

Соня угукала в ответ.

– Это почти аэропорт. Не страшно?

Соня легкомысленно мотала головой. В её сознании не укладывалось, что снаряды, нацеленные на аэропорт, падали далеко от него: на женский монастырь, на частные дома. Ей, мирному человеку, было трудно поверить в то, что люди способны убивать других людей – не в книгах или кино, а здесь, рядом. И не потому, что плохи люди, а потому, что не повезло им вместе родиться на этой плодородной земле и делить её друг с другом.

– Одевайся теплее!

Они ехали на праздничную службу в Иверский монастырь. Ради этого события воюющие стороны объявили перемирие до 15.00.

Встали в рань раннюю и, не завтракая, стали вызывать такси. Честно предупредили диспетчера, что ехать надо к аэропорту. Почти на передовую. Первый таксист позвонил и долго дopyтывался, зачем надо туда ехать.

– Вы, часом, не журналисты?

– Ну, пусть журналисты! – утомлённо ответила Марина.

Таксист долго мялся, потом сказал, что перезвонит, и пропал. На новый звонок диспетчер сообщил: пришлют другого, а этот отказался, несмотря на уговоры, что сейчас в районе аэропорта тихо.

Второй оказался рубахой-парнем: таксовал даже во время войны во всех районах.

– Я на животных смотрю. Только замечались – значит, пора делать ноги. Однажды так попал возле шиномонтажки: колесо спустило. А там ни работников, ни хозяев. И обстрел! Кое-как выбрался. И вроде страха нет, а руки трясутся. Вот мост был совсем разрушен – отстроили, залатали. Видишь, какой бордюр? Он новый, недавно установили.

Бордюр обкусан и покрошен, как печенье. Асфальт в круглых заплатках. Частный сектор за мостом похож на громадную свалку: старые и новые дома одинаково разбиты; дырявые заваленные заборы, перекошенные кровли; обгоревшее железо и деревья лежат вповалку и вперемешку. Люди только-только сюда возвращаются. Стая бродячих собак у обочины. Бегут к машине с умильными мордами. Кошек давно нет.

– Собаки их поели. А кто кормить будет? Правда, я привозил сюда женщину, она им большую кастрюлю варева скармливала. Хозяева собак побросали, самим бы спастись. Тут такое было, что ты! Гляди, дорогу расчистили! А то деревья поперёк лежали.

На повороте к монастырю таксист выключает навигатор. По навигатору с той стороны фронта может прилететь мина.

В широком жёлтом поле застыли позвоночники и рёбра зданий. Рядом с дорогой из высокой травы выглядывает крест, потом памятник из гранита, и вдруг Соня понимает, что это не поле, это кладбище – разбитое и разбомблённое.

– Тут заминировано, – предупреждает Марина, – и растяжки стоят. Ходим только по дороге! Соня кивает.

Здания вдали – это монастырь.

Церковь иссечена осколками, деревянная трапезная сгорела, келейный корпус изуродован.

ван. Какие-то подсобные помещения разрушены бомбёжкой, и возле них застыла клумбочка с розами.

Сестры расселены по разным частям города, но каждый день приезжают в разорённую обитель и потихоньку её восстанавливают. Возле теплушки с дровяным отоплением кладка собранных кирпичей. На сохранившемся куске забора надпись: «Стыдно воровать в разрушенном женском монастыре!!!»

Небольшой храм Иверской иконы Божией Матери до отказа забит бабульками. Детей двое или трое, один младенец покрикивает на руках у матери. Мужчин примерно столько же, один даже не снял шапку, а Соня, кажется, впервые в жизни рада, что родилась девочкой и может не обнажать голову: в воздухе царит утренняя минусовая температура, и ветер, летящий сквозь пробоины в полуметровых стенах храма, заставляет прихожан теснее жаться друг к другу.

Праздничную службу вёл архиепископ Макевский Варнава, он благословил Соню, проходя мимо. За ним следовала тонкая монахиня с юным лицом и золотым настоятельским крестом на груди.

– Это что – игуменья? – удивилась Соня.

Марина кивнула.

Под железным скелетом купола положили новые доски, и служба идёт не совсем под открытым небом. Полностью обнажён алтарь, Царские врата вынесло взрывами, кое-где на обглоданных колоннах сохранился красивый бесцветный орнамент. Фрески под потолком были написаны то ли на ткани, то ли на ином покрытии стен, и сейчас оторванная с верхнего угла ткань упала к своему подолу и скрыла рисунок от посторонних глаз, и ангел рядом тянется помочь, но не умеет, и никакой муки бессилия нет на его лице. Всё в руках Божьих. Чуть ниже к листу ДСП прикручена расстрелянная икона Иверской.

Все эти детали Соня замечает сквозь пар, который поднимается над головами прихожан и тут же сносится вбок воющим ветром.

Когда клирос запекает «Иже херувиме», на Соню сквозь пробоину в стене падает солнечный луч. Она подставляет ему обледеневший нос и тут же начинает хлюпать. Хлюпают все вокруг. Холодно, очень холодно. Поминутно открывается входная железная дверь и ветер врывается в толпу, скользит между пуховиками и пальто, остужает ноги.

Соня не готовилась, но батюшка разрешил причаститься, и она понимает, что не уйдёт из этого истерзанного храма, даже если завоюет не

ветер, а железо. И никто не уйдёт, и служба не прекратится.

Причащают из двух чаш, а теплоту дают горячей, и Соня берёт её дважды, чтобы согреться. Оказывается, расстрелянная икона прежде хранилась в библиотеке, а под обстрел попала при переезде. После этого её определили на постой в разрушенный, но живущий храм.

Вместо крестного хода Соня и Марина идут на кладбище с местным поэтом Павлом Ивановичем. Знакомиться с его родственниками. Накануне он читал Соне свои военные стихи, и она сказала, что в них много злобы.

– Пойдёмте, я покажу, что они сделали с надгробиями, – поймёшь, откуда злоба!

С дорожки он сходит в траву и на испуганный окрик Марины отвечает, что всё тут излазал, конкретно на этой стёжке мин нет.

– Они в мае прямо на дороге лежали – не пройти. А сейчас-то что...

Сослепу Соня запуталась в проволоке-ограждении, и впервые на неё страхом накатило осознание: хорошо, что не растяжка.

Гранитные надгробия разбиты на куски и собраны в кучу, некоторые покойники глядят половиной лица, от других ничего не осталось над землёй.

– Видишь вышку?

Вдали торчит нечто покорёженное и страшное.

– Это аэропорт, диспетчерская вышка. Там снайпер сидел, он и по кладбищу тоже стрелял, по похоронным процессиям.

Соня не спрашивает зачем. Этот вопрос не имеет здесь ответа.

Кусок брусчатки качается под ногой, Соня делает несколько шагов в сторону и получает вопль в спину: «Вернись!»

– Не надо куда-то отходить, – быстро говорит Марина. – Тут, бывало, и под брусчатку мины закладывали, подрывались люди.

Соня осторожно обходит качающийся кусок. Она слышит новый непривычный звук. Вдали то ли падают бетонные плиты, то ли сваи вколачивают в землю по горло.

Марина выразительно смотрит на Соню:

– Слышишь? Началось.

– У них перемирие до трёх. Обещали не стрелять по монастырю, – уточняет Павел Иванович.

В последний раз служба здесь велась в мае, и тоже договаривались о перемирии на полдня. Тогда договорённость была соблюдена и никто не пострадал.

Уже половина первого. Из неба жарит такое яркое солнце, что даже ветер не мешает согреться. Возле храма прихожанам раздают ватрушки.

Соня берёт одну и сообщает:

– Вкусно!

С крыльца спускается архиепископ, и девушка снова попадает под благословение.

Павел Иванович приехал с братом на машине. Когда-то он жил в этом районе, а теперь кочует по больницам, то по родным и знакомым. От его дома остались руины.

– Поедем посмотрим хоть издали, – просит он, и брат соглашается проехать рядом с домом, хоть это и опасно.

Но все уповают на перемирие, украинцы обещали не стрелять. Здесь трудно найти дом без осколочных ранений и повсеместно – обвалившиеся кровли, дыры в стенах. Новенькие, выстроенные в домайданном году дома похожи на истерзанных детей. Они не должны быть такими, это не их война.

– Тут воинская часть была. По казармам целили, а попадали по мирным гражданам. Мазили! – В голосе Павла Ивановича слышится ненависть.

Только стены остались от казарм.

Брат Павла Ивановича подбросил девушек до вокзала. Соня снимала виды на телефон и отмечала детали, о которых надо упомянуть в публикации. Зеркальный фасад частично разбит, пластиковые навесы над перроном почти уничтожены. Выбиты стёкла в стареньких вагонах и тепловозах – экспонатах железнодорожного музея. Но стекла под ногами нет, потому что дворники работают несмотря ни на что.

Домой девушки возвращаются трамваем: он медленно тянется сквозь частный сектор, сквозь пустые склады-ангары с широкими дырами в крышах и заклеенными крест-накрест окнами, сквозь овраги с поваленными деревьями.

– Тут фазаны на дорогу выскакивают, – говорит Марина. – Однажды вышел из кустов и встал перед трамваем как ни в чём не бывало. Руки в боки. Водитель ему гудел-гудел, еле согнал.

– А окна заклеены как в кино про Великую Отечественную.

– Все заклеивали. Скотчем простым или бумажным. Тут же главное, чтобы осколки не полетели, от них больше всего ранений у людей. Взрывом выбивало и стекло, и пластик. А если окна в квартире с обеих сторон? Встанешь в углу между стен, сумку к груди прижмёшь и ждёшь, пока не кончится. Представляешь?

Нет, Соня не представляла.

Через два часа позвонил Павел Иванович и сообщил, что перемирие закончилось. Опять стреляют.

Как всё началось

Если бы Соня рассказала Марине или её друзьям, из-за чего на самом деле она приехала на воюющую донбасскую землю, её бы обсмеяли. Блогер Соня, как и все блогеры, понимала, что век интернет-знаменитости недолог, а потому втайне мечтала стать великим писателем. Конечно же, признаться в этом широкой публике она не могла. Писать она предпочитала не о любовных страстях или, на худой конец, разоблачении преступников, а о Великой Отечественной войне, к которой испытывала восторженные чувства. Прадеды её сложили головы на разных фронтах, а сама она столько прочла военной литературы, что порой казалась себе перерождением Зои Космодемьянской или Зины Портновой. О них и писала. Лучшие работы она никому не показывала, а рассылала по всевозможным конкурсам под псевдонимом Ульяна Чайкина, но ни разу не удостоилась ни длинного списка, ни короткого, что уж говорить о звании лауреата. Было досадно, но Соня не отчаивалась. В конце концов, не все великие добивались признания при жизни, а у неё впереди оставалось ещё много лет.

Одним из своих произведений она очень гордилась и, когда начала встречаться с Сергеем, как великую тайну, доверила ему прочитать исторический рассказ.

– Имей в виду, он основан на реальных событиях! – сообщила Соня. – Вот так всё и было, как я пишу. Я сайт один нашла, там куча документов.

– Почём тебе знать, как всё было? – Сергей пожал плечами. – «Восемнадцатое января тысяча девятьсот сорок второго года»! Многообещающее название!

Соня тут же пожалела о том, что доверилась этому цинику и попыталась отобрать у него ноутбук.

– Не-не-не, иди погуляй! – велел Сергей и углубился в чтение.

Соня несколько секунд внимательно следила за тем, чтобы ни тени улыбки не мелькнуло на его лице. Потом отправилась в магазин. Она собиралась накормить Сергея вкусным ужином, а дома оставались только макароны.

Сергей проводил её взглядом и прильнул к экрану.

Восемнадцатое января 1942 года

Придорожная изба в деревне Шаликово, чудом уцелевшая при отходе немцев, была переполнена людьми. Здесь отогревались солдаты отведённых на отдых частей и шофёры, подвозившие боеприпасы на передовую – к Можайску, за который со вчерашнего дня бились наши войска. Здесь находили ночлег погорельцы из сожжённых врагом деревень, шагавшие на восток, и те, кто, спасаясь от немца, ещё осенью покинул родные места, а ныне шёл по пятам наступающей Красной армии на запад.

«...Прокопчённая пятистенка, эта изба была средоточием тепла среди безжалостной, леденящей душу стужи на старой смоленской дороге, она была безмолвным свидетелем грозных событий. Мимо неё октябрьским холодным утром прошло последнее охранение отступавших советских частей. Она видела, как катили на восток тёмно-зелёные грузовики, ползли танки со свастикой на броне. И когда чужая сила двинулась обратно, и когда пошли в атаку наши бойцы – всё запомнили старые обмороженные брёвна.

Шёл второй месяц крупного наступления советских войск, и то, что раньше доносилось из-за линии фронта непроверенными слухами, предстало страшной явью. На смоленской дороге, на месте бывших подмосковных деревень кладбищенскими памятниками стояли занесённые снегом печные трубы. Прокопчённые, почерневшие, они словно требовали от бойцов: отомстите.

«Отомстите!» – кричали тела казнённых партизан и подпольщиков, расстрелянных евреев и коммунистов, солдат, умерших от голода и ран в плену, и солдат, что навечно легли в лесах и полях под снегом и вьюгой.

И этот тысячекратный крик, не замолкавший ни днём ни ночью, становился голосом всей страдающей земли, и воля её уже не звучала так оглушительно, как в первые дни, а суровой и надёжной уверенностью поселялась в груди тех, кто с боями шёл на запад...»

Слова по привычке складывались во фразы, а те, в свою очередь, в материал для газеты. «Не надо про пленных, – в полудрёме думал военкор, – и про евреев не надо».

Военный корреспондент газеты «Правда» Пётр Лидов не спал четвёртые сутки. Весёлый задор из-за быстрого контрнаступления сменился озлобленностью. Отступая, немцы сжигали

деревни, и впереди по всему заснеженному горизонту лезли вверх дымы пожаров, как будто сшивались земля и небо чёрной суровой ниткой. Редко где успевали выбить врага, прежде чем начинали пылать избы. Немцы выпиливали амбразуры прямо в стенах и отстреливались из пулемётов, пока команды «факельщиков» бегали и жгли дома. Вот и сейчас вдали горел Можайск. Говорят, взорвали собор, где был лагерь для пленных красноармейцев.

Сквозь дрёму слышались голоса шофёров, словно на военном совете обсуждавших дальнейшие планы наступления. Потом и они утихли. Но через секунду сна загремела, заскрежетала тяжёлая дверь, по полу, выметая тепло, пронёсся студёный воздух, и в избу вошёл старик. Шофёры потеснились на полу, кто-то уступил деду охапку соломы. Но старик никак не мог уговориться. Он кряхтел, ворочался и всё время по стариковской привычке что-то бормотал себе под нос. Не по себе было и Лидову: слишком устал за эти четверо бессонных суток. Он то окунался в сонный кисель, то выныривал на поверхность, и такой сон больше отбирал сил, чем давал.

Донёсся шёпот:

– Не спится, отец?

Старик пробурчал что-то и затих. Лидов успел снова задремать, но вдруг услышал, что тишины нет, а старик, не думая о том, слушают ли его, рассказывает свою жизнь.

– Впятером уходили, значит: жена, дочка с внуками, я, горемычный. Немец-то на Москву лёт, а нам под ним никак нельзя: зять и сыновья в армии, коммунисты. Немцы за такое семьям – слышь?... А в дороге под бомбёжку попали... Низко он летел, на бреющем полёте это называется. У меня зять – лётчик, потому и знаю. Жив он, нет? И куда сообщить? Один я остался... Внуки только ходить начали в августе, двойняхи. Дочка красавица была, а что с ней бомба сделала... Могли бы и не уходить из дома – что так, что эдак смерть. Чего зря землю топтать? В деревне бы соседи по-людски схоронили.

Старику хотелось выговориться, и Лидов простился со сном. В тягучем мареве усталости он против своей воли ловил слова и складывал из них сюжет для нового материала. В «Правде» уже поняли, что гитлеровцы натворили дел на русской земле, и ободряющий тон повседневного героизма сменился пафосом самопожертвования. В декабре газета напечатала очерк «Восемь повешенных» – про волоколамских партизан, которые «с ненавистью плевали» и «гневно восклицали», а потом приняли смерть со слова-

ми о Родине на устах. Лидову не понравился этот очерк. Немцы описывались кровожадными дуболомами, а партизаны казались едва ли не умалишёнными фанатиками, которым то и дело пытались заткнуть рот. Веры автору, конечно, не было. Лидов не сомневался в том, что враг жесток и опасен, но он не страстный садист, каким его принято рисовать. Все злодеяния он вершит с расчётом на то, что сумеет запугать людей и деморализовать тех, кто поддерживает советскую власть на оккупированной земле. А значит, отвечать ему надо с тем же холодным расчётом: не домосливая, не дорисовывая, избегая пафоса и велеречивости; надо давать читателю факт, но такой факт, который поведёт в бой. Факт самодостаточный и яркий, как красное знамя.

Ненависть возникает от наглядности, и, наблюдай читатели газет воочию то, что довелось за полгода увидеть военкорам, они ни на секунду не усомнились бы в том, что на русскую землю пришло зло, умное и жестокое. К несчастью, большинство военных корреспондентов не понимали, что, набивая текст эпитетами, они творят карикатуру. Причём не на немцев.

– Не понимаю, о чём ты, – пожал плечами автор «Восьми повешенных», – там того факта – раз и обчёлся. Отбили город, видят: висят тела на главной площади, среди них две девушки. Кто они, откуда – никто не знает. Хоть сам выдумывай.

– А ты и выдумал? – прищурился Лидов.

Собеседник поморщился:

– Не лови на слове. Если хочешь знать, факт там такой, что сам закачаешься, только не напечатает ни в жизнь.

– Ну? – удивился Лидов.

– Гну! Бойцы в город вошли. Видят: висят. Сняли, рядом с виселицей положили. К приезду прессы вовсе уже хоронить собирались, митинг организовали. А тут кинооператор подъехал – нет, говорит, не годится картинка, мне её на весь мир показывать. Вешайте назад.

– Да ты что! – присвистнул Лидов. (Он, как и все, видел кинохронику: грузовики с бойцами на улицах маленького городка, сожжённые здания, восемь заснеженных тел качаются на общей перекладине.) – И не побили?

– Так ведь прав он. За что бить? Весь мир увидит. Это мы с тобой можем присочинить ради эффекта, а камера не соврёт. Нет, кто-то заверещал, мол, вражья морда, но генерал быстро урезонил. У Говорова не побуянишь.

– А признайся, – не отставал Лидов, – в очерке насочинял? У меня на такое нюх.

Собеседник развёл руками, мол, думай как хочешь.

– Ты, Пётр Александрович, пойми, – вторил ему главред Пospelов, – сейчас главное, чтобы всё – политически верно. О стилистике после войны думать будем. Люди читают? Читают. Впечатляются? Впечатляются.

– Так ведь краской они впечатляются, а не картиной, – пробовал возражать Лидов. – А картина из-за этих красок смешной выходит. Нельзя так.

– Вот сам бери и правь каждого, раз такой эстет! – Пospelов начал раздражаться. – А меня уволь, и без того дел – во! – Ребром ладони он энергично ткнул себя в шею. – Хочешь, чтобы все были талантами? А с кем работать тогда? Всё, Петя, всё! Ищи свою тему – пиши как бог на душу. А сейчас не мути воду, не до тебя.

И военкор Лидов рыскал по передовой, как и сотни других журналистов, расспрашивал и выслушивал, боялся проглядеть или опоздать. И потому, невзирая на смертельную усталость, он не мог позволить себе проспать рассказ случайного соседа, так много повидавшего на своём пути.

Теперь шёл старик вслед за Красной армией, возвращался домой. Вчера он слышал, что наши бьются за Можайск, а ведь от него до дома рукой подать.

– Ежели уцелел... – вздохнул он. – А то ж бомбы сыплются, а куда – не глядят, глаз у них нет.

Одетый в драную шинель, снятую с убитого немца, обутый в лапти, которые он называл «баретки тридцать четыре клетки», шёл старик по разорённому Подмосквовью в родное село. Он смотрел на развалины и пепелища и запоминал увиденное. Он вёл счёт повешенным и замученным фашистами людям, он хранил в памяти каждое спалённое село. Не торопясь, подробно рассказывал о том, что увидел. Только иногда отворачивал лицо от света и смотрел в тёмный угол избы.

Где-то торопливо, будто боясь опоздать, били орудия. Дрожала изба от грохота проходивших по дороге танков.

– А деревня такая есть – Петрищцево, там девчонку казнили. Говорят, молоденькая совсем, а грозила немцам. Её вешают, а она речь говорит! Уходите, сдавайтесь, не место вам на нашей земле... Все погибнете, а за меня отомстят.

– За что вешали? – донеслось из угла.

– За шею, – печально пошутил кто-то.

Оказалось, не только Лидов бодрствует. Проснулись шофёры, откуда-то из-за печки из своего закутка, отгороженного от горницы ситцевым

пологом, вышла хозяйка. Никто уже не спал в избе: все слушали рассказ старика.

– Вроде как за партизанство, точно не скажу. А до того столько мук она приняла, столько... А грозила, не сдалась. Местные рассказывали: всю ночь пытали девчонку, места живого не оставили. Ведь даже имени своего не сказала. А только наутро, как взялись её вешать, она речь говорит... Слышь-ка, ведь вешают – и речь говорит!

– Неужто всё это правда? – Хозяйка покачала головой. – Неужто бывают такие?

Лидов почувствовал, как по шее побежал холодок. Предчувствие небывалой удачи бодрило, и предстояло действовать оперативно, пока не взят Можайск, потом будет не до того... Военкор начал наматывать непросохшие портянки.

– В Петрищеве, говоришь? Точно?

Старик задумался.

– Кажись, точно. Только эта деревня и уцелела, немцы не успели спалить. Все жители с окрест там и ночуют. А ты чего вскочил?

– Не до сна.

Только сейчас, собираясь в дорогу, он почувствовал, как устал. А до незнакомой деревни, говорят, двадцать с лишним километров, и нет попутных машин, все едут на передовую.

Он открыл дверь из избы на улицу, в темноту – и отшатнулся.

Ветер, как собака, толкнулся в колени. Горбатые волны вьюжного снега шли от самой двери, трясая белыми гривами, перебежали дорогу. Лидов даже закрыл глаза рукой – так вдруг с тепла у него закружилась уставшая от бессонницы голова, поплыли перед глазами сугробы.

Но интуиция военного корреспондента гнала прочь из дома, и не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться ей.

* * *

По сторонам разбитой дороги едва чернели запорошённые воронки, лежали убитые лошади, какие-то нетронутые, какие-то изрубленные. При наступлении провиант не успевали подвозить, и конина шла на харчи. Местные крестьяне пилили уже промёрзшие туши, как дрова.

Это мешало двигаться по обочине, а дорога была занята войсками, которые шли и шли на фронт. Осторожно, словно ощупывая синими лучами фар снежный путь, ползли по разбитой колее грузовики. Почти невидимая в белых маскировочных халатах, молча шагала по обочине пехота. Только иногда в темноте холодно блистал ствол автомата.

Небо серело, и становилось видно, как преобразует природа вчерашние места боёв. Чем дальше от передовой, тем более мирной казалась картина: дорога не так размолота, снег успел запорошить обочины, скрыл от глаз чужие трупы. На шоссе в нескольких местах образовались пробки: в рыхлом снегу застряли машины и повозки.

Одна из застрявших машин оказалась знакомой.

– Эй, Петро! – донеслось до Лидова. – А ну, походи!

Редакционная «эмочка» засела колесом в колдобине. Сейчас водитель изо всех сил вывернул руль вправо, а фотокор «Правды» Миша Калашников и «комсомолец» Сергей Любимов выталкивали машину из западни. Та отчаянно буксовала.

– Пу-уш-кино взяли, – сообщил Калашников присоединившемуся Лидову. – От редакции задание: побывать и-и-и написать.

«Эмка» взвизгнула на пределе сил и наконец перевалила через замороженное снежное ребро. Взмокшие военкоры забрались в кабину и немедленно закурили. Водитель тронул машину с места.

– Хорошо, что встретились, – продолжил Калашников. – Сделаем репортаж. Я нащёлкаю, а ты текстовку дашь, строк сто. Годится?

Это, несомненно, годилось. Запахло настоящей, живой работой, которая нужна газете, а значит, и фронту. Петрищеву не убежит, туда можно заехать и позже. Устав от ходьбы, Лидов уже раскаивался в поспешности и потихоньку отпущал от себя замысел грандиозного очерка. Начинало казаться, что недосып сыграл с ним злую шутку, и не надо искать сомнительную сенсацию, а надо делать повседневную привычную работу, ради которой и идут вперёд наши войска, ради которой он, военный корреспондент Пётр Лидов, шагает за ними вслед. Неизвестно, что произошло в маленькой деревне на самом деле, а освобождённое Пушкино – это данность, это насущный хлеб.

– Поехали, – согласился он.

Деревня Пушкино была сожжена почти дотла. Уцелела только закрытая ещё до войны церковь да три избы, расположенные на отшибе; в них набились уставшие красноармейцы и обездоленные жители.

– Что творят, паскуды.

Корреспонденты помнили Пушкино по довоенным годам. Это была большая зажиточная деревня, семьдесят три избы.

Калашников снимал, Лидов с Любимовым торопливо строчили в блокноты.

Люди начали выглядывать из домов, по одному, по двое стали подходить к военкорам.

– Вы писать про нас будете?

Женщина в шерстяном платке глядела с подозрением. Из-под платка выбивались рано поседевшие волосы.

– Документы есть?

Лидов достал удостоверение, и женщина с пристрастием его изучила.

– Скоро продлевать, – заметила она.

– Скоро, – согласился Лидов.

– А моя фамилия – Молодцова. – Она вернула документ. – Только чего про нас писать? Немцы как везде лютовали. Дома пожгли. Мужиков кого угнали, кого постреляли, в овраг скинули, не дали хоронить. Партизаны к нам заходили, но не оставались, шли дальше. Дорогу узнавали, картошки просили отсыпать. Мы чем могли, конечно, помогали. Мой дом с краю деревни стоял, вон труба видна. Ещё до снега две девушки заходили погреться. Говорили, что из-под Смоленска идут, окопы рыли, да по всему видать – партизанки. Всё спрашивали, много ли у нас немцев, какие части, где стоят. И так незастенчиво, будто я не пойму, для чего им. Может, кого из них и поймали, больно неосторожные были. А где-то неподалёку партизанку казнили с месяц назад – совсем молоденькую! Ни слова на допросах не сказала, а перед самой казнью, уже на ящиках стояла, всё говорила и говорила. И немцам сказала, чтобы сдавались в плен, и нашим людям крикнула, чтобы били фашистов. Вот какая девушка!

Лидов подобрался как перед прыжком:

– Вы что же, сами видели? Где это было?

Женщина помотала головой:

– Где было... Петрищево, что ли... Бабы-мешочницы ходили по деревням, вещи на еду выменивали – вот они и рассказывали про виселицу в центре села. Так-то много где вешали, и мужиков, и девок, и детей. Никого не щадили, ироды. И нас не пощадили. А как теперь жить? Ни еды, ни вещей. Все кругом погорельцы. Немчура проклятая!

Чем дольше она говорила, тем сильнее становилась в ней боль и обида и тем отчётливее дрожал голос. Подошли другие люди. Они согласен кивали и, стоило женщине умолкнуть, загомонили разом.

– Мужиков нет – кто строить будет?

– Дети да бабы остались!

– Кто помогнёт?

– Что мы, двужильные?

– Вы уж напишите, напишите!

– Цыц! – прикрикнул высокий старик. – Раскудахтались. Сдурели совсем, никак самые бедные. Мужиков своих постыдитесь! Вам под пули не идти, вы-то хоть живые. А раз живые, то и в землянках до крапивы дотянете, а там, глядишь, к лету и война кончится. Так ли, товарищ корреспондент?

Лидов виновато улыбнулся:

– К лету не кончится. Силы у немца много. Но ведь сами понимаете: врага надо уничтожить. А до тех пор вы уж постарайтесь сдюжить. Вернутся мужики, всё отстроим заново – не узнаете землю.

Вскоре у Калашникова кончилась плёнка. Материал для текстовки был собран.

– Что, на базу? – Любимов хлопнул соратника по плечу.

– Слушай, Серёжа... Надо бы съездить в одну деревню, раз машина есть. Я ведь туда и шёл. Уже двое рассказали... Может, байка, не поручусь.

Любимов выслушал и согласился ехать. Отказался Калашников:

– Солнце уходит, скоро темнеть начнёт. И в редакции ждут материал. Ты уж мне текстовку сооруди, как обещал, а дальше... Я в Москву, а вас могу на базу забросить.

Так Лидов снова оказался в придорожной избе в деревне Шаликово.

В этот день была прервана связь между гарнизонами немцев в Можайске и Верее. Войска генерала Ефимова окружили Верею с трёх сторон, и участь её должна была решиться в ближайшие дни. Успех этой операции обеспечивал безопасность тылам генерала Говорова. Бои за Можайск продолжались.

* * *

Ранним утром 19 января 1942 года Лидов и Любимов выехали в Петрищево. Добирались где на попутках, а где пешком. Снова, покачиваясь, плыла безрадостная фронтовая дорога. Сожжена деревня Грибцово, разорено Дорохово.

– Что будешь делать после войны? – спросил Лидов.

Он хотел знать, как же будет отстраиваться заново эта разорённая земля, как будут подниматься из пепла города и деревни, сколько душевных сил и тяжёлой работы потребуется от людей, чтобы минные поля снова превратить в картофельные и пшеничные. Но ответа на этот вопрос попросту не существовало, и надо было о чём-то говорить, чтобы не заснуть, потому он спросил:

– Что будешь делать после войны?
 – Отсыпаться.
 – А серьёзно?
 – Доживи сначала, – пожал плечами Любимов.

Шофёр притормозил у съезда с шоссе. По неширокой дороге редко ходили машины, и сейчас она утонула в снегу, но рядом с ней проторили тропку беженцы и погорельцы. Стоял унылый, но зато бесснежный и безветренный день, идти было нетрудно. Через несколько километров пришлось сойти на другую дорогу, а затем военкоры уткнулись в городьбу, над которой до сих пор высился немецкий указатель: «Petrischewo».

Это была одна из немногих уцелевших деревень. После разорений и пожаров было странно видеть соломенные крыши, и крепкие стены, и такой мирный дымок над печными трубами. Виселицы не было.

Внутри росло недоверие. Мало ли таких народных легенд: про богатырей, про святых. Народу необходима вера в то, что в самые чёрные времена найдётся человек, готовый пострадать за правое дело. За то, чтобы жить стало лучше, чтобы жить стало веселее. Лидов усмехнулся. В голове сам собой складывался рассказ о девушке, которой в действительности не существовало, но которая обязательно должна была совершить свой подвиг во имя народа. Здесь ли, в Подмоскowie, на украинской или белорусской земле. Это был рассказ-призыв, рассказ-требование. Он обращался к бойцам Красной армии и к молодёжи, оставшейся в тылу врага, он повторял и дополнял слова Сталина: «Братья и сёстры, друзья мои! Пусть не было такой девушки, но народная молва возвела её в величайшие героини. Будьте же достойны народа, у которого такие герои!»

Военкоры без стука зашли в ближайшую избу.

Дом оказался переполнен людьми: здесь были и местные жители, и женщины с детьми из соседних сожжённых деревень, и красноармейцы каких-то тыловых частей.

– Конечно, девушка нам хорошо известна, – сказала хозяйка. – Это Маруся Гавшина – секретарь Вереяского райкома комсомола. Она до войны часто бывала у нас, делала доклады, проводила подписку на заём. Месяца полтора назад её повесили. Я стояла на площади, всё видела. Немцы уже перед тем, как уходить, спилили виселицу, а Марусю на опушке закопали.

– Она действительно призывала немцев сдаваться? – спросил Любимов.

Хозяйка закивала, Любимов с сомнением глядел на неё.

– С петлёй на шее призывала сдаваться в плен?

– Ну да. Она вообще активная была, речи ей удавались. Я её потому и признала, что больно складно говорила. И так, знаете, громко, прямо как до войны на митинге. Вы бы шли к Куликам или к Ворониным, те побольше знают. Немцы Марусю у них держали. Говорят, пытали её.

Военкоры проводили к Седовым, куда декабрьским вечером солдаты привели задержанную. Затем прошли к Ворониным, где в немецком штабе производился допрос, и к Куликам, где девушку мучили всю ночь и откуда утром шла она на казнь.

Народная молва ничего не приукрасила. Девушка была партизанкой: задержали её, когда она пыталась поджечь сарай, при обыске обнаружили бутылки с керосином. После первого допроса, когда начались пытки, она перестала отвечать немцам. Поймали её вечером, часов в семь или полвосьмого и повели в ближайшую избу, где стояли немецкие солдаты, – к Седовым.

– Немцы, которые жили дома у нас, закричали: «Партизан, партизан». Держали её у нас минут двадцать. Слышно было, как били по щекам – раз пять. Она при этом молчала. Куда увели её, не знаю. Волосы короткие, чёрные, завитые, красивая девушка, чернобровая, губы толстенькие, маленькие.

– Вам она незнакома? Может быть, до войны видели?

– Нет, никогда я её не встречала.

И старуха Воронина прежде не видела эту девушку.

– Привели её после Седовых. Я топила печь. Смотрю – ведут. Они мне кричат: «Матка, это русь, это она «фу» – сожгла дома». Она при этом молчала. Её посадили возле печки. Привели-то её в пятером. У меня на квартире был штаб какой-то, всё начальники да офицеры. Сначала спрашивали, она отвечала, а потом отказалась говорить.

– А подробнее?

Оба военкора строчили в блокноты.

– Подробнее... – Рассказ давался хозяйке с трудом. – Ну, лежу, значит, на печке, слушаю, начинается возня, начинают её пороть. Пороли её, я вслушиваюсь и считаю. Сначала тридцать ремней дали. Стегали в четыре захода, в четвёртый раз стали стегать, она только охнула: «Ох, бросьте меня пороть, я вам сказала, больше не

могу говорить с вами...» Через минут пятнадцать её вывели совсем голую, босую, в одной рубашонке. Крови не видно. Я хотела посмотреть, стала с печки слезать, а мне немец по ногам... И увели её. Посмотреть не пришлось никуда в окно, так и не пускали с печки. Ох, джуже тяжело... Когда её от мене увели, то надругались над ней: водили по морозу голую по снегу. И потом её повесили. Виселица прямо напротив моего дома была – вот, выгляни в окошко. Провисела она полтора месяца. Как ни выйду из дома, так на неё смотрю. Неприятеля, изверги нажрались пьяные, изрезали грудь ей и ноги. Когда отступал немец, наши пришли, я топила печку. Слышу, кричат: «Красные пришли! Красные!» Я испужалась: что такие за красные? Прямо не ждала уже. Тогда вышла ко двору, а там наши солдатики, очень их было много... – И старуха разрыдалась.

– Про что её спрашивали?

Старуха вытерла слёзы и продолжила спокойным голосом:

– Немцы-то? А вот что: откуда она, сколько домов сожгла, где фронт перешла. Отвечала она, только непохоже, что правду.

– Почему?

– Немцам сказала, что она из Саратова, а Прасковье-то Кулик ответила, что московская. Вы сходите к Прасковье, можно напрямки через поле, там тропа, я покажу. Вон тот дом, где дерево.

Прасковья Кулик оказалась тридцатилетней женщиной, с тремя детьми. Говорила она с сильным белорусским акцентом, но рассказ её был куда информативнее, чем у той же Ворониной. Муж её, Василий Кулик, по инвалидности был негоден к военной службе, и в хозяйстве от него было мало проку. Занимался он тем, что чинил обувь.

– Вы не смотрите, он труженик! – убеждала военкоров хозяйка. – Для вас расстарается, что хошь сделает, а вот немцы хотели сапоги чинить – так сказался больным, чуть и в самом деле не помер. Мы ведь не по своей воле под немцем остались, разве ж мы хотели под грабителем жить?

Женщина боялась, как бы не обвинили их с мужем в пособничестве немцам, и Лидов ободряюще улыбнулся:

– Вы нам про девушку расскажите. Откуда её к вам привели?

– Откуда вели, не знаю. В эту ночь у меня на квартире было двадцать пять немцев. Часов в десять я вышла на улицу. Её вели патрули – со связанными руками, в нижней рубашке, босиком, и сверху нижней рубашки надета ещё муж-

ская нижняя рубашка. Мне они сказали: «Матка, поймали партизана». Её привели и посадили на скамейку, и она охнула. Губы у неё были чёрные-чёрные, спекшиеся и вздутое лицо на лбу. Она попросила пить у моего мужа. Мы спросили: можно? А они говорят – нет, и один из них вместо воды поднёс ей к подбородку керосиновую лампу. Без стекла она горела, обожгла лицо... А она молчала, сильная такая была. Но затем разрешили её попить, и она выпила два ковша. Через полчаса они её потащили на улицу. Минут двадцать водили по снегу босиком, потом опять привели. Так, босиком, выводили с десяти до двух часов ночи – по улице, по снегу, босиком. У немцев будильник на столе стоял, так я по нему следила с печки.

– Говорят, девушка эта бывала здесь до войны. Может, вам что-то известно?

Прасковья покачала головой:

– Не видела. Я всё ждала, что партизаны придут и освободят её. А мы что? Разве мы могли что-то сделать?..

* * *

Можайск был взят 20 января.

«В восемь часов утра на плечах отходящего противника наши части вошли в город. Важнейший узел немецкого сопротивления был уничтожен, захвачены трофеи: оружие и автомашины. Над зданием городского совета был поднят красный флаг».

«Было очевидно, что необходимо гнать врага дальше, что нельзя дать ему опомниться и организовать новую оборону. Это преследование напинало бегство французских войск из Москвы в 1812 году. Одетые в крестьянские полушубки, валенки, в женские меховые пальто, в шапках-ушанках или шалях поверх пилоток, отступавшие немецкие войска походили на отряды Наполеона, бежавшие из России. Их путь так же пролегал через историческое Бородинское поле. Немцы не могли надолго задержаться на этом поле и не успели разрушить имеющиеся на нём памятники славы русского оружия, но, отступая, они сожгли Бородинский исторический музей».

«Накануне взятия Можайска нашими войсками была захвачена Верея, где во время оккупации немецкое командование создало мощный узел обороны».

Лидов находился в Москве, события на фронте он отслеживал по сводкам Информбюро. Выпросив у редактора машину, 21 января он выехал в освобождённый город. Сергей Любимов отправился вместе с ним. Оба они по заданию своих газет работали над очерками про пар-

тизанку. Каждый втайне надеялся, что женщина в Петрищеве была права и неизвестная героиня вскоре будет опознана.

– Девушку, которую гитлеровцы повесили в Петрищеве, мы видели, – сказал секретарь райкома партии Вереи. – Она ночевала в землянке нашего отряда. Нам известно, что она из комсомольцев Московского истребительного полка. Но фамилии её никто из нас не знает. Сами понимаете: время такое, фамилий знать не положено. Что же касается Маруси Гавшиной, то она заведовала нашим парткабинетом, состояла в партизанском отряде, жива-здоровая и сегодня вернулась сюда...

В Москву ехали молча. Каждый размышлял над тем, что делать дальше.

«Героиня могла быть выдуманной, бесплотной, для газеты это не так важно, – думал Лидов, – но реальный человек не должен остаться безымянным...»

Уже на подъезде к заставе Лидов спросил:

– Серёжа, а ты продлил удостоверение?

Любимов сдвинул брови. Потом вспомнил и

ответил:

– Ещё месяц действительно. А что?

Лидов потёр рукой лоб:

– Да так, ничего.

Как всё началось

(продолжение)

Когда Соня вернулась из магазина с готовыми роллами, Сергей смотрел в экран ноутбука и тяжело вздыхал. Не было сил наблюдать за этим.

Соня сходила на лестницу покурить, поболтала на кухне с соседями, отнесла им одолженную вчера сковородку, а Сергей никак не мог оторваться от экрана.

– Ну? – не вытерпела Соня.

Сергей прокашлялся.

– Ну, знаешь... Это, конечно... – И он замолчал.

– Я тебя придушу. Говори уже!

Сергей ещё раз вздохнул и как в воду нырнул:

– Это всё написано до тебя. Тут есть крутые моменты, но это пять процентов текста, а остальное – какой-то лютый трёхтонный совок. Дед Щукарь этот ещё... И гладенько так, как будто завтра в цензуру нести. Кто это станет читать? Кроме меня, и то по большой дружбе.

Соня села за стол так, чтобы видеть Сергея.

– Что, совсем паршиво?

– Тебе по пунктам?

Она кивнула.

– Ну, смотри, берём с самого начала. Вот здесь точно советский стиль. И путаница. Может, так: «Здесь останавливались на ночлег уходившие осенью на восток погорельцы из сожжённых фашистами деревень. Сейчас они двигались обратно, на запад, за советскими войсками, которые перешли в наступление»?

Он отмотал текст и нахмурился.

– Чот пафосно малость... и довольно банально, прости: «леденящая душу», «средоточие»... Я бы написал, например: «Эта прокопчённая пятастикенка казалась на старой смоленской дороге единственной живой точкой среди мертвецкой стужи, среди чёртова холода, колом застрявшего в кишках».

– В кишках? При чём тут кишки?

– Ну, а что ты хочешь? О войне или кишками наружу, или никак.

– Где я тебе аутентичные кишки возьму?

– Свои вытаскивай.

– Мои кишки слишком пахнут современностью. Я хочу, чтобы люди понимали, что писать о войне из дня сегодняшнего – это значит лжесвидетельствовать. Я не хочу приписывать тогдашним людям современных чувств. Всё изменилось настолько, что следов не найдёшь.

Сергей поморщился:

– Вот, ты даже говоришь штампами... Ни о чём. Я бы лучше сосредоточился на конкретных деталях. Например, так, – и Сергей заговорил голосом Левитана: – «Мимо этой избы 23 октября 1941 года энская дивизия отступала...» Ну, пусть в сторону Кукуева. Да, того самого, куда уплыл топор.

– Прекрати!

Соня покраснела. Было смешно и стыдно.

– Двое артиллеристов пытались тащить на себе пушку. Один, который постарше, предложил бросить её к чёртовой матери... И вот они бросили, а тут появляется незнакомый кривоногий лейтенант, орёт, что фашисты придут сюда меньше чем через час, но за брошенное оружие – трибунал. И сам убегает! Пожилой чувак говорит: «Не допрём, отсюда будем фашиста бить, а то, пока тащим эту дуру, нам снаряд прилетит». То есть, понимаешь, он не бросает пушку, а жертвует собой.

– И молодым?

– Молодого может прогнать, если тебе так легче... Или так, я тут набросал: «С чердака строчил из пулемёта сержант, обезумевший от вшей, которых не брал даже мороз. Осенняя

грязь вросла в куций ватник сержанта намертво. Последняя лента закончилась. Серые фашистские гниды подползали всё ближе. Сержант увидел, как у одного фрица упала пилотка, но немец не стал её поднимать. Сержант перезарядил пистолет. Почесал зудящую шею. Приставил подбородок пистолет и выстрелил. В его кармане оказалась только фотокарточка с лохматой собакой и мятая немецкая листовка: «Справа молот, слева серп. Государственный наш герб. Хочешь – жни, а хочешь – куй, всё равно получишь...».

Соня скривилась:

– Иван Васильевич, когда вы говорите, такое ощущение, что вы бредите. Ты в курсе, что гниды – это яйца вшей и они не умеют ползать? И кто у него нашёл эту листовку с собакой? Немцы? Как-то слишком трепетно: лохматая собака, мятая листовка.

– Что тебе не нравится? Детали прибавляют достоверности событиям.

– А военная книжка? А комсомольский билет? Куда он их дел?

– Вот на фига сюда вплетать комсомольский билет? Блин, тебе разреши, так он перед смертью ещё крикнет: «За Сталина!»

– Не утрируй. Сталин – это Сталин, а документы – это документы. Нельзя подменять комсомольский билет немецкой листовкой, это просто... ну, непорядочно.

– Сжёг он комсомольский билет, в лесу закопал. На случай плена.

– Он трус – избавляться от билета? – возмутилась Соня. – Тогда почему у него хватило смелости застрелиться?

– Да мало ли чего на войне не бывает? Зачем тебе здесь партийность? Она четверть века как отмерла.

– Стоп. У нас с тобой, похоже, капитальное расхождение во взглядах. Ты думаешь, что воевали просто люди, а я знаю, что воевали определённого воспитания люди. Которые не прятались от призыва, не сдавались в плен. Они сильные были, вот как мои деды – для них, как и для многих, комсомол – это... ну, святое. Они лучше комсомола ничего и не знали. Ты думаешь, что детали войны – это грязь, мат и вши, а я думаю, что детали – это босиком по снегу и запеть «Интернационал» под петлёй. А грязь и вшей пусть забирают себе немцы и либералы твои! Я в наших людях вижу подвиг и хочу, чтобы все видели подвиг, а не фотокарточку с лохматой собакой. Блохастой наверняка...

Сергей заржал.

– Тебя бы на броневик сейчас – такую речь толкнула! Ладно, давай дальше.

Он подёргал себя за красиво подстриженную бородку, которая делала его похожим на советского инженера, и ещё раз отмотал текст.

– Вот у тебя здесь трубы от сгоревших домов. Ну было же сто миллионов раз! И про «отомстите» тоже. Нужно посвежее, мне кажется, или конкретнее... Типа того: «От подмосковных деревень оставалась только грудa бесполезного обгоревшего хлама, воронки со вмёрзшими трупами (шут его разберёт чьими, одинаково ненужными ни нашим, ни фашистам), гнилые зубы печных труб, на которых виднелись незамысловатые надписи: Волковы ушли всё в то же Кукуево, немецкие матерные ругательства». Или ещё конкретнее... Опиши какой-нибудь бывший дом, возле него, например, валяется что-то из случайно сплавившихся в одно целое гильзы и жестяной миски.

– Может, ты сам сядешь и напишешь? – Соня начала злиться. – Неплохо получается, только не о Подмоскoвье и вообще не о тех людях. Какие, блин, надписи? Откуда немецкий мат? Русские крестьяне немецкого мата не знали, а немцы уходили, пока дома ещё горели, они физически не могли написать на трубах ничего. А вот то, что семья ушла куда-то там, – вариант, можно добавить.

– Не, а что? Одни немцы подожгли, другие шли за ними, когда изба уже сгорела. Вполне реально, если место туда-сюда переходило от наших к фрицам и назад.

– А что у нас в Подмоскoвье переходило туда-сюда? Это тебе не Ростов!

– А может, эту деревню трижды отвоёвывали и теряли. Локальная операция.

– Ну, ты совсем неуч? Не было же такого при зимнем наступлении! Не бы-ло!

– А ты придумай. Иногда же бывало, что один участок дня по три добивали. Хотя в 1941 году фашисты довольно шустро топали... Могла сгореть изба при артобстреле или бомбёжке осенью, когда фронт только приближался, потом прошли наши, потом фрицы. И пока стояли, фашисты развлекались. Партизан вешали. Трубы матюками расписывали.

– Ты издеваешься?

Сергей поднял на Соню честные глаза:

– Нет. Это я просто всячески пытаюсь донести мысль, что сейчас невозможно написать как тогда. Надо шарахаться от привычных ходов, обших мест и писать своим голосом. А у тебя пока стилизация и вторичный текст.

– А что это ещё может быть? У нас вообще вся жизнь – стилизация и вторичный текст! Повторюсь: на войне я не была, я не знаю, как там.

– Да неважно, была или не была! Я про то, что лучше писать своими словами и то, что думаешь ты лично. Сейчас твой текст на девяносто процентов сплав того, что мы уже давно читали. И десять процентов тебя, а ведь именно ты делаешь текст живым. Я отметил бомбические фразы, но их маловато...

Соне хотелось плакать. Её самые светлые чувства, всё прекрасное, что было в душе и что она вложила в рассказ, только что было оплёвано и растоптано. И кем? Любимым человеком, который должен поддерживать все её начинания и принимать её такой, какая она есть. А он! Соня не выдержала и всхлипнула, но Сергей, увлечённый собственным монологом, этого даже не заметил.

– Вообще, думаю, здесь есть одна, но стратегически важная ошибка: ты пишешь не от своего имени. Это стилизация. Гораздо круче было бы написать так, как именно ты это чувствуешь. Не дед Щукарь и не совковый корреспондент. Я бы знаешь что сделал на твоём месте? Я бы на твоём месте отложил текст, включил диктофон и устно всё это пересказал неведомому собеседнику. Тогда это будет искренне и правдиво и свежо.

Соня кивнула:

– Хорошо, ты меня уговорил. Я еду на войну.

Сергей оторопел:

– Какую ещё войну?

Соня скривила рожицу:

– Шось, так довго трэба шукаты?

Музейный день

Марина читала лекции в институте, а потому сдала Соню на попечение своему товарищу по работе Виктору Петровичу, и русский блогер с донецким искусствоведом отправились в путешествие по музеям. Сначала заглянули в много-страдальный краеведческий, чьё здание на треть разбомбили представители антитеррористической операции. По иронии судьбы бомбы ложились точно на зал истории Украины. С тех пор крыло восстановили и перестроили, вставили окна во всю стену, надстроили третий этаж. Новую кирпичную кладку видно: она идёт по диагонали от земли до крыши, опираясь на ощеренный треугольник старой. Внешней отделкой пока не занимались, но были предложения оста-

вить эту стену в таком виде навсегда – на память о войне.

В музее заставляют сдать не только верхнюю одежду, но и сумки, и по залам посетители ходят налегке. От бомбёжек экспонаты пострадали сильно, и на обозрение выставлены – святая святых! – музейные фонды.

– Тут же раскопки проводили почти археологические! – объясняет Виктор Петрович. – Волонтёры слой за слоем снимали – так всё перемешалось!

Первый зал посвящён знаменитым землякам, коих много, начиная от композитора Сергея Прокофьева и заканчивая космонавтом Береговым.

Экспозиция не то чтобы бедна, а сделана как-то невпопад: экспонаты расставлены без выработанной годами логики. Видно, что работники музея очень не хотели прекращать работу хоть на время, а потому для общего начала поставили возле одной стены соху и вилы, манекенов в дамских нарядах начала XX века, пролётку и костюм космонавта с борщом в тубике и гречневой кашей в пакете.

В другом зале собраны экспонаты выставки «Школьные годы чудесные»: от кружевных манжет царских гимназий до кукол в пионерской форме.

– Я за такой партией сидел! Вот точно за такой! Только у нас крышка откидная была. Да ты, поди, такого и не помнишь!

Соня тяжело вздыхает, поскольку хоть и не сидела за такой партией, но возраст имела солидный. Впрочем, всё равно в него никто никогда не верил.

– И вот такая люстра у нас была! – показывает Виктор Петрович на керосиновую люстру с зелёным абажуром, висящую над сценой семейного быта 50-х годов.

– Люстра пострадала, – говорит хранительница зала. – Треснула, кусок откололся, приклеили временно на скотч. Видите, где тень от крепления? Снаряд упал прямо перед порогом музея, нас ель защитила: высокая была, густая. А без неё неизвестно, что бы тут было.

Это крыло стоит симметрично тому, разбомблённому, в тридцати метрах от него. Сейчас от ели остался пенёк, у двух скифских каменных баб, стоящих рядом, откололись головы. Внутренняя стена из тонкой, двухсантиметровой доски щедро чернеет сквозными дырками. Это рядом с входом, напротив бывшей ели. Соня выковыривает из стены кусочек металла, похожий на обломок толстой проволоки. Он глубокой занозой вонзился под деревянную кожу. По при-

вычке прячет в кошелёк, чтобы не потерять. Наверное, это осколок. «Будешь сувениром!» – сообщает ему Соня.

На улице разыгралось солнце, весенний дымок горчит в горле. Дальше путь ведёт к высокому берегу реки Кальмиус, мемориалу ВОВ: к высоким фигурам воина и шахтёра, к гранитным табличкам с именами погибших и выживших, к Вечному огню. Да, огонь горит. Он спрятан от порывистого берегового ветра в глубине мемориала. К нему подходит юная парочка и стоит молча и серьёзно.

«Странные какие...» – думает Соня.

Сегодня санитарный день, устанавливают приезжую выставку «Нюрнбергский процесс», но Виктор Петрович знаком с директором, и гостей впускают без проблем. Музей винтом уходит вниз, он немного похож на минский, но не такой величественный.

Соня говорит об этом директору, и та вздыхает:

– Вот бы там побывать!

Соня и так любит военные музеи, а этот почему-то вызывает абсолютную симпатию. На территории Донецка существовало гетто и лагерь военнопленных, в шахту № 4/4-бис сбрасывали тела расстрелянных горожан. Инсталляция с макетом шахты, скрежет железа, жизнерадостные портреты мертвецов в воздухе. Из тысяч выжил только один старик: притворился мёртвым, а при падении уцепился за канат, по которому затем и выбрался наверх.

– А здесь у нас новейшая история. Портреты и личные вещи погибших защитников Донецка: удостоверение, складной нож, телефон с разбитым экраном – и макет сражения при Саур-Могиле...

Соня замирает: современная война внезапно обретает наглядность. Фигурки воинов лежат и стоят в разных местах, кажется, что их очень мало.

– Сейчас памятник разрушен, только сапог солдата стоит. И один из барельефов тоже уничтожен. А вот там, у ступенек, могилы наших ребят. И вот там, где ели, тоже. Мы собираемся создать на Саур-Могиле музейный комплекс, но сейчас это трудно: если история Великой Отечественной имеет какой-то угол освещения, то историческая справка по современности – материал неустоявшийся. Как делать музей – неясно.

Директор идёт дальше, открывает запёртую дверь. Вдоль стены ровным рядом стоят круглые ржавые корпуса чего-то агрессивного, и Соню пробирает дрожь.

– Это то, что падало на город. Вот авиабомба, а это снаряд от «смерча». Там гильзы артиллерийских и противотанковых боеприпасов. Фрагмент мины. А вот знаменитые «грады». Тот дальний был извлечён волонтерами из крыши нашего краеведческого музея. Не совсем разорвался. Принесли нам.

Авиабомба распустила корпус корявой розой, «смерч» едва ли ниже ростом, чем Соня, и внушает ужас даже в разоружённом состоянии. «Ураганы», управляемые ракеты, фугаски, осветительный снаряд с оранжевым парашютом. Плотный столбик торчащей ежом толстой короткой проволоки. Такой же, какую Соня вытащила из стены краеведческого. Это шрапнель. Не разлетевшаяся до конца. Она целила в жилые кварталы, хоть и запрещено какой-то конвенцией применять такое оружие по мирным гражданам. Впрочем, какие уж тут конвенции, война никогда не ведётся по правилам.

«Вот тебе и сувенир, – думает Соня. – Попадёт такое в глаз – и всё».

– А здесь письма с фронта.

– Этого?

– Нет, того.

Выцветшие треугольники, фотографии красноармейцев. Соня не может оторваться от выставленных снарядов современной войны. За экраном ноутбука и гаджета эти железки не вызывают эмоций, но стоит подойти к ним вплотную, увидеть их вес и объём – и ты понимаешь, сколько смертей несли они в себе. И вот она, причина симпатии к музею: его сотрудники не переписывают историю – они дописывают её современностью.

– Это только те снаряды, что не разорвались. И слава богу!

– А сейчас – нет?.. – с тревогой спрашивает Соня и отходит в сторону.

Директор смеётся:

– Их же обезвредили!

Вечером Марина везёт Соню на борщ к друзьям. У друзей полугодовалая дочка Лиза, которая поначалу смотрит на гостей с подозрением, а после начинает прыгать и радостно покрикивать. Ребёнок мгновенно отвлекает на себя внимание, все агукают и корчат рожи. Проходит час.

– Ой, что это мы всё о Лизе да о Лизе! – восклицает её молодая мама. – Давайте, что ли, о фашистах?

Терминология здесь вполне определённая. В ходу и «фашисты», и «нацики», и «укропы». От каждого второго слышится: «Не забудем и не простим!»

Кусок шрапнели в Сонином кошельке мог попасть и в человека.

Ночью начинается обстрел Макеевки.

Саур-Могила

– А вот и она.

– Где?

– Перед нами, далеко.

Соня всё равно не может различить её среди других размытых у горизонта гор – терриконов.

– Раньше издалека видно было по обелиску. Машина такая стояла!..

Высота под названием Саур-Могила – место жесточайших боёв в любую войну: отсюда весь район как на ладони. После Великой Отечественной, когда при штурме погибли тысячи наших солдат, на вершине установили обелиск и фигуру солдата с автоматом, а вдоль лестницы – четыре барельефа. Пехоте, артиллеристам, танкистам и ещё кому-то.

– Жаль, уже не узнать кому... – вздыхает Маша.

Последний, ближайший к вершине барельеф полностью обвален в ходе недавних боёв.

– Исходя из логики – либо лётчикам, либо морякам. Моря у вас тут нет, значит...

Соня три дня ныла Марине – выпрашивала поездку сюда. В эти места не доедешь запросто: сначала полтора часа на маршрутке до города Шахтёрска, потом полчаса своим транспортом по ответвлению от трассы. Мимо полей, танкового полигона, покалеченной обстрелами деревни Петровское.

Знакомая Марины из Шахтёрска – двадцатилетняя Маша – встретила гостей на машине. За рулём её муж Артём. Оба красивые и молодые. Оба воевали. Не здесь.

У подножья высоты небольшое кладбище: два ряда бойцов ДНР, ряд недавних могил со ржавыми советскими касками. Раскапывали новых – нашли старых, уже почти полностью безымянных, только три имени обозначены над десятком холмиками.

К дереву прибита доска с именами погибшего экипажа БМП-2 «Славянский гарнизон». Это современники. Их фотографии выцвели, один из них младше Сони.

– Украинцы тоже тут похоронены или их забрали?

– Наверху есть общая могила, мне папа говорил, что там украинцы, – сообщает Маша. – А так, наверное, забрали многих.

Её папа был командиром.

– Их в бой бросали как мясо, – говорит Артём, – чуть ли не ротами, чтобы внимание отвлечь от самолётов, чтобы хоть кто-то пролетел. Наши сбивали самолёты, которые летели бомбить города. Ничего нет страшнее самолётной бомбёжки. Один гул чего стоит! Паника сразу!

Они поднимаются вверх по щербатым ступеням. Небо покрыто серыми туманными облаками, кое-где в разрывах ярко сверкает голубое. Воздух свежий и сладкий. Почти нет ветра.

Жизнь – гениальный редактор – дорисовала то, что не посмел изобразить скульптор, ваявший барельефы. Стандартные лица и фигуры бойцов, идущих в бой, раненых и умирающих, стряхнули оцепенение, теперь они иссечены осколками, пробиты насквозь, и стекающая ржавчина похожа на кровь. Новая война оживила мёртвые изображения, и всё стало настоящим. Забетонированная боль живым потоком пролилась на землю, и крик пехоты летит над ней, и лязг железа не смолкает. Чем выше, тем страшнее, последний, рухнувший монумент придавил тела, вогнал их в землю, и лишь один воин силится выбраться из-под завала, и звериной силой дышит его окровавленное лицо.

– А не опасно ходить по траве? – на всякий случай спрашивает Соня.

– Тут постоянно проводятся массовые мероприятия, перед ними проверяют. Снаряды давно убрали, но ради провокации могут и растяжку поставить.

Вверху ещё одно захоронение. Должно быть, недавнее, поскольку портреты не выцвели.

Золотая звезда Вечного огня, который не горит. Металлический треугольный каркас, похожий на кусок лодки, венчает поваленный обелиск.

– Слу-ушайте! – тянет Марина. – А ведь это смотровая площадка! Она была на обелиске, сверху... Ну да, вот люк для выхода, а это ограждение!

«Какой бы дурак туда полез?» – мысленно ужасается Соня. Она панически боится рукотворной высоты.

Слева облицовочный гранит лежит почти ровно, будто не падал с громады своего роста, а правая сторона искрошена, сквозь бетонные блоки прорвалась арматура, и высится над ней пустой сапог солдата, погребённого под завалами. В железные дыры голенища вдеты цветы.

– Сюда свадьбы так и ездят, как до войны, – объясняет Маша.

На площадке причудливо изогнутые металлические останки орудий.

– Зенитка, – говорит Артём.

– Само собой, – важно кивает Соня.

Зенитка старая, советская, её легко узнать. Компания обходит памятник вокруг, взбирается на холм из обломков. Говорят, в ясные дни отсюда разглядишь клочок Азовского моря. Сейчас туманно, но видно далеко-далеко.

– Вот его рука, – кричит снизу Артём. – Идите сюда!

Под нагромождением бетона застыл кулак, сжимающий винтовку. От винтовки осталась ржавая планка, но и её не отпустила железная хватка. Соня приседает на колено и гладит ледяную руку мужественного человека, что навсегда исчез с лица земли. И Марина тоже её гладит.

– Его фигура летом была под завалом, было видно. Сейчас убрали.

– А кто его сбил? Украина?

– Украина, – кивает Артём. – Наши, конечно, тоже обстреливали, пока тут были украинцы, но быстро их вышибли. Сами заняли высоту и держали. И удержали! Обелиск в два захода падал: сначала одна половина, а через день – другая.

– Вот там, наверное, украинская могила! – показывает Маша.

В стороне от обелиска стоят разрушенные здания кафешек, а рядом с ними ограда, на которой висит шахтёрская каска, трикотажный подшлемник, кожаные мужские митенки.

«У Сергея такие же...» – думает Соня про митенки. Она впервые за эти дни вспоминает о своём парне.

– Неужоженная, – вздыхает Артём, когда они подходят вплотную к могиле, – травой заросла.

Ему жаль и тех и этих.

Пока они с Мариной исследуют руины, Соня спрашивает Машу:

– А правда, что ты воевала?

Маша отвечает односложно:

– Да.

– Кем?

– Помощником папы.

– А что делала?

– Что скажет, то и делала.

– И стрелять приходилось?

– Приходилось.

– Попадала?

– Попадала.

– Не снятся?

– Нет.

Соня почти отчаивается её разговорить, как вдруг Маша начинает рассказывать:

– Это не страшно. Я думала, будет страшно, за психику беспокоилась, но как вспомнишь, *кто* там и *что* они с нами сделали, – и не страшно. Вот когда впервые взрыв увидела – мороз по ко-

же. Папа заставил нас уехать на море, в Крым, а я назад рвалась: так хотелось домой...

Красивая черноволосая девушка, по-народному закутанная в тёплый цветастый платок, она, кажется, не умеет улыбаться.

– Держи! – Марина протягивает Соне ржавую железку – осколок снаряда. Потом подбирает кусок металла, отбитый взрывом от барельефа, и сообщает: – Вот такое на людей падало.

Соня берёт его в руки. Килограммов пять, не меньше. Если по затылку, то насмерть.

Они идут вниз. Сверху видно, что насыпи над барельефами проломлены, в полое нутро одного вонзился железный рельс. У подножия каменные плиты с именами погибших в Великую Отечественную.

– Тут народу столько полегло! – говорит Артём. – И тогда. И теперь.

Имен много, некоторые из них выбиты взрывами. Их, дважды убитых, наверное, уже не вспомнить. Отдельным списком – пропавшие без вести.

– А ведь, возможно, кто-то из них и найден сейчас и похоронен в новых могилах. Повезло.

Они первыми приехали сюда, а теперь подтягивается народ. Вверх поднимаются двое мужчин и подросток; возле стоянки старой боевой техники и новых автомобилей – группа военных с автоматами и пластиковыми стаканчиками, между ног мечется ноющий таксёнок.

– Помянуть приехали, – предполагает Марина.

Через минуту военные запрыгивают в машину и уезжают.

Соню трясёт, и она курит одну сигарету за другой.

Ей жутко.

Рассказ беженки

– Все говорят, что со Стрелкова началось. Не верь. Украина стянула технику и поставила перед «Коксохимом» – ещё Стрелковым не пахло. А они уже готовились. Это тебе любой житель Авдеевки скажет. Оттуда обстрел можно во все стороны вести: хоть на аэропорт, хоть на Ясиноватую. А нашим как стрелять? Попадут по заводу – вот тебе природная катастрофа. И тянется эта волынка, и люди гибнут...

«Коксохим» стоит рядом с Авдеевкой, в противоположном конце которой изгибом проходит шоссе. Долгое время ополченцы держались по одну сторону дороги, а украинские войска по другую.

— Считай, почти в окружении. Два месяца ни света, ни воды. Как мы все от дизентерии не вымерли, не знаю. А лето, жара, представь? Обстрелы постоянно такие, что тебя ночью с кровати скидывает взрывной волной.

Ополченцам носили еду на передовую, она же прямо в городе была. А однажды ночью слышим: гул. Обрадовались, думали, что подмога. Смотрю, раз-раз — люди из посёлка стали стекаться к окраинам. Ну, и я вместе с ними. Оказалось, украинцы идут. Все в камуфляже, с оружием. Наши-то первое время в трениках и тапках воевали, уже позже форма появилась. А эти едут, флаги жёлто-голубые по пути вешают: кто за дерево зацепит, кто за столб. Только проехали — народ их сдирает и бросает на землю.

И тем, кто говорит, что они освободители, — не верь. Вошли как фрицы. Если вы освободители, то где радость, где цветы-объятия? Народ стоял испуганный. Нет, справедливости ради скажу: пара каких-то криков была, дескать, молдцы, но как-то вяло звучало.

Они подъехали и первым делом спросили, где у нас больница. А кто-то в ответ: вам зачем? И те в ответ: там раненые сепары от нас скрываются, надо разобраться. Вот это зачем? Как они будут разбираться? Не знаю, добрались они до больницы или нет.

А у меня сын в министерстве ДНР работает и как раз накануне домой приехал ночевать. Так-то не знали, что будет с Авдеевкой, ополчение вдруг отошло, он ночевал в Донецке. А тут взял и прикатил. И что делать? Разобрали диван, три дня его в том диване прятала, ведь посёлок маленький, все друг друга знают, какой-нибудь пьянчуга за бутылку скажет этим, кто есть кто.

Пыталась найти машину, чтобы выехать, — никто не берётся. Ни за какие деньги. Кое-как соседка согласилась. Только, говорит, вещей с собой не берите. Я взяла каких-то маек, кошку с собакой, заднее сиденье сняли, положили туда сына, накрыли чем-то...

У меня соседи по лестничной клетке пожилые: он армянин, она молдаванка. Мы общались, помогали друг другу. Она хозяйствует, то пирожки принесёт, угостит, то поможет с уборкой. А у него руки золотые, всё починит, прикрутит. Я им в ответ лекарствами помогала. Когда эти вошли, дед уже лежащий был. Как я их брошу?

Пришла и говорю: поедem вместе? Ну, найму не легковушку, а грузовичок раздобуду. А она сидит возле его постели, сжалась, как мышка, плачет. Мы, говорит, тебе раньше не рассказывали, но сами сюда бежали из Приднестровья, когда

танки начали бить по жилым домам. Второй раз такое переживаем. И куда им теперь ехать? Отказались. Старикам трудно бросать нажитое. Не дай бог никому. В декабре дед умер, она с какими-то старушками объединилась, живёт. Всё веселее.

И вот поехали мы в четыре часа утра. На улице ни души. Машин нет. А вокруг земля в воронках, «градины» торчат неразорвавшиеся, как воткнулись в землю, так и стоят, какие-то снаряды валяются, всё в железе, как в фильмах про войну. Война и есть. Рассвет начинается. Я еду и молюсь, чтобы Господь уберёт. Соседка моя в руль вцепилась так, что костяшки побелели. А чем ближе к блокпосту, тем страшнее. Соседка говорит: главное, не нервничай и не плачь.

И так вышло, что одновременно к блокпосту подъехали мы и гружёная фура. На нас глянули: две бабы, что с них взять? И выбрали фуру. Нам машут, мол, проезжайте! Едва доехали до своих, как у меня слёзы хлынули. Ребят наших обняла, сына вытащила... Тихая истерика. Соседка поехала обратно, нас ребята посадили на свою попутку. Добрались до Донецка, сын на работу пошёл, а я — жильё искать.

Вот теперь тут живём. Ничего не было поначалу, даже на работу выйти не в чем, потом как-то устроились, люди помогли, посылки из России присылали. Думали, на неделю максимум уезжаем, а вышло, что на годы. Квартиру в Авдеевке недавно обобрали подчистую, и ничего своего у нас не осталось, кроме тех вывезенных маек.

Ну, скажи: разве нам было дело до Приднестровья? И не думали, что у нас что-то такое начнётся. И когда в России говорят, мол, это не наша война, хочется просто кричать: это счастье, что у вас такого нет, но ведь в любой момент может рвануть! Никто не застрахован от беды.

И наша вина в случившемся есть: проглядели 2004 год. Вот когда всё началось: национализм, скандалы эти... Надо было ещё в девяностых к России уходить, просто тогда никто об этом не думал: не до того было, кушать хотелось. Но Украиной мы никогда не были и не будем. Мы русские.

А в Путина я верю. Он справится. Наверное, никто так не верит в Путина, как Донбасс...

Вечером Марина отпускает Соню погулять в одиночестве.

— Куда пойдёшь?

— Не знаю... Наверное, через «Донбасс-арену» к реке.

– Стоп. Не надо туда ходить! Это небезопасно. Значит, так: выходишь из подъезда, по диагонали дворами выкруливаешь на Артёма и по Артёма гуляешь сколько влезет!

Соня обещает вернуться через час-полтора.

Улицы пустынные, профили нескольких людей пролетают мимо в окнах троллейбуса. Вдоль дороги выстроились баннеры с портретом Моторолы и словами: «Герои не умирают». Исправно горят фонари. Под ветром мелко трясутся деревья. Редко-редко ездят машины. Восемь вечера.

В правом ухе у Сони звенит музыка, левое ловит взрывы и пулемётные очереди где-то вдалеке. Порой кажется, что слабое эхо взрывной волны пружинит об спину и туго вздрагивает горло. Воздух растеплившейся осени похож на раннюю весну, он накачивается удивлением, и хочется дурачиться. Несколько метров Соня бежит по тротуару вприпрыжку, подпевая плееру, она не стесняется, тут некому застукать и застыдить. В тёмное время люди стараются не выходить из дома. Хочется пинать листья, но старшие товарищи запугали тем, что в собранных кучах могут быть спрятаны растяжки, кто-то уже подорвался, и Соня не лезет. Счастлив человек, свободный пинать листья по первой осенней прихоти! Счастлив человек, не знающий о войне!

Соня больше не думает ни о Донбассе, ни о Приднестровье, она летит по большому красивому городу, различая звук собственных шагов и пугаясь памятников, уличных ночных властелинов, что сходят с постаментов и бредут куда-то, вороша ореховые и кленовые кучи, не слушая взрывов.

Семнадцатое октября 1941 года

Вдоль бульвара гнали скот. Не шумели машины, только гул от тысячи копыт наполнял воздух. Коровы – рогатые и комолые, пятнистые и одноцветные, давно не доенные – брели понурившись. Иногда какая-нибудь бурёнка вскидывала голову и громко мычала: больно было нести набухшее молоко вымя.

Зоя спрыгнула с подножки трамвая и быстрой походкой пошла по бульвару. Ей было жаль коров. Она помнила, как плакала их деревенская Рогуля, когда бабушка не успела её подоить, и как, жалея животное, маленькая Зоя подставила ведро и изо всех сил стала дёргать за соски, подражая бабушке. Корова попятилась, несколько раз хлестнула свою спасительницу хвостом – на том инициатива и закончилась. Правда, после этого бабушка всё же научила внучку доить – Зоя и сейчас помнила на ощупь

горячее налитое вымя и запах парного молока. Потом Космодемьянские переехали в Москву, и было жаль, что нет здесь бабушкиного хозяйства, такого привычного, и нет деревенского простора – даже окраина возле Тимирязевского парка начала потихоньку застраиваться, – а есть огромные проспекты и бульжные мостовые, есть высокие дома и бульвары. Ей и в голову не могло прийти, что когда-нибудь она увидит в каменном сердце столицы коров! Она представила, как сзади, гогоча, топают стая лапчатых гусей, и фыркнула, несмотря на весь ужас происходящего.

Зоя спешила в Колпачный переулок, в замок с шахматной башней. Так его прозвали среди комсомольцев – «Замок с башней», а в адресно-справочной книге «Вся Москва» он назывался Колпачным переулком, 5. После того как летом разбомбили здание на улице Куйбышева, Московский городской комитет комсомола переехал в здание ЦК ВЛКСМ, но и туда упала бомба. В конце концов горком, обком и ЦК переехали в замок с башней на Чистых прудах. Именно они формировали комсомольские отряды для борьбы с врагом. Об этом больше месяца назад Зоя говорил секретарь райкома.

– Ну не могу я отправить тебя на фронт, полномочий у меня таких нет, – говорил он Зое. – Ты же работала на заводе? Почему ушла?

– Занятия в школе начались.

– А сейчас что же, закончились занятия?

Зоя задохнулась от возмущения:

– Какая может быть школа, если немцы под Москвой?! Я, комсомолка, должна сидеть за партой, зубрить формулы и ждать, пока за меня сделают всю работу?

Секретарь побарабанил пальцами по столу. Космодемьянскую он помнил ещё со времени её вступления в комсомол. Всё в ней было хорошо, если не считать прямолинейности, граничащей с наивностью. Девушка не умела притворяться, тяжело переживала неудачи и совершенно не годилась для работы в тылу врага. Военной специальности не имела, и мобилизовать её в Действующую армию секретарь тоже не мог.

– Вернись на завод, там ты куда больше пользы принесёшь. Война ведь и в тылу идёт.

– В тылу должны оставаться пожилые и несовершеннолетние, а я хочу с оружием защищать свою страну! – не сдавалась Зоя.

Секретарь райкома вздохнул, сказал, что ничего не обещает, и отправил упрямую комсомолку в горком, в «Замок с башней». Зоя не поехала туда в тот же день, а потом весь их десятый класс мобилизовали на уборку картошки в под-

московном совхозе. И тогда, месяц назад, ей внушали, что всё обойдётся и необязательно рваться на фронт, где и без неё достаточно силы. Но сегодня окончательно стало ясно, что за столицу придётся драться, и потому Зоя бежала вдоль Чистопрудного бульвара туда, где ей дадут оружие и скажут, что делать.

Вчерашняя сводка принесла жителям столицы слово «ухудшилось» – впервые о состоянии дел на фронте было сказано так откровенно – и началась массовая эвакуация. Подмороженные сухие улицы были запружены грузовиками, легковыми автомобилями, гужевым транспортом и просто пешими людьми с колясками, тачками, мешками и чемоданами. Завод имени Войкова приостановил работу, звук гудящих двигателей больше не разносился над округой, и сквозь эту оглушительную тишину прорывались суетливые крики: во дворе завода на пятитонные грузовики затаскивали станки и заводские машины – их вывозили на восток. Шли слухи, что минируют главный корпус. В воздухе носился запах гари. Высоко над городом летал чёрный снег, падали на землю не сгоревшие до конца обрывки бумаг: это сжигались домовые книги, заводские и партийные документы, которые не успели вывезти в тыл. Метро было закрыто. Молчали репродукторы на крышах домов и на уличных столбах. По городу ползли угрожающие слухи: о том, что правительство во главе со Сталиным уехало в Куйбышев; о том, что через два дня немцы будут в Москве и надо спасаться, пока не поздно; о том, что диверсанты отследили всех партийцев и перебьют их по команде. Последнее утверждение было подслушано Зоей во дворе, когда одна старуха передавала его другой.

– Не надейтесь, бабушки! – с весёлой злостью крикнула она. – Нас много, всех не перебьют!

Зоя не могла допустить мысли, что враг провёт оборону и войдёт в столицу. Но горожане строили баррикады, устанавливали противотанковые ежи, а в стенах угловых домов пробивали амбразуры. Москва готовилась встречать врага на своих улицах, и ничего страшнее представить было нельзя.

А сегодня, ранним утром семнадцатого октября сорок первого года, Зоя и Саша стояли на обочине шоссе и смотрели на бесконечную вереницу людей, идущих в центр столицы. Этот поток клином рассекала марширующая колонна добровольцев. Одеты они были кто во что, но чётко печатали шаг и несли на плечах разно-

мастное оружие. Вдруг из глубины колонны донёсся звонкий мальчишеский голос:

– Смело мы в бой пойдём за власть Советов!

Он не пел, а кричал, как кричат безголосые люди, и несколько сотен голосов подхватили эти слова и вместо знамени понесли их над толпой, которая всё так же устало брела по шоссе прочь от войны.

– Зоя! – Саша схватил сестру за руку. – Ты видишь, как они идут? Ведь они знают, куда идут. Они смотрят на людей, идущих оттуда. Там бой, там смерть, а они поют. А винтовки?! Ведь это не современные трёхлинейки, Зоя, это то ли французские трофейные, то ли польские... Я нарисую это, обязательно нарисую. Такое нельзя забыть.

А про себя он думал, что это величайшая несправедливость в мире, что его 1925 год рождения не подлежит призыву.

Зоя повернулась и посмотрела брату в глаза:

– Шурка, иди в школу. А я... мне надо в госпиталь.

Госпиталь, в котором Зоя собиралась учиться на медсестру, находился рядом с заводом Войкова, но, стоило брату скрыться за поворотом, девушка повернулась и пошла к остановке трамвая, возобновившего сегодня движение.

Только позавчера их десятый класс вернулся с трудового фронта, и после грязной, выматывающей работы в поле московские привычные дела казались Зое несправедливым пренебрежением её силой. Она была готова к большему.

В первый подошедший состав втиснуться не удалось: люди гроздьями висели на подножках. Пропустив ещё один трамвай, Зоя решительно влезла на подножку третьего, на следующей остановке удалось растолкать пассажиров и девушка оказалась внутри вагона. Ехать предстояло долго, и Зое хватило времени, чтобы обдумать своё решение. Она не допускала ни капли сомнения в том, что её возьмут на передовую: она умела делать перевязки, знала, как надо обращаться с винтовкой и гранатой, не боялась взрывов, а во время бомбёжек дежурила на крыше их двухэтажного деревянного дома по Александровскому проезду. Была комсомольским группоргом, среди ребят обладает авторитетом – ну почему же не взять её на фронт? Ведь немцы под Москвой разве можно сидеть сложа руки? Вот только мама... Как она оставит маму? Шурка – мальчик, он не понимает, как сложно было маме прежде, после смерти отца, как невыносимо будет ей, когда дочь уйдёт воевать. Какое счастье, что брату только шестнадцать лет! Его не скоро призовут, к тому времени кончится вой-

на. А может быть, и ей, Зое, удастся выжить. И когда она вернётся в их комнату на Александровском проезде, то напишет самую прекрасную в мире книгу, прочитав которую никто и никогда больше не захочет воевать. Она станет известным писателем, получит Сталинскую премию, и улицу, на которой она жила, назовут её именем.

«Улица Космодемьянской!» Зоя даже зажмурилась от удовольствия.

Немцев отобьют, непременно отобьют. Не может того быть, чтобы по улицам древней столицы победителем шагал враг. Эта мысль вызвала такое возмущение, что хотелось кричать. Но приходилось молча смотреть из немытого трамвайного окна на безлюдные улицы, обломки мебели на тротуарах, груды недожжённых книг и распахнутые двери домов.

На Чистопрудном бульваре расположилась замаскированная зенитная батарея и аэростат — пост воздушного заграждения. Рядом дежурили девушки в серых шинелях, с такими же серыми лицами. Под деревьями выросли груды земли, там вырыли траншею. И было понятно, что траншеи так просто не копают, что не только на окраине возле завода Войкова, а даже здесь, в сердце столицы, готовятся к боям, потому что враг может прийти и сюда. Но перед тем он пройдёт Ленинградское шоссе, улицу Горького, Красную площадь, Мавзолей...

Зоя представила, как ползут танки со свастикой, как следом безбоязненно шагает пехота, и позавидовала серошинельным девушкам, у которых была чёткая боевая задача: защищать небо столицы, а если придётся, то и её землю. Для них и была приготовлена эта длинная траншея.

Зоя обошла её слева, и потому ей пришлось идти вдоль пруда по нечётной стороне домов. На тротуарах было пусто, и только возле кинотеатра «Колизей» стояли две крытые грузовые машины, в которые лезли необмундированные парни и девушки с вещмешками и чемоданами.

«Тоже эвакуация... Наверное, какой-нибудь институт». Зоя горько вздохнула, глядя на молодых людей, которые могли бы воевать за Москву, но уезжают в Алма-Ату или Челябинск.

И Зоя прибавила шаг.

Если в конце бульвара повернуть налево, то можно прийти до дома Аркадия Петровича. Он описывал ей место, где живёт. Где теперь Гайдар? Наверное, в Действующей армии, воюет, описывает подвиги. Он бы одобрил решение Зои идти на фронт. А вдруг он дома? Ну, может такое быть, что приехал на побывку. Вот бы прийти и

постучать в дверь и попросить помощи с путёвкой на фронт. Или, может, он как раз сейчас захочет прогуляться и они столкнутся лоб в лоб, например у того трёхэтажного особняка с фальшивыми колоннами. Ну а вдруг?

«Глупости это!» — подумала Зоя и в конце бульвара повернула направо.

До войны ей не доводилось бывать в горкоме: все вопросы, начиная от собственного вступления в комсомол и кончая мероприятиями для комсомольцев класса, решались в школе или районном комитете. А вот на Чистые пруды Зоя приезжала регулярно: неподалёку, в переулке Стопани, работал Дом пионеров. Зоя ездила туда в методический кабинет, когда стала вожатой у пятиклассников. Конечно, мечтала она вовсе не об этом кабинете, а о литературном кружке. В школе её сочинения считались лучшими, учительница литературы Вера Сергеевна зачитывала их перед классом. Стихи Зоя никому не показывала, но писала их постоянно: по дороге в школу и из школы, когда прибиралась дома и готовила уроки, даже на пионерских и комсомольских сборах в голову нет-нет да и залетала рифма.

В тот день было заседание литкружка и, зная об этом, Зоя поехала в Дом пионеров сразу после школы. В портфеле лежала тетрадь с набело переписанными стихами. Она представляла, как встаёт перед ребятами и читает:

*Плыл по озеру белый парус,
Рассекая мачтою небо.
Всё, что было, в прошлом осталось.
Ну, а прошлого будто не было.*

*Трепетала по ветру материя,
Наливалась упругостью воздуха.
Билась, словно на шее артерия,
Продырявленная горсткой пороха.*

*Чьей-то детской рукою сколочена,
Деревянная лодочка прыгала
По мятущимся водам озера
Из простейшей лужицы выдуманной.*

*Посреди городского бега,
Толкотни, сумасшествия, шума
Проплывала чья-то заветная,
Чья-то светлая и безумная...*

Тут ей становилось не по себе и казалось, что надо прочитать что-нибудь другое, а лучше совсем ничего не читать и вернуться домой с полдороги. Но отступить она не любила.

Ещё у Зои была уважительная причина для появления в Доме пионеров: со своими ребятами она готовилась к сбору, посвящённому советскому патриотизму. Само название – скучное и сухое – заставляло морщиться, как от зубной боли. Никто ведь сразу не разгадает, что речь пойдёт не о ежемесячных комсомольских взносах. Речь пойдёт о папанинцах и Чкалове, о Мичурине, и челюскинцах, и первых лётчицах – Героях Советского Союза. Увлекательная беседа о великих современниках была прикрыта совершенно равнодушным названием. Зато у девушки была убедительная отговорка, если вдруг она не решится подойти к руководителем литкружка.

«Нет, надо решиться, – убеждала себя Зоя. – Ты ведь не трусиха и стихи пишешь не самые плохие...» Конечно, она верила, что её стихи очень даже выдающиеся, но в глубине души знала, что показать их кому-то всё-таки не сможет.

Было морозно, и, проехав от Коптева до Кировских ворот трамваем, она сильно продрогла, но ещё полчаса ходила около крыльца, не решаясь зайти, потому что там внутри пришлось бы поворачивать не направо, в административный коридор, а налево, к лестнице, а потом на второй этаж, где занимались кружки. Придётся объяснять, просить, декламировать. А вдруг её стихи не понравятся?

«Быть того не может», – одёргивала себя Зоя.

Она ходила взад и вперёд, не смея ни на что решиться, а потом подошла к двери, энергично рванула на себя ручку и, чуть не плача от холода и обиды, повернула направо – к знакомому и привычному методическому кабинету.

– Зоя, здравствуй! Опять педагогические дела?

Окоченевшая девушка уныло кивнула.

Осенью сорок первого года в Московском комитете комсомола былолюдно и шумно, как на вокзале. Двери в кабинеты не закрывались, люди вбегали внутрь и снова убегали, кричали в телефонные трубки и друг на друга. Что-то требовали, что-то доказывали. Лестницы и коридоры были забиты парнями и девушками, между нарядных светло-жёлтых колонн виднелись рабочие телогрейки, невзрачные пальто, картузы, ушанки и платки. Все явившиеся комсомольцы, как и Зоя, требовали отправить их на фронт. Казалось, вся жизнь с московских улиц переместилась на мраморные лестницы дореволюционного особняка.

Зоя приготовилась к тому, что уйдёт отсюда поздним вечером, но неожиданно для себя

очень быстро оказалась в кабинете перед секретарём Московского комитета – худым усталым человеком с высоким лбом и оттопыренными ушами. Он несколько дней не спал, а военная форма сидела на нём неуклюже. Он что-то быстро писал, задевая локтем за стоящий на столе ручной пулемёт, дулом направленный в сторону от посетителей.

Секретарь потёр ладонью лоб, поднял взгляд на Зою, спросил год рождения. Затем протянул ей лист бумаги и кивнул на столик в углу:

– Заполни.

Зоя села за низкий столик, попробовала ручку с погнутым, но годным пером и бисерным почерком стала заполнять анкету как можно аккуратнее и подробнее. Руки подрагивали от волнения и холода, приходилось сжимать ручку с такой силой, что заныла кисть. Из угла было видно, как входят в кабинет знакомые секретарю люди, как он воодушевляется, жмёт им руки, вручает винтовки и какие-то мешки, передаёт бумажные пакеты.

Зоя закончила писать и снова подошла к столу. Секретарь принял бумагу, положил её в стопку таких же анкет и сообщил, не отрываясь от чтения документа с крупной печатью:

– Когда понадобится, вызовем.

Зоя не уходила.

– Скоро? – спросила она. – Я винтовку знаю, перевязки умею делать...

Секретарь поднял на неё грустные глаза и сказал:

– Люди нужны, и мы вас без дела не оставим. А сейчас пригласите следующего.

Саша тоже не терял времени даром. Уроки в этот день не проводились, поскольку ещё накануне по всему городу отключили отопление. Пришедших в школу учеников старших классов направили на завод Войкова – помогать шефам с эвакуацией.

Часть оборудования была вывезена на восток ещё в начале осени, теперь завод опустел окончательно, но на привычном месте оставалось самое главное – цеха и привычный рабочий дух. В замёрзшем воздухе вперемешку с запахом гари летал сладкий запах солидола. Саша вздыхал, глядя на пустеющие помещения, на большие окна, разбитый цементный пол и ржавые потёки на тех местах, где стояли станки.

– Провода обходи, – посоветовал пожилой мужчина с пышными ухоженными усами на морщинистом лице. – Тока нет, ну а вдруг?

Саше вспомнился завод «Борец», его токарный станок, выкрашенный в зелёный цвет, отчего Саша прозвал его «крокодилом». Шум цеха, который приходилось перекрикивать, отчего работники всегда хрипели. Вспомнилось, как мастер Василий Семёныч, глядя на детали своего ученика, говорил: «Ничего, Репей, стерпится – слюбится». Он так называл Сашу – Репей. Поначалу было обидно, а потом привык. А через полтора месяца начались занятия в школе. Зоя шла мимо, увидела объявление. Она тогда собирала справки для курсов медсестёр. Поначалу сестра тоже пошла на «Борец» учётицей, но что-то ей там не понравилось, и она уволилась. Вечно со своими высокими устремлениями... Не может с людьми ужиться. Саше тогда не то чтобы дали по загривку, но смотрели неодобрительно. И маме наговорили неприятностей. Она их Зойке, конечно, не передала, а стоило бы! По её просьбе их и взяли на работу: раньше мама преподавала в вечерней школе при заводе. А Зойка, выходит, подвела.

В общем, занятия возобновились, и Саша ушёл с завода. А вместо уроков начался трудовой фронт. Теперь вообще непонятно, будет школа или не будет. Военкомат даст ему от ворот поворот – это очевидно, годом не вышел. Но если завод не эвакуировался, то могут принять обратно. Не таким уж плохим токарем он был.

В тот же день Саша вернулся на «Борец».

Луганск

Удивительно, как за неделю можно сродниться с совершенно незнакомым человеком. Утром Соня простилась с Мариной на Южном автовокзале.

Вслед за ней в автобус влезал дюжий военный в куртке хаки с нашивкой «Спартак».

«Болельщик?» – подумала Соня.

– Ого! – воскликнула Марина. – Гляди, с каким героем едешь!

Соня покивала с важным видом. Хорошо бы узнать, что за «Спартак». Но лучше – после обеда, сейчас слишком хочется спать...

– Да какой я герой, – обиженным детским голосом ответил детина. – Вот наш комбат – он герой!

«Как будто все обязаны знать твоего комбата...» – подумала Соня.

Они обнялись с Мариной, помахали друг другу в окошко. Автобус тронулся.

Раньше дорога от Донецка до Луганска была прямой и короткой. Теперь на разных отрезках она подконтрольна разным сторонам конфликта

и пассажирские автобусы были вынуждены изменить маршрут: три с половиной часа они пробираются партизанскими тропами. Через избитую Ясиноватую, не доезжая десяти километров до той самой Горловки, поворачиваем на много-страдальное Дебальцево. По всему пути следования дома в шрамах от осколков, дорога, изрытая железными дождями.

И блокпосты. Сооружения в середине дороги завалены сверху пухлыми посеребренными мешками и, кажется, врыты в землю. Вход в них узкий и тёмный, как бойница в стене крепости. Автобус медленно плывёт мимо, никто его не останавливает. Соня смотрит во все глаза. Невысокий паренёк в каске и с автоматом видит девушку в окне и показывает язык.

В Луганске Соню встречают, заселяют в гостиницу, объясняют, как проехать в центр, и исчезают. Она остаётся наедине с городом.

Луганск невелик и по-советски прям, но Соне хочется полюбить его так же, как Донецк, и она направляется в Старый город. Он расположен ниже современного центра, когда-то здесь текла судоходная река Лугань, теперь её почти нет. Накрапывает дождь. Соня спускается от памятника к памятнику, от здания в стиле модерн к покинутому людьми заводу, где корпуса скалятся разбитыми стёклами. Соня любит заброшенные здания: они начинают жить собственной жизнью, ни в грош не ставя людей, как близко ни подходи. Соня минует входную арку, осматривается: будка охраны разбита, людей нет, вдали припаркована машина. Идёт вдоль зданий, потом возвращается. Глядит на корпуса, где совсем недавно струилась жизнь.

– Девушка! – кричит кто-то издалека. – Девушка! Вы чего здесь ходите?!

Двое в штатском: парень со странным лицом стоит молча, а полный и кряжистый мужик орёт на Соню во всё горло. Они встают лицом к лицу.

Соня отвечает, мол, открыто всё, ворота нараспашку – вот и хожу, откуда мне знать, что нельзя? Она показывает паспорт, рассказывает про Донецк и гуманитарку, объясняет, где остановилась.

– Ходили у нас так двое, – говорит мужик. – Парень с девушкой. Она белоруска, он украинец. Тоже внятно объясняли, тоже посмотреть зашли, и шо?

– Шо? – спрашивает Соня.

– Оказалось, диверсанты! Город на военном положении. Чтобы мину подложить, много времени не нужно. Или маячок бросишь, а на нас потом «ураганы» полетят, как в прошлый раз. Это вот видишь?

Он машет на круглую серую тумбу возле ворот, и на глазах у Сони безмятежная тумба превращается в один из опаснейших снарядов.

– Ой, – говорит она испуганно. – Не узнала.

– Оно мне надо? Нет! А надо вызвать патруль и сдать тебя в комендатуру.

Соня видит, что ему не хочется этого делать, и улыбается:

– О! Круто! Я там ещё не была!

Её уверенный тон ставит охрану в тупик.

– Я блогер, – объясняет Соня. – Собираю информацию о том, как простые люди живут в режиме войны. Вот смотрите, это мой блог.

Она открывает свою страничку, увеличивает аватарку.

– Видите, сколько подписчиков? Я им рассказываю, что здесь происходит, как вы тут живёте...

Двое смотрят с недоверием, но больше не грозят патрулём. Дождь усилился до ливня, и Соня не может уйти из-под навеса при всём желании.

– А как мы тут живём?.. – вздыхает мужик. – Я дома полтора года не был. Ни детей, ни жену не видел. Они под укроми. И ни сбережений, ни гуманитарки – везут или детям, или больным. А я-то здоровый мужик, мне гуманитарка не положена – так даже носков лишних нет. Вообще ничего нет. Тут при заводе и живём. – Он кивает на административное здание.

Ещё минут десять они болтают, но Соня спешит на встречу и высказывает под дождь.

В парке они встречаются с Сониным недавним подписчиком – молодым журналистом, который согласился показать город.

– Представляешь, Андрей, меня чуть в комендатуру не загребли, – смеётся Соня. – На завод полезла.

– На патронный?

– Нет, на станкостроительный.

Андрей выпучил глаза:

– Это и есть патронный... Военное производство. Его специально Украина бомбила. Все местные знают!

Соня пожала плечами:

– Так я ж иногородняя...

Андрей ведёт Соню по Старому городу и рассказывает про невысокие особнячки: здесь базировался штаб Артёма, там в начале девятнадцатого века родился Владимир Иванович Даль.

– Но, скорее всего, это легенда. Его отец заведовал городской больницей, следовательно, и квартиру ему должны были выделить при ней. А это далеко отсюда.

Теперь в доме живёт музей. Во время обстрелов боялись, что в него угодит снаряд: вокруг много пострадавших зданий, они привычны и не вызывают удивления.

Охранникам всё же удалось припугнуть Соню, и фотографировать разрушения она опасается.

– Слушай, а что у военных за «Спартак»? Я сюда ехала с одним парнем, он про комбата-героя говорил.

Андрей смотрит непонимающе:

– Ты, может быть, «Спарту» имеешь в виду? Это же батальон Моторолы, легендарный батальон, они донецкий аэропорт прикрывали.

– Ой, – говорит Соня, мучительно краснея.

– Он, кстати, на том самом патронном заводе одно время базировался.

Какое-то время они идут молча, затем Соня не выдерживает:

– Ты не думай, я на самом деле не дура. Просто как-то так вышло...

«Мы мечтаем о мире!»

– Знаешь, у меня остались детские сочинения. Осенью четырнадцатого во всех школах писали такие письма русскому другу. Моя сестрёнка тоже писала, мне потом учительница отдала, чтобы я их в газете использовал. – Андрей протягивает Соне пакет: – Возьми почитай. Перед отъездом верни только.

Соня кивает и осторожно берёт пакет. В гостинице она раскладывает листки на кровати и некоторое время просто смотрит на них, будучи не в силах притронуться. Разный почерк: крупный, мелкий, быстрый, с наклоном вправо, с наклоном влево. Рисунки: взрывы, танки, люди в форме.

Она протягивает руку и берёт первый листок.

1.

«Дорогой друг, этот год был худшим в моей жизни.

Так как нам с мамой и братьями некуда было ехать. И пусть в нашем городе не было таких сильных повреждений, но когда звучал громкий выстрел, мы шли в подвал. Я видел в небе летящие снаряды. Когда я залезал на высокий дом или возвышенность, я видел горящее поле. Ни у кого не было денег, многие покинули город, но далеко не все. Да и сейчас немногие мои друзья уехали. Самым трагичным была смерть моего дяди, он подорвался на танке.

Дети не хвастаются новым телефоном или планшетом, а говорят: у меня отец – ополченец.

Я видел множество танков, самолётов, разного оружия, которое и представить себе никогда не мог. Когда мы стали самостоятельной республикой, я думал обо всём, но войны я не ожидал.

Таким было моё необычное лето 2014 года. Я очень надеюсь, что то, что пережили мы здесь, никогда не постучится ни в какие ворота. Такому не место в мире».

2.

«Привет, дорогой друг!

Мне 7 лет, я живу в городе Молодогвардейске и учусь в школе во втором классе. Спасибо тебе за помощь!

У нас большой класс, но в сентябре нас было мало. Летом многие друзья уехали, потому что испугались войны. Мы с родителями были дома. Когда бабахало вокруг – было страшно даже нашему коту Мурчику и кролику Максу. В нашем подъезде остались мы и соседка Фёдоровна.

Было утро. Всё грохотало, потом затихло, мы слышали, как гудел самолёт. Начались взрывы, весь дом трясло. Мы с мамой убежали в ванную. Хорошо, что у нас стены толстые! Нам разбило балкон, и осколки попали в кровать. Вышли в подъезд и увидели, что у нас нет крыши.

Мы пошли разбирать с соседями завалы в подъезде, потом прибежала бабушка Надя и мы пошли к прабабушке Вере, она старенькая, у неё тоже попало в квартиру. Крышу сделали, сейчас приехали соседи из трёх квартир, а в школу вернулись все мои одноклассники и наша учительница Марина Алексеевна. Мама сказала, что всё будет хорошо! А я очень хочу, чтобы не было войны и мы поехали на море и увидели дельфинов!»

3.

«Здравствуй, мой товарищ из России!

Тебе точно известно, что у нас на Донбассе шла и продолжает идти война. Летом жителям нашего города было совсем не до отдыха. Люди, которым было куда ехать, выехали из города. Наша семья осталась в Молодогвардейске. За время летних каникул мой родной город несколько раз обстреливали. Было очень страшно! Я почти не выходила гулять. Но в один день мы договорились погулять с подружкой. Мы успели погулять от силы десять минут, потом увидели самолёт и стали на него смотреть. Он сделал один круг по небу, второй и неожиданно... начал сбрасывать бомбы на шахту, которые взрыва-

лись прямо в воздухе. Все мои друзья, знакомые кинулись бежать в страхе в подъезд. Как оказалось позже, это были обманки: бомбы взрывались в воздухе, а потом открывался парашют и они благополучно приземлялись. Такое же произошло и на следующий день, но уже не на шахте, а в посёлке Атамановка, который является частью нашего города. Этим летом я почти не спала, а если засыпала, то скоро просыпалась от громких взрывов или автоматных очередей. Больше всего мне запомнились два обстрела Молодогвардейска – обстрелы самолётом и «градами». Сейчас я расскажу об обстреле кассетами. Я проснулась от очень громких взрывов и поняла, что взрывы совсем рядом. Когда они начались, вся семья пошла в ванную комнату, потому что там нет окон. Было пять утра. Вскоре мы узнали, что обстрел вели самолётными кассетными бомбами. Чтобы ты понял – в кассетных бомбах маленькие железки, летящие во все стороны. Нам очень повезло, потому что мы не пострадали.

Худо было летом и с едой: цены на всё очень подскочили, а зарплаты и пенсии не платили. Воды летом не было. Чтобы взять воды, я вставала в пять утра и шла на скважину занимать очередь. Мама с папой шли занимать очередь за хлебом. Вдвоём, потому что давали по четвертинке или по половинке в руки. Мой старший брат жил неподалёку в деревне со старой бабушкой.

Я считаю, война – это самое ужасное, что есть на свете, она никому не приносит прибыли, зато несёт с собой разрушения и большое количество жертв. Хочу пожелать тебе, чтобы у вас никогда не было войны, чтобы войну вы могли видеть только в фильмах».

4.

«Здравствуй, дорогой друг из России!

Я думаю, что ты мало знаешь о войне. Сообщения в газетах и по телевизору о военных событиях не дают полной картины того ужаса, который ты испытываешь, когда находишься в центре событий. Вот только тогда понимаешь, что такое война. Мы в нашем небольшом городке пережили лишь малую часть того, что пережили люди в городах, стёртых с лица земли войной.

Я хочу рассказать тебе о самом страшном дне в моей жизни летом 2014 года.

Шестое августа – обычный день, тёплый и облачный. Я была в гостях у своей тёти. У неё двое маленьких детей, мои двоюродные брат и сестра. Брату всего лишь один месяц.

Утром было тихо и спокойно. Мы занимались обычными делами. Ближе к вечеру мы услышали за окном громкий взрыв, дом задрожал, и мы все бросились в ванную комнату. И даже наша собака лабрадор Бакс побежала вместе с нами. Было очень страшно.

Маленький братик громко плакал. Мы, очень испуганные, тоже плакали и молили Бога, чтобы снаряд не попал в дом. А за стенами сыпались стёкла, раздавались крики людей, летели осколки от снарядов.

Потом всё стихло и ополченцы начали выводить всех из дома, так как один из снарядов попал в газовую трубу и все боялись ещё и газового взрыва. Мы в чём были выбрались на улицу. Только мы отошли метров на десять, как начался второй артобстрел. Ополченцы кричали, чтобы все ложились на землю. Маленького братика прикрыл собой отец, а сестричку – её мама, моя тётя. Мы лежали, а над нами свистели снаряды. Гаражи позади нас насквозь прошило осколками. Всё это длилось минут десять, но нам они показались вечностью.

Во время небольшого перерыва мы побежали в подвал. Там меня нашла мама и старший брат. Мама еле уговорила меня пойти домой, так как я боялась выйти на улицу.

По дороге я видела страшную картину войны: разрушенные дома, воронки вокруг и самое страшное – тела убитых людей. В этот день я поняла, что ненавижу правительство страны, пославшее войска убивать мирных людей.

Сейчас у нас тихо, обстрелы прекратились, но по-прежнему страшно... А вдруг всё повторится?!

Я так хочу мира, тишины и спокойствия и чтобы больше никто и никогда на Земле не узнал, что такое война.

5.

«Здравствуй, далёкий сверстник!

Я живу в Луганской области. Летом город и весь край бомбили, это страшно. Летали военные самолёты и сбрасывали на мирно спящий утром город боевые бомбы. Много людей из моего города уехало, и летом, особенно в августе, людей было мало. Каждый день ездила военная техника, летали «укроповские» самолёты. Самолёты бомбили города – и я это видела своими глазами. Я видела, как стреляют «грады», танки, гаубицы. Благодаря войне, я начала разбираться в военной технике, полюбила танки.

Мы с родителями оставались в городе. Я общалась с подружкой по телефону, рассказывала, что у нас происходит, какая у меня была истери-

ка от взрывов и страха, она меня успокаивала и поддерживала.

А третьего августа отключили интернет, телефонную связь, воду. Каждый день я ездила с родителями на шахту за водой, мама стояла очередь, чтобы купить хлеб. Люди боялись остаться без куска хлеба, они занимали очередь с ночи.

Что такое бомбёжка, я узнала сама. Люди спали в подвалах. Первый раз я услышала летящий снаряд в мою сторону, сидя за компьютером. Мама взяла документы, я – попугая, и мы побежали в ванную, до подвала мы бы не добежали. Я не знала, что снаряды свистят, когда пролетают над головой мимо. Когда снаряды падали, я слышала, как осколки окон валяются на землю, люди бегут в бомбоубежище. А шахтёры продолжали работать. Я больше всего боялась, что снаряды попадут в шахту и мой папа не сможет подняться на поверхность. В следующие дни мне было уже не так страшно, я привыкла. Подумать только, я привыкла к взрывам мин, свисту «градов». Я начала бояться тишины.

Сейчас перемирие, предприятия работают, но зарплаты нет, шахтёры сидят дома, цены поднимаются каждый день. Здесь люди выживают. Перемирие – это полный бред, ничего из этого не выйдет. Мне страшно, если придёт украинская армия. Не хочу жить в Украине.

Я надеюсь, что ты никогда этого не испытаешь и не услышишь взрывов бомб.

Кто я для них – «сепаратист», «террорист»? Кто я для страны, в которой родилась и живу?»

6.

«Здравствуй, мой сверстник из России. Я Алина из Украины, я учусь в шестом классе. Мы сейчас учимся в школе и мечтаем о мире!

Летом началась война, у нас сильно бомбили, летали самолёты, ездили танки. Чтобы как-то спастись, мы сидели в погребе и всё слышали, как падали снаряды. Когда мы выходили на улицу, мог внезапно начаться обстрел, и мы падали на землю. Когда был обстрел, всё было в дыму, горели соседние дома, было очень страшно. Не было света и воды. Чтобы купить хлеба, мама стояла в очереди, а хлеба не всегда хватало. У нас не было еды, мы выживали за счёт гуманитарной помощи из вашей страны, за что вам большое спасибо! Я хочу чтоб мы не сидели в погребе и чтоб быстрее всё закончилось и наступил Мир! Я желаю вам, чтоб в вашей стране никогда не было войны и во всём мире был Мир».

7.

«Здравствуй, мой сверстник из России!

Я учусь в восьмом классе. Это лето было худшее в моей жизни. Летом бомбили наш двор, погибло много людей. Про эту войну я написала стих:

*Этим летом мы повстречались с войной,
Не такой, о которой мы в книжках читали...
И пришла она майской весной...
Мы узнали, что значит налёты
И обстрелы из «градов» и «смерчей».
Научились, как правильно прятаться
За стеной в квартире, в подвалах,
Как ложиться на землю под взрывами,
Укрываясь от мелких осколков.
Научились молиться о мире,
О здоровье и счастье близких
И о том, чтоб людьми оставались
Те, кто к нам посылает снаряды.
Может, кто-то из них вдруг услышит
Голос разума: «Люди, очнитесь,
Ничего война не приносит,
Она только всё разрушает!»*

8.

«Этим летом наша семья нигде не отдохнула. Мы хотели поехать в Феодосию, но нашим планам не дано было осуществиться. В нашу жизнь смертельным ураганом ворвалась война.

В июне, когда я сдавал выпускные экзамены за девятый класс, где-то далеко были слышны взрывы орудий. В июле и августе мы со страхом ждали ночи. Вечерами мама собирала тёплые вещи, документы, брала воду и мы спускались ночевать в подвал. Там очень сыро и холодно. Теперь этот подвальный запах сырости часто снится мне по ночам, я ощущаю его каждой клеточкой. Мне кажется, что я даже чувствую его вкус – тошнотворный, приторный.

Моя младшая сестрёнка боялась спускаться в подвал, и мне приходилось нести её на руках. Летом больше всего мне хотелось выспаться не в сыром вонючем подвале, а в своей чистой уютной кровати, на свежей простыне.

А шестого августа во время бомбёжки на моих глазах убило соседа из первого подъезда. Ему было 22 года. После этого родители старались не пускать нас с сестрой на улицу.

Я очень надеюсь, что самое страшное для меня и жителей Донбасса уже позади, что на нас уже не будут лететь самолёты, которые будут уничтожать всё живое в моём краю, что «грады», «тюльпаны» и «гиацинты» не будут сравнивать с землёй дома и шахты, заводы и фабрики. Я не

хочу больше видеть лужи крови на улицах моего города.

Хочется верить, что до следующего лета эта безумная война закончится и мы познакомимся.

На этом заканчиваю писать своё письмо. Пиши, как ты живёшь. Чем ты увлекаешься? Нравится ли тебе спорт? Где проводишь свободное время?

До свидания.

Твой друг Павел».

Краснодон

Комендантский час и постоянная усталость приучают организм к отключению задолго до полуночи. Примерно в тот момент, когда вокруг тела образуется тёплое помещение с кроватью, Соня сыта и уже никуда не бежит. Тогда глаза слипаются, а голова клонится набок и куда-то вниз, утягивая за собой тело целиком.

По приезде в Краснодон Соня потребовала вечернюю экскурсию к музею, памятнику «Клятва» и знаковым могилам. Не хотелось ждать утра: о встрече с этим городом Соня мечтала много лет – с тех пор как впервые прочитала роман Фадеева и повесть Кошевой. Было темно и прохладно, высоко над парком качались звёзды. Возле могилы молодогвардейцев, почти над Вечным огнём, нависала обнявшаяся парочка. Ещё два подростка стояли неподалёку. Могила широкая, она расположена не только под плитами с именами, и когда Соня идёт к памятнику «Скорбящая мать», то идёт по телам.

За памятником строится храм, он в лесах и в железном ребристом заборе, а потому год окончания строительства пока что неизвестен.

В глубине парка могила закопанных живьём шахтёров: ступеньки, постамент, чаша с барельефом, на котором столько серебристой краски от весенних подновлений, что фигур и сцен не разглядеть. На табличке 31 имя, но людей там погибло больше: верхний слой стоял с вытянутыми шеями – это те, кто задохнулся, а были ещё убитые раньше и те, кто был связан колючей проволокой, упал на дно и больше не смог подняться. Знаменитая деталь из романа «Молодая гвардия» – казнённая женщина с младенцем – оказывается выдумкой автора. Нет, женщину казнили, а вот младенцу в ту пору было года два, и после ареста и казни матери он жил у её родителей. Геннадий Саранча. Всю эту информацию Соня узнаёт утром в музее. А пока что её пробирает дрожь восторга и усталости. Из парка путь лежит мимо школы имени А. М. Горького, где училась часть молодогвардейцев. Двух-

этажное здание стоит углом напротив музея, по другую сторону площади. А через дорогу от него трест «Краснодонуголь», он чуть выше. В него Серёжка Тюленин с чердака школы кидал гранаты. Соня измеряет глазом расстояние: далеко. Но военная подготовка у школьников той поры была превосходная, возможно, про гранаты – это и правда. А где-то неподалёку домик Кошевых. Городок мал, наверное, мирной весной он уютен и красив, но сейчас осень, темень и война. Дома Соня едва не засыпает в тарелке с жареной картошкой. Нет сил даже на то, чтобы поест.

Утром за ней заходит друг хозяйки Середа, недавно пострадавший от бампера иномарки, и ведёт на экскурсию по городу.

– Вот тут что-то было, только не помню, что именно. И там что-то произошло, только не помню, что именно, – рассказывает он.

– Да, – отвечает Соня. – Вы прирождённый экскурсовод!

Он не обижается, у него лёгкий характер. Кажется, он даже на иномарку не держит зла.

Они заходят во двор школы, вокруг которого даже нет забора, рассматривают старую кладку, которая с фасада замазана белой краской. Навстречу идёт женщина в фартуке, спрашивает, зачем они тут ходят.

– Мы журналисты! – авторитетно отвечает Середа.

Потом из дверей выходит ещё одна женщина и задаёт тот же вопрос. Внимательно следит за каждым действием пришельцев. В окне кругло висит лицо третьей. Война учит бдительности. Враг не пройдёт.

На площади митинг. Соня со спутником встречают казаков, что квартируют в клубе имени Горького, том самом, где была штаб-квартира организации, и договариваются приехать днём. Тяжеловесы-казаки легкомысленнее сотрудниц школы. Наверное, потому, что вооружены, а Соня трогательно и беззлобно замотана в шарф.

Экскурсовод, который ведёт Соню по залам, пишет стихи. И ныне покойный директор Никитенко писал стихи. Они останавливаются возле большой картины, запечатлевшей казнь молодого гвардейцев, специально, чтобы прочесть вслух поэму Никитенко «Главное – выстоять». Соня смотрит на снег, на босые ноги, на рваную одежду и раны ребят, а в уши летит: «Мальчики! Мальчики!», и глаза щиплет, и носового платка, как обычно, нет.

– Невероятный был человек! Понимающий и простой. Тот случай, когда звания и регалии никак не отразились на характере.

Никитенко умер всего два года назад. Не оправился после инсульта. Теперь на стене музея его мемориальная табличка.

– Раньше у нас было много документов, а теперь сделали более наглядной экспозицию.

Воспроизведена обстановка квартиры Третьякевичей и Арутюнянцев, над головой тянется копия арки Колхозного рынка, изображён поджог биржи. Майки, платья, обувь ребят и девочек, их личные вещи. Фотографии, дневники. Знаменитый огурец, выращенный в бутылке.

– Листовки. Это мы сейчас понимаем, что такое информация, когда три месяца без электричества посидели: ни телефонов, ни интернета. Что происходит, никто не знает. И тогда так же было. Многие верили немецкой информации, что Москва взята, соглашались сотрудничать. И вдруг – листовки! Это же окно в большой мир. Весточка о том, что Москва борется. Недавно воссоздавали с ребятами ту обстановку, записывали сводку. В темноте, в духоте. Диктор говорит быстро. Не сразу сообразили записывать по фразе.

– А чьи дома ещё сохранились?

– Мошкова... Попова... Дом Почепцова тоже стоит, но в ужасном состоянии. Почти разрушен. Там никто не живёт. Вы, если поедете в клуб Горького, попросите, чтобы дальнюю комнату открыли: там окно, из которого некоторые ребята убегали, когда арестовали Мошкова и Третьякевича. Эти уже не успели. Сейчас там, конечно, решётка.

Соня смутно припоминает, что, кажется, Серёжке Тюленину удалось удрать из клуба в тот чёрный день первого января.

Здание тюрьмы не сохранилось, на её месте была построена почта, ныне лишённая даже мемориальной доски. Железная арка над Колхозным рынком, на которой был повешен предатель Фомин, тоже исчезла неведомо куда и когда.

Домик Кошевого украшен двумя мемориальными досками, но внутри уже давно работает контора то ли по правам детей, то ли по их защите. Калитка открыта, внутри по периметру растут кусты, слива догнивает под деревом, на колодце для грязной воды лежит деревянная крышка. Напротив частного сектора строй девятиэтажек.

– Что вам здесь надо? – скучно спрашивает работница конторы.

– Мы журналисты, – дуэтом отвечают посетители.

Клуб имени Горького – он на Первомайке, той самой знаменитой Первомайке, где жила Уля Громова. Туда надо ехать неторопливым

троллейбусом. Снаружи здание грязно-зелёное, а фасад неожиданно выкрашен в розовый. Рядом закрытая шахта имени Сергея Тюленина, вход украшен бюстами его и Олега Кошевого. Нелогично.

– Этого, как любимчика, всюду ставили, – машет рукой Середа.

Казак долго изнутри открывают дверь – не могут найти ключ. В помещении темно и холодно. Примерно так же, как тогда.

– Тут ничего не изменилось, – говорит атаман. – Как было, так и осталось: сцена, балкон, плиты, деревянный пол. Кресла, конечно, заменили. Фильм Герасимова тут снимали.

Соня поднимается на сцену, и деревянные ступеньки почти не скрипят. Они неожиданно узки для клубного размаха с его высоченными потолками и широкими окнами. Сбоку две гримёрки, над залом нависает балкон, во время концерта там сидели немецкие офицеры. В зале пусто и гулко от вытоптанной истории. Только стены остались теми же, и глаза цепляются за них в попытке различить былые тени. Внутри пахнет заброшенной улицей.

На втором этаже когда-то была библиотека, оттуда не вылезал Ваня Земнухов. Сейчас там так же пусто, как в годы войны. Из окна видно терриконы шахты № 5, а мемориала «Непокорённые» не видно.

После экскурсии по клубу казаки позвали гостей на чай в столовую, где большое блюдо покрывали неаккуратно нарубленные бутерброды с паштетом и колбасой, а в половине трёхлитровой банки застыли жёлтые помидоринки. «Чай» тёмной массой укрывал дно пластиковой бутылки, звался «дымкой» и приятно пах самогоном. Всем хватило по три рюмки. Вторую с молитвой – за погибших.

– И что, вы прямо книжку пишете? – буйно восхищался казак. – А я за жизнь только три стихотворения написал.

Соня опасалась, что он захочет их прочесть московской гостье, и теснила к двери своего спутника.

– Погоди, сейчас пойдём! – отбивался Середа.

– Проводи, – велел казаку атаман.

В Краснодаре есть памятник не только погибшим подпольщикам, но и первым коммунистам. Он недалеко от клуба, на пустыре, рядом с электровышкой в шесть тысяч вольт. Именно туда для начала повёл гостей представитель местного казачества.

– А там за вышкой – памятник казакам. То есть, понимаешь, на одном пятачке памятник палачам и жертвам!

– То-то между ними такое сильное напряжение... – Соня кивнула на вышку.

Казак застыл столбом: замечание пробрало его до мозга костей, и если раньше он мог сомневаться, то сейчас признал в девушке настоящего писателя, что было невероятно приятно.

– Это дар! – воскликнул он и предложил отвезти гостей к шурфу.

Начался дождь, и гости не стали отказываться.

Непокорённые

Они ехали мимо школы имени Ворошилова, которая нынче перестроена, но, как и другие краснодонские школы, имеет личный молодогвардейский музей. Вообще школ в городе оказалось много, раньше Соня, исходя из романа Фадеева, думала, что только две.

Дождь моросил с неохотой, но лобовое стекло всё же заливало, и единственный работавший перед пассажиром дворник положения не спасал. Чтобы видеть дорогу, водитель-казак почти лёг на плечо Середы. Соня тихо радовалась, что сидит сзади, а не на почётном переднем сиденье, подпирая могучий казачий бок. Положение усугублялось тем, что стёкла запотевали, и Середа заботливо протирал лобовое платочком.

Почему-то Соня всегда думала, что место казни ребят находится на горе, а дорога петляла под уклон, и вдали уже показались три неровных зубца обелиска, что окружает шурф.

Казак не остановился в начале аллеи, а подвёз вплотную к памятнику, и, преодолевая чужое благородство, чтобы сделать всё как надо, Соне пришлось идти назад к камню с надписью «1943» и оттуда шагать к шурфу. Высились над ним зубья обелиска, и скатывался к нему рыжий бок террикона. Вдали тархтели люди, а Соня шла в одиночестве и молчании, как того хотела.

Её траурное шествие прервал всё тот же казак. Он возмущался тем, что вандалы побили плафоны на фонарях.

– Вот, вот, видишь? – кивал он на ближние фонари. – А зачем? Для чего?

– Для чего?! – поддержал его Середа.

Соня не выдержала:

– Товарищи, а давайте молча!

Брусчатка перед памятником была разрисована радостными ромашками и солнышками.

Гранитные фигуры застыли в мучительном падении.

Это место было знакомо Соне с раннего детства. Эти имена она знала наизусть и каждую жизнь могла рассказать вкратце, а длинно там не было. Соня твёрдо знала, что только в полной тишине необходимо подойти туда, где они перестали быть. Уля, Тоня, Саша, Ваня, Витя, Серёжка...

Отверстие в земле накрыто решёткой, а сверху плитой с памятной надписью: «15, 16 и 31 января 1943 года были казнены фашистами и сброшены в шурф шахты № 5 участники подпольной молодёжной организации «Молодая гвардия».

— Там музей сначала хотели сделать, — говорит Середа. — Подземный. Потом решили, что с нервными экскурсантами много возни будет.

— И засыпали, — кивает Соня.

— Нет, просто решёткой заложили. Как ты его засыплешь? Это же обратно весь террикон скидывать.

Под решёткой темнота, но девушка кожей чувствует, как там глубоко. Она смотрит на терриконы: ближний выск, а второй чуть ниже. Если поставить один на другой, можно понять глубину шурфа. Соня лезет на верхушку ближайшего террикона. Теперь она вровень с городом, что стоит на горе, и выше мемориала — видна срезанная гладь его треугольных кончиков. Сонины спутники стали крохотными фигурками, они беседуют о своём и на девушку не глядят.

Вниз она спускается осторожно: падать долго.

— А на новый мемориал ты её возил? — спрашивает казак.

— Та когда? — отвечает Середа.

— Поехали!

— Может, не надо? — робко сомневается Соня, но её никто не слушает.

По пути к машине девушка замечает небольшой камень в ответвлении аллеи. От камня до шурфа едва ли сто шагов. Соня узнаёт это место раньше, чем успевает прочесть надпись на камне. Здесь стояло маленькое деревянное здание шахтной бани. Здесь провели ребята последние часы, здесь они в последний раз были живыми.

Было ли там темно или светила шахтёрская лампа? На чём они сидели? Как их выводили: вызывали по спискам или тащили тех, кто ближе? Сколько человек вели к месту казни? Заставляли снимать обувь и верхнюю одежду? Плакал ли кто-то или все молчали? Прощались друг с другом? Искали путь побега? Оставляли надписи или записки? Каково было полицейам

убивать молодых и полных сил людей? «Умирать надо хорошо» — так говорили ребята в романе Фадеева.

Она слышит за стеной выстрелы и затем рядом шёпот и всхлипы, в темноте не разобрать чьи. Она слышит скрип двери, внутрь врывается ветер, и будничным голосом выкликают имена. Она слышит, как со стоном поднимаются с пола люди, и что-то вздрагивает внутри: не меня! Но скоро, скоро. И она ждёт. Их мало осталось. Уже не холодно и не больно, мир прекратил существование, и время сжалось до слова, когда оно оглушит звуком и пулей ворвётся в грудь, и падения тело уже не поймёт.

— Соня, поехали, замёрзнем! — окликает казак.

Возвращение

Оказалось, что война заселяет человека, как пустую комнату, влезает в повадки и навыки, война становится привычкой.

Соня с Мариной шли по вечернему Донецку, и грохот грянул над головой. Соня дёрнулась от страха, а Марина засмеялась и сказала:

— Это далеко! Когда близко — сразу слышно.

И они пошли дальше. Больше взрывов не было.

— А как это — когда близко?

— О-о-о! — снова засмеялась Марина. — Очень громко. Когда снаряд летит, тебя одним звуком на землю опрокидывает.

Соня смотрит под ноги: сейчас земля сухая. Всю неделю обещали дожди, но, вопреки прогнозам, Донецк был солнечен и гостеприимен. Ямы, оставленные в дорогах снарядами, залиты свежим асфальтом: яркие тёмные квадраты не бросаются в глаза, если не знать истории их появления. Обычный дорожный ремонт. Близкие здания, крыши магазинчиков, урны, бордюр — всё в осколочных ранениях. Навстречу идёт девушка в мини. Соня провожает её задумчивым взглядом.

— В войну, наверное, юбок не носили?

— Почему? — удивляется Марина.

— Ну, колготки... обстрелы... порвутся, если падать...

— Да нет, носили.

Марина молчит, а потом сообщает:

— В войну другого боишься. У меня дочка gostила, пошла в магазин, а ей подруга с окраины звонит на сотовый. «Ты где? — спрашивает. — Ложись, от нас стреляют в вашу сторону!» Там же как получается: если укрыты стреляют по центру, то над окраиной снаряды пролетают, их видно. Объявлений никаких нет. Это если бы самолёты

засекли издалека, тогда успевали бы объявить тревогу, а обстрелы всегда неожиданно начинаются. И люди наловчились помогать друг другу звонками. Вот подруга говорит, когда снаряд выпускают, а малая падает. Только на окраине затихло, подруга говорит, что можно встать, малая подскакивает – и домой. Добежала, звонит мне: что делать?! Она ещё необстрелянная была. И понимаешь, что самое страшное? Не то, что к тебе снаряд прилетит, самое страшное то, что ничем не можешь помочь родному человеку.

Вопреки прогнозам, город живёт и растит детей. Они гуляют с родителями по широким проспектам и бульварам: взрослые пешком, малыши в колясках. Они играют в центре на детских площадках и кормят уток, которые живут в водоёмах. Семьи выгуливают детей, рождённых перед войной и зачатых под бомбёжками. Жизнь принарачивается к любым условиям.

Соня возвращается в Москву ночной машиной. После таможни на российской земле она наконец-то чувствует себя в безопасности: тут можно не бояться, мина не прилетит и осколок не ударит в тело. Война поселяется в человеке, едва коснувшись её. Тёплый салон машины качает, и девушка засыпает.

...Соня стоит в середине безлюдной улицы и видит, как темноту режут яркие всполохи света. Небо простуженно свистит утробой, от него некуда деться. Снаряды перелетают пятиэтажку и лопаются за её хребтом. Это слишком близко.

Ноги подгибаются, но надо бежать прочь. Уши захлёбываются грохотом. Соня мчит по улице, как от погони, и чувствует всем нутром, как неотвратно стремится к земле острый нос снаряда, как он врзается в тротуар. Что-то мягко, но сильно толкает в плечо, опрокидывая девушку навзничь. Темнота сгустилась, и грохот уполз в сторону. Соня пытается встать, опирается руками и заваливается набок, лицом в липкую тёплую лужу. Правая рука не держит. Соня подносит ладонь к лицу, шевелит пальцами, но видит пустоту. Смотрит на плечо – из чёрной культи судорожно бьёт кровь и нигде вокруг нет руки. Соня ползёт, переворачивая куски камня, отгребая месиво осколков, но руку не находит и, одурев от усталости, затихает в наступившей темноте...

– В туалет пойдёте? – окликает пассажирова водитель.

Шесть утра. Хлопают двери, выстужая сонный уют. В глазах песок, и колотится сердце. Телефонная эсэмэска приветствует Соню на заснеженной московской земле.

Война навсегда поселяется в человеке.

Часть вторая

ПО ТУ СТОРОНУ ПОКРЫШЕК

2016 год. Славянск

Ехать по другую сторону фронта Соню уговорили читатели её блога. Те, кто требовал возвращения Крыма Украине и кто был уверен, что Донецк и Луганск обороняют российские войска, а местных там изначально не было. Те, кто был обижен Сониной поездкой на территорию отделившихся республик и хотел реабилитироваться в глазах Сониных читателей.

«Приезжайте! – написала украинская активистка Лена. – Я покажу вам госпиталь ветеранов АТО, увидите, как живут парни без ног, девчата без рук – совсем молодые. Они ненавидят войну и тех, кто её затеял. Мои родители расскажут вам о первом полугодии оккупации Ровенёк и о том, как сейчас живут их знакомые, с которыми ещё есть связь. Вы не поверите, какой опасности подвергаются те, кто остался на оккупированной территории. Моя старшая дочь тоже была там первые месяцы, сможет рассказать про школу и как там над ней издевались, потому что она украинка. Мне очень хочется, чтобы вы дали нам возможность ответить на обвинения в фашизме. Могу познакомиться с семьями переселенцев в Киеве, поискать волонтерские программы, которые ездят по городам. Могу помочь пообщаться с очевидцами в Мариуполе, там рядом в городе до сих пор идут бои. Вы точно так же сможете написать об этом у себя в блоге. В Киеве можете остановиться у меня».

Соня всегда была справедливой девочкой и считала, что другая сторона конфликта также имеет право на высказывание. Но рисковать ради этого своей шкурой, снова ехать под обстрелы? С другой стороны, Славянск и Краматорск интересны, как отправная точка всей заварухи на донбасской земле.

«Марина, может, правда съездить?» – написала она подруге в Донецк.

«А что страшного-то, поезжай, конечно, посмотри, – ответила Марина. – Тем более раз в Киев зовут...»

Больше посоветоваться было не с кем. Сергей был далеко, да и непонятно: встречаются ли они ещё или уже расстались? Зачем ей эти странные отношения, которые ни к чему не ведут?

После поездки на Донбасс он решил, что Соня изменилась, и стал отдаляться. А Соня не изменилась, и любила его по-прежнему, и не знала,

как доказать ему свою любовь. И вот сейчас он уехал на Камчатку, где практически отсутствовала связь с внешним миром и не ловился интернет.

«Зачем ему Камчатка, поехали бы в Киев!» — мечтательно вздохнула девушка.

Именно в Киеве они с Сергеем и познакомились. По пути в Киев.

* * *

В Москве у Сони жили дальние родственники. Точнее, один дальний родственник, с которым она и познакомилась-то только в Москве. Третьродный брат Женька после службы в армии решил не возвращаться в родную глубинку, — что там было делать в 90-х годах? — а остался в столице, занялся строительством, купил квартиру и землю под дачу и вроде бы даже собирался жениться. Женька представлял собой невероятный сплав удачливого бизнесмена и хорошего деревенского парня. Соне нравился такой старший брат. И потому, когда он пригласил её на свой день рождения, она обрадовалась.

Праздник был назначен на третье декабря.

Соня завила локоны, нарисовала и нарядилась.

— Не слишком вызывающе? — спросила она соседку.

Та потребовала, чтобы Соня надела чёрную водолазку, мини-юбку и сапоги-чулки на каблучках.

— Теперь в самый раз!

— Хм... А я не похожа на уличную шлюшку?

Соседка тяжело вздохнула: по её мнению, Соня совершенно не разбиралась в жизни.

— Ты идёшь на день рождения к брату-бизнесмену. Туда наверняка съедутся другие бизнесмены. Если будешь умницей, то сможешь кого-нибудь закадрить и выйти замуж. Иди сюда, я тебя накрашу нормально.

Соседка знала толк в косметике.

Соня взглянула в зеркало и покачала головой. Собственный демонический взгляд её пугал.

— Что-то... морщины у меня, что ли?

Соседка изобразила возмущение:

— Да откуда у тебя морщины? Глупостей не говори! Ты же знаешь, что это зеркало всегда показывает то, чего нет: прыщи, морщины...

— ...соседа дядю Колю-алкаша.

— Вот-вот, — кивнула соседка. — Топаи!

В метро на Соню оборачивались мужчины всех возрастов, это приятно бодрило, и в ресторан она пришла в самом чудесном состоянии духа.

Женька взглянул на Соню и сказал:

— Ну ни фига себе!

Та довольно улыбнулась.

— А чего в чёрном вся? — продолжал Женька. — Траур, что ли?

Соня ткнула кулаком ему в плечо:

— Поздравляю, братик!

Вечер оказался на редкость скучным. Все бизнесмены пришли с жёнами или подругами, все вели с новорожденным разговоры на непонятные темы. Соня ковыряла вилкой в тарелке, чокалась за Женькино здоровье с соседями и по минутно бегала на улицу курить. В один из перекуров на крыльцо вышел Женька с другом.

— Вот сестрёнка моя. — Он приобнял Соню за плечи. — А чего смурная такая?

Та печально вздохнула:

— Да так... Думаю, может, домой поехать?

— Скучно? — понял Женька. — Надо было придумать тебе пару, чтобы друг друга занимали. Не сообразил. Зато всё тихо и мирно.

— Что, и драки не планируется? — возмутилась Соня.

— А зачем нам драка? Пусть соседи дерутся.

Друг, прежде молчавший, оживился:

— Чует моё сердце, кипиш будет тот ещё. Передавали, что Саакашвили прилетел и поляк ещё какой-то. Они всегда на жареное бегут. А Янукович, наоборот, улетел. В стране бардак, а он улетел. Вместо того чтобы разогнать эту козлу. Как баба просто.

— А у нас, у девочек, всегда так: дома бардак, а мы куда-то улетаем, — задумчиво протянула Соня. — А что стряслось?

Женька с другом изумлённо посмотрели на неё:

— Ты что, вообще не следишь за политикой?

Соня нахмурилась, а потом пожала плечами.

— На Украине же революция.

— Какая ещё революция? — недоверчиво протянула Соня. — Великая декабрьская?

— Опять на Майдане все торчат, как в 2004-м. Студентов побили в Киеве, народ вывалил протестовать против Януковича. Не знаю, чего им не живётся? Вот за наших душа болит, как бы чего не вышло.

Родовое древо Сони и Женьки было таким раскидистым, что в ту пору, как одна ветвь засыхала в казахских степях, другая ветвь распускала новые листья над украинским чернозёмом. Проще говоря, на Украине жили родственники, за них-то и беспокоился Женька.

— Интересно, — сказала Соня.

— Что интересно?

— Посмотреть на революцию.

– Чего там смотреть? Флагами помажут и разойдутся.

– Это и интересно. Как они флагами машут.

Женька докурил сигарету, бросил бычок в пепельницу над урной.

– Сейчас приедет Семенцов, помнишь такого? Он уже с сумкой, прямо отсюда едет в Киев на Майдан. Езжай с ним.

– Шутишь?

– Нет, серьёзно. Попрошу, чтобы приглядел за тобой.

– Это тот самый Семенцов? – уточнил друг.

Женька кивнул.

Соня понятия не имела, кто такой Семенцов, но ветер дальних странствий взволновал душу, и она с огорчением вспомнила, что не взяла с собой паспорт.

– Да ладно, куда мне в таком виде – и в горнило революции? – Соня похлопала себя по мини-юбке. – Ещё примут за гуманитарную помощь от братской России.

Женька захохотал:

– Да уж, переодеться бы надо.

– И паспорта у меня с собой нет...

– Так позвони соседке, попроси привезти на вокзал.

Вскоре приехал Семенцов, похожий на доброго гнома, окинул Соню плотоядным взглядом и подтвердил:

– Без проблем. Поехали.

И Соня решила.

Она набрала номер соседки:

– Душа моя! Ты ведь любишь киевский торт?

В ответе можно было не сомневаться.

– Я привезу тебе настоящий киевский торт! А ты, пожалуйста, привези мне паспорт на Киевский вокзал.

Кроме документов соседка привезла рюкзак с ботинками, джинсами, двумя свитерами, нижним бельём и умывальными принадлежностями.

– Обожаю тебя.

– Ты, главное, живой вернись! – напутствовала соседка. – Вот вечно лезешь в какие-то стихийные бедствия! Как будто твой абсолютно логичный мозг пытается обрести там свою алогичную половинку. Что за авантюризм в тебе сидит?

– Это не авантюризм, а попытка увидеть историческое событие собственными глазами! Помнишь, если бы Хемингуэй не поехал на Первую мировую, то не стал бы он тем клёвым чуваком в шерстяном свитере и с трубкой, который висел во всех квартирах, библиотеках и присут-

ственных местах. Я тоже хочу быть клёвым чуваком в шерстяном свитере и с трубкой! Я тоже хочу висеть в квартирах, библиотеках и присутственных местах!

– Хемингуэй ещё и в Париж ездил. Может, лучше в Париж, чем в Киев?

– В Париж, конечно, лучше, – согласилась Соня. – Но на халяву меня везут только в Киев.

– На халяву? – приподняла бровь соседка, и Соня сделала невинное выражение лица. – Береги себя, – попросила соседка. – И не лезь на рожон.

– Ну, ты же меня знаешь...

– В том-то и дело, что я тебя знаю! Ты понятия не имеешь, что такое осторожность.

– Брось! Сонечка была очень осторожной девочкой. Когда она ехала в лес с незнакомыми мужиками, она всегда брала с собой компас!

Семенцов, купивший билет, подошёл к девушкам, рассмотрел соседку и предложил ей тоже отправиться в революционную столицу.

– Нет-нет-нет! – замахала руками соседка. – Я за стабильное развитие общества! Лучше дома посижу.

Оказалось, что Семенцов едет не один, а с музыкальной группой и ещё одним хмурым бородатым товарищем, которого все чествовали и хвалили за организацию. После того как Соня переоделась, компания отправилась в вагон-ресторан.

Снова пили, играли на гитаре, пели. Семенцов держал Сонину ладошку в своих горячих руках. Окружающие звали Семенцова по имени-отчеству, а ещё – мэтром. Соня задумалась: похоже, человек действительно был знаменитостью.

– Откуда я вас знаю? – спросила Соня. – Я ведь точно где-то слышала вашу фамилию.

Семенцов тяжело вздохнул и выпустил её ладошку из рук. Остальные музыканты сделали вид, что не заметили вопроса.

В Киев приехали затемно. За несколько часов сна хмель не успел выйти из головы, и Соня засыпала на ходу.

В ожидании такси компания выпила кофе в круглосуточном сетевом ресторанчике быстрого питания, а затем поехала к кому-то в гости, где Соню уложили досыпать. Остальные принялись похмеляться и завтракать.

– А куда мы едем? – спросила Соня.

– В клуб. Выступать, – ответил хмурый бородатый организатор.

Соню зажали на заднем сиденье такси между ним и гитаристом. Семенцов сидел впереди и стучал пальцем по экрану планшета. Контрабасист и

ударник со своими инструментами ехали в другой машине.

– Мы до сих пор не знакомы. – Соня решила быть вежливой. – Я Соня Воскресенская.

– Сергей, – ответил хмурый организатор и вдруг улыбнулся.

Улыбка преображала его лицо: из странного и пугающего оно становилось почти детским, и девушке казалось, что она видела его когда-то давно и неизвестно где.

С переднего сиденья недоуменно оглядывался мэтр Семенцов.

Клуб «Бактерия» расположился в помещении то ли бывших складов, то ли автостоянки. Многоуровневый автоподъём не был предназначен для пешеходов, да и находилось здание на каком-то пустыре. Но внутри, действительно, был клуб. Правда, без людей и отопления. Зато с баром.

Сначала Соня во все глаза пялилась на Сергея. Чем дольше она глядела, тем более красивым ей казалось его лицо, и вся долговязая фигура, и низкий густой голос.

Сергея тревожил пристальный взгляд случайной попутчицы, но в небольшом пространстве клуба было нелегко улизнуть, поэтому он старался стоять к Соне спиной.

Концерт был назначен на семь вечера, но потенциальные зрители проигнорировали выступление мэтра Семенцова.

– Все на Майдане, – пошутил он.

Соня не понимала, зачем надо сидеть в этом ледяном помещении, «среди чёртова холода, колом застрявшего в кишках», а ещё она переживала, что не успеет посмотреть на настоящую революцию, что, пока музыканты тусят на окраине Киева, в центре всё закончится, разбредутся кто куда люди, разберут баррикады и палатки, власть и общество достигнут договорённостей, нормализуется украинская экономика и наступит мир во всём мире. Соня очень боялась пропустить самое интересное, но деваться было некуда, приходилось ждать попутчиков, которые отыграли несколько песен для организаторов и собрались разъезжаться по впискам.

Семенцов заметил несчастное выражение Сониного лица и сказал утешающе:

– Завтра поедем.

Хозяева вписки гостеприимно уложили мэтра на расстеленный на полу спальник, Соне же досталась кровать со всеми удобствами. Мэтр храпел, раздирая лёгкие, с грохотом круша тишину, но уставшей за два дня девушке было всё равно. Она спала без сновидений.

Назавтра в центр выбрались только к вечеру. Музыканты выступали на главной сцене, Соня поджидала их в тёплой гримёрке, изредка высываясь на улицу. Лёгкое осеннее пальто пропиталось дымом от костров, и в целом становилось понятно, что подобные «стояния» на городских площадях надо организовывать в тёплое время года, а не в минус 20.

В разгар второй песни на сцену выбежал взволнованный ведущий и потребовал остановить песню. Казалось, сейчас он объявит о победе народа над правящей верхушкой или, на худой конец, о высадке инопланетян. Но, захлёбываясь от восторга, он объявил, что на площади присутствует немецкий посол со своим мужем. На ломаном немецком ведущий прокричал слова приветствия. Музыканты недоуменно переглядывались, они молча топтались на сцене, размышляя, как себя вести и не проще ли уйти, не заканчивая выступления.

Кто-то из толпы выкрикнул ругательство, и было непонятно, относится это к послу или же к ведущему.

«Вот тебе и европейские ценности!» – со смехом подумала Соня.

После выступления на Майдане герои сцены отправились в другой клуб. Там было всё: отопление, люди, алкоголь. Семенцов читал со сцены похабнейшие вирши, люди ржали и улюлюкали. Соне хотелось плакать или выпить.

– Слушай, а ты откуда вообще взялась? – Сергей подошёл к ней с двумя рюмками. – Выпьем?

Соня кивнула.

– Я случайно. Меня брат отправил посмотреть на революцию.

– С Семенцовым?

– С ним.

– Заботливый, смотрю, у тебя брат.

– Какой есть. Но видишь, как всё здорово получилось.

Она хитро улыбалась, и Сергей насупился, пытаясь понять, что же хорошего нашла эта странная девушка в революции и задымлённом воздухе Киева.

– Не вижу! – рявкнул он и опрокинул в себя рюмку.

Соня отпила глоток.

– Запиши мой номер, – сказал Сергей. – Я завтра планирую лететь в Москву, могу тебя эвакуировать, если хочешь.

Соня задумалась. Не хотелось уезжать так быстро. Но делать на Майдане было нечего, тем

более в одиночестве и в продуваемой всеми ветрами экипировке.

– Я подумаю, – важно сказала она.

Номерами, разумеется, обменялись.

Музыканты уехали в тот же вечер, с ними укатил Семенцов. Соня опять ночевала на вписке, где прошлой ночью ей так любезно предоставили кровать и где столь пренебрежительно уложили на пол знаменитого музыканта.

– Они тебя тут бросили, что ли? – негодовал наутро хозяин квартиры. – Раз привезли, то и увезти обязаны!

– Да ладно, – отмахивалась Соня. – Я девочка взрослая, сама билет купить в состоянии.

– Ты ведь тоже певица! – воскликнула девушка Оля. – Как же корпоративная этика?

Оля была влюблена в хозяина квартиры и, пользуясь случаем и отсутствием других спальных мест, ночевала в его кровати. Он же на чувства не отвечал, зато фотографировал свою музу на Майдане с самодельным плакатом: «Я не хочу в ТС, я хочу кружевные трусики и ЕС!» – известнейший снимок, благодаря которому Оля считала себя знаменитостью.

Соня удивилась, а потом засмеялась:

– Я не певица! Я просто так, сама по себе! Вы не поверите, я даже не журналист!

– А мы думали, ты как Семенцов. Известная. Соня не выдержала:

– Слушайте, Семенцов – он кто?

Оля с хозяином вписки переглянулись:

– Ты серьёзно? Ты что, не знаешь эту песню?

И напели ей одну из самых знаменитых мелодий девяностых.

Именно в этот момент позвонил Сергей:

– Ну что, едешь? Я уже в Жулянах, рейс через два часа. Пришли мне эсэмэской данные паспорта, куплю тебе билет.

Московское утро следующего дня было тёмным, как нечищенные полотна Средневековья. Декабрьское небо придавило город тучами, и фонари, едва погаснув, снова загорелись. Машины стояли в пробках, метро качало дверьми в обе стороны и выдыхало на улицу тёплый воздух, люди спешили на работу.

Соня и Сергей проснулись в одной постели.

* * *

Да, всё было именно так, без лишних разговоров и объяснений. Просто и обычно.

И вдруг Соня поняла, что скучает по Киеву. По странному замёрзшему городу, которого тог-

да толком и не разглядела. По людям, с таким радушием принимавшим и москвича, и львовянина. По баррикадам и палаткам на улицах. По смешной интернет-знакомой Оле Сачковой, которая верила в революцию, как верят в Бога. По Лавре и дому Турбиных. По кораблям, примёрзшим к днепровскому берегу. По Жулянам, где терпеливо ждал её Сергей. В какой-то миг Соне показалось, что она может свершить невозможное: показать обеим воюющим сторонам, что в грохоте пушек не может быть правды. Что правы все и не прав никто. Что братья всегда остаются братьями и они не должны убивать друг друга. И Соня решилась.

«Уговорили, – написала она Лене. – Но для чистоты эксперимента начну со Славянска и Краматорска. Потом уже поеду в Киев».

«Отлично! Пишите мне и вашим доверенным лицам о перемещениях, о транспорте, номерах машин и т. д. Я дам вам номер наблюдателя ряда европейских организаций, это моя бывшая девушка, чудесный борец за справедливость в любых видах. Сможет быстро распространить информацию, если по каким-то причинам вас задержат. Скажете ей, что вы от меня.))) Если каким-то образом попадёте в зону локации любых воинских частей, пожалуйста, отключайте геолокацию в соцсетях или не постите фото оттуда (координаты сами по себе прописываются). Недавно у нас так новенькая девочка-волонтёр случайной фоткой навела обстрел на ребят в секретной дислокации».

В тот же день Соня повесила пост:

«Где наша не пропадала! Я еду на Украину».

«В Украину!» – тут же поправил её особо учёный комментатор.

«Вот вы идите «в», а я поеду «на», – ответила Соня.

Ничто не раздражало её так, как борьба с русским языком в защиту иноземной политики.

На автовокзале Соня едва успела купить бутылку воды и запрыгнуть в автобус.

Настрочила пост:

«ПОЕХАЛИ!»

Села в автобус Москва – Краматорск. Утром буду в Славянске.

Для таких же бакланов, как я: на «Новоясеневской» нет банкоматов! Никаких!

– Сбербанк на «Ясенево» есть... – задумчиво протянул работник метро.

Я взглянула в разверстную пасть подземелья и решила попытать счастья снаружи. В этих тщетных поисках в рекордные сроки до-

бежала до ближайшего Сбера. Под ним беспокойно шевелилась станция «Ясенево».

«Не обманул, зараза!» – с уважением подумала я.

Пока бежала, подсчитала активы. 350 рублей, 40 гривен, оставшихся с незапамятных времён, и одно яблочко. Очень весело при учёте того, что ситуацию с банками по ту сторону фронта не удосужилась выяснить. В общем, я в своём репертуаре!»

Потом Соня выключила телефон, чтобы не разряжалась батарея. Заснуть не получалось: на весь салон бухтел сериал про бандитов, которым водитель потчевал народ. Ещё очень хотелось есть, но санитарную стоянку всё тот же вредный водитель-украинец устраивал на безлюдной обочине, мол, вертитесь, дорогие пассажиры, как хотите. Ещё было страшно: неизвестно, как аукнется Соне предыдущая поездка, ведь не пускают на Украину тех, кто побывал в Крыму, а Донецк с Луганском – это, считай, фронт.

Когда через несколько часов Соня включила телефон, под сообщением стояли лайки и пожелания удачи, а в личке светилось сообщение от незнакомца: «Если вы едете в Славянск, вы подвергаетесь опасности!» – и ссылка на пост в «Живом журнале»:

«Гражданка России Софья Воскресенская, украинофобка и сепаратистка, в данный момент находится в автобусе, следующем по маршруту Москва – Краматорск. Конечная цель – Славянск.

Блог её можно почитать – единственное её горе, что нас мало поубивали.

Она уже была тут, незаконно пересекая границу, проезжая через сепарские пункты, месяц назад.

Вот щас мы тупо звоним в СБУ, распедаливаем ситуацию и смотрим, способны ли эти бэтмены с корочками, макарычами и мабилами с убийными номерами телефонов на что-то большее, чем крышевать ларьки и играть в тетрис на казённых компьютерах с девяти до шестнадцати.

Если вам не всё равно, позвоните тоже.

Только учтите, что с 18-00 у государства Украина безопасности нет. У них заведение там типа кафе, который в шесть вечера закрывается, это если секретарша-майор за час раньше с работы не отпросится. Тогда госбезопасность у нас будет только до пяти.

Томушо задрали это малопидвальные многозначительные чувачки в итальянских кожанках и с прищуренными взглядами. Мы им зарплату платим, отдавая из кровного. А они нас за наши же кошты пугают, многозначительно прищуривают,

но ни фигу мышей не ловят. Они своей корочкой преимущественно в ресторанах пользуются. Пора уже их самих пугать. Пусть или работают, или увольняются к копаной матери без пенсии. В совхозе работать, без кожанок и взглядов».

Соня растерянно смотрела на экран. Хлопала глазами. Тёрла лоб. Хмурилась и встряхивала головой. Она уже три раза перечитала это воззвание, а также комментарии, где в нецензурных выражениях предлагалось проломить ей череп, сдать на забаву «Правому сектору» или погранцам, записать монтажной пеной, придумать в подворотне... Предложений было много, но так или иначе они подразумевали физическую расправу. Более того, именно сейчас эти странные люди наперебой дозванивались в СБУ по поводу скромной Сониной персоны. Сперва нахлынула обида. Соня и без того не имела особой охоты ехать по другую сторону фронта, но ведь уговорили, заразы, практически гарантировали безопасность по типу «зуб даю». А стоило двинуться в сторону Украины, как началось вот это!

Соня опубликовала ссылку на пост в своём блоге.

«Считайте меня коммунистом!» – приписала она и снова выключила телефон. Необходимо было всё обдумать. Будь что пожевать, Соня бы не так паниковала, но зараза-водитель никак не желал останавливаться в приличных местах! Как будто услышав её мольбы, автобус сделал поворот и встал на цивилизованной заправке.

Соня ринулась в магазин.

В телефон сыпались сообщения: прочитавшие угрозы украинцев друзья требовали, чтобы Соня вышла из автобуса и вернулась домой. Соня храбрилась и отвечала, что отступить не призывала и «но пасаран!». Не хотелось показывать украинским троллям собственного страха, от которого уже начинало потряхивать. Всё бы ничего, но бесноватым неприятелям был известен маршрут и время отправления автобуса из Москвы, а это сулило много неприятностей, начиная от таможенных и заканчивая братоубийственной встречей на вокзале Славянска.

«Господи, ну кому ты нужна, – уговаривала себя девушка, – им лишь бы языком трепать». Но легче не становилось: среди трепачей всегда мог найтись фанатик, который не пожалеет для Сони кирпича.

В комментариях к сомнительному посту продолжали сыпаться угрозы, и Соне захотелось

плакать: она по-детски недоумевала, что плохого она сделала этим незнакомым агрессивным и хамоватым людям? Ведь она ехала затем, чтобы помочь, чтобы рассказать о них, она как последняя дура дала себя уговорить активистам, которые наверняка палец о палец не ударят, чтобы отбить её у разъярённой толпы. Воображение рисовало гопников с дубинками и шапками на пол-лица – как на Майдане, – с которыми очень не хотелось связываться. Но выходить из автобуса на ночную безлюдную трассу тоже не было желания.

К таможене подошли в четыре часа утра и до семи ждали своей очереди. К тому времени Соня окончательно поддалась панике, решила, что плевать хотела на чужое мнение, своя шкура дороже и, если на границе её завернут, она противиться не станет – вернётся домой.

Сон не шёл, в голову лезли мысли одна другой неприятнее, а потом рано поднявшееся солнце залило салон автобуса и пограничник стал собирать паспорта для проверки.

Взяв в руки Сонин российский загран, парень снова протянул руку и сказал:

– Приглашение?

Соня захлопала глазами:

– Какое приглашение?

Пограничник понимающе вздохнул:

– Пройдёте.

– С вещами? – уточнила Соня.

– С вещами, – кивнул пограничник.

Соня натянула шапку, подхватила рюкзак и двинулась к выходу. Они долго шли вдоль каких-то заборов и строений. Сонин паспорт конвоирнёс в руке, и в целом ситуация не радовала.

Встречный пограничник спросил:

– Куда ведёшь?

– К коменданту гарнизона.

Для истощённых Сониных нервов это оказалось слишком, и она громко всхлипнула.

– Та не бойсь, – засмеялся парень и распахнул перед ней дверь.

В небольшом кабинете сидела ко всему безразличная блондинка лет сорока.

Соня удивилась: коменданты в её понимании выглядели куда более внушительными.

– Что случилось?

– Приглашения нет, – сообщил Сонин сопровождающий, положил на стол её паспорт и вышел.

– Присаживайтесь, – устало пригласила блондинка и начала листать паспорт.

Периодически она отрывалась от страниц, что-то набивала на клавиатуре и внимательно смотрела в экран.

«По базам пробивает...» – поняла Соня.

С довоенного момента получения загранпаспорта Соня предпочитала ездить на Украину именно по нему, а не по общегражданскому. Не надо было заполнять квиток на въезд и хранить его до выезда, достаточно было тиснуть заднюю страницу штампом красного цвета с названием таможни: Казачья Лопань, Харьков, Жуляны, Котоп.

Сейчас это должно было сыграть ей на руку: она была проверенным резидентом. Соня как будто забыла, что собиралась не противиться возвращению на родину, ведь отказать во въезде могли не из-за поездки на Донбасс, а из-за отсутствия глупой бумажки от приглашающей стороны. И тут девушка вспомнила, что накануне целая толпа людей дозванивалась в СБУ насчёт её скромной персоны, и, возможно, им это удалось и, если сейчас блондинка найдёт в базе какой-нибудь отчёт о звонках... Наверное, её отправят в тюрьму, как злостную преступницу, и никогда она не увидит солнце родной земли... Страх слегка отпустил. Соня давно заметила: если пафосно и вычурно сформулировать происходящий вокруг ужас, то становится не так страшно.

И она затараторила с самым невинным видом:

10

– Я думала, что приглашение только парням надо, ну, ввиду положения на Украине, а у меня недавно друзья ездили, ни словом не обмолвились о том, что надо что-то ещё, помимо заграна, хотя одна из них одесситка... Она, наверное, сама выступила как приглашение, да? А всё, меня совсем не пустят, да? Обидно, меня уже родственники ждут в Днепропетровске, я туда с детства езжу.

Днепропетровск полгода как потерял половину своего имени, но комендант походил на человека, которому безразличны политические игры, и потому Соня сказала: «Днепропетровск», а не «Днепр».

– А в Славянск зачем едете? – спросила блондинка.

Соня похлопала глазами, залилась краской и сообщила:

– У меня там знакомый живёт, хотели развиртуализироваться. А оттуда уже в Днепр.

Блондинка понимающе кивнула.

– Учитесь, работаете?

– Полгода как уволилась... С шефом не ладили, – осторожно сообщила Соня.

Блондинка вскинула на Соню глаза, в её лице вдруг заискрился интерес.

– А что ж так?

Соня замялась и выдавила:

– Ну... ухаживать пытался... а я его послала. Пришлось уволиться.

Блондинка глядела сочувственно, и Соня поняла, что попала в десяточку.

– Сейчас надо будет заполнить анкету, понадобятся имена и адреса принимающей стороны. Можете назвать?

Имена Соня знала, а вот адрес никогда не могла запомнить. Обычно хватало номера маршрутки и названия остановки. И она продолжила врать с тем безмятежным видом деревенской дурочки, с которым можно счастливо прожить всю жизнь, так его и не осознав.

Выпустили её через час с квитком для таможенника.

– На его усмотрение. – И блондинка протянула Соне паспорт. – Счастливого пути.

Соня вышла, обливаясь потом. Возле двери ждал злой, опаздывающий водитель. Уехать без пассажира он не имел права, что происходит, не понимал и пытался ругать Соню, которая хотела только одного: в туалет.

– Нет времени! – возмущался водитель.

– Подождёте! – ответила Соня, закрывая за собой дверь.

Надо ли говорить о том, что таможенник, взглянув в заспанное, но обрадованное успехом Сонино лицо, махнул рукой и пропустил её по ту сторону границы.

– Я безобидная! – заверила она его на прощание.

В десять часов утра автобус въехал в Славянск.

Двадцать шестое января 1941 года

Она запомнила ощущение близкой смерти. Очень болела голова, но казалось, что всё пройдёт само, надо только отвлечься. Вернувшись из школы, Зоя принялась за уборку. Она принесла воды от колонки, с трудом затащила ведро на второй этаж. Вдруг мир закружился и стал двоиться, потом всё потемнело. Она успела услышать, как ударило что-то тяжёлое о половицы, но не поняла, что этим тяжёлым было её тело.

Очнувшись она в незнакомом месте. Матрас под ней был бугристым, не таким, как дома. И потолок – белёный, не деревянный с привычными пятнами сучков. Всё плыло, но она с усилием скосила глаза. Темнота заливала комнату, лишь снаружи в свете уличного фонаря носился бе-

лый снег. На столе рядом с кроватью поблескивал никелированный ящичек. Зоя закрыла глаза и снова провалилась в пустоту.

Это продолжалось долго: она то выныривала в реальность, то впадала в беспамятство. Словно видения, мелькали чужие незнакомые лица в белых шапочках и марлевых повязках. Зою выстукивали, выслушивали, вливали в рот какое-то горькое питьё. Перевозили в операционную, клали её непослушное тело набок, втыкали в спину иглу, и Зоя охватывала невыносимая боль, и она кусала губы, чтобы не застонать. Перед глазами из густой темноты выплывали яркие звёзды, Зоя летела между ними, то набирая скорость, то замедляясь.

Но однажды она ощутила такой давно забытый прилив сил, что смогла не просто скосить глаза, а ещё и повернуть голову в сторону окна. Она заметила, что лежит уже в другой палате, не в боксе.

Пожилая женщина в тёплом халате сидела на соседней кровати, но, заметив Зоино движение, подошла и склонилась к её изголовью:

– Что, девочка? Водички?

Зоя вздохнула. Только сейчас она почувствовала, как пересохло в горле. Соседка принесла полный стакан и напоила девушку.

– Видишь, перевели тебя в общую палату. Значит, теперь поправишься. Если что-то нужно будет – шепни. Да тебе, поди, трудно... Ну, или знак подай.

Зоя слабо улыбнулась.

Через несколько дней к ней в палату впервые пустили мать. Любовь Тимофеевна села рядом с кроватью, взяла дочь за руку. По лицу матери текли слёзы. Зоя слабо сжала пальцы. Она всё ещё лежала пластом и не могла поднять голову от подушки, но, собрав силы, прошептала:

– Не надо плакать. Мне лучше.

Любовь Тимофеевна всхлипнула в последний раз и начала быстро рассказывать. Дома холодно, но удалось достать дрова, сосед опять ругается с женой, Шурик почти перестал вечерами играть в футбол с мальчишками и в хозяйстве полностью заменил Зою. Обед готовит, делает уборку. Мыть полы он, конечно, не умеет, но зато как старается! Набрал чертёжной работы, сидит с ней до поздней ночи, а иногда и по утрам чертит, до ухода в школу.

– А в школе у вас тоже всё хорошо, Шурик придёт, подробнее расскажет. – Любовь Тимо-

феевна погладила дочь по руке. – Ты сильно отстала, нелегко будет нагонять. Но об этом потом. Пока что твоё дело выздоравливать.

Зоя согласно моргнула и сказала с трудом:

– Принеси что-нибудь почитать.

И Любовь Тимофеевна снова заплакала.

Но через несколько дней, когда Зоя смогла сидеть и уже не так быстро уставала, врач разрешил ей читать книги. Мать принесла две повести Гайдара.

«А жизнь, товарищи... была совсем хорошая!» Зоя осторожно закрыла книгу и долго вглядывалась в рисунок на голубой обложке. По дороге вдоль невысоких деревьев шли к горизонту двое: отец и дочь. Там, за синими горами, за дремучими лесами, наливались соком яблоки, цвела гречиха и собирали с неё мёд звенящие пчёлы. Там, рядом с мельницей, на реке строилась гидроэлектростанция, а из чёрных глубоких ям тащили люди белый, как сахар, камень.

– Там, над озером, раскинулся большущий сосновый лес. Есть в нём и грибы, и цветы, и малина, – прошептала Зоя.

В груди разливалось что-то очень хорошее. Зоя закрыла глаза. То ли это тропа в лесу, то ли дорога в поле. Ей, маленькой, ничего не видно, трава качается над головой. Только рядом в дорожной пыли белеют босые ступни отца. Рядом с его следами на дороге остаётся цепочка маленьких детских ножек. А если задрать голову, то видно, какой отец высокий и красивый. Он ведёт дочку за руку, а та хмурится: ей страшно, она устала. Она вырывает руку и изо всех сил обнимает отцову ногу. И тогда отец подхватывает её на руки и сажает себе на плечи. И весь огромный мир встаёт перед ней: скачет по ветке серая птица, жёлтые хлеба волнуются под ветром и растекаются над горизонтом синие дымы завода. От счастья хочется кричать, но она молча колотит ногами по отцовской груди. Клубы пыли заслоняют солнце – это мчится навстречу всадник, и горит на его будёновке красная звезда. Нет, не было у него будёновки, да и не мчалась лошадёнка, а плелась себе вдоль дороги, и дремал на ней соседский мальчишка Колька, прикрученный верёвкой, чтобы не свалился без седла.

– Пап, а куда он едет?

– А мы сейчас спросим. Храбрый всадник Колька, куда путь держишь?

А держит Колька путь домой из Соловьянки, от деда Никифора, которому мать передала целый мешок яблок да велела узнать про сенокос. Только вот кобыла не взнуздана, а пяток слушаться не желает и останавливается пощипать каждую травинку.

– Пап, а далеко Соловьянка?

– А вот пройдем Спокойные Хутора, там и Соловьянка.

– А за Соловьянкой что?

– Павловка, Александровка, Прудки.

– А дальше?

– Кирсанов, там наша мама училась. Вот ты подрастешь и тоже учиться будешь.

– Буду. А за Кирсановым что?

– Тамбов.

– А за Тамбовом Москва? Мы туда идём, да?

Отец смеётся, и Колька смеётся, и даже худая кобыла ржёт, вздрагивая телом. Отец ломает упругую ветку, очищает от листьев и протягивает Кольке.

– Но-о, пошла! – кричит тот, стегая лошадёнку по крупу, и они исчезают в Зоиной памяти.

А отец и дочь идут мимо хуторов и сёл, через поля и леса, идут пешком в огромный город Москву, где сейчас на больничной койке в обнимку с книжкой спит семнадцатилетняя Зоя.

Отец умер в этой же больнице семь лет назад. То воскресенье запомнилось детской обидой на нектати захворавшего отца. Были куплены билеты в цирк, Зоя и Шура мечтали о том, как увидят дрессированную собачку, умеющую считать до десяти, как учёный тюлень станет перебираться с бочки на бочку и ловить носом мяч. Но пришлось бежать за доктором, и провожать родителей в больницу, и сидеть дома, с нетерпением ожидая маму, которая бы вернулась и сказала, что операция прошла успешно и скоро семья снова будет вместе. Пропали билеты, но в Москве и без цирка столько интересного, и никто не умеет рассказать как отец про Замоскворечье и бульвары, про «валы» и «ворота». Детская обида сменилась нетерпеливым ожиданием, а после – изумлением. Внезапно в жизнь вошло слово «умер», и понять это не было никакой возможности.

В непогожий мартовский день Космодемьянские хоронили отца. Мать с дядей Серёжей оставили детей возле входа в Боткинскую больницу, а сами отправились в морг за телом.

«За те-лом...» – повторяла Зоя про себя. Потом произнесла вслух. Слово было сухим и безжизненным, как осенний листок. Она переставила ударение и попыталась придумать рифму. Получилось: «слом» и «поделом». Порывами налетал ветер, колючий воздух обжигал лицо, и Зое казалось, что темнота, сгустившаяся в небе, никогда не рассеется.

– Шура, прекрати! – закричала она брату.

Найденной где-то палкой тот бил по лужам, проламывая хрупкий весенний лёд, поднимая высокие брызги, хохоча и всё громче распевая песню собственного сочинения, в которой нельзя было разобрать слов. И такой восторг перед жизнью гремел в его голосе, что Зое захотелось разрыдаться и дать брату оплеуху.

Потом на грузовике они ехали на восток города к далёкому кладбищу, где дяде Серёже удалось получить место под могилу зятя.

Шура не отлипал от окна и чуть что толкал Зою локтем и шептал:

– Смотри, какой дом с загогулинами! А вон старуха с собакой, собака как прыгнет! А там дым из трубы, это идёт паровоз!

Зоя лишь глубоко вздыхала.

– Кого везёте? – спросил молодой водитель в замасленной кожанке.

Зоя повернулась к нему и строго ответила:

– Отца.

– Да... – протянул водитель. – Невесёлый у меня нынче груз.

«Груз, – подумала Зоя. – Был папа, а стал – груз. И ещё – покойник... Труп... Мертвец... Умерший...»

Она посмотрела туда, куда показывал Шура, и продолжила: «Скончавшийся...» – но больше слов не придумывалось, и Зоя рассердилась на себя за привычную и любимую игру, потому что сейчас полагалось горевать.

Тимирязевская академия, где отец работал бухгалтером, выделила для похорон сотрудника крытый грузовик. Детей посадили рядом с шофёром в кабину, а мама с дядей Серёжей полезли в кузов. «Караулить гроб», как сказал дядя Серёжа. Его пугало молчание сестры, но утешать её он не решался и потому в меру дозволенного шутил с детьми. Ему самому довелось побыть вдовцом, когда более десяти лет назад умерла первая жена Ольга, оставив мужа с трёхлетним сыном на руках. И ничего, помогла родня. Правда, было это в Осино-Гаях, при матери с отцом. Ну а в Москве он Любаше взамен отца.

Грузовик подскочил на ухабе, и Сергей с силой навалился на гроб, чтобы тот не раскрылся. Крышка была не сильно прихвачена гвоздями: в больнице понимающе отнеслись к тому, что большинство родственников придёт проститься на кладбище, и не стали забивать намертво.

Гроб внесли в церковь, раскрыли, и высокий старик в серебристом одеянии поверх чёрной рясы стал распевать малопонятные молитвы. В пустом здании тягучие слова отлетали от круглых сводов потолка, метались по церкви и падали под ноги, к промокшим башмакам. Зое было неуютно и странно.

Бабушка Марфа когда-то давно рассказывала ей о том, что в её роду по отцу было много священников, а дед почитается за святого и что отец должен был стать священником, но грянула революция, и людям теперь не нужен Бог, а нужен красный уголок и потому церкви закрыты. Набожной и покорной Марфе прежде некому было жаловаться, кроме Бога, и потому она рассказывала маленькой внучке свою жизнь вместо сказок.

– А почитается – это как? – спрашивала Зоя.

– Это значит – уважение ему большое от народа, слава добрая.

– Как Ленину?

– Как Ленину, – вздыхала бабушка. – Только здесь близкий заступник: попросишь его о чуде, а он Бога попросит. Вот и будет тебе чудо на земле.

– А если я у него попрошу, чтобы мама скорее приехала?

– Может, услышит. Твой дед добрый был.

– Он и сейчас добрый!

– Другой дед. Я про другого говорю.

– Разве мой дед не Тимофей?

– И Тимофей, – соглашалась бабушка. – И Пётр.

– А где этот Пётр?

– Умер. Возле церкви лежит, помнишь, мы проходили?

– Почему умер?

– Враги утопили, а по весне нашли тело целёхоньким и будто живым. Разве что не дышал.

– А враги – это кто?

– А никто, внучка...

– Как это – никто?

Бабушка опускала на колени штопку, которую из-за близорукости держала возле глаз, и говорила:

– Подрастёшь – узнаешь.

Зоя так и не поняла, кто были враги, утопившие деда, но запомнила, что дед у неё – как Ленин, и через несколько дней высказала это другому дедушке – Тимофею. За что отхватила ремнём по мягкому месту, вечер проревела белугой, но навсегда запомнила, что есть на свете истины, в которые необязательно посвящать посторонних.

– Ты что ж, глупая, – утешала бабушка, – про себя думай, а другим-то зачем говорить? Позавидуют да побьют. Вон как Тимоха позавидовал! А я тебя научу, как тихонько молиться...

И Зоя никому не говорила про «дедушку как Ленина», но знала, что он может сделать чудо.

И во время болезни отца девочка молилась своему святому деду, и сейчас в церкви она просила о чуде. Но чуда не происходило.

– Делайте как я, – велел дядя Серёжа, вручая каждому зажжённую свечку, и дети повторяли: крестились и опускали головы, когда крестился и опускал голову дядя Серёжа.

Неожиданно присмирел Шура. Поначалу он оглядывался на гроб, но из-за роста не видел утонувшего в нём отца. Сладкий запах и звук от качающейся плошки в руках священника заворожили мальчика, и теперь он не сводил глаз со старика, врождённым чутьём угадывая правильность происходящего. А Зоя не отводила взгляда от мамы. Как взрослая, десятилетняя, она понимала, что в их семье всё внезапно и бесповоротно изменилось, что придётся перестроить быт и вообще всю жизнь, что не будет больше того незамутнённого счастья, царившего в небогатой семье. Зоя пыталась поймать мамин взгляд, чтобы молча сказать, что всё будет хорошо, что дети повзрослели и теперь от них будет куда больше помощи, но мама в чёрном платке всё смотрела куда-то вперёд, сквозь открытые золочёные воротца на то место, где, по рассказам бабушки, живёт Бог. Зоя пригляделась, но не увидела там ничего, кроме колеблющегося света свечи.

Когда священник разрешил проститься с покойным, дядя Серёжа по очереди приподнял детей над гробом. Зоя очень близко увидела бледное лицо с белой бумажкой на лбу. Было невозможно понять, что вот этот осунувшийся человек в гробу – отец. Жизнерадостный и красивый отец. Что не помог ни дед, ни Бог и навсегда исчезли голос, и движение, и улыбка. И хотелось смотреть на него, смотреть на него, смотреть... Священник приподнял с груди покойного про-

стыню и накрыл его с головой. И внезапно что-то оборвалось, как будто лишь сейчас закончилась земная жизнь близкого человека. Пронзительно вскрикнула мама, шумно задышал дядя Серёжа, и громко, навзрыд заплакала Зоя. А восьмилетний Шура смотрел, как намертво заколачивают гроб, и откуда-то знал, что смерти нет. Он понимал, что будет трудно жить на белом свете, особенно сейчас, когда горе стоит вплотную к семье, но за колеблющимся светом свечи в алтаре он разглядел большее, чем жизнь.

Потом они снова мокли под дождём, а земля стучала о гроб, и невозможно было унять слёзы, и нельзя было никому рассказать про священника и его звенящую плошку со сладким дымом, и не осталось никакой надежды на сильное мужское плечо.

* * *

Зоя шла на поправку медленно, и профессор Маргулис посоветовал Любви Тимофеевне хлопотать о путёвке в санаторий.

– Пусть побудет там хоть месяц, окрепнет, наберётся витаминов. – Профессор пригладил щёткой пышные седые волосы. – Ведь, знаете, иммунитет у неё плоховат. Да, плоховат. Отсюда и менингит, а потом и хуже может быть. Пока что вам повезло. Попала бы к другому врачу... – Он с сомнением покачал головой, но тут же поправился: – Я вас не пугаю, не пугаю. А вообще, хорошая у вас Зоя, отдали бы её мне в дочки!

Любовь Тимофеевна машинально кивнула, затем подняла глаза и увидела улыбку профессора.

– Я постараюсь, – ответила она про путёвку, проигнорировав шутку.

Путёвку достали через школу. Нервно-психиатрический санаторий-лечебница находился в Сокольниках, и, выписавшись в понедельник из Боткинской, в пятницу 24 января в сопровождении Саши Зоя отправилась за город – сначала трамваем, потом долго шли пешком.

– Какое всё белое! – смеялась она. – И воздух какой, Шурка!

Саша нёс чемоданчик сестры и делился познаниями:

– А ты знаешь? В этой роще во время Отечественной войны жители Москвы прятались от Наполеона. А как французов погнали, то люди стали восстанавливать сожжённые дома, и опять роща пригодилась – на брёвна пошла.

– Сама пошла? Пешком? – дурачилась Зоя.

– Нет, разумеется. Вырубили.

– Шурка, ну какой ты скучный! Вырубили! – передразнила она брата. – Нет, это деревья встали, обнялись на прощание, как верные братья, и зашагали в город. На подмогу обездоленным. Не щадя себя. Ради жизни на земле!

Зоя произнесла это так пафосно и серьёзно, что первая же и захохотала, и затормошила брата за плечи.

– Но как же хорошо! Как же здесь невероятно хорошо! А улица нам нужна Большая Оленья. Представляешь, если там ходят олени? Я с ума сойду от радости.

– Лыжники там ходят, а с ума я с тобой сойду: то деревья у тебя ходят, то олени...

Саша донёс чемоданчик до нужного крыльца и остался ждать на улице. Он ворчал не по злобе, а для порядка, слишком страшно ему было готовиться к смерти сестры, и нынешнее осознание того, что она совсем, полностью здорова, не умещалось ни в его голове, ни в его широкой груди.

А в Сокольниках, действительно, было хорошо: вязы и дубы утопали в залежалом снегу, в котором запутались и застыли цепочки беличьих и заячьих следов. Издалека доносились чьи-то голоса, дворник шаркал метлой, и скакали по веткам две синицы. Солнце выглядывало сквозь рваные тучи. И всё пережитое за эту страшную зиму исчезало, растворялось в окружающей красоте.

Зоя выскочила из дверей и бросилась к брату:

– Шурка, ты знаешь, кто здесь отдыхает?

Саша покачал головой.

– Ну, подумай! Мы любим его книги!

Глаза Зои сияли от восторга.

Саша подумал и ответил:

– Неужто Маркс?

Зоя быстро огляделась, а потом сказала сердито:

– Глупая и неуместная шутка!

Она подняла чемодан и собиралась уйти.

– Ладно, не обижайся. – Саша вырвал чемодан из рук сестры. – Пойдём, помогу донести.

Зоя молчала и всем видом давала брату понять, что она сердита.

Саша заговорил, когда они поднимались по лестнице на второй этаж, где находились палаты отдыхающих.

– Ну и что же за писатель тут отдыхает? Мэа Шолохов? Аэн Толстой? Ну чего ты пыхтишь, как дедушкин самовар?

Зоя заговорила только войдя в комнату и закрыв за собой дверь. На второй тумбочке лежа-

ли чьи-то вещи, но соседка, вероятно, ещё не вернулась с завтрака.

– Знаешь, Александр, – Зоя прокашлялась, как перед докладом, – это ведь не просто дурацкая шутка, невинная шутка. Это пренебрежение теми людьми, которые ведут нашу страну по пути марксизма-ленинизма. Как будто не понимаешь, сколько врагов вокруг нас и среди нас и как они пытаются нас растлить, подорвать авторитеты. Ты взрослый человек, Александр, ты комсомолец! А комсомольцы отвечают уже не только за себя, но и за страну. А наша страна, между прочим, стоит на пороге войны! Как же ты смеешь так шутить? Зачем ты даёшь врагам повод втянуть тебя в нехорошую историю?

Зоя говорила горячо и убедительно. Саша покраснел. Он не любил проработок и терпеть не мог, когда сестра называла его Александром. Но, привыкнув с детства подчиняться ей, огромный парень не находил слов в своё оправдание и лишь жалобно спросил:

– Зой, ну какие враги? Кто?

Зоя тяжело вздохнула и покачала головой:

– Да никто. Подрастёшь – узнаешь!

Саша поморгал, тяжело вздохнул, потом спросил:

– Ну... я пойду?

Зоя кивнула и пожала ему на прощание руку.

Несколько дней спустя она гуляла по лесу и вышла к большой поляне.

На поляне стоял гарнизон снежной крепости. Это только невнимательный и нечуткий человек принял бы их за снеговиков, а Зоя сразу поняла, что снежные войска вооружены и опасны. Два снеговика держали ружья «на плечо», два – «на караул», два стояли навывтяжку – «руки по швам», без оружия. А самая маленькая, седьмая баба сидела в просторной, слепленной из снега палатке за прилавком и торговала всякой мелочью: сосновыми шишками и вороньими перьями.

Большой человек в шинели и кубанке занимался ремонтом: он приглаживал снег на палатке, выравнивал оружие, прилеплял снеговикам отбитые руки. Отходил, чтобы полюбоваться, а потом снова брался за дело. Светило солнце. Неслышно падали хлопья снега с деревьев. Человек был похож на свои фотоснимки, и Зоя заулыбалась от восторга.

Гайдар обернулся:

– Вы ко мне?

— Нет, — сказала Зоя. — Я не к вам, я сама по себе.

— Так не бывает, — ответил Гайдар. — Это только старый кот ходил сам по себе в джунглях, и ничего из этого хорошего не вышло. Хотите мороженого?

Зоя окинула взглядом пустой парк и недоверчиво спросила:

— Откуда у вас мороженое?

— Мы вчера заняли эту белую крепость, — серьёзно ответил Гайдар. — Пушки и ружья больше не стреляют. Старая маркитантка по-прежнему торгует своими запасами. Мы не обижаем мирных жителей.

Он снял рукавицу, залез рукой в снежную палатку и, пошарив там немного, вытащил из потайного уголка два фунтика мороженого эскимо.

— Вам сливочного или шоколадного? — спросил Гайдар.

Девушка удивилась:

— Это что, эс-ки-мо?

— Вы никогда не ели эскимо?

— Конечно нет. Мы с братом только мороженое в вафлях покупали трижды. Шуре один раз попалась вафля с его именем, а мне ни разу! Мне всё Тани попадались. А про эскимо я в «Пионерке» читала. Писали, что скоро начнётся массовое производство и тогда по всему Союзу будут распространять эскимо.

Гайдар смотрел в сияющее Зоино лицо и всё больше хмурился.

— Стыдно признаваться, но я вас обманул. Виноват. Сильно вы рассердитесь, если я скажу, что какое-то это не эскимо, а просто снег на веточке в весёлом фантике?

Зоя отвела взгляд, но потом взглянула на Гайдара с прежней улыбкой.

— Я вас знаю, — сказала она. — Вы писатель Аркадий Гайдар. Я знаю все ваши книги.

— Я тоже вас знаю, — сказал Гайдар. — Вы учитесь в девятом, нет, в десятом классе. И я тоже знаю все ваши книги: алгебру Киселёва, физику Соколова и тригонометрию Рыбкина. Вы мечтаете о подвиге. Гром далёких сражений не даёт вам спать по ночам, и это понятно, потому что сражения эти не далёкие, а совсем близкие. Слышите? — Он поднял руку и замер, к чему-то прислушиваясь.

— Слышу. Колокол к обеду звонит. Надо идти.

Гайдар рассмеялся, подтолкнул Зою, и они пошли к корпусу.

— А зовут вас, наверное, Марусей? Или Наткой?

— Зовут меня Зоей, я учусь в девятом классе, а в санатории отдыхаю после болезни. И может быть, мне даже нельзя мороженого, — с облегчением вспомнила Зоя.

Гайдар удивился:

— Что же это за несправедливая болезнь, после которой человеку нельзя мороженого?

— Менингит. Я пролежала несколько месяцев в Боткинской. В этой больнице умер отец, и мама боялась, что я тоже умру. А я выжила. Мне почти всё уже разрешили: и спортом заниматься, и учиться. Только про мороженое я не знаю.

Гайдар кивнул:

— Разберёмся. А, вот опять! Ну, теперь-то вам ясно, что это пушки?

Снова забил колокол, звук его раздавался ближе, Зоя и Гайдар подходили к корпусу.

— Это пулемёты работают далеко-далеко, в Греции. А это, кажется, бьют марш-поход наши барабаны: каждому отряду своя дорога, свой позор и своя слава.

— Это вы очень хорошо написали, — кивнула Зоя.

— Правильно, дорогой товарищ, — ответил Гайдар. — Это я очень хорошо написал. А вы, абсолютно точно, сочиняете стихи. Наверное, подруги хвалят?

Зоя вздрогнула и с испугом посмотрела на Гайдара.

— Ну-у? — воскликнул он. — Признавайтесь!

И улыбнулся так по-детски, что Зоя не выдержала и засмеялась.

— Я их никому не показываю.

— И даже маме?

— И даже маме.

— И даже брату?

— И даже брату.

Гайдар задумался.

— Плохо дело. Вы совершенно лишены честолюбия.

Он скатал снежок, швырнул его в дерево, но промахнулся.

— Почему плохо? — удивилась Зоя. — Честолюбие — это изъян сильного характера. Зачем комсомольцу быть честолюбивым?

— А вы вслушайтесь в слово. Честолюбие! Это не только любовь к почестям, но ещё и любовь к собственной чести. Желание добиться большего.

– Большого для себя, – возразила Зоя.
– Но ведь жизнь настоящего патриота неотделима от жизни его страны.

– А если я ненастоящий?

Гайдар взглянул на девушку с изумлением:

– А вы ненастоящий?!

Зоя смутилась:

– Нет, я не то сказала. Но ведь должно оставаться здоровое сомнение в своих силах?

– А представьте: война! И надо защищать родину. Неужели вы будете сидеть и сомневаться в своих силах? Сложите ручки и подождёте, пока кто-то другой вас защитит?

– Да ведь стихи не война!

– Ещё какая война! Каждое стихотворение, каждый рассказ – это бой местного значения. И если не включиться в борьбу, не встать в полный рост под шквальным огнём, не забросать врага гранатами, не заставить его отступить... – Гайдар говорил медленно, обдумывая слова, как новый рассказ. – Тогда отступить придётся нам. А нам отступить никак нельзя.

И он снова швырнул снежок в дерево. Послышался шлепок, берёза дрогнула веткой. На землю посыпалась снежная пыль, и взлетела, крича от удивления, серая дура-ворона.

Гайдар отряхнул руки и хвастливо сообщил:

– Вот так!

Зоя улыбнулась. Они молча подходили к сапаторному корпусу. Сбоку от входа висело объявление: «Прокат коньков и лыж».

– А на коньках вы катаетесь? – спросил Гайдар.

– Катаюсь. У нас рядом с домом пруд, он зимой замерзает, и мы с братом расчищаем каток.

– А на лыжах?

– На лыжах умею, но своих нет, – вздохнула Зоя.

– Решено! Завтра после обеда идём на лыжах за белые поля, за синие леса. В дальние страны. Приглашаю!

Зоя онемела от восторга.

– Ну, согласны? – Гайдар снял перчатку и протянул девушке руку.

Она тоже сняла варежку, пожала большую тёплую руку и робко спросила:

– Правда?

Гайдар засмеялся:

– Идёмте. На обед опоздаем.

2016 год. Славянск. Первый день

Тем временем сетевая ситуация накалялась. Бесноватые стали искать сторонников непосредственно в Славянске. Бездействие СБУ и Сони наглость в прохождении таможни заставляли диванных вояк клацать зубами и давать путешественнице самые обидные характеристики. Правда, находились и те, кто понимал, и что никакого закона Соня не нарушала, и даже пытались донести это до воющей толпы линчевателей, но в итоге сами получали по зубам.

Эпитеты не радовали разнообразием: «тварь», «мразь», «падаль», «быдло-баба». Последнему комментатору горячо возражал автор поста:

«Это не просто баба.

Это крытая жабой гадюка. Ты блог ее почитай.

Если я вздумаю поехать в Россию, например, меня самое дальнее в Белгороде закрутят. А тут всем чихать.

То есть они с нами воюют, хотя у них войны с нами нет. А мы с ними не воюем, хотя война у нас с ними есть.

Ты просто осознай!»

Соня честно пыталась осознать, как эти люди с ней не воюют, но удавалось плохо. Ссылки на «миролюбивые» посты она исправно публиковала в своём блоге, получая такую же тонну недоумения и негодования от читателей.

Утром она приехала на адрес вписки, познакомилась с проукраинской хозяйкой Машей и её соседями-сепаратистами, подивилась их гармоничным отношениям.

– Так а шо ссориться, это вон политики могут ссориться, а нам ещё под одной крышей жить. А у Марьи эта дурь рано или поздно пройдёт, – пояснили соседи. – Ну, как там в Донецке?

– Стреляют, – развела руками Соня.

Школьная учительница Маша, больше похожая на старшекласницу в очках, тоже неплохо относилась к соседям.

– Та всё же хорошо! – сообщила она. – Они только притворяются сепарами, а на самом-то деле тоже за Украину.

Соня морщила лоб и кивала, как будто это было очевидно.

Ближе к вечеру они с Машей отправились в «Теплицу» – заведение для молодёжи, напоминавшее бесплатное антикафе.

– Я плохо в политике разбираюсь, а там придёт парень, он у нас рулит среди молодёжи. Попросим его тебе всё показать, ну, типа, экскурсию сделать.

Они ехали петляющей маршруткой из Машиного микрорайона в центр, потом шли дворами, пока наконец не добрались до пункта назначения.

Соня моментально оценила расположение помещения, хороший ремонт, перспективную площадь, на которой мог бы разместиться симпатичный ресторан.

– Нам американцы помогают, поэтому здесь всё круто. Играем в настольные игры, концерты даём...

– В помощь фронту?

– Нет, для себя.

– А если посещение бесплатное, то кто выделяет деньги на чай и кофе?

Маша задумалась, а потом пожала плечами:

– Администрация города вроде помогает.

Обещанный молодой человек действительно оказался знатоком политической ситуации. Поправляя очки, он долго втолковывал Соне, почему россиянам должно быть стыдно.

– Сейчас линия АТО отодвинулась от нас, но пока тут были российские войска, нам, мужчинам, приходилось прятаться, чтобы не забрали. Говорят, милиционеров, которые не перешли на сторону Стрелкова, постреляли.

– Кто пострелял? – уточнила Соня.

Вторые бессонные сутки давали себя знать, и девушке было безразлично, что ей говорят и куда ведут, лишь бы скорее закончилась эта мучительная экскурсия с привкусом покаяния.

– Россия, кто же ещё! – Он выплюнул ненавистное слово изо рта и с пристрастием посмотрел на Соню. – А нам приходилось прятаться! Кто, по-вашему, виноват?

Соня огляделась и вдруг поняла, что чужой, неуютный город покрылся темнотой. Жёлтым маслом растекался свет от фонарей. Глаза резало, как от песка.

– Путин виноват. Пойдёмте, я покажу это отделение, которое Стрелков штурмовал.

– Может, не надо? – взмолилась девушка.

– Тут недалеко!

И парень решительно направился к другому концу площади. Соня поплелась за ним. На площади кто-то играл на баяне.

– Всегда тут играет, круглый год, – сообщил парень. – А вот там Ленин стоял, теперь только постамент остался.

Соня разглядела в темноте нечто кубообразное, непонятно зачем оставленное без хозяина. Они прошли мимо пиццерии «Челентано», и Соня удивилась: точно в такой же она обедала в Донецке.

– Это сеть, они по обе стороны АТО работают.

– Врагов кормят?

Парень промолчал.

«Война войной, а обед по расписанию!» – подумала Соня.

– Вон то окно! Броник подогнали, решётку сдёрнули – вот и весь штурм. А вон там детская библиотека, если будет время, сходи. Американцы помогали восстанавливать, там сейчас очень круто.

– Так же круто, как в «Теплице»? – уточнила Соня.

Парень посмотрел на неё прокурорским взором.

– Там американцы помогали, тут американцы помогали... – осторожно пояснила Соня.

– Вам Маша так сказала?

Тон его не предвещал ничего хорошего.

– А что, это не так?

– В «Теплице» они помогали инициативно, чтобы молодёжь города объединилась в реальную силу, а не отсиживалась по домам. А в библиотеке помогали делать ремонт. Понятно?

Соня уже не могла выносить агрессию. Её переизбыток давил грудь, и тяжело было дышать.

– Понятно.

Когда они вернулись, в «Теплице» вовсю шла какая-то непонятная игра. Парни и девушки сидели кружком и разговаривали, периодически выкрикивая: «Ола!» Соня забилась в угол и старалась слиться со стеной.

Её проводник подошёл к Маше и увёл в сторону.

«Наверное, втык даёт...» – печально подумала Соня.

Ей до дрожи и тошноты хотелось спать, ещё хотелось помыться и сбежать с этой территории ненависти. В интернете продолжали бесноваться диванные вояки. Они успели дозвониться до СБУ и теперь негодовали по поводу того, что официальные органы «не знают, что им делать с этой информацией». И от сознания собственного бессилия перед миром Соня тихонько плакала.

Подошла Маша.

– Ты чего-о-о? – умилилась она и обняла Сонину голову. – Не переживай! Сейчас поедem: выпьем, расслабимся. Нас в гости позвали.

Двадцать шестое января 1942 года

Ещё осенью редакции столичных газет были вывезены на восток, горстки оставшихся сотрудников перешли на казарменное положение, проще говоря, дневали и ночевали в здании «Правды» на Бутырском Валу. Найти корреспондента, сдёрнуть его, спящего, с дивана или стола и отправить с заданием в пекло — это было запросто.

Литсекретарь с женой — сотрудницей «Известий» — соорудили из опустевшего кабинета на третьем редакционном этаже жилую комнату. На натянутой поперёк кабинета верёвке сушилось бельё, принесённая из дома печка-буржуйка протыкала трубой забитое фанерой окно. Не только в середине рабочего стола, но и на другой мебели не лежало толстого слоя пыли, и даже был вымыт пол. Женщина, сама работая на износ, как-то умудрялась обиходить мужа и создать уют там, где его не могло быть. Такая семейственность не поощрялась, но и запрещать её было бессмысленно: жёны остальных работников находились с детьми не ближе Казани. Правда, пытался один женатый товарищ свить себе гнездо с незамужней наборщицей из типографии, даже комнату начали обживать, но хватило одного разговора с главным редактором, для того чтобы прекратить безобразие. Девуцу, конечно, пришлось отправить в эвакуацию, распределив её нагрузку между оставшимися наборщиками мужского пола, но это редактор обещал припомнить парочке после войны. Остальные сотрудники редакций были обречены на походный холостяцкий быт, на пустые холодные помещения. Потому в «семейном» кабинете отбоя не было от гостей: у любого военнослужащего находился важный предлог, чтобы хоть на часок прикоснуться к миру, где чисто и тепло, где прекращается война, потому что женщина варит кашу из мужниного пайка и пришивает подворотничок к его гимнастёрке.

Сергей Струнников не успел остепениться до войны, от холостяцкого быта не страдал и в семейном кабинете не появлялся. Чаше его можно было встретить в фотолаборатории, а иногда, пользуясь попустительством главного редактора и корреспондентским пропуском на комендантский час, он и вовсе уходил ночевать домой — в дом напротив телеграфа.

Главный редактор Пospelов знал, как важно сохранять газетчикам способность чувствовать

и передавать эти чувства другим, как важно не ошибиться в слове и снимке, а потому позволял подчинённым многое, за что самому ему грозили неприятности.

Для опознания неизвестной партизанки военкору Лидову требовался фотограф, с этой просьбой он и пришёл к главному редактору.

— Найди Струнникова, пока он здесь, езжай с ним, — подумав, сказал Пospelов. — Он и труп снимет как милую краплю, глаз намётанный.

Пospelов знал, о чём говорил: отец Сергея — Николай Струнников — был знаменитым художником, учеником Серова и Репина, другом Гиляровского. Сын унаследовал художественный вкус и цепкий глаз отца, но профессией выбрал фото- и киносъёмку. В тридцатых годах окончил операторский факультет техникума кинематографии. Работал оператором на картинах режиссёра Пудовкина, и тот с восторгом отзывался о молодом работнике. После много ездил по стране. Прокладывал путь во льдах на ледоколе «Красин». С партией геологов исследовал тайгу. Снимал осаждённую немцами Москву. Ходил с партизанами в тыл неприятеля. И отовсюду привозил тонны фотоснимков для московских газет.

29

И сейчас, когда Лидов отчаялся установить имя героини, погибшей в Петрищеве, и цеплялся за последнюю возможность опознания девушки её друзьями — по фото, которое должно сопровождать очерк в газете, имя Струнникова первым пришло на ум главреду Пospelову.

Лидов помнил Струнникова по осени сорок первого. Вежливый красавчик не внушал ему особой симпатии, но работу свою знал и любил. Исподтишка снимал баррикады, здания, людей на улицах, после чего — при помощи бдительных граждан — в обязательном порядке посещал центральные отделения милиции. Там к нему привыкли и отпускали «диверсанта» без обязательного в таких случаях звонка в редакцию. Струнников не заставлял своих персонажей позировать или изображать эмоции, он выжидал момент и фиксировал событие только тогда, когда вся драматургия оказывалась налицо, и потому люди на его снимках были живыми. Именно в этой его способности оживлять мёртвых и нуждался Лидов.

— Посмотри в лаборатории, у фотографов, — посоветовал Пospelов. — Скажешь, я распорядился.

— Как его — Сергей Иваныч?

— Николаич.

Струнников как раз закончил проявлять плёнку, кивая, выслушал задание главреда, спросил, во сколько выезд, и ответил коротко:

– Годится.

Струнников в буквальном смысле вышел из леса только через месяц после начала войны: он сопровождал партию геологов в сибирской тайге. Сорок дней искали алмазное месторождение, выкуривали мошку, отгоняли от стоянки любопытного медведя, продирались сквозь заросли, под конец экспедиции едва не утонули в трясине, но к людям вышли всё-таки ни с чем.

– Не бери в голову, Серёга, – утешали Струнникова геологи. – Случаются неудачи. Значит, не там искали. Вот подготовимся, ещё раз пойдём. Вся теория говорит, что должны здесь быть алмазы.

Струнников не расстраивался: неделю назад кончилась последняя плёнка, и в глубине души фотограф ликовал, потому что цивилизация была близко.

Ещё ночью бывалый проводник учуял запах деревенских дымов, потом вдали пропел петух, а к полудню расступились деревья, показались крыши обжитых таёжных домов. Карта утверждала, что деревня зовётся Зайки.

Председатель сельсовета в длинном бараке конторы долго и придирчиво изучал документы каждого геолога, оценивал бороды и рюкзаки, с недоверчивым прищуром осмотрел фотоаппаратуру Струнникова, возвращая документы, шумно тянул носом, отыскивая запах костра и пота, наконец, поверив, сказал:

– Сами понимаете, война.

Геологи растерянно переглянулись. Струнников почувствовал, как по шее поползли мурашки.

– Уже? – уточнил начальник партии.

– Уже, – подтвердил председатель.

Спрашивать – с кем, было излишне. Войну с Гитлером ожидали в самое ближайшее время, к ней готовились, но ни один мужчина не предполагал, что она начнётся в его отсутствие. Смешно сказать: войну проспали в лесу!

– Тут наш отряд должен стоять.

– Был отряд. Только в район все подались.

– Надо догонять. Давно подались?

– Так сразу же, в июне. – Председатель развёл руками и повторил: – Сами понимаете, война.

Теперь приближался август, и не приходилось рассчитывать на то, что изыскателей дождутся в районе.

– Догонишь их теперь, – невесело усмехнулся Струнников.

Председатель, с длинным носом и бородой, похожий на старообрядца, ещё раз взглянул на геологов и твёрдо заявил:

– Завтра будете догонять. Первым делом в баню, потом накормлю вас. Ну, а спать, уж не обессудьте, на соломе будете: с перинами в деревне небогато. Разве что баба какая приголубит. Да ведь и эти сороки с войной строги стали, ой строги!

В голосе его послышалась обида.

После сорока дней в тайге баня казалась чудом. Пока председатель растапливал печь, мужики натаскали воды от реки, наломали берёзы на веники. В тёмной низенькой парнушке гудело раскалённое, как солнце, колено трубы, пахло горячим деревом и вскипевшей по стенам смолой. Струнников не привык к банному жару и не полез на верхний полоч, а геологи блаженствовали и всё поддавали пара. Пот крупными каплями выступал на влажном лбу, груди, бёдрах, скатывался градом по телу, и казалось странным, что мокрое может стать ещё более мокрым. Перед глазами качался туман, векам было тяжело от набрякших ресниц, приходилось часто моргать, но вместе с потом тело сбрасывало грязь, и Струнников до красных полос чесал кожу, которой так захотелось наконец стать совершенно чистой!

– Жалко, мочалки нет, – посетовал он.

– Балованный ты, Серёга! Вон же у двери сено. Возьми клочок да трись.

Про сено Струнников не сообразил, хотя в лесу его учили оттирать грязь с тела пучком травы – они тогда стояли возле небольшого таёжного озера. Развели костёр у самого берега: и воду греть, и мошку отгонять. От травы мокрая кожа зеленела и пахла чем-то родным, памятным, тревожным для москвича, который не привык к лесу. И тишина в лесу была волнующей, не московской. Кругом на сотни вёрст не было ни одного человека, кроме них четверых, только сосны с лиственницами шумели над головами, изредка кричали птицы да где-то неподалёку бродил незлой медведь. Так его проводник Сашка прозвал – «незлой».

– Почему незлой? – как-то раз полюбопытствовал Струнников.

– Злой бы нас давно задрал!

Обросший за время экспедиции, мускулистый, Сашка сам походил на незлого медведя.

Геологи всё же загнали Струнникова на верхний полк и от души отхлестали веником. Потом окатили водой из деревянной бочки и выпихнули в загородку предбанника. Струнников шлёпнулся голыми ягодицами на деревянную скамейку. Колотилось сердце, от тела валил пар. Всё вокруг медленно покрывалось первозданной чистой усталостью. Молочный туман опускался на таёжный посёлок. С выпаса возвращались коровы, и, встречая их, перекликались женщины. Где-то заготовили гуся.

«С гуся-лебедя вода, а с Серёженьки вся худоба!» – подумал Струнников.

Эту мамину присказку он помнил с раннего детства, мама купала его перед сном в большом тазу, поливая сверху из деревянной кружки и приговаривая:

– С гуся-лебедя вода, а с Серёженьки вся худоба...

Потом насухо вытирала махровым полотенцем и уносила на кровать, на перину, мягче которой не вспомнить, да и немного было в жизни перин. Как и женских рук, мягких и заботливых, с тонкими длинными пальцами и красивыми глубокими лунками ногтей.

Были романы, о которых Струнников не то чтобы жалел, просто огорчался их необязательности. Любовь в его понимании была чем-то большим, чем стук каблучков и вкус помады, противиться которым он не умел, но и терпеть их дольше недели не мог – сбегал. Любовь была похожа на какую-нибудь древнегреческую статую в Пушкинском музее, застывшую в шумном движении. И любовь была той силой, благодаря которой эта статуя замерла в единый миг да так и живёт тысячелетиями.

А в Киеве росла дочка родительских друзей. Давным-давно взрослые поклялись породниться детьми, но когда у друзей родилась долгожданная девочка, Сергею было уже пятнадцать лет. Струнников-старший по вызову Наркомпроса перебрался в Москву, следом за ним отправилась семья. Друзья писали письма и в каждом передавали привет от «невесты»: обводили маленькую ладошку, вкладывали детский рисунок, несколько раз прислали фотоснимок серьёзной девочки в косах. На обороте была надпись о том, что девочка пообещала вырасти, уехать в Москву и выйти за Серёжу замуж. Всё это было

мило, смешно и, уж конечно, не предполагало женитьбы.

Последнее письмо пришло перед самой экспедицией, мама с ехидной улыбкой вручила Сергею зазубренную картонку из фотомастерской. В глубине матовой бумаги сияла такая готовая к хохоту улыбка, что Струнников невольно заулыбался.

– Хороша выросла невеста? – спросила мама.

И Струнников покорно согласился:

– Хороша.

Карточку он взял с собой в тайгу, изредка вместе со всеми документами доставал её из кармана и любовался жизнерадостной девушкой. Всё в ней было симпатичным, но необязательным: глаза могли быть не такими круглыми, нос – не таким вздёрнутым, подбородок – помягче. И лишь невероятно искренняя улыбка спаяла эти черты в единственное в мире лицо, с которым не могла сравниться никакая статуя, потому что это лицо и в самом деле было живым. Где-то оно дышало, стонало от хохота, произносило слова. Чем чаще доставалась из кармана карточка, тем чаще приходила в голову мысль, что пора навестить город детства Киев, где живёт оригинал снимка. К концу экспедиции застарелый холостяк Струнников понял, что обречён.

Теперь, конечно, не до невест. Надо выяснить точное положение дел. Председатель говорит, чёрт знает что творится на фронте, будто немцы подбираются чуть ли не к Киеву и даже пытались бомбить Москву.

Москва... Да, надо ехать в Москву.

Скрипнула дверь, в предбанник, тяжело дыша, вывалился медведь Сашка, и остывший Струнников, уступая ему место, ринулся обратно в горячую и тёмную парную утробу.

Почти месяц группа добиралась до столицы. Только оформление пропусков заняло неделю. Пассажирские поезда ходили нечасто и двигались медленно. Уступая дорогу воинским эшелонам, они подолгу отстаивались в тупиках. Сводки ошеломяли быстрым продвижением неприятеля, и с этим ровным счётом ничего нельзя было поделать. Кончались припасы, угнетало бездействие. Но стоило ступить на любимую московскую землю, вдохнуть забытый за лето каменный воздух, как пришло спокойное осознание того, что кончилось шаткое положение, наконец-то начнётся работа и будет применение сил.

Киев дрался, а Латвия и Литва уже были заняты врагом. Почти вся Белоруссия осталась за линией фронта, и лишь Смоленск, несмотря ни на что, удерживал силы вермахта на пути к Москве. Славный, могучий Смоленск! Вероятно, именно туда брошены все силы, и, после того как он, Сергей Струнников, явится в военкомат, ему наконец доведётся побывать в этом древнем городе.

В квартире соседка подала Струнникову пухлую пачку писем: от родителей, уехавших в Челябинск, от брата, предупреждавшего о возможной эвакуации в Сибирь предприятия, на котором он трудился бухгалтером. Сергей посмотрел на штамп, письмо пришло ещё в июле. Здесь же повестка из военкомата и серый конверт со штампом: «Редакция газеты «Правда». Газета приглашала на работу. В письме сообщалось, что с военкоматом всё согласовано.

* * *

Из Москвы выехали затемно. К двадцать шестому января фронт настолько отдалился от города, что даже на выезде не было слышно канонады, а самая близкая баррикада уже была разбрана.

— Понимаешь, Серёжа... — Разумеется, Лидов запаматовал отчество Струнникова и, чтобы не мучить ни его, ни себя, перешёл на панибратское «ты». — Понимаешь, Серёжа, это не просто казнённая девушка, она символ целого поколения. Это та предвоенная молодёжь, которую сформировал комсомол, люди, которые готовились к труду на благо своей страны, но сумели защитить её ценой собственной жизни. Мы родились до революции и помним то время, мы можем сравнивать, искать хорошее и плохое. А они, двадцатилетние, родились уже при Советам, и это их единственная Родина.

— А если у неё язык вывален? — спросил Струнников. — Такое при всём желании красиво не снимешь.

Лидов осёкся.

— Не бойся, не вывален, — сухо ответил он. Помолчал и буркнул: — Я спрашивал.

Могилу раскапывали местные мужики за две пачки махорки.

— Только вы аккуратнее, — попросил Лидов, увидев в руках одного из них кайло. — Не повредите ненароком...

Сами военкоры участия во вскрытии могилы не принимали, топтались рядом. Струнников несколько раз щёлкнул копателей на свой ФЭД, к тому времени совсем рассвело. Лопаты с хрустом врезались в землю, потом застучали о что-то твёрдое.

— Показалась! — послышался хриплый голос.

Лидов почувствовал, как сильно забилося сердце. У Струнникова тоскливо заныло под лопаткой. Они подошли ближе.

Неглубокая могила была забросана не столько землёй, сколько снегом. Тело наполовину выступало из земли, и мужики, окопав его вокруг, сильно вонзили в землю лопаты и, разом навалившись с одной, а потом с другой стороны, расшатывали и выкорчевывали это мраморное тело, оттащили в сторону, на снег, плашмя обстучали лопатами, чтобы обтрусить землю, и сообщили:

— Принимай работу.

Струнников подошёл к девушке и рукавицей обтёр снег с её лица. Он зря боялся мёртвого уродства: девушка была красива и совсем не походила на труп. Короткие, слежавшиеся в снегу волосы не слушались, но он всё же попытался их расправить. Потом недовольно вздохнул, снял рукавицы и, согревая пальцами волосы, разложил тёмные пряди вокруг головы.

Лидов недоуменно глядел на него. Местные мужики невдалеке дымили махоркой и негромко переговаривались.

Струнников поднялся с корточек и придиричиво осмотрел тело: сползший чулок, голые ноги, рваная рубашка. Оторопело взглянул на Лидова. Тот помотал головой:

— Немцы перепили под Новый год и давай развлекаться. Хоровод вокруг водили, ножи в неё, как в мишень, бросали, брюки стасили... Грудь вот... А когда поняли, что драпать пора, верёвку перерезали, сюда отволокли и закопали. Виселицу спилили.

Струнников лишних вопросов задавать не стал. Чтобы прикрыть другую, целую грудь, попытался расправить рубашку, но та намертво прилипла к телу, и Струнников не решился потревожить его лишним раз. Наконец он достал ФЭД и начал снимать.

Девушка спокойно лежала на снегу.

«Так безмятежно спали богини на полотнах старых мастеров», — думал Струнников, вглядываясь в видеоискатель.

Это было невероятное зрелище. Нежное лицо, тонкая шея, незащитные плечи — и тут же верёвка, лохмотья одежды. Девичья налитая

грудь – и рядом задубелые лоскуты кожи. Как в произведении искусства, в этом теле сплелись воедино великолепие юности и чужая звериная жестокость. Но сквозь неизбежное безобразие смерти проступила жизнь, и тогда тело перестало быть плотью и превратилось в мрамор. И такими знакомыми казались её черты, будто тысячу раз он разглядывал их в музее. Чем внимательнее он смотрел в её лицо, тем более понимал, что необходимо что-то вспомнить, что-то очень важное, ускользающее от сознания, но вспомнить не мог.

– Эй, газета! Долго ещё?

Мужикам не терпелось закопать девушку обротно и разойтись по домам.

Струнников в последний раз щёлкнул затвором.

– Всё, – сообщил он Лидову.

Лидов махнул мужикам:

– Закапывайте!

Из-за того что возвращались днём, обратный путь показался не таким долгим. Струнников закрывал глаза и пытался поймать мелькнувшее ощущение чего-то забытого и важного. Он снова видел девичье тело на снегу, тёмные волосы, длинные пушистые ресницы и маленький упрямый рот. Вздёрнутый нос и твёрдый подбородок.

По загравку пробежал холодок.

«Нет, – подумал он, – быть не может».

Он вызывал в памяти оба лица и сравнивал одно с другим. Несомненно, сходство было, но достоверно знать это мог бы только человек, видевший живьём хотя бы одну из девушек.

Лидов сказал, будто ни к кому не обращаясь:

– А ведь она немногим старше моих дочек. Где-то мать ждёт, отец. А мы даже имени её не знаем.

И тогда Струнников решился:

– Знаете, Пётр Александрович, она очень, просто необычайно похожа на мою киевскую знакомую. Взгляните.

Лидов долго смотрел на снимок, но сходства с казнённой девушкой не увидел.

– Думаешь, похожа?

Струнников кивнул:

– Думаю, да.

– С родными есть связь?

– Откуда? Киев полгода под немцем, может, они и уйти не успели.

Лидов поцокал языком:

– А ведь хозяйке она сказала, что москвичка...

Струнников пожал плечами.

Лидов ещё немного подумал и решился:

– Согласен. Надо Любимову сказать. Как, говоришь, зовут?

– Соней.

Любимов идеи не поддержал.

– Соня из Киева – это, конечно, не то что Соня из Минска... Но всё равно нехорошо... Подмосковье всё-таки. Нет-нет, я ничего против не имею, но ведь главные не пропустят. Что ты, что я – оба пишем про освобождение русских земель. Зачем нам лишние споры о национальностях?

– Н-да. – Лидов задумался. – Что, Нюрой её назвать?

Любимов кивнул:

– Можно. Или Марусей. А ещё помнишь, мы когда в Верее были, тамошний партизан говорил, что ночевал с отрядом москвичей в землянке возле какой-то деревни и девушка среди них была... То ли Аня, то ли Таня.

– Так он же про другое направление говорил. От той деревни до Петрищева ого сколько топать!

– Но имя-то красивое.

– Анна?

– Татьяна!

– Анна всё-таки как-то... более русское...

– Зато Татьяна – это Пушкин, это поэзия, а кто может быть ближе нашим читателям? Помнишь, в Пушкино ездили?

Лидов достал из кармана коробок спичек:

– Вытащишь длинную – назовём Татьяной.

На следующий день вся страна узнала о подвиге московской девушки Тани.

2016 год. Окраина Славянска. В гостях

Соня закрывает глаза, потом открывает, старается сесть ровно и вдруг осознаёт, что сидит так уже целую вечность и рискует уснуть, а если она уснёт, то её не разбудит даже ядерная бомбардировка. В чужом доме, в чужой стране и как будто в чужом теле. Из рук в шею, а потом вниз по спине течёт что-то горячее и колючее, из-за чего она раздувается, как воздушный шарик. Ощущение пропадает, стоит пошевелиться. Голову ведёт, и если бы движение это происходило

быстрее, Соню, наверное, затошнило бы. Она резко встаёт, проверяя мир на прочность, и тот слегка качается, уравнивая правую и левую стороны комнаты. Страшно моргать, потому что веки падают вниз тяжёлыми светонепроницаемыми шторами и внутри головы становится темно, как в запечатанной консервной банке.

Соня выходит в небольшой коридорчик, где под музыку прыгают, выгибаются и несвязно что-то орут три тела. Она старается не вдыхать острый знакомый дым, висающий в воздухе, но это практически невозможно.

– Маша, вызывай такси, – из последних сил просит Соня. – Если я сейчас упаду, вы меня больше не поднимете.

Скачущая Маша замирает, оценивает Сонино состояние и с сожалением тянется за телефоном.

Пошатываясь, Соня выходит на крыльцо. Она дышит ровно и глубоко, стараясь как можно быстрее прочистить лёгкие, а значит, и голову. Ещё она хватается за перила, силясь не упасть, хотя стоит ровно. Над садом висят звёзды, ночь прохладная. Необходимо дожидаться такси, нельзя рухнуть прямо здесь.

Из дома доносится музыка, заходить внутрь Соня не рискует, чтобы снова не надышаться дымом.

– Машина пришла, – звучит голос.

Соня не заметила, как Маша оказалась рядом.

– А-а, – отвечает она.

Они извиняются перед хозяйками, плюхаются в машину и засыпают, едва назвав домашний адрес.

Соня терпеть не могла, когда лезли в её личную жизнь, и по возможности не заглядывала в чужую. Она недоумевала, почему же не закончилась свобода других людей там, где началась её, Сониная, свобода? Почему требуют от неё терпимости, которую она не желает испытывать? Не желает, и всё! Это её право, и отстаньте со своей толерантностью!

Машины подруги ходили на карикатуру по госзаказу. Если бы надо было продемонстрировать обречённость подобного образа жизни, на пьедестал почёта возвели бы именно эту пару. Женя была длинной, нескладной и мосластой, коротко стриженной шатенкой, которая не то чтобы косила под парня, а, скорее, просто не пыталась ни разу примерить на себя роль девушки. Всё её тело двигалось как будто на шарнирах, и при

ходьбе она шаркала. Невысокая Вика изображала клубничную конфету в изгнании, а ещё порочно кривила рот. Их возраст определению не поддавался. У Сони они вызывали жалость.

Но у этих счастливых обладательниц частного дома на окраине прифронтового Славянска было главное: в их санузле текла горячая вода.

– Девочки... (Было невыносимо стыдно врываться в чужую ванную, но жажда чистоты была сильнее.) Девочки, мне очень неловко, но у Маши вообще всю воду отключили, а я сутки в дороге. Пустите помыться?

Вода из крана бежала тонкой струйкой, но это была тёплая вода. Распылителя не было, приходилось набирать воду в ковшик и поливать себя сверху.

«С гуся-лебедя вода, с рабы Божьей Сонюшки вся худоба!» – так говорила мама, когда мыла дочку в большом пластиковом корыте. Вместе с водой на лицо падали мокрые пряди волос, от мыла щипало глаза... Потом мама заворачивала Соню в жёлтую махровую простыню и несла в кровать.

Жалко, нельзя сейчас помыть голову, неизвестно, что будет завтра. И жалко, что чистая одежда осталась у Маши дома, с каким удовольствием она бы сейчас надела свежую майку!

Когда Соня вышла из ванной, девицы допивали виски. Она уселась на прежнее своё место и с благодарной нежностью улыбнулась хозяйкам.

– Ну что, может... – Женя подмигнула Маше.

– Давайте! – обрадовалась Маша.

Соня не поняла, что предлагала Женя, но на всякий случай вышла в прихожую вместе со всеми.

– Двери закрывайте плотнее, а то мама учует – будет скандал.

Соня подпрыгивает на сиденье и открывает глаза.

Автомобильные фары выхватывают из тьмы асфальтированную дорогу, над которой куполом смыкаются ветви деревьев. Городом вокруг и не пахнет. Машина везёт девушек в лес.

Соню охватывает паника. Она не знает, что предпринять: бить шофёра по голове, попытаться выпрыгнуть на ходу, разбить стекло и привлечь внимание?

«Чьё внимание, идиотка? – вопит внутренний голос. – Тебя в лес везут, всё, закончились похождения!»

Перед глазами скачут портреты таких же незадачливых девиц, найденных позже по частям,

вспоминаются рассказы о насильниках и маньяках.

Соня чувствует тяжесть на левом плече. Маша сладко сопит во сне. Соня незаметно, но энергично встряхивает рукой и шепчет:

– Маша! Маша!

Та тяжело вздыхает и открывает глаза:

– Приехали?

Соня мотает головой и спрашивает тоскливым плачущим голосом:

– Маша, куда мы едем?!

Местная жительница поднимает голову, секунду смотрит на дорогу и беззаботно отвечает:

– А! Дорогу срезаем. Так короче.

И снова засыпает на Сонином плече.

2016 год. Славянск. Школа

Утром девушки встали и побежали в центральную кафешку – пить кофе и свершать утренний туалет. Кафешка располагалась неподалёку от здания городской милиции, которое в своё время штурмовал Стрелков, а теперь там расположился отдел СБУ и оттуда в окрестные питейные заведения приходят группами вооружённые автоматами люди в форме.

В уютном кафе продавались рукодельные подарки, игрушки и открытки. Но Соню интересовал только водопровод. Пока варился кофе, она как можно более незаметно чистила зубы в открытой рукомойной зоне.

Когда девушка вернулась, бариста смотрел с упрёком, а Маша смеялась.

– Ты всех посетителей распугала своим горловым пением!

По предложению Маши – учителя русского языка в одной из школ Славянска – Соня собралась на субботнем утреннем факультативе рассказывать шестиклассникам о профессии блогера. Ещё в Москве обдумывала подход, выбирала факты, готовилась отвечать на вопросы.

Маша сбегала предупредить директора, и девушки без всяких пропусков и рамок прошли в школьный актовый зал. Дети свалили одежду на зрительских рядах, а на сцене составили стулья в кружок – десять или одиннадцать. Девочки смотрели с хитрецей, мальчишки не переставали болтать. Один не захотел тесниться в круг и сел на рядах.

– Здравствуйте, – сказала Соня. – Я блогер.

– Ого! – послушно восхитились девочки.

В этот момент мальчишки затеяли потасовку, и стало ясно, что разговора не выйдет.

– А ещё у меня есть знакомые поэты, – вдруг вспомнила Соня про Марину. – Я могу почитать их стихи.

Девочка с косами в пол взглянула с интересом.

– Прочитайте про любовь! – смело попросила девочка, похожая на иностранную куклу в белокурых локонах, и победоносно посмотрела на мальчишек.

Те затихли, а после загомонили в её сторону:

– Про любовь! Тю-ю!

– Она у нас сама стихи пишет!

– Про любовь! Ха-ха!

Соня прокашлялась.

– Ну, про любовь так про любовь.

Стихотворение было страстное и живое, слова струились, как вода в роднике, но слово «любовь» не произносилось и с «кровью» не рифмовалось. В этом-то и был прокол.

После душевного Сониного чтения повисла неловкая пауза.

Дети смотрели с сомнением. Московская гостя здорово их разочаровала.

– Это же не про то...

– А как, по-твоему, должно быть сказано про любовь? – оставалась последняя надежда на дискуссию.

– А давайте играть в горячий стул? – донеслось с рядов, и мальчишки выпрыгнули из круга и понеслись на голос.

Возле рядов началась чехарда. Белокурая кукла изящным движением достала гаджет и уставилась в него. Девочка с косами привстала и тяжёлой тетрадью шлёпнула по голове пробежавшего мимо круга пацана.

Маша махнула рукой, мол, не обращай внимания.

Самая маленькая девочка в пышном белом свитере, сидевшая как мышка, наклонилась к Соне через круг и тихо спросила:

– А как там, в России? Мы туда переезжаем.

– Нормально, – ответила Соня. – Живём...

– Горячий стул! Горячий стул! – несло со стороны.

– А скоро переезжаете?

Девочка пожала плечами:

– Не знаю. Родители говорили, что хотят.

Умудрённая опытом Соня знала, что это «хотят» означает «никогда», но расстраивать девочку не стала:

– Значит, скоро!
От занятия оставалось полтора часа.
Дети и взрослые стали играть в горячий стул.

К вечеру на сайте «Миротворец», собравшем под одним доменом информацию на врагов Украины, появилась Сониная персональная страница. Бесноватые продолжали борьбу за чистоту рядов. С этой целью они выложили все засвеченные в интернете данные Сони, её фотографии и скрины «антиукраинских» публикаций.

Соня не знала, плакать ей, смеяться или молиться. Она находилась в том угнетённом состоянии, когда всё валится из рук, когда надо зарыться в одеяло и больше не высовывать нос наружу. Если враги хотели лишить её работоспособности, то своего они добились. Соня не могла ничего написать, опасаясь того, что вскрыется место её нахождения и она перестанет быть в той относительной безопасности, благодаря которой всё ещё удаётся сохранять спокойствие.

2013–2014 годы. Киев

Один вопрос мучил девушку. Что за человек устроил травлю в Сети и откуда вообще ему известна она, Софья Воскресенская, тридцати лет от роду, москвичка не по паспорту, а по призванию? Лично ей владелец фашистского профиля в «Живом журнале» был абсолютно незнаком.

Она ещё раз внимательно изучила пост и наткнулась на фразу: «...мы с Сачком...» Значит, Сачок...

С Олей Сачковой они познакомились на концерте той самой музыкальной группы, с которой Соня, повинувшись внезапному порыву, приехала в Киев. Точнее, после концерта, когда музыканты и сопровождающие толпой поехали ночевать к Олиному другу. Да, та самая Оля со смешным и глупым плакатом, требующая кружевное бельё.

Календарь показывал 4 декабря 2013 года, разгар Майдана и зимы. На улице в лёгком пальтишке Соню трясло, но было весело и домой не хотелось. Люди боролись за свободу. И украинка Оля Сачкова тоже боролась: ночевала на Майдане, разносила бутерброды, для фотоотчётов вздымала над головой самодельные плакаты с плохо зарифмованными, неумными, но популярными надписями. Обаяние революции охватило тогда и Соню – как знать, если бы не Сергей, удалось бы увезти её с Крещатика, заполненного палатками, полиэтиленовыми заборами, странными конструкциями, внутри которых гре-

лись люди? Всюду горели костры, пальто провоняло дымом, но как Соне нравились эти люди, ринувшиеся защищать свою страну от правительств! Как ей хотелось, чтобы Россия так же встала с колен и сбросила путы!

В Москву она вернулась воодушевлённой и никак не желала мириться с тем, что дома Майдан считается чужой политической игрой.

Зимой 2014-го, незадолго до так называемой «Небесной сотни», Соня снова рванула в Киев. Себя показать, на Майдан посмотреть, ибо в первый приезд толком ничего не разглядела, зато промёрзла и пропахла дымом, как бомжик. Но, как уже было сказано, грела причастность к историческому событию, постоянная беготня и алкоголь.

Наученная опытом, в феврале она утеплена как следует. Купила пуховик цвета снега, шапка-ушанка материализовалась из воздуха, валенки на шерстяной носок гарантировали, что ночевать при случае Соня сможет и на улице. Алкоголь опять же никто не исключал, хотя сухой закон и был заявлен на майданной территории, а на каждом углу висели листовки, советующие, как не замёрзнуть, и они-то отвергали спиртосодержащие напитки на корню. Но кто в ту пору слушался законов и читал листовки?

Вот так – вся в белом, как Пьер Безухов, и со взором горящим – Соня оказалась в заснеженном Киеве. Маскировка соответствовала погоде, но не революции с её чадом и гарью, и час, проведённый на Грушевского, окрасил пуховик в пепельный цвет. Будь девушка угловатей, она сошла бы за фрагмент второй ледяной баррикады, на который залезла, чтобы разглядеть цепь «Беркута» вдали.

Толпа внизу зашумела. Люди что-то выкрикивали и тыкали пальцами в здание напротив стадиона. Соня вскинула голову и увидела на крыше последние движения исчезающей фигуры с чем-то длинным в руках. Смеркалось. Все люди вокруг Сони были в тёмной одежде. Соня представила, как красиво будет смотреться красное на пепельном, представила, как безвольным телом заскользит вниз по баррикаде, и застыла, не шевелясь, в надежде, что её примут за скульптуру.

Подлетела Оля и чуть ли не за руку стащила Соню с баррикады.

– Снайпер! – подтвердила она. – Уходим!

Именно у Оли Сачковой вписалась Соня во второй приезд.

– Только имей в виду, у меня холодно и спать не на чем. Но на матрасе должны уместиться, – предупредила революционерка.

Привыкшая к трудностям, Соня лишь улыбнулась.

Реальность превзошла все ожидания. Квартира находилась в аварийном состоянии. Из оконных щелей внутрь заметал снег, сантехника лила во все стороны, только не туда, куда надо, отопление не работало. Матрас был узкий, и спали девушки почти в обнимку, накрывшись всем тёплым, что было в доме. Среди ночи гостя встала, чтобы натянуть шапку. Утром оказалось, что балконная дверь толком не закрыта. Хозяйке не было до этого дела, быт её не волновал, ибо в груди билось сердце революционера.

– Ты с ума сошла! – заорала Соня, увидев, что Оля надевает осенние ботинки. – На улице минус двадцать!

– А у меня больше ничего нет, – спокойно ответила та. – Я всё на Майдан отнесла. Людям нужнее. Да я на два носка надена – не замёрзну.

Ужас смешался с восхищением. Это был поступок истинного борца за свободу, на такое способен не каждый. Оля была способна.

Днём столкновений не ожидалось, но всё-таки молодая женщина с коляской выбивалась из революционной картины. Не в парке с тишиной и зимней свежестью, не во дворе родного дома, а здесь, в центре Киева, в дыму и шуме, под прицелом чужих глаз и видеокамер мать укачивала младенца, который ведать не ведал, что происходит на свете, – а просто Майдан...

– У меня ещё старший есть, – охотно заговорила она с Соней. – Только сейчас он у мамы моей. Пять лет ему. Он-то нас сюда и потащил. Боялся дома оставаться с дедом. Студентов, помните, в самом начале побили, и так он милиции испугался, что она и его побьёт! Как видит милиционера – плачет. А дед у нас милицейский полковник. На пенсии. Так сын и говорит: «Мама, а дедушка меня не побьёт?» А я что скажу, когда сама не знаю? Так и ходим сюда.

Не самое логичное обоснование прогулки по баррикадам с малолетними детьми тогда ничуть не удивило. Вокруг в железных бочках горели костры, потоки людей лились во все стороны, бурлила жизнь у полевых кухонь, продрогшие люди грелись в палатках с вайфаем и подземной галерее, девочки разносили бутерброды и чай, мальчики готовились положить жизнь за светлое бу-

дущее. Мать укачивала дитя. Боевые каски на земле походили на горки гигантских ягод чёрной смородины.

На первую баррикаду Соня прорвалась после того, как сменила куртку: одолжили друзья Сачковой. Сменить пол так запросто не удалось, и в беседе с парнем, охранявшим вход на передовую, пришлось вложить всё обаяние: девочек старались держать на периферии. Соня напялила бесполезный шлем, пообещала не высовываться из-за автобуса, набитого тлеющими покрышками, и вперила взор в морозную даль. Там безучастной шеренгой стояли люди в обмундировании, они не реагировали на выкрики и провокации толпы, а молча вмерзали в центр древнего города. Муки их ледяных ног рисовались так отчётливо, что собственные завывали от боли.

На следующее утро активный народ радовался: один из беркутовцев перешёл на сторону протеста.

«Совсем околел, бедняга...» – подумала Соня.

Днём на Майдане людей было мало, основные силы стягивались в центр вечером. К ночным бдениям и вовсе готовились всерьёз и чёрными маркерами писали на телах свои имена и телефонные номера тех, кто сумеет опознать.

– Нам не надо так делать? – спросила Соня.

– Нет, это на случай уличных боёв. Нас туда не пустят, – заверила Оля.

К тому моменту обаяние борьбы в Сониных мозгах сменилось вопросами. На чьём электричестве так долго работает главная сцена? За какие деньги вывозят биотуалеты? Почему «Беркут» бездействует и даже на провокации не реагирует? Как «правительственные» снайперы пробираются на дом, подконтрольный Майдану?

Ответы удручали. Революция была ненастоящей.

Потом девушки носили передачу задержанным студентам, однокурсникам Оли по институту искусств: закупали еду и потрошили сигареты, часа три стояли в очереди среди женщин с унылыми лицами. Передачу не приняли. Кто-то сказал Оле, что баррикады мешают транспорту, нас, мол, вчера не пустили проехать, и, движимая тягой к справедливости, Оля отправилась к защитникам той баррикады – допрашивать, действительно ли было такое?

Два года спустя патриотичная, мужественная девочка настойчиво дозванивается в СБУ

на счёт персоны классового врага, катает кляузу на сайт «Миротворца» со странными обвинениями, которые настолько не соответствуют действительности, что это даже не смешно.

«Так кончаются революционеры!» – подумала Соня и грустно вздохнула.

2016 год. Славянск. Пиццерия

Вот так, именно так Соня описала в личном блоге историю дружбы со своим нынешним врагом. Это было желание не мести, но справедливости. А вышло ещё хуже.

В Славянске у Сони отсутствовал доступ в мобильный интернет, дома на вписке не было вайфая, приходилось обедать и ужинать в пиццерии «Челентано». Оккупировав угловой столик рядом с розеткой, подключив зарядное устройство и поймав беспроводную сеть, Соня погружалась в сладкий мир мракобесия и диванных войн. Ей не нравилась поднятая шумиха, но эта шумиха давала робкую надежду, что в случае Сониного исчезновения с радаров её будут искать и, может быть, даже найдут живой.

Сачкова не поленилась и на Сонин рассказ ответила целой статьёй с фотографиями.

«А вот теперь – слайды!» – вспомнила Соня старый анекдот.

«Знаете, я обожаю вытаскивать на свет никому не известных придурков. Что поделать, интернет – моя стихия. Перетряхивая соцсети, я наткнулась на ещё одно недалёкое чудо, к несчастью знакомое.

У меня во френдах есть российская провинциальная дуручка с копной амбиций и кучей бытовых проблем. Посещение Соней Майдана было ограничено третьей баррикадой на Грушевского, что уже говорит о «храбрости». Девочка жила у меня, боялась титушек и старалась держаться ближе к подносам с бутербродами.

После университета Соня не смогла адаптироваться к взрослой жизни, вместе с тотальным безденежьем пришёл ПП – пролетарский патриотизм. Я уже говорила, что русский мир основан на идее тотальной бедности, когда работаешь не затем, чтобы развиваться как личность, а чтобы не умереть с голоду.

Не найдя себе места на родине (тут шло перечисление мест, из которого становилось ясно, что все эти годы Оля внимательно следила за Сониной жизнью), девушка под хештегом #русская_весна ринулась «спасать детей Но-

вороссии» на оккупированной части Украины. Жила в Донецке у пророссийской активистки, тусовалась с сепаратистами и хорошо осведомлена о расположении террористических организаций. Была с официальным визитом в Краснодаре и посещала мемориал памяти ликвидированным террористам».

«Террористам? – изумилась Соня. – Молодогвардейцы – террористы?!» Выпады в собственный адрес она стерпела, но герои Великой Отечественной войны не могли защитить себя сами, и ни одна бездарная псевдопатриотка не имела права даже произносить их имена вслух.

«Конечно, донецким друзьям Соня не рассказывала о прогулках с бандеровцами по Майдану, иначе вряд ли бы она так беспрепятственно вернулась в Россию.

Теперь она решила выяснить места дислокации украинской армии. Вчера эта девочка прибыла в Славянск, а на днях планирует ехать в Мариуполь фотографировать наши позиции.

Короче говоря, на территории Украины находится гражданка России, помогающая террористам на Донбассе. Также она сознательно нарушила постановление о порядке въезда на временно оккупированную территорию. Доказательством тому её фотографии и рассказы в соцсетях.

Копию этой публикации я направляю в СБУ, у вас же, друзья, прошу перепоста».

Друзей у Сачковой оказалось много. Двести сорок перепостов в такой небольшой стране, как Украина, – это не ерунда...

«Господи, ну откуда столько идиотов? Для чего Ты их создал?» Соня застыла с куском пиццы в руках.

В тексте было так мало правды, что оставалось удивляться: как Сачковой хватило наглости опубликовать заведомую ложь. Но для Сони эта ложь могла обернуться катастрофой: по словам Оли выходило так, что русская террористка поехала устраивать диверсии. И двести сорок перепостов не оставляли надежды на то, что в эту чушь никто не поверил.

Соседний столик заняли люди в форме и с автоматами – четверо мужчин и одна женщина со светлыми волосами, собранными в конский хвост. Им было тесно за своим столом, и они поглядывали на Сонин, рассчитанный на шестерых. Всё объяснялось просто и логично. Но каждый взгляд, брошенный на неё вооружёнными людьми, заставлял сердце колотиться быстрее.

Девушка повернулась спиной к соседям – есть пиццу стало неудобно, зато дыхание не сбивалось и нервные клетки попусту не умирали.

В личку упало письмо от активистки Лены, уговорившей Соню ехать на Украину. Она интересовалась текущим положением дел.

«Всё хорошо, – ответила Соня, – только вот это немного напрягает».

И она отправила ссылки на пост Сачковой и страницу на «Миротворце».

Лена не промедлила с ответом:

«Соня, честно говоря, я не знаю, зачем вы реагируете и делаете репосты всего этого. Кроме того, что в комментариях множится язык ненависти и частными случаями вы подогреваете убеждённости своих друзей, обосновываете их коллективную ненависть и презрение. Я искренне этого не понимаю. Я бы не писала вам ничего, это не моё дело – оценивать или вмешиваться, но вы шлёте мне ссылки, поэтому, наверное, надо как-то отреагировать. Не знаю, чем вас утешить. Могу рассказать о своём опыте с недоброжелателями.

Весь Майдан я была волонтером в местных медпунктах, на оборонных позициях, в Михайловском соборе. Первые месяцы мы с друзьями ночевали в госпиталях, чтобы не дать милиции и так называемым «титушкам» похищать оттуда раненых (распространённая была практика). За это время я, мои отчёты и фотографии подверглись в Сети настоящей всеобщей травле от моих тогда почти друзей из России. Кроме меня эти люди радостно оскорбляли моего ребёнка, желали ей смерти. Один выступил с предложением окунуть меня головой в реку, чтобы вымыть из неё фашизм. Другой хотел меня сжечь, потому что у него какие-то предки и всё болит (я тогда так и не поняла, о чём он). Третий грязно и крайне физиологично обсуждал мою внешность и сексуальные возможности. Те мои друзья, которые вне войны и пацифисты и вообще не об этом, искренне старались закрывать глаза на происходящее в комментариях. Я узнала о себе много нового. Но всерьёз смаковать, делать репосты или разбираться, почему эти люди там любили меня, а теперь здесь не любят, у меня не было времени. И эмоциональный фон происходящего, конечно, не шёл ни в какое сравнение с этими склоками, сколько бы грязи в них ни вливали.

Когда началась оккупация Крыма, я поехала туда, потому что понимала, как будет плохо, что ужасное случается сейчас и, чтобы потом жить с этим, нужно его видеть, помнить, понимать. Я не вижу в своих поездках какой-то миссии, благородной или просветительской. Это был собственный адреналиновый голод, своя ответственность и внутренняя потребность. В Крыму я проехала все военные части, говорила с таксистами, спала в случайных машинах сепаратистов. У меня огромная кипа материалов по референдуму, если встретимся, покажу, они занятные. После того как у ФБР России возникли ко мне вопросы, я навсегда уехала из Крыма и больше никогда его не видела. Я не могу въехать в Россию и не афиширую своё общение с россиянами сейчас, потому что даже моих случайных друзей допрашивали. Но при этом, видите, никто меня не убил, не захватил, не держал головой в ледяной воде.

Люди, которые объявляют о своих намерениях, зачастую не осуществляют их. И всё вот это сейчас в фейсбуке у вас – беззубый трёп».

«Ничего себе, – подумала Соня. – Если хоть один из этих беззубых трепачей оторвёт задницу от дивана...»

Она вздохнула и продолжила читать:

«Касательно обвинений на сайте «Миротворец».

Вы, действительно, нарушили Закон Украины пересечением границы. По статье № 331 это наказывается штрафом до пятидесяти необлагаемых минимумов доходов граждан, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет. Другой вопрос в том, что в нашей стране действует презумпция невиновности и ваши посты в соцсетях вообще не доказательства пересечения. И свидетельства злопыхателей не доказательства. И телефонные звонки. Я сразу представляю бедных ребят в СБУ, которым каждый день звонят безумцы с требованием восстановить справедливость везде, всех наказать и воздать по заслугам. Стукачество и слепая вера в органы – это очень смешной советский пережиток. Надеюсь, обе наши страны его одолеют. Против вас доказательств нет. Вы сейчас на территории Украины законно. Писать в соцсеть вы можете что угодно. Доказать, что это писали вы или что это не художественный вымысел, нельзя. Никакой суд, полиция, СБУ не будут даже рассматривать

подобное. Я понимаю реакцию вашей публики. В России сажают за меньшее. У вас, действительно, есть статьи за репосты и одиночные пикеты. И вашим комментаторам кажется, что вам, действительно, что-то угрожает. Но в украинском правовом поле сейчас невозможно вам ничего предъявить. Мне кажется, вы немного героизируете ситуацию в свою сторону. На самом деле ничего особенного не происходит. У вас интересное путешествие для личного опыта и впечатлений. Ваши бывшие друзья так себе друзья, откровенно говоря. Они боятся на фоне собственной глупости и ненависти. А нынешние друзья на фоне собственной глупости и ненависти радуются, что всё тут у нас, у фашистов, как они и думали. Я надеюсь, что в вашей поездке будут ещё какие-то яркие моменты, разговоры или люди кроме этих».

«Да пошла ты, — с тоской думала Соня. — Героизирую, интересное путешествие! Какая, к чертям, презумпция? Кто что будет доказывать? Сломают хребет в подворотне — и всё. Грозили ей россияне... Ты у себя в стране находилась, когда тебе грозили, а не на чужой территории, где из-за правильного московского выговора на тебя смотрят как на врага. Идиотка придурочная! Курица хохластая! Ещё и на Россию наезжает, как будто её Украина лучше! Да с каких щей?!»

Но написала она совсем другое:

«Спасибо, Лена. Я в порядке».

Но Лена не унималась:

«Насчёт поддержания ненависти. Вы лайкаете и одобряете все эти «никогда Украину не возьмут в Евросоюз», «бандерлоги ментально вне правового поля», «инфернальное сборище украинских стукачей», «у них во рту нужник холерного барака», «эти существа используют буквы, причём русские», «измученный горилкой и салом»... В социологии это называется «язык ненависти». Оскорбительные выражения нацелены не на тех людей, которые конкретно вам угрожают, а сразу на всех украинцев по национальному признаку, на тех, которые в воображении комментаторов «кто не скачет, тот москаль». Поэтому в выражениях и присутствуют обобщающие, окрашивающие триггеры «бандера», «сало», «Евросоюз». Мне необычайно печально, что вы, с одной стороны, хотите честности и диалога, а с другой — легко и комфортно оперируете лайками на таком обширном, неподтверждённом

поле ненависти. Естественно, в любом сложном социуме достаточно людей, которые всем этим питаются. На него как мухи слетаются все эти вот неизвестные комментаторы с пылкой украинской стороны. Я бы на вашем месте им не отвечала, это поднимает пост в рейтингах и лентах, разносит дальше по соцсетям. К утру у вас будет знатная склока. Я не вправе вам советовать, но учинить ксенофобский скандал можно и по возвращении. Вам будет безопасней делиться информацией, а комментаторам вольготней предаваться своему мнению».

Соня зарычала, а потом осторожно оглянулась. Соседи внимательно глядели на неё. Пора было уходить.

«Простите, Лена, но по какому праву вы учитесь моей жизни? Можете сколько угодно сравнивать своё положение с моим, но даже когда вы ночевали в госпиталях с ранеными, вы ночевали в своей родной стране и рядом находились люди, готовые помочь. Когда вы ездили в Крым, ваши сторонники тоже ещё не уехали оттуда, война ещё не началась, ходили вы по своей тогда ещё земле и никаких границ не нарушали. Я же по вине ваших уговоров нахожусь на чужой территории, без друзей, без надёжных знакомых, с двумястами сорока перепостами клеветы, с угрозами членовредительства, с нарушением госграницы, и вы ещё смеете требовать, чтобы я что-то делала или не делала? Мне кажется, всё, чего вы хотели добиться от нашего сотрудничества, это убедить окружающих, что таких гамадрилов, как мои «бывшие друзья», на Украине нет, а столкнувшись с ними непосредственно, пытаетесь убедить меня, что это единичный случай, а значит, надо его скрыть. Но тогда объясните мне, откуда вылезли эти двести сорок перепостов? И не они ли раздувают ксенофобский скандал? Я лишь информирую людей о том, что происходит здесь со мной и может произойти с ними...»

Соня глубоко вздохнула, стёрла неотправленный текст и написала:

«Лена, я лайкаю людей, которые оставили коммент к моему высказыванию, чтобы они знали, что я прочла. То, с чем согласна или не согласна, я комментирую в ответ. Это мой профиль, мои правила. Они вполне стандартны и основаны на простой вежливости к любому собеседнику».

Если прежде Соня не слишком была расположена к этой Лене, но при случае воспользова-

лась бы помощью, то теперь она ей попросту не доверяла и помощь принимать не собиралась. И, говоря начистоту, Машу она тоже начинала опасаться: если человек патриот, то это надолго. Маша, конечно, посмеялась над мракобесами, определившими Соню на «Миротворец», но вдруг она как-нибудь выйдет с ними на связь, те узнают, где ночует Соня, подкараулят её у подъезда или внутри – лестница не освещается, полпути приходится идти на ощупь... Может, не ездить к Маше, а найти гостиницу? Хотя в гостинице может быть опаснее, там вообще незнакомые люди, а с Машей они вроде бы даже подружились. Но с Сачковой они когда-то тоже вроде подружились. Это не помешало той устроить...

«Это паранойя, – сказал внутренний голос. – Боязнь преследования. Завязывай, а то плохо кончишь».

Соня с отвращением посмотрела на остатки пиццы. Кусок не лез в глотку. Страх, непостижимый и неубиваемый, растёкся по организму, и ничем нельзя было его заглушить. Он разъедал душу, и спасение от него было только одно – возвращение домой. И плевать на тех, кто думает иначе.

«Если вы всё-таки поедете в Мариуполь, могу забронировать вам хостел где-то в центре и помочь с оплатой. Это и безопаснее, и удобнее. Покажут город, зоны обстрелов и заминированное море – мои друзья. Вписаться пока у них не получится, просто нет спального места адекватного: стечение гостей. По безопасности и людям: я в них уверена, буду за вас спокойна.

В конце месяца я поеду в несколько моих подопечных семей в разные концы города. Если будете в Киеве, приглашаю и вас. Нам нужно будет отвезти инсулин и специальные ланцеты отличной девочке Кате из Антрацита, которой мы недавно сделали операцию на глазах и спасли зрение. Мама Кати готова работать круглосуточно, лишь бы не возвращаться в Антрацит. Но им не хватает на ланцеты – такая дрянь, чтобы делать микропроколы для анализа крови на сахар. Если покупать плохие, то к концу дня у Кати пальцы в кожных ломотях. И надо будет купить крутой комбинезон Василию, у которого микроцефалия. И подарок его сестре Маше. Все врачи говорят, что Василий – овощ и умрёт, но он продолжает очень медленно развиваться и радовать маму. Это крутые ребята, у них, действи-

тельно, выживание и проблемы. А у нас с вами всё хорошо, Соня».

2016 год. Святогорская лавра

– Девушка, я правильно к автостанции иду?

Женщина всем своим видом сообщала, что идёт из лавры. Дорога вела к горам, мимо прохожих шумно пролетали машины. Ниже по лесу петляла асфальтированная тропа.

– Правильно. На светофоре налево. А к монастырю – дальше по дороге?

Женщина кивнула.

Святогорская лавра неспешно проступала сквозь лес. Сначала открылась недостроенная церковь слева, потом нарядные маковки действующих храмов, и, наконец, глазам предстал высокий меловой обрыв с каскадом монастырских пещер.

С высокой горы на лавру взирала огромная белёная фигура солдата. На Святогорском плацдарме когда-то шли бои.

Сыпалась снежная пыль, и холод речной воды стоял стеной, заграждая дорогу пешеходам.

«Слава богу, – подумала Соня. – Толпы не будет».

В реке купалась утка. Она то ныряла головой вниз, то взлетала и приземлялась на воду с шумом и брызгами. Рыбак, что сидел неподалёку в лодке, смотрел на утку неодобрительно.

Паломников, перешедших мост, встречает мраморная Богородица. Вход на территорию справа. Соня сняла шарф, намотала его наподобие юбки и вошла, перекрестившись.

Лавра невелика, она тянется вдоль реки тремя уровнями: набережная с гостиницей, храмы, хозяйственная часть. Тут есть птичник, по которому гуляют утки, попугаи, куры, павлины. На клетках таблички – кто где, но на деле все птицы перемешались и, похоже, живут дружно. Есть большая оранжерея, где выращивают редкие виды цветов, в темноте она будет светиться, как солнечный южный берег. Есть пещеры с захоронениями, но они закрыты на зиму – так поясняет в лавке монашка-продавщица.

Главный храм открыт и полупуст. Запах ладана и воска ходит над головой. Небольшая группа людей стоит в очереди, и Соня пристраивается в хвост.

К Святогорской иконе Богородицы ведёт помост, сама она убрана драгоценностями, но привычного оклада нет – только золотые венцы над

лбами Марии и Младенца. Тёмные глаза взирают на Соню с пониманием, она прикладывает лбом к стеклу и глубоко вздыхает. Страшно от крысиной возни, что поднялась вокруг неё. Страшно за людей, ибо не понимают, что творят. Надоело искать оправдание идиотам, хочется домой. Господи, как хочется домой! Она не замечает, как начинает плакать, и вдруг понимает, что бояться нечего, что люди прозреют и дома дождутся блудную дочь. Умолкает ныне всякое уныние и страх отчаяния исчезает. Соня сходит с помоста, но ещё долго стоит неподалёку, глядя в тёмные глаза, хлюпая носом: как обычно, нет платка.

Слёзы капают и тогда, когда она прикладывается к мощам местных святых: Феодосия, Киприана, Лонгина, Исаакия и архимандрита Арсения – святые лежат целыми телами в застеклённых раках перед солеёй. Соня прикладывается, а потом стирает капли со стекла. Жаль, нельзя остаться на вечернюю службу, иначе не успеет на автобус до Славянска, а надо ещё подняться на гору к солдату.

С неба сыплется крупа, изредка налетает ветер. Соня идёт по широкой дороге вдоль пустых дач и надеется, что идёт правильно. Спросить не у кого. Внизу вьётся река, на другом берегу мужик кричит на лошадь и тянет её в лес.

«Лошадка-а-а!» – мысленно кричит Соня.

Через полчаса ходьбы на пути появляется женщина в юбке и платке.

– Простите, я этой дорогой поднимаюсь к памятнику?

– К Артёму? – удивляется она. – Тут долго идти. Вам бы лучше через лавру: вышли из главных ворот и направо – в другие. Серпантин минут двадцать. Только что там делать?

– Интересно же! – Соня пожала плечами.

Женщина улыбнулась:

– А я вас видела – передо мной шли.

Пришлось топтать назад. Исчезла лошадь с мужиком, усилился снег.

«Значит, Артём, революционер и памятник, – думает Соня. – Интересно, почему его не снесли в борьбе с коммунистическим наследием?»

Серпантин выложен бетонными плитами, кое-где они вздыбились и опасно нависли над обрывом, под которым идёт прежняя Сониная дорога. Подниматься трудно, Соня запыхалась и взмокла. Плиты обрываются на полпути, дальше дороги нет, и приходится лезть в гору по скользким, обледеневшим листьям. Несколько раз де-

вушка останавливается и глубоко, до одури, дышит, навалившись спиной на крепкие стволы деревьев.

На косогоре стоит дуб с металлической табличкой и разбитой ладанкой. Соня подходит ближе и читает: «Здесь в сорок первом году в неравной схватке с фашистами погиб Кирилл Курмаз». Она понятия не имеет, кто такой Кирилл Курмаз, и гладит по коре дерева, которому это известно. Нет на земле его однополчан, исчезла страна, за которую он погиб, а дуб стоит вдалеке от людского глаза и хранит его имя. Солдат погиб возле дерева, уронил на него свою кровь и стал его частью, он тянет ветви к небу и больше никогда не умрёт.

Соня лезет дальше, затем шагает лесной тропой и выходит на пустую асфальтированную площадку. Артёма нет. Внутри закипает паника.

«Он услышал твои шаги, спрятался в лесу и схватит тебя, стоит зазеваться!» – шепчет внутренний голос, Соня затравленно оглядывается и почти бежит в сторону по асфальтовой дороге. Та выводит к мемориалу. Внушительная спина Артёма маячит впереди, Соня облегчённо вздыхает.

Здесь, на вершине, похоронено более двух тысяч солдат, бившихся за плацдарм, тех солдат, что погибли в бою и умерли в госпиталях. Здесь ли ты, Кирилл Курмаз? Три лица высечены из камня – Сечкин, Батюк, Шуклин. Герои той войны, они знать не знают о войне нынешней, братоубийственной.

Артём установлен чуть ниже, на уступе горы, рядом стенд с описанием. Памятник вождю-коммунисту – это образчик кубизма, он охраняется государством. Ветер полощет объявление: «Осторожно! Памятник находится в аварийном состоянии!» По могучей спине Артёма бегут трещины, видны отпавшие куски бетона. Видимо, нынешние крушители прошлого ждут, пока оно само развалится на части.

На площадку к Артёму спускается семейство: солидный мужчина, две женщины и ребёнок.

– Давайте мы вас сфотографируем на фоне лавры! Есть на что? – предлагает мужчина. – Откуда сами?

Соня смущённо смеётся и спрашивает:

– А вы меня вниз не столкнёте?

– Та ни!

Соня протягивает телефон и говорит:

– Москва.

Все взоры впадают в девушку. Ребёнок округлил рот. Кажется, даже Артём силится повернуть железобетонную голову.

– Ого! – восхищается мужчина. – Вы, часом, не агент Кремля?

– Конечно, – отвечает Соня. – У меня и справка есть.

Обратно она топает по шоссе. Темнеет, и Соня боится не успеть на автобус. Рядом тормозит машина.

– Эй, Москва! – окликает мужчина. – Вниз? Садись, подвезём.

Он лихачит, и несколько раз машина прыгает на ямах так, что едва не улетает под откос.

– И что, так пешком и путешествуете? Неудобно же. А сейчас куда? В Славянск? Можете с нами доехать.

– Храни вас Господь! – смеётся Соня.

– А вы прямо верующая или сочувствуете? Вот в Библии место, кого ни просил растолковать – никто не мог. Как Моисей, сидя на горе, ещё живой описывал собственные похороны? Не знаете? То-то.

Машина въезжает в лавру, Соня снова подходит к Богородице и шепчет:

– Спасибо!

Компания гуляет по лавре, фонари разгоняют темноту, становится уютно и хорошо.

– А к отцу Серафиму заходили? – спрашивает женщина. – Сегодня людей мало, пойдёмте, может, он нас примет?

Отец Серафим – старец, к нему всегда большая очередь, специально для людей под навесом стоят стулья. Соня знает, какой вопрос необходимо задать: оставаться ли на Украине или уезжать? Остаться – опасно, а уезжать – рано. Но сейчас окна темны, а на двери висит объявление, что старец болен и приёма нет. «Решай сама», – говорит внутренний голос.

Пять часов. Звонят колокола, начинается служба.

Усиленный микрофоном голос священника разносится над лаврой:

*Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
да приидет Царствие Твое,
да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли.
Хлеб наш насущный даждь нам днесь;
и остави нам долги наша,*

*якоже и мы оставляем должником нашим;
и не введи нас во искушение,
но избави нас от лукаваго...*

Двадцать девятое ноября 1941 года

Накануне поздним вечером Прасковья вышла из дома. В морозном воздухе ещё стоял запах гари: день назад кто-то поджёг три избы, и немцы приказали жителям караулить свои дома. Из темноты донёсся скрип шагов. Прасковья насторожилась, но ходоки шли уверенно, а когда шаги приблизились к дому, женщина разглядела, что по заснеженной улице немецкий патруль вёл девушку. Шла она в одной нижней рубашке, ступая босыми ногами по снегу, и руки её были связаны за спиной.

– Матка! – крикнул немец. – Партизан!

Крестьянка посторонилась, и девушку завели в избу. Тут же раздался гогот солдат, стоявших у Прасковьи на квартире, и хозяйка поспешила внутрь.

Девушку толкнули на скамейку возле печки, и она охнула от боли. Была она совсем юной, с большими серыми глазами и тёмными стриженными волосами. Хозяин избы свесил было вниз кудлатую голову, но немец прикрикнул на него, и тот снова скрылся на печной лежанке.

– Фрау партизан! – кричали немцы и о чём-то лязгали на своём железном языке.

Солдаты окружили партизанку. Они шпыняли её кулаками и подносили к лицу зажжённые спички, а кто-то провёл по спине пилой. Хозяйка с ужасом смотрела на их забавы. Беззащитная, девушка молча терпела издевательства, пока мучители не натешились и не ушли спать.

И тогда она попросила воды.

– Можно? – спросила Прасковья у часового.

Он схватил со стола керосиновую лампу без стекла и поднёс к лицу девушки. Та не вскрикнула, лишь отшатнулась. Огонь жёг сомкнутые губы, но она в упор смотрела на немца, и тот не выдержал – убрал лампу и разрешил напоить партизанку. Девушка с жадностью опустошила два ковша.

– Steh auf!¹ – скомандовал часовой и, привязав к её скрученным рукам длинную верёвку, пинком отворил дверь.

«Сейчас? – думала она. – Неужели сейчас?» Колючий ветер забирался под рубашку, и хоте-

¹ Вставай! (нем.)

лось согнуться и упасть, согреть несчастное тело. Ноги едва держали, и она напрягала каждый мускул, чтобы идти прямо и смерть свою встретить гордо.

Кончилась улица, вдалеке темнел лес. Часовой крикнул: «Zurück!²» – и повёл девушку в обратную сторону.

«Значит, ещё не всё, – поняла она, – и будут ещё пытки, и надо выдержать».

Мысли путались в голове, но она понимала, что теперь они идут в сторону Москвы, которая не сдалась врагу и никогда не сдастся, потому что есть такие, как она, есть те, кто не даёт покоя немцам, и знание это придавало сил. Но улица заканчивалась, и снова надо было поворачивать к западу, к фашистскому логову, до которого она уже никогда не сможет дойти, и тогда ей казалось, что никогда прежде она не знала ни холода, ни боли.

Босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока её мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под тёплый кров. Верёвку он привязал к дверной скобе, а партизанку толкнул на лавку к печке, и от жара оковеневшее тело ломилось нестерпимо. Так продолжалось до двух часов ночи: через каждые полчаса она слышала команду: «Встать!» и, шатаясь, на негнущихся почерневших ногах выходила на улицу.

Наконец молодого солдата сменил пожилой.

Он глянул на измученную девушку и знаками попросил у Прасковьи подушку и одеяло.

– Leg dich hin³, – сказал он партизанке и, когда та непослушным телом повалилась на лавку, сам накрыл её одеялом.

Полежав, она попросила:

– Bitte binden Sie mir die Hände los⁴, – и немец распутал узлы на локтях и запястьях.

Едва ли она спала в эту ночь. Липкий кисель сна на несколько минут обволакивал сознание, но нестерпимо горели отмороженные ноги, и казалось, что кругом бушует огонь – тот самый, который она не успела зажечь. И тогда она просыпалась и хватала ртом воздух, пытаясь надыхаться впрок. Она отдавала себе отчёт, что эта ночь – последняя, что немцы её не пощадят и что пощада от них была бы для неё ужаснее любых пыток. И она сжимала кулаки, пытаясь не думать о маме и брате, стараясь сильнее ощутить боль во всём истерзанном теле, чтобы за-

глушить боль душевную. Узнает ли мама, как погибла её дочь? Или лучше исчезнуть навсегда, раствориться в военной зиме, пропасть без вести? Да, она не увидит весны и не услышит слова «победа», но она знает, она верит в это слово, оно обязательно случится. И значит, надо держаться изо всех сил, чтобы не показать врагу, как ей больно. Пока она их не боится, они боятся её. И значит, надо так умереть, чтобы стало им ещё страшнее, так умереть, чтобы ещё больше стали они бояться каждого, кто умеет так умирать и так не бояться смерти.

И она снова падала в темноту.

Сумрачным деревенским утром к ней подошла хозяйка. В руках она держала ковш с водой. Девушка благодарно кивнула и опухшими обожжёнными губами припала к краю ковша. Непослушные губы не сжимались, и вода тонкой струйкой текла по подбородку и шее.

– Ты чья?

Девушка рукой отёрла лицо и взглянула на неё исподлобья:

– Московская.

– Родители есть?

Партизанка молчала.

– Кому передать? Убьют они тебя.

67

С улицы донеслись звонкие удары топоров: через четыре избы от дома Куликов немцы вкопали в землю столб и сейчас прилаживали к нему перекладину. В комнату заглянул офицер. Прасковья ожидала ругани и нырнула было за печку, но тот молча закрыл дверь и вышел из дома. К рядовым, жившим у них с мужем на квартире, она привыкла, а с офицерами дел не имела и оттого побаивалась их.

– Девонька, ой, бедная! – Прасковья покачала головой. – Имечко хоть скажи.

Партизанка с усилием подняла голову:

– Зачем вам это знать, тётя?

– Помолюсь за тебя. Родителям расскажу, как умерла. Пусть знают, где могилка, – шептала Прасковья, стараясь выдержать её тёмный, ожесточённый взгляд.

– Нет, – выдохнула партизанка, – нет... Пусть эти изверги надо мной издеваются, пусть расстреляют... Нас много, всех не расстреляют. Это наша земля. За меня отомстят.

Удары топоров звенели над деревней, но девушка их не слышала.

– Не расстреляют, – сказала Прасковья. – Повесят. Слышь? Виселицу ставят.

² Назад! (нем.)

³ Ложись (нем.).

⁴ Пожалуйста, развяжите мне руки (нем.).

Медленно, перебарывая боль, девушка распрямила спину и откинулась на белёный бок печки. Вдруг она вздохнула так глубоко, будто пыталась вобрать в себя весь застоявшийся кислый избяной воздух.

Вот и всё. Значит, таким будет её конец. Значит, вся короткая жизнь была нацелена именно сюда – в затерянную среди лесов подмосковную деревню. Она не выполнила задания, деревня цела, ей нечем оправдаться перед командиром. Если бы ей хоть на секунду взглянуть ему в глаза, он бы понял, почему так случилось, он бы рассказал всем, что она не предатель, что на месте встречи была засада и она едва успела скрыться. Что ещё сутки блуждала по лесу, пытаясь найти своих, а когда не сумела, решила выполнить приказ до конца и снова пошла в Петрищево. Что её захватили врасплох, что она не успела вытащить оружие, что даже под пытками ничего не сказала.

Да, не в её силах передать всё это товарищам, она даже не имеет права назвать своё имя. Пусть так, но одно в её силах и в её праве: она умрёт с честью, как обещала маме. Мама не упрекнёт её в трусости.

– Позавчера это ты была? – не отставала Прасковья.

– Я. Немцы сгорели?

– Нет.

– Жаль. А что сгорело?

– Кони ихние сгорели. Сказывают, оружие сгорело.

– Вам давно надо было уехать из деревни.

Прасковья только рукой махнула. Слишком быстро враг подошёл к Москве. Слишком многие остались под немцем, несмотря на приказ уходить. Да и куда уходить крестьянам, у которых только и есть, что изба да кое-какие припасы в подполе. Кому нужны чужие рты, когда свои еле прокормишь? Погорельцы и те не уходят, ютятся по соседям. А ведь остаться на пепелище среди зимы – что хуже для русского человека? Взять хотя бы давешних погорельцев.

Хлопнула дверь, и – легки на помине! – в дом ворвались Федосья Солина со Смирновой Аграфеной, хозяйки сгоревших изб. Они уже знали о поимке поджигателя.

Едва кивнув Прасковье, Федосья огляделась и заметила партизанку. Лицо крестьянки искажилось от злости.

– Вот кто тебя пожёт! – крикнула она Аграфене и снова повернулась к девушке: – Ах ты, гадина! Сука ты паршивая!

Она распаляла себя руганью почти вопреки желанию и, может быть, откричавшись, оплакав своё жилище, в которое была вложена вся небогатая жизнь, убралась бы восвояси, но обидчица подняла голову и взглянула на Федосью наглыми злыми глазами. И так полоснул этот взгляд, так надо было его прервать, что женщина не помня себя стала бить партизанку по лицу.

Бывшие в комнате немцы с интересом следили за двумя русскими бабами и не пытались их остановить.

– Да чтоб ты сдохла! – вступила Аграфена, замахиваясь варежкой. – Тварь!

Прасковья без слов начала толкать их к двери, а Аграфена схватила стоящий на полу горшок с помоями и швырнула в партизанку. Горшок раскололся, и помои окатили девушку с головой. Хозяйка наконец выгнала непрошенных гостей, молча взяла тряпицу и отёрла девушке лицо. Та не шевелилась. Подошедший солдат схватил Прасковью за плечо и оттолкнул в сторону. Затем велел партизанке встать.

– Wo ist euer Stalin?⁵

65 Девушка выпрямила спину и ответила по-русски:

– Сталин на своём посту. И больше я с вами разговаривать не буду.

В девять утра пришли офицеры и переводчик. Начался допрос. Хозяйку выгнали из избы.

Обе погорельцы стояли у крыльца. Как ни жалко было неизвестную партизанку, а своих деревенских бездомовников куда как жалче.

– Что ж вы, бабы?.. – укоризненно вздохнула Прасковья.

– Гляди, пожёт тебя такая – наплачешься, – злобно ответила Аграфена. – Чужое-то добро небось не жалко!

– Да разве побоями да руганью дом вернёшь?

– Не вернёшь, – согласилась Федосья. – Только и этой паскуде неповадно будет, и другим, которые с ней. Не одна она тут шастала, вона как немец всполошился. Теперь бы их всех переловить, пока бед не натворили. Они-то сбегут, а нам терпеть.

⁵ Где ваш Сталин? (нем.)

— Одна на всех беда досталась, — ответила Прасковья.

Когда она возвращалась, дверь рванулась из рук — навстречу выскочил хмурый переводчик. Офицер сидел за столом и что-то писал, не обращая внимания на партизанку, лежащую на полу в тёмной луже.

«Водой отливали, — догадалась Прасковья. — Ой, застудится!»

Она встрепенулась от неуместной мысли, от ужаса и стыда за свою бестолковость, а подойдя ближе, увидела не воду, а кровь. Партизанка не теряла сознания, но была избита так, что не могла встать.

Шёпотом — чтобы не слышал офицер — ругая немцев, Прасковья под мышки подняла лёгкое безвольное тело и усадила на лавку к печке. Девушка села, сгорбившись, и даже не стонала, только дышала хрипло и тяжело.

— Вот ваши немцы, — сказала она, — оставили меня раздетой... Оставили меня в рубашке и трусах...

Вернулся переводчик и бросил на лавку брюки и чулки. Партизанка была настолько обессилена, что не могла сама одеться, и тогда Прасковья встала перед ней и натянула сырые чулки на почерневшие ноги. Девушка только охала от боли.

— Потерпи, милая, — сказала хозяйка. — Теперь недолго мучиться.

— Сапоги... Сапоги были...

Взгляд девушки цеплялся за лицо Прасковьи, скользил и падал на пол, но снова поднимался вверх в такт дыханию.

Сапоги переводчик не приносил.

— Дайте обуться, — попросила партизанка.

Прасковья, зная, что немцы забрали всё зимнее, растерянно осмотрела избу:

— Ой, милая, одни у нас валенки с мужиком. А тебе на что? Тебе только до виселицы добежать, она близко.

— Russin! — Немец схватил партизанку за плечо и потянул вверх. — Schnell!⁶

* * *

Из избы два солдата вывели её под руки, сама она идти не могла. Ноги не чувствовали ни снега, ни боли и едва держали небольшое хрупкое тело.

На улице ей на грудь повесили табличку с надписью «Поджигатель» и перекинули через плечо сумку с бутылками керосина, которым она так бесполезно распорядилась. Возле крыльца собирались немцы, конные и пешие, ждали команды. Кто-то курил и каркал на своём вороньем языке, кто-то подкручивал объектив фотоаппарата. Но не солдатня притягивала её взгляд. Не вдалеке, через четыре дома, ломала буквой «Г» свою длинную шею виселица, и было видно, как ветер покачивает верёвку с петлёй.

В её короткой жизни всегда был завтрашний день, который казался таким огромным, что нащупать его предел не хватало мысли. Будущее сияло вдали и манило к себе, оно приближалось, но не становилось меньше. И вот теперь это будущее горбилось на поле в середине захваченной врагом деревни, выставив напоказ всю свою неприглядность, ничтожность и конечность. Можно было обойти его кругом, увидеть три подпорки у основания столба, и скол между двумя из них, и ещё один повыше, и два узла вдоль верёвки, что отобрали у какой-нибудь крестьянки.

Да, будущее можно было рассмотреть как следует, его можно было потрогать и даже обхватить руками, но после такого будущего от человека оставалось лишь прошлое, и потому хотелось отвести глаза, чтобы, зная твёрдо то, что вскоре случится, ещё немного побыть в неведении. Но, даже низко опустив голову, она продолжала видеть столб с перекладиной.

— Вперёд! — скомандовал один из немцев и толкнул партизанку в спину.

Двое солдат снова подхватили её под руки и повели туда, где уже толпился согнанный немцами народ.

И вдруг стало пронзительно ясно: это не верёвка качается на ветру, а считает секунды маятник в старых ходиках, что висят в сельской избе у деда с бабушкой, в ходиках, которые после лица матери она первыми помнила в жизни. И родной человеческий запах вспомнился ей, и деревянные полы в сенях, и букетики душицы, и тканые коврики в комнатах, и большие окна с рассадой на подоконнике, и сон на сеновале после долгого летнего дня. И лица родных, и ленты, подаренные бабушкой, и руки отца, и убежавшая за околицу коза. Всё милое и простое, надёжной стеной окружавшее такое недавнее начало жизни, пришло сейчас, чтобы поддержать её в самом конце.

⁶ Русский... Быстро! (нем.)

Закаменевшее, изуродованное тело вспомнило теплоту солнца, ощутило последнюю предсмертную силу, и тогда она рванулась из рук конвоиров, оттолкнула их локтями и, подняв голову, пошла прямо к этому маятнику, к своему будущему, к немецкой петле.

* * *

Юрка Седов, как все деревенские мальчишки, был любопытен. Накануне, когда патрули привели задержанную в дом, мать загнала его к сёстрам на печку и задёрнула занавеску. Но сквозь небольшую щель было видно, как один солдат рукой прижал девушку к стене, а двое других стали обыскивать. Стянули со спины рюкзак, потом сняли висевшую через плечо сумку с отделениями для бутылок, каждую из трёх бутылок открывали и нюхали – и по избе поплыл запах керосина. Отобрали отыскавшийся за поясом наган. Потом стали её раздевать: сначала зимний меховой пиджак, затем шапку-подшлемник, курточку и сапоги, пока она не осталась в тёплых брюках, носках и белой кофте с воротником. У партизанки оказались стриженные вьющиеся чёрные волосы, а больше ничего выдающегося Юрка не заметил.

Партизанка стояла, глядя в пол, как будто не чувствуя, что с ней делают, – не мешая и не помогая немцам. Те ей вопросов не задавали и переводчика не звали, только переговаривались между собой и хохотали. Несколько раз ударили по щекам, но и тогда она взгляда не подняла.

Затем старший, с двумя кубиками на погонах, скомандовал: «Рус, марш!», она повернулась и со связанными руками пошла к двери.

«Когда ей успели связать руки?» – удивился Юрка.

Он думал о судьбе девушки и о том, как войдут в деревню партизаны и освободят боевую подругу и как Юрка сумеет им помочь. И они заберут его с собой в отряд, и выдадут автомат, и он будет бить фашистов, и в Кремле товарищ Сталин вручит ему награду за подвиг. Намаевшийся мальчишка не заметил, как уснул крепким детским сном.

Когда наутро немцы, жившие в избе, сообщили о предстоящей казни, Юрка помчался к виселице, а оттуда к дому, куда стекались солдаты.

Девушка стояла на земле далеко не так уверенно и безучастно, как вчера. Казалось, ветер качал её в такт петле, на которую она смотрела

не отрываясь. Губы вздулись и кровоточили, а на лбу синел след от удара. Полураздетая, в одних носках, казалось, она не ощущала мороза. Прозвучала команда, партизанку подхватили под руки, и вся толпа двинулась к виселице. Немцы полукольцом следовали за пленной, и Юрке стоило большого труда пролезть между их шинелями. Где-то на полпути всё же сумел пробраться вперёд. Он опять увидел партизанку и удивился. Немцы её уже не держали, но девушка шла ровно и не глядела на верёвку. Сжав кулаки, она смотрела в землю, и шаг её был твёрд.

Процессию опережали два фотографа. Пятясь задом, они щёлкали затворами, но то и дело оглядывались, боясь упасть. Наконец дошли до виселицы. Вокруг неё уже толпился народ, и немцы стали отталкивать крестьян, расширяя круг. Фотографы продолжали щёлкать, стараясь в подробностях запечатлеть казнь.

Юрка почувствовал, как заныло в груди, он испугался, что расплчется. Кое-кто из местных жителей, постояв, тихонько отходил от страшного места, другие, наоборот, подвигались ближе. Были здесь и погорельцы, дед Иван мелко крестился и отводил глаза, одна тётка о чём-то шепталась с соседкой, другая, опершись на палку, пристально следила за происходящим.

Отрывисто перекрикивались фрицы, негромко гудела толпа, и вдруг над заснеженным полем раздался громкий русский голос:

– Граждане! Вы не стойте, не смотрите, а надо помогать воевать! Это моя смерть – это моё достижение!

И немцы и русские застыли. Голос, который пытались выбить из девушки вчера, зазвучал сегодня – громко и уверенно, но говорил он совсем не то, что было надо.

Партизанка, глядя в упор на конвоиров-палачей, произнесла:

– Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен!

Офицер растерялся, замахнулся на девушку, а солдаты что-то закричали. Фотографы едва обратили внимание: они сняли виселицу издали и вблизи, а теперь пристраивались, чтобы сфотографировать её сбоку.

Она уже не понимала, что именно говорит, но видела ярость и страх в лицах врагов. Она отдавала последние силы, для того чтобы быть услышанной, и, чтобы звучать громче, без команды встала на ящик и подставила шею верёвке.

Это было её последнее оружие, как граната в бою, и никто не мог его отобрать.

Петля сдавила горло, каждое слово и каждый вздох давались с трудом, но времени не оставалось и было необходимо сказать последнее, самое главное, такое, что не даст ей умереть навсегда. Такое, что заставит немцев бояться её даже мёртвую, а русским людям даст силы жить и бороться с врагом. Да, это было самое главное, но слов не осталось. Она окинула взглядом толпу и встретила глазами с мальчишкой. Он смотрел не отрываясь, и такая вера горела в его глазах, такая жалость, что углы её губ дрогнули и она улыбнулась ему на прощание.

Юрка стоял впереди всех и ждал того страшного, что должно было произойти. Он, как и все, вздрогнул, услышав русский голос: за месяц оккупации отучились кричать и взрослые и дети.

Он, как и все, вперился глазами в лицо партизанки, но слов не понимал и застыл на месте, когда та окинула прощальным взглядом толпу и вдруг посмотрела на Юрку. Он скривился от внутренней боли, от понимания чужой близкой смерти и почти не дышал. Девушка смотрела в его лицо, скривив губы. Палач упёрся кованым сапогом в ящик, тот заскрипел по скользкому утоптанному снегу. Верхний ящик свалился на землю. Раздался чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...

2016 год. Последний страх

Наутро Соня собирает рюкзак, прощается с Машей и едет в любимую пиццерию, откуда пишет активистке Лене, что не может ехать в Мариуполь, поскольку это небезопасно, и что в Киев ехать не хочет, потому что это неинтересно.

«Отлично, — отвечает Лена. — Вы очень точно донесли до своей аудитории свидетельства людей с этой стороны, рассказали, что и как здесь происходит, и закрыли свои личные обиды заодно. Спасибо вам за этот опыт. Удачного возвращения. Простите. Я удалю вас из друзей, так как ввиду нашего общения мне в ленту попадают ваши посты с их дивными комментариями про картонные революции, фашистов

и укров поганных. Увы, ни нового, ни конструктивного, ни понимания в этом нет. Видеть такое тошно. Взрослые люди равнодушно купаются в радости досужих оскорблений и ненависти. Не имею сил даже наблюдать эту грязь. Пожалуйста, не упоминайте меня ни в постах, ни в иных материалах. Не хочу больше никогда соприкасаться с вашей аудиторией».

«Бог в помощь!» — устало думает Соня и даже не пытается спорить.

Потом она едет на автовокзал и покупает билет на автобус Славянск — Москва.

Вместе с ней по перрону прохаживается молодой симпатичный военный служащий. Он внимательно глядит на Соню, и эта кокетка, эта жизненнолюбивая обаятельная девица в страхе отворачивается, натягивает шапку на лоб и почти убегает за здание автовокзала. Она ругает себя последними словами, но не возвращается на перрон, пока к нему не подъезжает её автобус.

Граница рядом, но Соня успевает напридумывать себе страшилок о том, как её снимают с рейса, сажают в тюрьму, бьют, насилуют и калечат.

Рука её подрагивает, когда на таможне она протягивает паспорт пограничнику. Через некоторое время паспорт возвращается, автобус трогается, остаётся позади таможня. Заканчивается Украина.

«Спаси, Господи!» — плачет Соня и пишет Сергею:

«Прости меня. Я маленькая, глупая, ничёмная. Я совершаю опрометчивые поступки и совершенно не знаю жизни. Но я не смогу дышать, зная, что где-то там, далеко-далеко ты думаешь обо мне плохо. Прости».

Сергей молчит.

«Я люблю тебя!» — пишет она, но Сергей и тогда не откликается.

Соня ждёт ещё полчаса и отправляет ему новое сообщение:

«Ну и иди в пень!»

За окном проплывают зимние пейзажи родной России, в которой есть Камчатка и нет Киева. Качают головами деревья, обгоняют автобус автомобили.

Блогер Соня никогда не станет настоящим писателем.

**Григорий
ЕГОРКИН**

ВОДИЦА ПОМОЖЕТ

РАЗГОВОР С ПЛЕННЫМ

Он приткнулся в углу, на матрасах –
Молодусенький, двадцать не дашь.
Бинт на шее, синяк возле глаза
И в засохшей грязи камуфляж.

Миска с кашею.
Кружка с водою.
На часах – с карабином казак.
«Эй, герой! Со вчерашнего боя?»
Приподнялся малой:
«Точно так».

Неприютна у хлопца фатера,
Свет скупой из-под самых стропил...
«Получается, из бэтээра
Ты по мне разрывными лупил?

Дело прошлое – всей нашей роте
Было жарко от вашей брони».
Пожимает плечами:
«Выходит,
Я стрелял по тебе. Извини.

Но и вы наподдали рассолу,
С двух «шмелей» взяли нас на прицел.

69

Вот тогда и убило Миколу,
А Толян в бэтээре сгорел».

Зуб за зуб или око за око...
Так, кажись, испокон говорят?
В том бою потеряли мы Дока
И трёхсотыми пару ребят.

Дать за Дока бы в лоб со всей дури,
Так домой Док хотел к декабрю!
Держит что-то, однако.
«Закурим?»
Виноватый смешок: «Не курю».

Не идёт разговор. Между нами
Боль.
Война.
Окаянные дни...
«Мне б короткий звонок... Мне бы маме...»
Достаю телефон: «Позвони».

НА ПРИВАЛЕ

Чудно:
Считали, что покатит,
А взяли к ночи с гулькин шиш.
Взвод закрепился в старой хате,
Сарай сараем, а поди ж...

ЕГОРКИН Григорий (ГРИГОРЬЕВ Геннадий Геннадьевич) родился в 1963 году в Омской области. Автор трёх прозаических и поэтических сборников: «Не обращайтесь клятв своих», «Тарагарщина», «Страна Зеро» и четырёх десятков пьес, поставленных на театральных сценах Красноярска, Мурманска, Кургана, Москвы, Ангарска, Новосибирска и других городов России. Публиковался в журналах «Урал», «Театр», «Современная драматургия», «Станиславский», «Перемены», «Нева», «Уральская новь», «Москва», «Ковчег», «Нижний Новгород», «Уральский следопыт», «Север» и др. Живёт в Челябинске.

На крыше толь, на стенах глина,
Ворота вкось... Но боже мой:
В углу, у койки, пианино.
Откуда?
Как?
Кому?
На кой?

Притих устало ратный табор,
Когда привал – какой азарт?
От печки хриплый бас начштаба:
«Отставить сон. Давай, Моцарт!»

Не увильнёшь, коль старший в теме,
Коль знает он про твой талант.
Вздыхнул боец в потёртом шлеме,
Артём.
В той жизни – музыкант.

А в этой – снайпер он. От Бога,
Как говорится, высший сорт.
Сел Тёма, клавиши потрогал.
Аккорд, другой, ещё аккорд...

Чудно:
Рахманинов – в сарае!
Гудит начштаб, усами рыж:
«Вон что, зараза, вытворяет!
Всего семь ноток, а поди ж...»

Не счесть талантов у артиста,
С таким на службе благодать.
Ему что сбацать «Чардаш» Листа,
Что часового с вышки снять.

Бьёт в точку – если без помехи,
Будь цель в окопе, будь в траве...
Там, где приклад у эсвэдэхи,
Зарубки.
Счётом – тридцать две.

Дым у ставкá? Шумок в низине?
Шмальнёт разок – в низине тишь.
Чудно:
Патронов в магазине
Десяток только.
А поди ж...

ВОДИЦА ПОМОЖЕТ

«Ничё се дедок – цельный архимандрит!» –
Роняет шеренга остроту.
Святою водою усердно кропит
Поп нашу безбожную роту.

По меркам войны не его перевес
На ротном плацу в этом часе:
Нас, грешников, сотня – в разгрузках и без,
Напротив – один он.
При рясе.

Но батя и бровью седой не ведёт,
Ему что комбриг, что водила...
И ловим мы скулами капельки от
Большого, как веник, кропила.

Весенним дождём умывает вода,
Пьянит непроцеженной бражкой.
У взводного Юрки мокра борода,
У Вити-минёра – тельняшка.

Стоит, улыбаясь, окопный народ,
Не горбит под брызгами спину.
И как бы случайно я свой пулемёт
Под тёплые капли подвинул.

70
Стекает по мушке одна – как слеза...
Но надо братве приколоться:
«Слышь, батюшка, в чём же твои чудеса?
Водичка, небось, из колодца?»

У старца морщинки сбежали с лица,
Вдруг стал и моложе, и строже:
«Господь с вами, дети, вода из Донца.
Воюйте,
Водичка поможет».

«СПА... БРА...»

Мы тащили его сквозь зелёнку –
Не балетных калибров мужик.
А по веткам и стеблям вдогонку
Вжик...
Вжик...

Балки, взгорки, подъёмы и спуски...
«Я живой?» – «Не несли – был бы труп».
У сержанта под дрраной разгрузкой
Хлюп...
Хлюп...

Тянем ношу, траншейное племя,
До смертельной свинцовости рук.

Автоматным прикладом о темя
Тюк...
Тюк...

Прикипели к лопаткам тельняшки,
Льёт напалмовым жаром июль.
Пять минут передыха. Из фляжки
Буль...
Буль...

В догонялки играем иль в прятки,
У косой вырываясь из лап?
Лишь из мокрой насквозь плащ-палатки
Кап...
Кап...

Но всему есть конец. Есть он даже
У клубка еле видимых троп.
Бруствер... Бэтэр... Блокпост... Вроде наши.
Всё,
Стоп.

Вон палатка с крестом – где черешня,
Там дырявых берут на постой.
«Ну, покеда! Живи, дээрзэшн¹,
Лет
Сто».

Подымили с лепилами трохи.
А в палатку ушли доктора,
Он глаза приоткрыл и на вдохе:
«Спа...
Бра...»

СОНЕЧКО²

Так себе айфон,
Брали и покруче.
А владелец – он
Парень невезучий:

Подловил металл
И затих в кабине.
Снайпер угадал?
Или дело в mine?

Может, лёг снаряд
Стомиллиметровый?
Явно добробат³ –
Малый нефартовый.

С лычками погон,
Форма при шевроне,
Рядом телефон,
Тёплый от ладони.

В сидор на спине
Взводный трубку кинет,
Мёртвый на войне
Гаджетов не имеет.

...Вечер.
Расслабон.
Пьём не шейк кофейный.
«Взводный, слышь, айфон
Бренькает трофейный.

Обоснуй там, чтоб
В страх вознать вражину,
Про дырявый лоб,
Про его машину.

И влепи вопрос:
На хер лез с боями?
Вот теперь как пёс
В придорожной яме.

Врежь на матюке
Про конец паршивый
С биркой на ноге...»
Но молчит служивый.

Словно в колее
Танк завяз – и точка.
«Сонечко мое» –
Из контактов строчка.

И тебя одна
Мысль берёт на мушку:
Дочь звонит? Жена?
Лапушка-подружка?

Закуси губу,
Драная пехота.
Даже взяв трубу,
Разве скажешь что-то?

«Наполняй стакан
Не на половинку!» –
Погасив экран,
Взводный вынул симку.

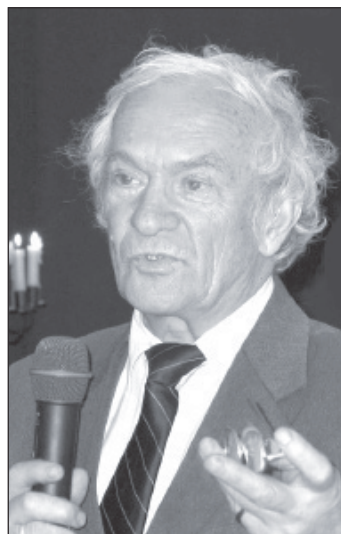
¹ ДРГ – диверсионно-разведывательная группа.

² Солнышко (укр.).

³ Добробат – боец добровольческого батальона.

Виктор ЛИХОНОСОВ

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ*

Приезжал я в Пересыпь поздним вечерним автобусом. Во тьме шёл проулком к хате на поперечной улице. Наша хата с краю. Автобус с красными огоньками уже спешил по пустому полю к порту Кавказ. Приближаясь к углу каменного соседского дома, я пугливо загадывал: светятся, нет три окошка нашей хаты? Светятся! Слава богу, матушка там. Она мигом ловит стук задвижки на воротах и знакомой тенью придвигается с кухни, а то из сада. В это мгновение кто-то словно с небес окропляет нас вздохом старой жизни в Сибири: опять мы вместе.

Казалось мне, будто приезжал я издалека, после долгой разлуки – как когда-то на каникулы в Кривощёково. И стоит в углу тот же сибирский шкаф с зеркалом, в которое гляделся я там, на своей улице, в комнате с двумя окнами.

Я вхожу в тишину, в какое-то ожидание, в оставленную мною пустоту, меня потерявшую, я душою кланяюсь всем углам и книжному шкафу. На стене посерединке портрет отца. Все годы он скорбно следит за нами с этой увеличенной фотографии, каждый Божий день напоминает, что когда-то до войны он был в семье главным,

всё о нас знает, но сказать не может... Под Запорожьем лежат его косточки. Писал в треугольном конверте: «Война закончится – увезу вас жить туда, где тепло и много фруктов». И вот мы переехали сами и его с собой взяли, но на портрете.

– Письма от крёстной нет?

Мать поднимает подол клеёнки, отрывает прилепившийся к столу конверт и подаёт мне:

– Почитай ещё. Она пишет: посылку с орехами получила. Спрашивает, не надо ли картошки. Тридцать кулей накопала.

– Когда же мы поедem?

– Если летом не удастся, я уже потом не осилю. Семьдесят пять, шутка ли. Это сколько ж я просидела тут, никуда не выезжала?

– Четырнадцать лет, мам.

– Только в Темрюк да в Керчь, два раза за маслом плавала через пролив да ещё чего-то набрала. Забыла.

– Да ещё в Тамань в ночь на Пасху возили тебя. Храм старинный, казачий.

До лета ещё было далеко, но я прикидывал, как ей придётся выдержать дальнюю дорогу: три часа по степи на машине, в городе у меня переночуем, пять часов над землёй, спуск в

* Глава из книги воспоминаний «Одинокие вечера в Пересыпи».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович родился в 1936 году на станции Топки Кемеровской области. С 1956 года живёт на Кубани. Окончил Краснодарский педагогический институт. Классик русской литературы, автор многих повестей и романов. О его творчестве восхищённо отзывались Б. Зайцев, Г. Адамович, Ю. Казаков, А. Твардовский, В. Распутин, О. Михайлов, Ю. Селезнёв. Лауреат многих литературных премий. Восемнадцать лет был главным редактором «Родной Кубани». Член Союза писателей России. Живёт в Краснодаре.

Толмачёве, такси через Обь до вокзала, поезд в Топки.

«Господи, заехала ты, сестра, на кулички, что и не дотянешься до тебя. Как ложку возьму в руку, так и тебя вспомню. Может, ты, сестра, собралась хоть бы на недельку, всех бы повидала. Вчера приходили дети, поужинали в честь моего рождения. Люся сказала: «Живи, мама, долго, а то нам не к кому будет пойти». Да, говорю, я рада вам и не могу, чтоб детей своих плохо приютить. Мама у нас тоже любила угощать. Завтра будем крестить внуку. Я сегодня ухандокалась, готовила всё, холодец варила, котлеты жарила и устала, вот села тебе письмишко черкнуть. Бураны в этом году надоели, давно не было такой зимы, правда, не морозная, но бурная была. Посмотрим, как лето: если будут дожди, то урожая не жди на нашем огороде, мы живём на мокром месте. Дорогая сестричка, посылаю я тебе к дню рождения скромный подарок – сальца, купила и посолила; и ещё рубашку, не обессудь за такую бедность. Есть ли у вас там домашние тапочки и резиновые калоши? Купи мне, в долгу не останусь. Твоя Галя».

Мать слушала, царапала ногтем клеёнку и плакала. Бедно душе там, где нету родни.

– В Темрюк поеду, куплю ей и себе. Тебе надо? Может, Ольге?

– Мам, ну такое скажешь...

Опять Сибирь проникла в наш двор.

– Меня уж на нашей улице позабыли и не узнают. Кто там остался? Шальневых нет, Баниковых давно, Минтюковы все разъехались. Поступинские, Шишкины, Мухортовы, Брыли – никого. Молодёжь одна. Боюсь думать. К чьему углу прислониться? И не переночуешь. У дяди Степана гостила твоя тётя Таня из Елизаветино, мы с ней дружили когда-то, тридцать три года не виделись. Они пришли ко мне, дядя застучал в окно, я вышла, думала, кто чужой. Он говорит: «Узнаёшь наших?» А я: «Нет». Потом по глазам узнала. Провела их в избу, полезла в погреб, груздочков, помидор, огурчиков достала, ну и посидели, потом ходили к дяде на Демьяновскую, там стол накрыла Гульдя, посидели. А теперь куда пойдём?

Я всё представил яснее ясного.

Три часа мы затратим на переезд в Краснодар, переночуем, брат Ольгин отвезёт в аэропорт и, если не помешает погода, вовремя под-

нимемся на самолёте в небо, четыре-пять часов (с посадкой в Омске) полетим над невидимыми землями туда, где ещё тянется на запад наша улица Озёрная. Ни с кем почти не переписывался. Жива ли тётя Гульдя, вдова дяди Степана? Родня по отцу держалась последние годы в стороне. День-два потолкаться у кого-нибудь, но у кого? Уличных соседей беспокоить не хотелось, там уже стариков мало.

– А мне, мам, так хочется поночевать недельку на своей улице. Поездом телепались бы четверо суток, а тут скоренько: утром сели, а в аэропорту Толмачёво ещё вечер! Возьмём такси, поедem к племяннику Шуваеву. Да нет: племянник написал, что в конце июля уходит в отпуск. Тогда куда же? Тогда к кому-то из друзей детства. Многие адреса потеряны...

– У кого? Теперь уж кончилось. Как гуляли все вместе на Девятое мая, Новый год справляли. Все ж рядом были. Из Верх-Ирмени к Баниковым, Шальневым, Поступинским приезжала родня. И все к нам заглядывали: «Ой, сын твой как вырос».

Засыпаем мы ночью. Я лежу, а в комнате ещё горит свет и мать что-то ещё перебирает, ходит туда-сюда.

– Мам, хватит тебе возиться, ложись.

– Да пуговичку хочу тебе пришить, оборвалась на пиджаке.

– Завтра пришьёшь.

Встанет она опять раньше меня. Всё как в Сибири когда-то. Утром в полудрёме во мне нескончаемо тянется сожаление, мне больно оттого, что я когда-то уезжал из дома; и я не желаю просыпаться. Наконец открываю глаза и лежу в слабости этой приснившейся муки, вижу себя в медленном давнишнем поезде, постукивающим по рельсам в сторону юга. Ехал в закудыкину даль на неизвестную долю. И прижился, и мать перевёз. Я опять проснулся в Пересыпи! Усаживаюсь в кресле перед тремя окошками, прикрытыми на ночь занавесками в цветочках. Так же в детстве я подолгу сидел после сна на приступках крыльца, а матушка, ещё молодая и крепкая, цедила сквозь марлю молоко. Короткое сибирское лето улетало за край улицы в какие-то завидные страны. И я в оный день усакал далеко, не предчувствуя опасных потерь для своей души. И вот на рассвете мне всего утерянного так было жалко...

И вот удивительно: я позабыл, как мы собирались и уезжали в Новосибирск; как я покупал билеты на самолёт, кто нас провожал, на кого мы оставляли хату и подворье. Странно, что и дневничка той поры я в тайниках своих не найду.

Помню разве что, как матушка, и без того в жизни не бойкая, вовсе оробела перед отлётом, а в самолёте виновато притихла. В один миг всё показалось ненужной сказкой: зачем-то она покинула Кривощёково, где прожила сорок лет, и зачем-то через четырнадцать лет захотела повидать улицу Озёрную. Годы пролетели стрелой. Мне не дано в точности представить, что она передумала за эти годы, какие искры воспоминаний, грусти, боли мелькали в её душе. Не знал я, о чём она думала в самолёте или когда проскочили мы на такси мимо улицы Озёрной, спустились по улице Станиславского, свернули на дорогу к Оби и вошли в вокзал, где она не раз провожала меня на южный поезд. Всё в нас самих, не найдёшь слов.

— Будем ночевать или сразу к крёстной поедим? — спрашивала она, когда объявили: «Мы прибыли в Толмачёво».

Толмачёво! Самая близкая была деревня к нашей улице. Коров к ней гоняли пасти. Чуть сбоку Дюканово, я ходил туда в библиотеку за книжками Александра Дюма. Мы на юге про всё забыли. Толмачёво за болотцем, за любимыми моими мосточками. А теперь вавилонский аэропорт.

— Поедем за Обь на вокзал, там кемеровский поезд ночью отходит.

Время по-сибирски забегало вперёд: на западе ещё обедали, а здесь уже шли с работы.

Горе — пережидать ночные часы в роли транзитного пассажира. Билетов на ближайший проходящий поезд (604-й) не досталось, и мы безропотно пристыли к высоким спинкам жёлтых скамеек. В новой кофте матери стало жарко.

— Пойду куплю бутылку воды.

Я боялся её отпускать, через десять минут тревожно выглядывал её. Как-никак, а ей уже семьдесят шесть. При ней я всегда чувствовал себя по-детски, никак не дорастал до взрослого достоинства. Всё детство я беспокойно ждал её с базара, из женского общежития, куда она носила молоко, с сенокоса. Страшно было подумывать, что матери вдруг не будет рядышком. «Ну где же она?» — спрашивал я у стен, у чужих лю-

дей, мелькавших вдалеке. Не переменялся я за годы. Наконец она выступала из живого ручейка, шла, шоркая подошвами по плиточному банному полу, и такой предстала маленькой, старенькой и отжившей своё... Да, старенькой явилась холодному городу Таня, Татьяна Андреевна, прописанная когда-то по улице Озёрной, за Обью, и незаметно обрела ветхость нашей покойной бабушки Анастасии Степановны, которую я тут же, через этот же зал ожидания, вёл под руку давным-давно. Ветхость матери на этой станции суждено мне запомнить навсегда. Как будто библейской тенью прошли мы по её ступенькам в ту ночь и кто-то на небе заметил нас равнодушно.

— Воды нету, купила кефиру, — сказала матушка и присела сбоку.

В дороге старый человек не спит, с лёгкой покорностью дожидается малой милости и не ропщет. А моя душа томилась в печали. За Обью в нашем «отцовском доме» уже заснули другие хозяева, привыкли, живут, будто до них там никого не было, всё переставили и переделали. Как же так? Мать столько лет копошилась во дворе и на огороде, засыпала и пробуждалась, выгоняла в стадо корову, чистила в стойке и много-много раз белила стены и печку — и никаких следов. Мне хотелось тотчас сорваться с места, сесть в электричку, переехать по громкому мосту через Обь и от станции Кривощёково (теперь Новосибирск-Западный) идти снизу вдоль трамвайной линии на горку, коснуться угла у дома Шальневых и застыть у нашего первого дома № 4. О, какое наказание — чувствовать себя перелётной птицей в родном углу! С этой станции матушка не раз ездила в Топки к сестричке Гале, уедет нынче и вернётся, но не навсегда.

Из зала ожидания на втором этаже, где мы скучали и прислушивались к объявлениям о прибытии поездов, двери раскрывались на короткий мостик, выводивший к площади с зелёными огоньками такси на стоянке. Ко всему я приглядывался с необычным вниманием, всему удивлялся, хотя тут, на знакомой земле, шевелилась та же жизнь, что и везде. Но насколько же она была милее! Прогудела и отошла к Оби пригородная электричка («передача» — называли после войны местное движение через Обь). Я опять загрустил. Старая железная дорога

опять потянула меня на левый берег к станции, с которой я махал тридцать лет назад рукой на прощанье. Электричка в темноте разогналась к Оби, тихо застучала и выгнулась, с шипом пристала на минутку у платформы перед мостом, построенным ещё в девятнадцатом веке, и ярко заблестела окнами над затоном внизу, левым боком замелькала вдоль Горской, потом городского сада, четырехэтажной школы № 73 в отдалении, мимо замершей до утра трамвайной кольцевой линии. Сколько электричек прогудело в западные просторы без меня! И что же я написал о своей отчине? Почти ничего. Если бы я жил дома, не Тамань и станица Пашковская и не Пересыпь свили бы гнезда на моих страницах, а Верх-Ирмень, Тогучин, Криводановка, Северное. Как захотелось мне остаться в самой глуши и послушать чалдонов! У нас в Сибири всё дальше, всё огромнее, зимняя тоска тревожнее, глубже, долгие мечтания о летнем тепле слаще. Сейчас бы поднялся сказочно с этого вокзального мостика и полетел во тьме в Северное. Неужели там ещё кто-то живет? Это так далеко, пропащая окраина. «Что ж ты? – обидчиво и робко посылали мне упреки и улицы, и дома, и огороды, и лавочки в саду возле моей школы, да и сам город, разделённый Обью. – Чего ж ты так оторвался от нас?»

С висячего у стены телефона позвонил я писателю Коньякову. Он жил рядом, на улице Челюскинцев. Посылал он мне на юг ласковые хвалебные письма, и это с ним ходил я по своей Озёрной десять лет назад.

– Тебе не тяжело будет возить мои книжки? – сказал он, протягивая мне свои сочинения.

Мы постояли с часок на том же переходном мостике, поговорили о местных писателях, о чалдонках в Остячке, той деревне за Северным, которая закрепилась в моей повести.

– Ну, что ты тут пишешь, как графоманишь, почитаю в Топках. «Далёкие ветры». Ладом. Так сибиряки говорят?

«Ударишь калиной по воде у берега, вожжа лопнет глухим пузырьком и растянется кругами, ломая и раскачивая перевёрнутую зелень осоки».

– Как у нас на болоте. Идешь к дяде Степану, потом назад, лягушки спрыгивают в воду, пиявки дёрнутся. Спасибо.

Только в четыре часа утра уехали мы 30-м поездом. Я тотчас заснул, а мать моя, погрузившая от своего возвращения ненадолго, так и просидела часы, караулила станцию Топки и разбудила меня заранее. Был уже девятый час.

В Топках я родился пятьдесят три года назад. Рядом со станцией стояло здание, из которого меня принесли спелёнутого в дом на улицу Кузнецкую. Два месяца всего жил я здесь младенцем. Если бы не революция, мог бы появиться на свет и в Елизаветино или в Бутурлиновке. А может, и вообще меня бы не было. Глубока тайна сугубого мгновения. Года, наверное, через три меня привозили к бабушке; какое-то видение смутно закрепилось во мне: меня несёт отец на руках от ворот, мы уезжаем, что ли, назад в Новосибирск.

Здравствуй, забытая станция. Это маленький Витя явился к своей купели.

«Станция Топки... Какая кругом сибирская простота!» – под это сдавленное восклицание души открывалось мне всё, что я позабыл вдалеке.

Никто меня не помнит, да и я сам лишь чуть-чуть вижу себя в далёких днях.

К бабушке в Топки я ездил не каждое лето, а после окончания школы всё реже и реже. После пятого класса матушка насмелилась отпустить меня одного, посадила в вагон и упростила попутчиков разбудить мальчика на рассвете в пятом часу. Всё в детстве было далеко: край улицы, эта бабушкина станция и верхушки тёмного березового леса за болотом. «Он не боевой у меня, побоится спросить, так вы уж, пожалуйста», – доверяла меня матушка надежным по виду людям. Я и правда был пристыженным, всех сторонился, больше молчал. «Сбегай к тёте Моте, попроси закваски», – говорила матушка. «Мам, – ныл я, – сходи сама».

И она догадывалась: я не смею переступить чужой порог, поздороваться и попросить. «Как же ты, когда вырастешь, жить будешь? Несмелый какой. Ни одна девчонка тебя не полюбит». – «А я не буду жениться». – «И рубашку-то постирать будет некому. В кого ты такой? Отец был удалой, весёлый. В гостях на одном месте не усидит, так и крутится и никому слова не даст вставить». – «Где я научусь? Ты меня даже к бабушке не пускаешь». – «Ну, поезжай. Как раз покос. Земляники поешь». Никого я в

жизни так не слушался, как мать в детстве. Наверное, мне было её жалко, молодую, красивую, одинокую, не ридикюль прижимавшую под мышкой, а таскавшую ведра с помидорами, огурцами.

Бабушка жила с младшей дочкой Галей и редко ездила к нам, всё выкладывала по чужим домам печи, славила в Топках как великая мастерица. Она не баловала меня нежностью. Крестьянка, вдова, она всю себя поровну разделила между шестерыми детьми и тьмой близких и дальних внуков, меня окликала не иначе как Витько. Но с какой радостью я к ней ехал! В Топках ещё дядя, мой крёстный, целым и невредимым вернувшийся с войны и повидавший в Харбине русских эмигрантов-белогвардейцев.

На улице Кузнецкой (номер дома забыл) бабушка жила до последнего дня, а уж после неё крёстная купила дом на улице Чехова. Мы постояли, помолчали, мне было жалко, что крёстная переменила жильё. Другие хозяева, всё по-другому в комнатах. Колодец с солоноватой водой засыпан, наверное.

Много странствовал я, пока родичи мои толклись во дворах, чужие земли видел и помолился у Гроба Господня в Иерусалиме, посылал из Греции, Турции и Америки весточки в Сибирь, и всё некогда было завернуть сюда. И стал я уже не таким родным этому топкому месту. В какую-то пору суетливой беготни по жизни беспечно теряешь родню и выдумываешь оправдание...

Какая кругом сибирская простота и удалённость! Как потихоньку возникают леса за крышами, подсолнухи в огородах, крапива у заборов, поленицы дров, болотный запах, всё те же деревянные дома – всё, как и при бабушке Анастасии. А её уже нет. Отсюда она выезжала только к нам и раза два в Елизаветино повидаваться с братом Тихоном и прочими родичами. И вот (теперь горюю) побыть бы тогда рядом с нею, походить вместе по деревне да послушать, как они, её подружки и соседи, ворошат старину, переспрашивают друг дружку (что да как, да кто куда делся), и написать поподробней, больше, может, и не захотелось бы портить бумагу. Эту потерю я со страданием буду держать в душе до самого конца.

Мы долго шли к дому № 199, наконец улица снизилась в покатый овраг, выровнялась, и тут сразу же на левой стороне приветила нас берё-

за над крышей, и мы узнали, за какими окнами писала нам письма Галина Андреевна.

– Ох, сестра-а...

Вздых сестры Гали опечалил все годы разлуки. Матушка и моя крёстная вытирали платочками слёзы и с причитанием проговаривали слова, не двигались с места. Я стоял немой. Сёстры соединились в одну душу. В одной люльке колыхались, вместе росли, все женские, семейные секреты с ними, вместе плакали у гроба матери. Галя была моложе на семь лет, в плечах широкая, похожа на отца: высокий лоб, костистые скулы, а глаза нашей бабушки – «точками». «Завивались мои кудри с осени до осени, а теперчи мои кудри завиваться бросили», – пели сёстры в молодости в застолье, пели с улыбкой, да вот уже пришла пора жаловаться всерьёз. Галя жалела сестру, горевала, что она в их роду несчастливая. Раньше письма посылались за двести вёрст словно через дорогу, всегда можно было скоренько повидаться, чем-то утешить. Не было сроду между ними сердитости или обид, только переживания: как там сестричка? И не приснилось ни разу, что в последний срок не смогут и попрощаться: далеко! Живой голос прервётся надолго. А будут одни письма да письма: «...крепись, сестра, что поделаешь, надо будет как-то доживать», «...мне хоть дочка кружку воды подаст, а ты там в Пересыпи одна...»

За столом они понемножку привыкали к обычным беседам.

– Ты писала мне: приезжай. Люся читала письмо, и все плакали. Не близко поехать, а жалко, вы там среди чужих.

– Я тебя сколько раз приглашала на август, сентябрь, – благодарно извинялась мать за то, что к ней тяжело добраться, – ещё тепло, винограду много. Витя тоже ждал.

– Как-то я боюсь, много пересадок. Здоровье уже не то. Отпрыгалась. К вам прямого самолёта нет, поезд до Анапы через Топки не идёт.

– А я в мае сколько раз загадывала: ну, проведу, а у них старая картошка уже кончилась, а новой ещё нету, будет тратиться. Да и свой огород тянет.

– Нонче картошка уродилась хорошая, для себя всего засолили, можно не горевать. Что ты, Витя, худой такой? Жена, поди, ленится у

печки стоять? Сейчас буду закармливать тебя, ты картошку всегда любил.

Как и в детстве, когда я приезжал, дедушка с бабушкой строго смотрели на меня со стены, с увеличенной фотографии, напоминая мне, на сколько лет я расстался с роднёй.

С огорода видна была берёзовая роща, и мы пошли туда к вечеру провести могилу бабушки. Мать целовала фотокарточку, вправленную в камень, плакала, звала бабушку оттуда, «где все будем», и я переживал за неё: плачет она ещё и по себе, легла бы когда-нибудь в этой же оградке, племянницы Люся и Таня ходили бы к ней, а на чужой стороне и птицы прилетят чужие.

— Мама мне давно не снится, — сказала крёстная. — Довольна или обиделась на меня, не знаю. Год отмечала как полагается. И потом. Если нас так помянут, то хорошо, мама не должна бы сердиться, отпела в церкви и на десять лет, приглашала с церкви семь старушек, и они пели перед обедом.

Шли с кладбища медленно, печально, будто похоронили бабушку ещё раз. Зря крёстная страдала, что бабушка сердится на неё. На все родительские дни да и так, когда кого-то из соседей понесут к вечному покою, входит она в оградку, всплакнёт и беззвучно помолится. А глядя со своего огорода в сторону рощи, каждый раз скажет что-нибудь материным косточкам.

«Не жди старости, ни лета долга...»

Я шёл сзади как-то виновато: годы изгнали меня из повседневной жизни родни. Мать моя была ближе не только к сестре, но и к племянницам и племянникам, к их детям, к бабушкиным подружкам, ей было о чём поговорить с ними, что вспомнить, а я оторвался, нажил себе вдалеке друзей и знакомых, всё раннее растерял. И писем моих ждать перестали, и не погулял я за столом, когда материн брат Василий приезжал из Сальских степей (из Зимовников), а сестра отца Татьяна Фёдоровна — из Елизаветина. И только на фотографиях увидел их вместе.

В доме матушка радостно взялась помогать сестре: чистила и варила картошку, вежливо раскладывала огурчики на тарелку, завела тесто, вся светила милостью к самой себе: это я для сестрички, мне с ней хорошо, она ж мне родная.

Пока я читал местные кемеровские газеты, дышавшие своими приметами и названиями деревень, городишек, сестра Галя, моя крёстная, докладывала матери о старых топкинских знакомых:

— Чувашка переехала к внучке в казённый дом, там пожила месяц, видит, что не нужна, и купила себе избушку, я её навещаю. Плачет, что скучно, сын не пишет уже год. Сыны продали дом за одиннадцать тысяч, разделили, а матери дали сто рублей.

— Хосподи-и, какая нонче пошла молодёжь...

— И Ареиха горюет, живёт одна, чуть приболеет — никого рядом, умру, мол, и буду лежать. Внуки ходят только по выходным. А сестра её живёт в конце, подметает автобусные остановки. Мне сыночек хоть ограду переделал, на двадцать лет хватит, только жить уж осталось мало...

— Жили, чужую старость видели, а свою и не ждали.

— Ты там в Пересыпи на огороде хоть тяжёлого не делай, не угробляйся.

— А забываюсь. Грыжа, а всё равно таскаю вёдра. Забываюсь.

К вечеру показался в калитке Фёдор Андреевич, худой, лицо костлявое, вытянутое, глаза отцовские, круглые. Я его любил, а он, хоть и считался моим крёстным, обо мне забывал и никаким особым чувством не радовал. Сестра Галя осуждала его за мягкотелость, покорность в семейном быту. Приехал на велосипеде с той стороны железной дороги с алюминиевым бидончиком (нарвать у сестры смородины), как-то жалко держал его пальцами, поставил в сенцах возле кадушки. Постарел. Где тот холёный Фёдор в год возвращения из Харбина? Трудно поверить, что был на войне с японцами. В 1947 году проведаль он нас с матерью на Озёрной, похвастался китайскими шелками, раздал фотокарточки, на которых выглядел ещё сытнее, в светлой дублёнке с курчавыми отворотами, не герой, но из армии победителей, и я гордился им, сам бы хотел повидать японцев и китайцев в каком-то Харбине. Как раз перед поездкой мне досталась книжка «Ветка русского дерева» — «о моём городе», с чужим посвящением кому-то неизвестному, «об истоках моих, где я росла в далёком Харбине, от чего не уйти мне

до конца жизни» (подпись была неохотная, скрытная). Какое-то потерянное русское величие, надежда, счастье, потом горе страдания покрылись травой забвения, и почему-то никому не было жаль такой пропажи, никогда в кругу писателей не заводилась речь о Харбине.

За столом крёстная, матушка и сёстры Люся и Таня перебирали свои женские да домашние истории, а я вытягивал из крёстного воспоминания о Харбине.

— Я ж попал в Маньчжурию с заключения в пересыльный лагерь. Нас сорок человек одели в военную форму, погрузили в теплушку и повезли к маньчжурской границе. Там мы в маленьком городке охраняли наших офицеров, которые руководили передвижением войск...

— Овдовела я посреди пути: от молодости отошла и к старости не пришла, — слышался мне и голос крёстной. — Хоронили Ивана Ивановича, погода стояла тёплая, без снега, выпал снег только к девяти дням, и похолодало. На похороны Люся, Таня, Володя дали триста рублей, брат Фёдор... — она стихла и добавила потише, чтоб крёстный не услышал, — двадцать пять...

— Как раз пенсию задержали... — оправдал крёстный свою скупость.

— ...Кузя — десять, племянники купили венки, музыку нанимали, обедало восемьдесят человек, водки брали два ящика с половиной. Двадцать пять дней жил на одной воде. Одни кости да кожа, господи. Наказывал, чтоб похоронили с братовой женой. «Похороните, — сказал, — рядом с Анной Васильевной, она будет мне там песни петь». Жили мы с ним недружно, но всё равно жалко.

— ...а потом город Хайлар, — продолжал крёстный, — он в низине, кругом горы, там мы простояли дней шесть. И увидел я Харбин, ему полвека всего, а какой стройный, двадцать церквей, река Сунгари, пристань, русских много, из тех, что жили давно, и других, что бежали от большевиков. Меня назначили поваром и дали мне в помощницы, как бы сказать, эмигрантку, на вид хорошенькая, наши офицеры за ней гонялись, но я ей не разрешал, как бы сказать, с ними возиться да и был, как бы сказать, не последний, отъелся на кухне, выглядел дай тебе бог, нравился ей. Она была женой секретаря маньчжурского правителя, его наши взяли, и

она мне говорила, как ей надоело жить среди японцев и китайцев. Я ей посоветовал уезжать в Россию, но она сказала: «Нет, мы там не нужны». Многим давали визу, но боялись и уезжали в Австралию и в Америку. И в сентябре мы оставили всё вооружение 8-й армии Китая и с офицерами последними выехали через пограничную заставу к себе домой. Я женщинам набрал шёлковой материи, вееров, тогда это считалось богатым подарком. Харбин не забуду...

— И я вам завидую. Читал «Ветку русского дерева», и так захотелось в то время, ещё до войны, пожить в Харбине с теми людьми, которые (тоже читал об этом) и у нас (кто вернулся), и в Австралии, в Америке воспевают само слово «Харбин», не могут забыть.

— Эта моя помощница читала мне стихи, так что даже я (память никудышная) переписал. Что тетрадку ни раскрою, стихи там, прочитаю. вспомню её взгляды, и стихи запомнились, и она сама долго перед глазами казалась.

*Был дом с обветшавшим дрожащим крыльцом
И девушка с милым открытым лицом.
Да, было крыльцо, выходившее в сад.
Но только, должно быть, лет двадцать назад.*

Я отлучился в другую комнату, вытянул из портфеля книжицу, вернулся и прочитал крёстному и замолчавшим женщинам стихотворение:

*Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.
Пусть удел подобный горек —
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик-историк,
Вспомяни о нас.
Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забегит турист.
Он возьмёт с собой словарь
Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,
Утомясь мерцать!*

Все помолчали.

— Про что это? — спросила наконец матушка моя. — Не про Новосибирск наш?

– Мам, ты такое скажешь... Шёлковую блузку и платочки откуда привозил твой братец?

– Из Китая, – виновато ответила она.

– А в Китае есть город Харбин. Бог мой, как я хочу в Харбин.

– Поезжай.

– С кем? Легко сказать. Грешен, я и в Елизаветине не был.

Я вышел в первую комнату, прилёг у печи, над головой моей висела фотография деда Андрея с бабушкой Анастасией. Бабушка смирная, а дед с усами, красавец, прямо из царского конвоя, породистый офицер, в кого он такой – по роду-племени вовсе не помещичий, а крестьянский сын. Бывальцев. А точнее – Бывалец, крёстный так и пишется в паспорте. Хохлы. Из Малороссии. Никогда уж не узнать, как звали ту мою родню, которую привёз из Малороссии граф Бутурлин в Воронежскую губернию. Бабушкина веточка – Гайворонские. Но это по отцу, а по матери?

На стуле лежал писательский журнал «Огни Кузбасса». Стихи какого-то Богданова Александра. Не знаю такого поэта. Везде пишут стихи.

*Вдоль чугунной ограды,
Шелестя в ветерке,
Вы гуляли по саду,
Направляясь к реке.
И у ног, будто пламень,
Август лёг не дыша.
Был и лёгок и плавлен
Ваш божественный шаг.
Он, созвучью в улогу,
Был похож неспроста
На хождение по водам
Иисуса Христа.
И с деревьями листья
Утерявшие связь
Над асфальтом повисли,
Не решаясь упасть.*

Я встал и вернулся к столу.

– Вовка приезжал из Новосибирска, – вещала потихоньку за чистым столом крёстная. – Помог кой-чего по дому, дров нарубил, снег поткопал, я постирала шторы и постельное, он мне воду таскал, старалась подкормить его. Спросила, как с Татьяной живёт, он промолчал, а Люсе сказал: «Будем, наверно, расходиться». А она матери своей сказала, что ошиблась, «не

буду с ним жить». Подадут если на размен квартиры, а там очередь два года. А у Люси тоже... Сергей пришёл с армии, так сразу его Галя забрындил, два года молчала, Люся и её, и внучку кормила, то ей нравилось, а тут стала губы дуть, пол целый месяц не мыла. Люся тогда говорит: «Чем губы дуть, идите лучше на квартиру. Поживите отдельно. Я вас не держу». – «Мы уедем». А денег ни копейки. «Уезжайте, но вам денег на дорогу не дам». И всё. Ушли. А работа у Сергея такая, что можно и задержаться, он возит завхоза по деревням и по городам и дома бывает не вовремя. И вот сейчас пыль до потолка: вовремя не приходит и зарплата маленькая, разойдёмся. Пол не помоем – скандал. А сама сидит, что-то вяжет. Вот такая сноха попала Люсе.

– Крёстная, – перебил я, – а вы так и не съездили в Елизаветино? Не тоскуете?

– Бабушка за нас ездила. А что там? Плакать только. Дома нашего нет. Как замуж вышла – не до поездок. Огород, покос, корова, куры, хрюшки, забот хватало. Кто из наших хохлов (в основном проводники) едет, на станцию Таловую, родня деревенская к своим выходит, привезут новости: кто живой, кто как. Оно как-то легче станет, когда своих встретишь. Я как от Тани получу посылку с вареньем, так плачу, оно и варенье как будто роднее.

– Сколько вас было у бабушки?

– Шестеро осталось, когда отец помер, – сказала мать. – Считай. Мы с Павлом двойняшки. Алёша. Фёдор. Василий старший. Галя самая последняя. Всех коллективизация выгнала. Мы-то в Топках вместе были, а Василий женился, и мы не видели его девятнадцать лет.

– Как не больше, – поправила крёстная. – А тут пообещал: ждите, приеду. Мы засуетились, готовимся, заварили бражки (на водке нам не в силах принять), а он пишет: отпуск не дали, не приеду до следующего года... Ждали до февраля. Я поскорее заварила браги, как сейчас помню, на последние рубли, насчёт сахара было туговато, но я сумела достать и заварила. Двенадцатого февраля. И случись несчастье с Иваном Ивановичем. И пошла эта брага на поминки. А брат опять не приехал.

– Присылает Галя письмо, – помогает сестре рассказать мать, – брат пообещал точно приехать. Приезжай, сестричка, пораньше, хоть

чего сможешь. А конец октября. Я в то время жила одна, Витя в Краснодаре учится. Как ехать, на кого дом бросить? А охота повидаться. Тётя Мотя Чёрненькая на меня: «Езжай, мы тут посмотрим, корову подоим». Ну, поехала четвертого ноября. В Топках меня встретила Люся с мужем. А брата ещё не было. Через день мы на вокзал. Нету! Мы тут уже стали волноваться, почему долго нет: дал телеграмму, что выехал, а нет и нет. Потом шестого пошли вшестером. Он ехал во втором вагоне. Галя его узнала сразу, как начал сходить. А Василий её не узнал! Галя сразу в слёзы. А мы там с Люсей всё у вагонов дальних пересмотрели, потом идём к вокзалу, а они стоят, утираются платочками, плачут. Тут и мы с Люсей подбегаем, я схватила первую брата за шею: «Ох, миленький, да откуда ты такой?» И плачу. И все мы плакали, люди на нас смотрят. Забрали чемоданы, пошли. Бабушка вышла за ворота в фуфайке. «Думала, вы и не явитесь», – говорит. Обняла его да в причет плакать. Назавтра приехал Федя с новой женой, тоже мы плакали. Сели, выпили, дядя Вася рассказывал про елизаветинских. А я всё время думала, что Витя далеко от нас, меня веселье не брало. На столе было белое вино, водка, закуска всяко-разная, картошка с мясом, сибирские пельмени, рыба жареная...

– Потом ещё седьмого я звала гостей, – вступила крёстная. – Было три стола, была гармошка, тоже стол был хороший.

– Я тогда прогостила в Топках до десятого. И уехала домой подготовиться к гостям. Наварила холодца, купила водочки, постряпалась. Я их уже не встречала, мне они не велели. Я их поджидала вечером, а они заявили утром. Приехали в Новосибирск в одиннадцать вечера. Их наша бабушка напугала: «У них там поздно не ходят – обируют, убивают». Так они до утра на вокзале мучились, потом в шесть часов стучат, я ещё спала. Василий говорит: «Не хотели, сестра, тебя обидеть, нагулялись и вздумали ехать прямо домой, но решили посмотреть, как ты живёшь без сыночка». Я приглашаю: «Давайте завтракать». – «Нет, не будем, лучше вздремнём. Но чтоб лучше спалось, налей в стаканчик. Не буди, покуда сами не встанем». Я пошла корову покормила, потом пошла на Демьяновскую к дяде Степану сказать, чтоб в

обед пришел с Гульдей, позвала Клаву Пирко, тётю Мотю Чёрненькую, Стратоновича с тётей Марусей. Вот и встретили. Дядя Вася – он не танцор и не песельник, но уж тихо не посидит, всё рассказывал, как он с дядей Степаном на Амуре отбывал ссылку. И всё Елизаветино вспоминали. Жена с ним была, он её «королевой» называл. «Моя жена помрёт – больше за меня никто замуж не пойдёт», – шутил. А вышло, что он раньше помер. Три дня побыли. И я всё жалела, что Витя далеко. Провожали мы его с новосибирского вокзала с Мотей Чёрненькой. У ворот нас квартирант фотографировал, карточка есть. Бабушка провожала до Банниковых, всё наказывала: когда, сказала, помру, да не сможете выехать, то вышли хоть немного на похороны. А сама плачет. И стояла, пока трамвай не проехал, всё плакала.

Неделю мы гостили в Топках.

Сёстры по полдня возились в огороде, выбирали лук, чеснок, морковку, сидели на перевёрнутых вёдрах, обрезали морковные хвостики, сбрасывали головки лука в корзину, разговаривали, истосковавшись по откровенным вестям друг от друга, а я ходил по огороду кругами, срывал малину и порою кое-что слышал.

Один раз напал на такую речь матери:

– Я пишу Вите, а потом говорю Василию Фёдоровичу: «Ну и ты прибавь хоть две строчки». А он: «Пиши сама, я не знаю, чего писать, не умею, пиши за меня». Был бы Витя ему родной, сумел бы. Нашелся бы чего спросить, выбрал время. А что ты хочешь, это всё чужое, да притом он с ним не жил, мама только и беспокоится, она родная: ложусь, встаю – всё он у меня на душе.

Я удаляюсь в садик, обхожу избу, чтобы больше не слышать про страдания матери без меня, где-то далеко жившего студента. Малина у крёстной крупная, я трогаю ягодки двумя пальцами, стою у забора, гляжу на зелёный верх кладбища вдали. И тихо возвращаюсь к корзинам.

Теперь говорит крёстная:

– Брата Василия нету сколько лет, а они нам всё пишут, да так, что зачитаешься. Денег высылали к поминкам. Ивана Ивановича во сне видела всего один раз, но всё отвечал со злом. Всё кажется, что у меня его давно нет. Если б я его любила, то я бы и скучала по нём или он бы

не злился. А почти до самой смерти был злой, помотал мне нервы...

Я опять сержусь на родню: в простонародье не берегут письма, и сколько я ни просил, никто меня не послушался. Все письма утерялись, все разговоры потухли.

– Куры синие, полудохлые, селёдки нет, один хек. Я езжу в деревню, тут за Топками, покупаю там сметану, бидон молока. Привезу, и на две недели хватает, хоть молочка настоящего попьёшь, а сметана – хоть ложку поставь.

Я буду кружить и кружить и немножко горевать оттого, что столько лет прожил без родни, что где только ни шастал, а до Бутурлиновки и до Елизаветина не доехал.

В магазине я купил «Воспоминания» Смирновой-Россет, но читать здесь не буду. Напишу письма друзьям-писателям в Иркутск, Красно-

ярск, в Курган и начну необычно: «Привет из Сибири».

Приехал как будто из-за границы.

Вечером долго ужинали, мать вспоминала, как переезжали из Топок в Новосибирск. Мне было несколько месяцев.

– А потом мы тебя привозили, уже годика три-четыре тебе было.

– Мне кажется, что я помню, как выносили меня на руках из бабушкиного дома тёмным вечером, и вроде бы слышу ещё и сейчас голоса ваши...

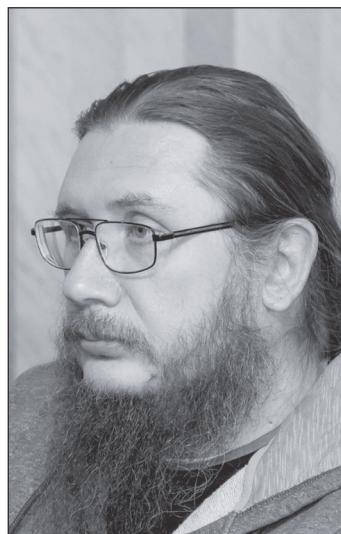
О, мои Топки... Я ещё покаюсь, тихо поскорблю душою, поругаю себя, ещё напишу что-то родное в поздней главе, ещё перечитаю старые письма от крёстной. Простите меня, Топки, редкого гостя, отправшего от своей люльки.

Дорогой Дмитрий Владимирович! Сердечно поздравляем Вас с юбилеем! Благодарим за многолетний творческий труд во благо русской литературы. Желаем Вам здоровья, неиссякаемого вдохновения, новых поэтических свершений и безмятежной радости бытия. Многая лета!

Дмитрий МУРЗИН

РЫБА-ШАХТЁР

ОДЕССА. ЛЕТО 1977 ГОДА

Вот то Чёрное море, где
Я учился глаза открывать в воде,
Так и не научившись плавать...
Понимая мир едва ли на треть,
Я бросал в прилив возвращенья медь,
Не предчувствуя крах державы.

От Одессы память вернула лишь
Соль лимана, и частный сектор крыш,
Да экскурсию в катакомбы.
Мы снимали комнату «для гостей»,
Пахла чем-то солёным моя постель,
На подушке синели ромбы.

Во дворе, как водится, виноград,
И хозяйкин, грозный такой, халат
Говорит: «Не ешь, он незрелый».
А я всё же ел, и кривило рот:
Не был сладок этот запретный плод,
Но зато мне было две Евы.

Евам было по одиннадцать лет,
Я когда-то помнил восемь примет,
По которым их различали...

Нет иных таких среди Надь и Лен,
Ведь они похожи, как пара колен,
Как одна сторона медали.

Из чудес вечерних, ау, смотри,
Кабачок пустой со свечой внутри,
Как провалы, горят глазницы,
Полыхают ноздри, пылает пасть,
Надо мною страх обретает власть,
И потом полночи не спится.

Ночью было душно, а днём жара,
Остальное – смутно, чай не вчера,
Было жизни седьмое лето.
Двадцать лет для памяти всё же крюк,
Остаётся запах, уходит звук
По спящей полоске света.

* * *

В глухой Сибири, где бродит лось
И сладка вода родника,
Течёт и пробует на износ
Русло своё река.

Берега её утопают в песке,
Воды её легки.

МУРЗИН Дмитрий Владимирович родился 28 апреля 1971 года в Кемерове. Окончил Кемеровский госуниверситет (математический факультет) и Литературный институт. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «Дети Ра», «День и ночь», «Октябрь», «Байкал», «Балтика», «Полярная звезда», «Литературный меридиан», альманахе «День поэзии», в антологиях «Русская поэзия. XXI век», «Ты припомни, Россия, как всё это было», «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово...». Автор восьми поэтических книг. Член Союза писателей России. Член Русского ПЕН-центра. Живёт в Кемерове.

Но те, кто живёт на этой реке,
Боятся этой реки.

Наступит зима, когда нужно зиме,
Льдом эту реку скуёт.
Никто из местных в своём уме
Не ступит на этот лёд.

Прощай, рыбалка, рыбка, прощай,
Не будет подлёдным лов.
Не тронется лёд, не наступит май –
Рыбак не покинет кров.

По небу крадётся, словно шпион,
Поздний зимний рассвет.
А по-над речкой – малиновый звон.
Малиновой звона нет.

Звон ненадёжных зимних оков,
Пока не померкнет свет.
Лёд звенит, но ни рыбаков,
Ни конькобежцев нет.

Лёд, звенящий, но хрупкий лёд
Провалами чреват.
Система ходов, система пустот
Изрыли лёд наугад.

Система дыр и система нор.
Шаг ступил – и привет.
В этой реке есть рыба-шахтёр –
В других местах её нет.

Черна как смоль, с фонарём во лбу
И с плавником-киркой,
Рыба-шахтёр, проклиная судьбу,
Ушла в ледяной забой.

У местных с неместными вышел спор,
Как есть, о природе вещей:
Зачем нужна эта рыба-шахтёр
И есть ли она вообще?

Спор утихает, но лёд звенит,
И пацаны твердят:
Мол, рыба-шахтёр найдёт динамит
И местные победят.

* * *

«Я сослан к музе на галеры».
Л. Губанов

1

Принять с утра две полумеры,
Потом сварганить бутерброд,
Я твой навек, моя галера,
Зашей мне рот.

2

Стихи меня не прокормили:
С паршивой музыки – рифмы клок,
Но чтоб меня не отпустили –
Внеси страдательный залог.

* * *

пока прогреется паяльник
для мелкой пайки
ко мне в фейсбук придёт начальник
поставит лайки

под записью что всё тщета
и понедельник
и что работы до черта
и мало денег

что мир как водится жесток
сё место боли
и вьётся синенький дымок
от канифоли

* * *

Если пароль – «хопёр», то отзыв –
«хопёр-инвест».
Нас с тобой два раза один Мавроди
не съест.

Мы начинали с «андроповки», «Распутин»
подмигивал нам,
Вот бережёт же память весь этот хлам!

Память, кстати, того –
лотерея-тире-решето.
Или не вспомнишь, или вспомнишь не то...

Как уронили Брежнева, или как
Бегал за сдобой и потерял пятак,

Или безумно невкусный и рыбий жир,
В старом почтовом ящике «Новый мир».

Был и Высоцкий жив, и Лобановский жив,
Были у книжек серьёзные тиражи.

Были талоны и деньги, которых нет...
Всё будет о'кей, встречай меня в Домодед...

* * *

Опять страна валяется в канаве,
И снова нет в отечестве пророка.

О подвигах, о доблести, о славе
Не стоит слушать разговоров Блока.
И Тёркина менять на переправе,
И забывать что Родина – не слово.

О подвигах, о доблести, о славе
Нам лучше разузнать у Гумилёва.

* * *

Эти разговоры – ни о чём.
Эти коридоры – в никуда.
Кто-то рассмеялся за плечом.
Обернулся – падает звезда.

По плечам знакомый холодок.
Догадался – Рождества канун...
Чем-то поперхнулся и замолк
Певчий перелётный гамаюн.

И сидеть в кромешной тишине
И в обиде – словно в тесноте...
Убеждаясь в том, что счастья нет,
И впадать, как в ересь, в забытье...

* * *

В этом мире подделок, аналогов и муляжей,
Копий, фальшивок, мороков, миражей,
Ватных статуй, гипсовых плюмажей

Смещены акценты, попутаны под и над,
И поди разбери – это сущий ад
Или ещё дубликат?

* * *

Я о тебе не вспоминаю – тобою брежу.
Дожить до марта ли, до мая, а там и срежет.
И что-то в воздухе витает – вдыхаю, внемлю,
Не для меня земля сырая – сушите землю.

* * *

Затянулась пауза, как петля,
Расскажи, о чём третий раз молчишь...
То ль ушли, то ль срублены тополя,
Тишина такая, что слышно мышь,

Шум деревьев, ветра, дождя, машин,
Перетик часов, колокольный звон.
Тишину – молчанием, клином – клин,
Разговор устал, взял да вышел вон.

Затянулась пауза в узелок,
Расскажи, о чём в третий раз подряд
Ты лежишь и пялишься в потолок,
Закусив губу и потупив взгляд.

* * *

Сергею Самойленко

Садилось солнце, как вельможа,
Клонилось лето к сентябрю.
Ты останавливал прохожих,
Чтоб посмотрели на зарю.

Они шагали торопливо,
Был вечеру никто не рад,
А мы с тобою пили пиво
За тот единственный закат.

Садилось солнце, как вельможа,
Клонилось лето к сентябрю...
И ты остановил зарю,
Чтоб посмотрела на прохожих.

* * *

Обмани меня по-простому,
На каком-нибудь ровном месте.
Будто Кама впадает в кому,
Отражая бардак созвездий.

А когда буду рвать-метаться,
Улыбнись и скажи, что поздно,
Обведи меня вокруг пальца,
Заведи и оставь в трёх соснах.

Дай мне вышептать твоё имя,
Подпусти меня близко-близко,
Проведи меня на мякине:
Я устал от твоих изысков.

Людмила
ЯКОВЛЕВА

Я БУДУ ЖДАТЬ

Повесть

ОТ АВТОРА

Давным-давно, лет тридцать тому назад, моя коллега по Тайгинскому отделению железной дороги Л. И. Жарикова поведала о том, как одна женщина, её соседка по дому, в годы войны отказалась поверить сообщению о гибели сына. Звали этого героя-воина Александр Каплин. Его мама утверждала, что Саша был разведчиком в тылу врага и вовсе не погиб там, а продолжал выполнять секретное задание.

В начале войны, когда мать уже не получала от Александра никаких вестей, квартиру Каплиных посетили высокие военные чины. Предложили матери написать сыну письмо. Пообещали передать ему это послание и от него доставить весточку домой. Так в течение какого-то времени и обменивались мать с сыном короткими записками. Однако адреса сына Каплиной так никто и не сообщил. На её настойчивые просьбы ответ был один: пока такой возможности нет, нужно ещё немного подождать...

А потом, перед концом войны, пришло матери сообщение о гибели сына. Но она заявила, что не верит этой бумаге. Всем соседям, знакомым кротко говорила: «Живой Сашенька, я это знаю наверняка. Только нельзя ему пока домой вернуться, засекреченный он».

Женщина продолжала регулярно писать сыну письма в надежде, что опять придут к ней люди в

форме и скажут: «Давайте передадим Александру весточку от вас». Никто, конечно, больше не явился к матери с таким предложением, а она до смертного своего часа так и не поверила в гибель сына. С тем и ушла из жизни.

В музее школы, которую окончил А. Каплин, о нашем герое всего несколько строк. О его матери вообще ни слова. Неизвестно, что стало с бумагами Сашиной мамы после её ухода. Даже подлинного имени этой женщины я не узнала. Но поняла, что должна написать о таком подвиге материнской веры, должна помочь сохранить эту историю и светлую память о замечательном тайгинском парне, отдавшем жизнь за Родину, за тех, кому выпало жить.

1.

Десять лет прошло с той поры, как я похоронила Надежду Ивановну Климову, а всё тут, в её квартире, так же, как было при ней. И её шкатулка всё так же хранит в себе тайну. Не за семью печатями – за узелком, за бантиком на старой синей тесёмке. Что в ней, в этой шкатулке, я пока не знаю. Узнать не сложно, стоит только дёрнуть за конец тесёмки. Десять лет смотрю я изредка на эту шкатулку, но за верёвочку не дёргаю.

ЯКОВЛЕВА Людмила Михайловна родилась 6 февраля 1939 года в городе Тайге. Училась на заочном отделении историко-филологического факультета Томского университета. Работала техником, инженером, старшим инженером комбината «Томлес», несколько лет на Украине на строящихся шахтах. В 1979 году начала работать в редакции газеты «Тайгинский рабочий» корреспондентом, затем заведующей отделом писем. Автор более 15 книг. Лауреат областной литературной премии им. А. Н. Волошина, член Союза писателей России. Живёт в Тайге.

Припоминаю отчётливо день прощания с Надеждой Ивановной, когда я перед уходом на работу пообещала ей вызвать на дом врача. Хозяйка пристальным взглядом осмотрела квартиру, потом положила свою руку на мою и сказала: «В случае чего, Валюша, всё здесь твоё. Живи хозяйкой, распоряжайся по своему усмотрению всем, что останется после меня. Только одна просьба у меня к тебе: побереги шкатулку, ты знаешь её, одна она у меня. Когда вернётся мой Саша, отдашь ему. Ну, а если... Если не вернётся, – с трудом, изменившимся голосом произнесла Надежда Ивановна, – то лет через десять можешь делать с этой коробочкой всё, что тебе заблагорассудится».

И вот минуло десять с лишним лет со дня смерти такого дорогого для меня человека. Саша, а для меня Александр Николаевич, домой так и не вернулся. Значит, теперь я могу узнать тайну шкатулки?

Почему-то мои ладони повлажнели. Я почувствовала это, когда начала развязывать синюю тесёмку. С бьющимся сердцем приподняла крышку шкатулки. Под ней двумя ровными стопками лежали пожелтевшие от времени конверты. Я осторожно взяла один из них, верхний из правой стопки. Адреса на конверте не было, ни «туда», ни «обратно». Конверт оказался незапечатанным. Мой взгляд упал на нижний край сложенного вдвое листка. Там стояла дата: март 1975 года. Дата смерти Надежды Ивановны. Я развернула письмо и начала читать.

* * *

«Здравствуй, Сашенька! Что-то здоровье моё стало сдавать. Сегодня с утра такая боль сжимает сердце, что не нахожу себе места. Валя на работе. Обещала вызвать на дом врача. Хорошо, что придёт он ещё не скоро, после обеда, у меня есть время поговорить с тобой. Валюша настаивала на скорой, а я успокоила её, сказала, что ничего страшного со мной не случится, и уговорила ограничиться вызовом доктора. Это чтобы выкроить время на письмо к тебе. Не хочу, сынок, думать о плохом, но боюсь, как бы оно не стало последним».

* * *

Я прервала чтение. Слезы затуманили глаза. Оттянула рукав кофты, вытерла их. А продолжить чтение не хватило сил: нахлынули воспоминания.

...Вот в первый раз перешагнула я порог школы не ученицей, а учителем. Помню, как переполняли меня тогда противоречивые чувства. Была тут и гордость, и радость: сбылось то, о чём мечтала с детства. Но были и сомнения: смогу ли, получится ли? Сейчас жаль себя ту, девятнадцатилетнюю. На первых порах сомнения брали верх. В школе я ещё держалась, а дома – снимала комнатку в частном секторе на окраине – ревела по ночам. Меня тогда сильно подкосила смерть моей мамы. Отца я не знала, его попросту у меня не было. Не было и не было. В детстве я думала, что так бывает. Не у одной меня папы не было. А когда выросла с мамой наравне, спросила у неё: кто мой отец?

Мама смутилась, сказала, что всегда ждала и боялась этого вопроса от меня. Но объяснила, как смогла. Отца моего толком мама и сама не знала. Не успела узнать. Во время войны она работала санитаркой в госпитале. А в марте сорок пятого обратил внимание на мою маму, тогда девятнадцатилетнюю девочку, один солдатик, из выздоравливающих. Петей его звали. Всё вздыхал он, грустно улыбался, маминой руки норовил коснуться... Когда из госпиталя его выписали, мамы на дежурстве не оказалось: день отдыха ей выпал. Петя узнал мамин адрес и пошёл к ней домой попрощаться. А вышло так, что остался до утра. Обещал писать с фронта, а после победы приехать к маме. Но ни одного письма не написал. И не приехал... Мама только лет через пять узнала через военкомат, что погиб её Петя в первом же бою после возвращения в воинскую часть. Никого у мамы с тех пор больше не было. Из мужчин, я имею в виду. Но вот я появилась на свет после того прощания, той ночи.

У мамы осталась одна-единственная фотокарточка моего отца, маленькая, как на документ. Я её недавно догадалась отдать в фотосалон, увеличить до размера почтовой открытки. Смотрит с неё смешной, лопоухий, наголо стриженный, большеротый мальчишка в военной гимнастёрке. Мой папа...

Мама, сколько помню её, всегда что-то делала – не дома, так на работе. Никогда вроде серьёзно не болела. И вдруг умерла от сердечного приступа. Ей тогда было на год меньше, чем мне сейчас, – тридцать семь лет. Я себя в свои тридцать восемь ещё молодой считаю и думаю, что впереди у меня долгая жизнь. На здоровье не жалеюсь. Но, конечно, нельзя сравнивать мою

жизнь и мамину или жизнь Надежды Ивановны. Столько невзгод вынесли они в годы войны.

Так вот, пришла я тогда, после маминой смерти, в школу. Нервы совсем сдали, чуть что не так – сразу в слёзы. Директриса глянет на меня исподлобья – начинаю плакать. Ученик мой, первоклассник Миша Дроздов, залепит мне жёванной промокашкой в затылок (и сам при этом страшно перепугается) – опять трагедия. Физрук, контуженный на войне, с какой-то издёвкой (возможно, кажущейся) отчество моё выговаривает по слогам: «Пе-тро-вна» – опять у меня едва до слёз дело не доходит.

Одним словом, к концу первого полугодия у меня настоящий комплекс неполноценности развился. Мысли стали появляться, что не для меня школа, менять надо работу. Поднимаюсь по лестнице на второй этаж, смотрю, как уборщица тётя Шура ступеньки тряпкой трёт, и жутко ей завидую. Ведь никакой нервотрёпки: отмыла полы – и иди себе отдыхай, голова не болит. И зарплата у неё почти такая же, как у учителя.

С квартирой тоже не повезло. Позарилась я на неё по той причине, что хозяйка моя, пожилая женщина, сказала: «Денег я с тебя, девонька, брать не буду. Ты мне только воду носи, и всё. Если согласная, заселяйся, боковушечка твоя будет». «Боковушечка» мне понравилась. Маленькая комнатка, но чистая, светлая, стол со скатертью у окна, кровать железная с постелью, стул, этажерка. И всё в моём распоряжении бесплатно. Очень это кстати при моей мизерной зарплате.

Перебралась я к Трофимовне, так звали старушку, и начала таскать из колодца воду вёдрами на коромысле. Я-то думала, ведра два принесу в день – нам и хватит. А, как выяснилось, у хозяйки полон двор разной живности: корова, два поросёнка, утки, куры. А ещё у хозяйки – готовка, самовар, постирушки чуть не каждый день. Так что воды приходилось приносить в день восемь, а то и десять вёдер. Приду с работы из школы – и за коромысло. Колодец от дома недалеко, с полкилометра до него, наверно. Пока натаскаю воды, уже стемнеет. И сил нет. А ведь ещё что-то приготовить на ужин надо, потом тетради учеников проверить, к урокам подготовиться. До полуночи за столом сижу, не высыпаюсь.

Плетусь однажды по тропинке, протоптанной в снегу, сгибаясь под тяжестью коромысла с вёдрами, и вдруг навстречу мне Надежда Ивановна – преподаватель немецкого языка нашей

школы. Говорит она мне удивлённо: «Валентина Петровна, вы что, в этих краях живёте? А я и не знала... К ученику своему домой наведалься, с мамой поговорить. Да вот вас встретила».

Прошлась тогда Надежда Ивановна со мной до дома, где я жила, порасспросила о житье-бытье моём, попрощалась и пошла к себе. А на другой день в школе после уроков окликнула меня: «Валентина Петровна, позвольте вас на минуточку!» Да и предложила неожиданно: «Если вы не против, перебирайтесь ко мне. Денег с вас, разумеется, я тоже брать не буду. И воду таскать не придётся. Водопровод в доме имеется, как и прочие удобства. Одно, может быть, для вас нехорошо, так это то, что надоем иной раз вам своими разговорами. Не хватает живого общения с близким человеком, вот и становлюсь не в меру болтливой».

Заметив моё замешательство, Надежда Ивановна добавила: «Только скажу вам сразу, поселю вас в ныне пустующей комнате моего сына с одним условием: как только он вернётся домой, вам придётся устраиваться с жильём заново».

Тогда-то, зимой шестьдесят пятого года, я и перебралась к Надежде Ивановне Климовой, временно, до возвращения Саши, как говорила его мама, как думала и я. А это «временно» затянулось очень надолго. Вот уже два десятка лет минуло с той поры.

Помнится, через два-три месяца нашего совместного проживания с Надеждой Ивановной у меня и следа не осталось от «комплекса». Неужели это её тихие неторопливые беседы внесли в мою душу ясность и такой покой? «Привыкнешь, Валюша, – говорила она мне, – прикипишь сердцем к школе, как я, как другие учителя. А твои сегодняшние терзания... Как без них? Каждый человек когда-то проходит через это. Не сомневайся в себе только отъявленный эгоист или глупец... Трудные ученики? Тут уж ничего не поделаешь. Они были, есть и будут во все времена. Только скажу тебе, Валенька, по секрету: многие не доставляющие никаких неприятностей отличники забылись со временем, стёрлись из памяти, а сорванцы, отнимавшие силы и здоровье, запомнились на всю жизнь. Вспоминаю их сейчас не с раздражением, а с улыбкой и сожалением о прошлом».

В последнее время много говорят о психологической совместимости или, наоборот, несовместимости людей. Вспоминая время, проведённое рядом с Надеждой Ивановной, думаю о

том, что у нас с ней совместимость была полнейшей. Несмотря на значительную разницу в возрасте – по годам Надежда Ивановна годилась мне в бабушки, – наши с ней вкусы, взгляды на многое в жизни совпадали полностью. С удивлением я то и дело обнаруживала, что мысли, высказанные Надеждой Ивановной, – касались ли они какого-то человека, или прочитанной книги, или кинофильма, или, скажем, международного события, – были и моими мыслями. Только выражать их так логично и последовательно, как это делала Надежда Ивановна, у меня не всегда получалось.

И через какое-то время я почувствовала, что она стала для меня очень близким человеком, почти родным, как моя мама. Было это тем более удивительно, что обычно я трудно схожусь с новыми людьми. И почему-то наши отношения стали ещё более тёплыми после того, как Надежда Ивановна рассталась со школой. Далось ей это нелегко, но уже и возраст заявлял о себе: Надежде Ивановне тогда исполнилось 63 года.

Я приходила с работы домой, и меня всегда ждал готовый обед. Хозяйка накрывала стол в просторной кухне, каких теперь не делают в многоквартирных домах. Мне было тепло, комфортно, хорошо. Совсем как когда-то мама, Надежда Ивановна сетовала на мой плохой аппетит (хотя лично я была на него не в обиде). Потом мы вместе убрали со стола, мыли посуду и отправлялись в комнату Надежды Ивановны – посидеть на диване, побеседовать. В первую очередь, конечно же, о школе. Старую учительницу интересовало всё: как прошли мои уроки, чем живут сегодня ребята, к чему готовят себя, кем мечтают стать. Иногда, довольно редко, Надежда Ивановна заводила речь о сыне. Говорила она о Саше осторожно, с недомолвками. Сначала я решила, что Александр за что-то осуждён, отбывает срок, по-видимому немалый, где-то в колонии. Но Надежда Ивановна говорила о сыне с таким уважением, что моя версия насчёт тюрьмы рассыпалась в пух и прах. Однажды я не выдержала и спросила: «Надежда Ивановна, а где находится ваш сын?» Спросила и тут же пожалела об этом. Потому что от моего вопроса лицо Надежды Ивановны посуровело, будто окаменело. Собеседница моя сказала с усилием, изменившимся голосом: «Мой сын, Валюша, выполняет свой долг перед Родиной, находится на ответственном задании. А вернётся домой тогда, когда будет можно, когда выполнит до конца по-

рученное ему дело». После того случая разговора на эту щекотливую тему я больше никогда не заводила.

Иногда я заставляла Надежду Ивановну за одним, видимо чрезвычайно важным для неё, занятием. Сосредоточенная и вся ушедшая в себя, она доставала из недр книжного шкафа заветную шкатулочку, шуршала бумагами, что-то писала. В такие минуты я старалась не мешать ей и уединялась в своей комнате, вернее в комнате её сына. Да, Саша по-прежнему был хозяином этой комнаты. В шкафу стояли его любимые книги, в гардеробе висели его вещи: костюм, рубашки, плащ. На самодельной настенной полке стояли пожелтевшие от времени его модели самолётов и планеров. А со стены, с портрета, смотрел он сам – улыбающийся, молодой, красивый.

Снимок, с которого позже скопировали портрет, был явно удачный. Фотограф, а потом и художник запечатлели удивительно живое выражение лица Александра. Кажется, шёл парень своей дорогой, думал о хорошем-хорошем, и его окликнули. Саша повернул голову, глянул через плечо. Светлая прядь волос упала на высокий чистый лоб, полные мальчишеские губы тронула улыбка, глаза – смеющиеся, счастливые...

2.

Я опять взяла в руки письмо Надежды Ивановны, датированное мартом 1975 года. Её последнее письмо к сыну. Хотела продолжить чтение, но решила: если уж читать письма, то лучше в той последовательности, в какой они написаны. Осторожно перевернула шкатулку вверх дном. Под аккуратными стопками конвертов я обнаружила бумажный свёрток, перевязанный суровой ниткой. Развернула его и замерла от удивления: на мою ладонь легли три ордена – два Боевого Красного Знамени и орден Славы. Они глянцево сверкали, и эмаль, покрывавшая ордена, была такой яркой, что казалось, награды получены совсем недавно. Сколько лет пролежали они в шкатулке? Как попали к Надежде Ивановне? Кому предназначены? Я ещё несколько минут подержала на ладони эти реликвии, погладила пальцами их холодную гладкую поверхность, а затем вернулась к стопке писем.

Теперь нижние конверты оказались наверху. С волнением взяла тот, на котором различила пометку карандашом: «№ 1». Вынула письмо и начала его читать:

«Сашенька, родной! Прошло уже 4 месяца с того дня, как я проводила тебя. Какими томительными и бесконечно долгими показались мне они. От тебя нет ничего, кроме коротенькой записки, которая пришла в июле. Я не осуждаю тебя, сынок. Ты ведь предупредил меня в той записке, что писем от тебя некоторое время не будет. Я потерплю и дождусь тебя, Саша, чего бы мне это ни стоило. Самое главное я знаю: ты жив и здоров. Уже дважды, в августе и сентябре, мне сообщали об этом по телефону. Передавали от тебя привет и просили не беспокоиться. Даже деньги пришли мне к моему дню рождения телеграфом, без обратного адреса. Не знаю откуда, но точно знаю, что от тебя.

Сашенька, сыночек, как утомляет меня, просто обессиливает это неведение. Где ты, почему эта таинственность? Но надеюсь, что скоро всё прояснится. Буду ждать. А чтобы скоротать время, буду писать тебе письма. Не могу не говорить с тобой хотя бы таким образом, не делиться с тобой своими радостями и тревогами. Хотя радостей сейчас так мало, одни тревоги и остались. От папы два месяца тоже не было вестей, а на днях пришло письмо. Воюет, жив и здоров. Да разве это не радость для меня, что оба вы живы и здоровы?

Ах, сынок, где-то ты, что с тобой? Знать бы мне хоть самую малость о тебе. Ну, бог даст, скоро узнаю. (Вот уже и Бога вспомнила твоя неверующая мама.) А пока я буду писать тебе. Потом, когда я узнаю твой адрес, перешлю тебе эти письма. А может быть, этот кошмар вообще скоро кончится, ты вернёшься домой и мы втроём, с тобой и с папой, перечитаем письма и посмеёмся над моими сомнениями и пустыми страхами. А пока обнимаю тебя, мой родной, и желаю всем сердцем, всей душой: выживи, сыночек, вернись домой! Я так жду тебя, Сашенька!

Твоя мама. 18 октября 1941 года».

Я дочитала первое письмо Надежды Ивановны и задумалась. Как же так? Письмо, написанное в первый год войны, до сих пор лежит в шкатулке в ожидании того, кому адресовано? Не может такого быть! Ведь Надежда Ивановна всегда говорила о сыне как о живом. Она с такой уверенностью утверждала, что Саша занят выполнением ответственного и, как я догадывалась, секретного задания. Пока он не может ни приехать, ни написать, говорила Надежда Ива-

новна, но как только ему разрешат, он тотчас вернётся домой. И у меня не было причин в этом сомневаться. Правда, моя уверенность значительно поколебалась за последние десять лет, когда не стало Надежды Ивановны и уже некому было поддерживать веру в возвращение Александра.

От таких мыслей стало мне невмоготу, но я ухватилась за соломинку: может быть, он приезжал домой после войны, жил с матерью, читал её письма, оставил их на хранение в маминой шкатулке и уже позже, спустя годы, ему поручили выполнение того ответственного задания, о котором говорила Надежда Ивановна? Впрочем, всё станет понятным, решила я, стоит только прочесть все письма в таком порядке, в каком они пронумерованы. И я взяла конверт под номером 2.

«Сашенька, родной мой! Вестей от тебя по-прежнему нет, но главное я теперь знаю. Приходил ко мне один товарищ, уверял, что всё у тебя хорошо, и кое-что сообщил мне. Это «кое-что» не для посторонних ушей и даже не для письма, которое я сейчас пишу тебе. Не пойму, сыночек, то ли уменьшилась моя тревога за тебя после сообщения о тебе этого человека, то ли удесятирилась. Скорее – последнее. Но, по крайней мере, мне стала понятной причина твоего молчания. Оно было бы невыносимым, если бы я знала, что можешь написать, но не пишешь мне писем. Теперь знаю – не можешь. Я потерплю. Придёт время, будет можно, и ты напишешь мне длинное-длинное письмо обо всём. Или расскажешь всё при встрече.

Папа в своих письмах постоянно спрашивает о тебе, а я не могу ничего конкретного ему написать. Отделяюсь короткими фразами: «Всё у Саши хорошо, не беспокойся». Ах, Сашенька, привыкну ли к мысли, что ты так невозможно далеко от дома? Каждый день, каждый час для тебя испытание. Выдержишь ли ты его? Это теперь и от меня зависит, от того, каким учителем я была для тебя. Знать бы, Санечка, что всё так сложится, я бы во сто крат строже спрашивала с тебя на уроках за свой предмет... Хотя поблажек я для тебя никогда не делала. И хорошо, что мы с тобой так упорно работали над произношением. Пластинки патефонные нам здорово помогали, правда?

Я была счастлива, когда в старших классах ты серьёзно увлёкся немецким. Начал читать книги немецких поэтов и писателей в подлиннике. Мечтал о том, чтобы твоё произношение не отличалось от произношения немцев. А помнишь наших соседей Бернштейнов, высланных перед войной в Сибирь из Прибалтики? Когда ты – это было после десятого класса – заговорил с ними по-немецки, старый Бернштейн изумился и стал утверждать, что ты немец да к тому же уроженец Берлина, не иначе. Я была тогда горда за тебя и счастлива вдвойне – как мама и как твоя учительница.

Но не обернутся ли мои уроки немецкого для тебя трагедией, а для меня страшным горем? Не могу об этом не думать. Хочу верить, что всё будет хорошо: ты вернёшься ко мне и папа придёт домой. Ведь должна же кончиться эта война. Только когда?

Новый год наступил – наш с тобой любимый праздник. Сейчас он очень грустный для меня. Мы привыкли встречать его дома, всей семьёй. А в этот раз я сидела одна в пустой квартире. Рассматривала твои и папины фотографии. Но при этом не плакала. Ты веришь мне, сынок? Я не плачу. Мне не о чем плакать. Я верю, что оба вы – ты и папа – вернётесь домой.

2 января 1942 г.».

* * *

Сколько их, таких писем, горьких, страстных, в шкатулке Надежды Ивановны? Не могу ни думать о чём-то другом, ни заняться чем-либо, пока не прочту их все.

3.

«Саша, Сашенька, принялась за письмо к тебе и впервые подумала: хорошо, что не скоро прочтёшь эти строки. Сыночек мой, самый дорогой и близкий мне человек! Никого не осталось в моей жизни, кроме тебя. Сашенька, нет больше нашего папы. В это невозможно поверить до конца, но прошло уже три месяца с того дня, как я получила извещение о гибели Коли, похоронку, как их сейчас называют. Я не стала сразу сообщать тебе об этой мерзкой бумажонке. Не верилось в страшное. Надеюсь, что это просто ошибка. А вскоре пришло мне письмо от папных однополчан. Они подробно поведали о героической смерти в бою нашего папы.

Оказывается, можно пережить и такое: Коли нет, а я живу. И, кроме того, надо не просто жить,

надо ещё ежедневно ходить на работу, скрывая боль в сердце, и поддерживать, хотя бы словами, других, кому тоже плохо. А главное, я должна жить, чтобы дожидаться тебя, дорогой сыночек. Куда и к кому ты будешь стремиться, если меня не станет? Я выдержу всё. Я буду ждать тебя и дожусь.

7 апреля 1942 г.».

* * *

«Сашенька, хочу поделиться с тобой теми трудностями, которые возникли у меня недавно в школе. Шестиклассники объявили вдруг бойкот моему предмету. Они, видишь ли, не хотят изучать «вражеский» язык. Пыталась убедить их, что немецкий народ и фашисты – понятия разные. Но для сегодняшних девочек и мальчиков немецкий – это язык Гитлера, и любые мои доводы в пользу знания иностранного языка рассыпались в пух и прах перед их ненавистью к немцам и всему, что с ними связано.

Несколько дней я ломала голову над тем, как мне переубедить эту воинственную братию. И знаешь, кто меня выручил? Ты, сынок. Я рассказала детям о советских разведчиках, работающих в тылу врага. «Представляете, – сказала я им, – как нужно знать язык неприятеля, чтобы у него не возникло ни малейшего подозрения, что перед ним чужой? А переводчики? Армии просто не обойтись без них. Ведь даже взятого в плен языка невозможно допросить без переводчика». Мои аники-воины поверили мне и в последнее время с жаром принялись изучать немецкий. А ты? Ты-то как там, мой мальчик?

До свиданья, родной. Твоя мама. 21 октября 1942 г.».

* * *

«Сашенька, я так горжусь тобой, мой мальчик! В канун празднования 25-й годовщины Октября я получила из Москвы поздравление с праздником и официальное сообщение о том, что тебя наградили орденом. Что-то, значит, ты сумел там сделать важное и нужное, если заслужил эту награду. Очень хочу верить, что дела твои идут неплохо, и помогают в этом тебе знания, твоя смелость и безупречный «берлинский» выговор.

Господи, как я боюсь за тебя! Береги себя, сыночек. Ради дела, ради победы, ради меня, твоей несчастной матери, сбереги себя, заклинаю!

Обнимаю тебя, целую, мама. 10 ноября 1942 г.».

* * *

Выходит, сын Надежды Ивановны в годы войны был разведчиком в тылу врага? Но почему же спустя двадцать лет после войны его мама намекала на то, что Александр сможет вернуться домой, когда «выполнит задание»? Если это так, неужели до сих пор живёт где-то в отрыве от родной земли Александр Николаевич Климов? Мне припомнилось, как пять лет назад я ездила по путёвке в Чехословакию. Шестнадцать дней довелось мне провести за рубежом, в братской республике. Мои товарищи по поездке восхищались красотами словацких и чешских городов, чистотой населённых пунктов, парков и лесов, обилием замечательно сохранившихся старинных костёлов и замков, розами на улицах и площадях. На всё это с удовольствием и любопытством поначалу взирала и я. Но отчего-то к концу отдыха на меня накатила тоска. Я представила: вдруг произошло бы что-то такое, из-за чего я не смогла бы вернуться на Родину и была бы вынуждена остаться в этом благословенном раю навсегда... От этой мысли всё на чужбине потеряло для меня привлекательность. До тоски потянуло на Родину.

А если на долгие-долгие годы обречён человек жить вдали от милой Родины и отчего дома?... Неужели Александр ещё жив? Что же в этих письмах далее? Будет ли раскрыта мучившая меня в последнее время тайна семьи Климовых?

* * *

Вот и очередное послание Саше в моих руках – письмо в конверте под номером 6.

«Сашенька! Какой сегодня замечательно счастливый день. По радио передали сообщение о победе наших войск под Сталинградом. Столько дней и ночей не давали нам всем покоя горькие мысли о судьбе этого славного города. Страшно представить, сколько советских солдат сложили в этой бойне головушки. А ведь все они были кем-то горячо любимы и бесконечно дороги, как ты для меня. Столько горя уже принесла и ещё принесёт эта проклятая война.

Сыночек, прости, родной, начала письмо о радостном, а мысли одолевают тревожные, беспокойные. Твоё дело, то задание, которое ты выполняешь, кажется мне настолько важным, что я его неразрывно связываю с каждой новой победой над врагом – большой или не очень значительной. Теперь думаю, что в победе под Ста-

линградом есть доля и твоего участия. Мне теперь, после Сталинграда, будет легче тебя ждать.

5 февраля 1943 г. Мама».

* * *

«Сашенька! Глаза мои слипаются от усталости, руки болят от непривычной нелёгкой работы. Кожа на пальцах потрескалась, даже немного кровоточит. Я не жалею, пишу об этом только потому, что письмо ты прочтёшь не скоро, а к тому времени уже и не вспомню о мелочных своих неприятностях сегодняшнего дня.

Я в отпуске. В школе каникулы, но большинство учеников-старшеклассников трудятся. Мальчики – в паровозном депо, девочки – на швейной фабрике. Работают наравне со взрослыми. А я вместе с другими учителями более месяца работаю в колхозе, познаю радости крестьянского труда. Да, сынок, есть и правда в нём свои радости, я это не для красного словца говорю. Кажется, только здесь, в деревне, разглядела я по-настоящему рассветы и закаты. Какая игра красок, какая красота... Здесь впервые довелось мне целыми днями, а они летом такие долгие, заниматься прополкой, сбором овощей и ещё – управляться с косой. Это далось мне труднее всего. Но после трёх-четырёх дней мытарств одолела я и эту премудрость.

Ну, а руки заживут, я надеюсь, за несколько дней, когда вернусь к городской жизни. Зато за работу в колхозе нас бесплатно кормят. Кроме этого, обещают выделить по окончании отработки овощей для школьной столовой. Так что будет у нас запас на зиму картошки, капусты, турнепса и свёклы. Будут у наших детишек бесплатные горячие обеды.

Сашенька, как ты там? Я вот, как только примусь за еду, особенно если что повкуснее перепадёт, о тебе думаю: ты-то как, сыт ли? Очень трудно с продуктами. Это и понятно: солдатушек, защитников кормить надо. Это сейчас самое главное. Ничего, всё выдержим. Нам здесь, в тылу, много не надо. Выстояли бы вы, а уж мы поработаем за себя и за вас.

19 июля 1943 г.».

4.

«Сыночек, опять захотелось поговорить с тобой о наболевшем. Я, кажется, тебе ещё не писала, что часть нашей школы переоборудовали под военный госпиталь. Это, знаешь, левое кры-

ло здания, где размещались начальные классы. Вроде бы изолировали госпиталь от классов, соорудили в коридоре глухую перегородку и вход сделали отдельный, с улицы, а запах лекарств всё равно просочился, распространился по всей школе. Во время уроков, когда стихает ребячий гомон, до нас доносятся порой глухие стоны и даже крики раненых.

Учителям и старшеклассникам приходится по выходным, а иногда и в обычные дни, по вечерам, выполнять роль сиделок возле тяжелобольных. Помогаем поить, кормить их, пишем письма родным. А малыши выступают перед ранеными с концертами: поют, читают стихи.

Недавно в наш госпиталь прибыли молоденькие девушки-санитарки. Их пятеро. На них нельзя смотреть без жалости, до того они худые, жёлтые, сморщенные, как старушки. Оказалось, этих девочек еле живых вывезли из блокадного Ленинграда. Что-то сотрётся из памяти человеческой спустя годы после этой войны, а Ленинград, я думаю, будут помнить всегда. И я ещё смела жаловаться на недоедание. Наши лишения в глубоком тылу ничтожны по сравнению с тем, что выпало на долю ленинградцев. Представляешь, Саша, девочки-ленинградки, слабенькие, в чём душа держится, отдают свою кровь раненым. А сами потом отлёживаются на кушетке, не в силах подняться с неё. Ну разве можно с таким народом, как наш, не одолеть врага, если даже вот такие девочки готовы отдать свою кровь, до капли, во имя победы?

11 февраля 1944 г.».

* * *

«Сыночек мой, сегодня у нас большой семейный праздник – твой день рождения. Помнишь, как проходили именины у нас дома? Всегда накануне двое из нас троих устраивали настоящий заговор против именинника, вернее в его честь. Тайком готовилась стенгазета, непременно яркая, красочная, с дружескими шаржами. Сочинялись стихи, пусть неумелые, наивные, но нам они казались замечательными. Помнишь свои? «Наша мама лучше всех. У неё приятный смех. Мы за это нашу маму любим с папой больше всех!» В седьмом, кажется, ты их сочинил.

Как счастливо мы жили. И как не умели ценить это счастье. Нам бы упиваться каждым днём, каждым часом. Подумать только, было время, когда в любой миг без всяких препятствий можно было коснуться друг друга – только

руку протяни. Нужно было каждый день той жизни воспринимать как праздник. Почему же тогда, в той мирной, бесконечно счастливой жизни, у людей находились поводы для недовольства, для мелочных ссор и раздоров? Воистину, подлинную цену всему, что дорого, познаёшь только тогда, когда это дорогое теряешь.

Впрочем, к чему эти грустные мысли? Праздник есть праздник. Будем думать и говорить о хорошем. Я верю, что у тебя, Сашенька, всё хорошо. Что, сынок, самое страшное в жизни? Я считаю – одиночество. Хочу, чтобы тебе было не слишком одиноко в этот день. Во всяком случае, всем сердцем и всеми мыслями твоя мама с тобой. Чувствуешь ли ты это?

Дома у нас сейчас как было всегда в твой праздник. На столе праздничная скатерть и вазочка с самыми первыми после зимы цветами – подснежниками. Ты их так любил собирать и приносить мне в подарок. Всё как всегда. Даже праздничный пирог на столе. Неважно, что испечён он по рецепту военного времени из тёртой картошки и отрубей. Вид у него всё равно аппетитный. А самое главное, нас за столом, как всегда, трое. Со мной ты и папа. Я поставила перед собой ваши фотографии в рамках. Так мне теплее, несмотря на холод в квартире. Сейчас согреется чай и начнётся «пир на весь мир». Ты, сынок, по-прежнему любишь это выражение? В детстве все сказки, к месту и не к месту, ты заканчивал словами: «И начался пир на весь мир!»

Чайник закипел. Какое блаженство выпить горячего чаю. А тут ещё и пирог. Каков он на вкус? Сейчас отведаю. Боюсь, чай остынет... Ну вот, дописываю письмо и уписываю пирог. А что, в самом деле вкусный.

Сегодня тебе, сын, исполнилось двадцать два. Совсем взрослый мужчина. Твой папа в таком возрасте стал твоим отцом. Сашенька, что пожелать тебе в этот день? Конечно же, победы! Скорейшей победы над проклятым врагом и счастливого возвращения домой. Крепко, крепко целую тебя. Твоя мама.

15 мая 1944 года».

* * *

«Сашенька, как выяснилось, сегодня у меня трудовой юбилей. Представляешь, совсем забыла, что именно сегодня исполнилось двадцать лет с того дня, когда я впервые вошла учителем в класс. Двадцать лет, а я и не вспомнила об

этом. Утром вошла в учительскую и удивилась: с чего у наших девушек – я об учительницах речь веду – такие сияющие лица? И на столе огромный букет красных георгинов. Может быть, опять крупные достижения на фронте? А как оказалось, всё в мою честь. И слова такие тёплые, сынок, твоей маме говорили: нажелали всего доброго и чтобы тебя поскорее с победой дождалась. Все эти пожелания с моим самым главным – о тебе – совпали. Спасибо всем за это.

Знаешь, Саша, я всегда ревниво отношусь к парте, за которой ты сидел. Мне совсем не безразлично, кто из ребят её занимает. Помнишь своё место у окна? Так вот, сегодня я вошла в класс и, здороваясь с ребятами, первым делом, конечно же, посмотрела на твою парту. Пове-ришь ли, я опешила. На твоём месте сидел... ты! Ты, как десять лет назад в свои двенадцать лет. Та же вихрастая светлая чёлка, те же пытливые серые глаза, даже уши у этого новичка-пятиклассника были так же немного оттопырены, как у тебя двенадцатилетнего.

Я слышала раньше такое выражение: «пол качнулся под ногами», но не знала, как это бывает на самом деле. Теперь узнала. Когда увидела этого мальчика, в первый момент пол, точно, качнулся подо мной. И я поспешила сесть на стул, чтобы не упасть и не напугать детей.

Потом совладала с собой и пошла к бывшей твоей парте. Положила ладонь на стриженую макушку мальчугана, спросила, как его зовут. «Саша», – ответил он. Если бы назвался Климовым, я бы не очень удивилась. Фамилия у него была, конечно, другая. Да и сходства с тобой такого полного, как в первый момент, спустя какое-то время я уже не находила. Но тем не менее чувствую, что с сегодняшнего дня Саша Зайцев станет моим любимчиком. А до сих пор я гордилась тем, что никогда никого из своих учеников особо не выделяла, со всеми старалась обращаться одинаково ровно. Ну, ладно, пора в постель. Завтра вставать чуть свет, на работу идти.

До встречи, родной. Мама. 1 сентября 1944 г.».

«Сыночек мой, Сашенька! Вот и ещё один, казавшийся бесконечно долгим, военный год позади. Сегодня наступил новый, 1945 год. Встретила его дома, одна. Полночь, сижу на кровати, закутавшись в стёганое ватное одеяло. Холодно в квартире. Положила на колени толстую книгу, поверх неё лист бумаги. Пишу тебе письмо. Вче-

ра в школе проходил новогодний утренник для учащихся начальных классов. Ёлка была роскошная. Только мало уцелело довоенных стеклянных игрушек. Но ребята с нашей помощью с таким удовольствием делали самодельные ёлочные украшения, что ёлка уже не вмещала на себя их изобилие. Чего только не было на ней: разноцветные флажки, хлопушки, бумажные кораблики, самолётики, домики, куклы, гармошки, цепи... Дети всегда дети. Веселились как могли, пели, читали стихи. Я смотрела на них и украдкой вытирала слёзы, вспоминая тебя в их возрасте. А потом каждый ребёнок получил подарок. Какой? Тонкий кусочек хлеба размером в два спичечных коробка, посыпанный сахарным песком. Видел бы ты, Саша, с какой осторожностью детишки несли от Деда Мороза эти подарки, подставив ладонь свободной руки, чтобы, не дай бог, не упала с них на пол крошка или крупинка сахара.

Когда всё это кончится? Сколько осталось ждать? Месяц, два, три? Ясно, что финал уже близок. Только ты держись, сынок. Будь стойким, будь смелым, отважным, но и – заклиная тебя! – будь осторожным. Помни, что у меня в целом свете нет никого, кроме тебя.

Твоя мама. 1 января 1945 г.».

Привычным движением вкладываю письмо в конверт. Беру следующее. Но что это? Конверт заклеен. Странно, до сих пор мне не попадалось ни одного запечатанного письма. Распечатать? Что-то меня удерживает. Почему-то ведь заклеила Надежда Ивановна именно этот конверт. А может быть, он не единственный такой?

Просматриваю письма, придерживая их стопку одной рукой, отгибая края конвертов другой. Нет, дальше опять идут незапечатанные. Рассматриваю загадочный конверт. Он ничем не отличается от других. Нет, отличается: на нём нет порядкового номера. Да, да! На конверте, который я только что отложила, дочитав письмо, значится номер одиннадцатый, на том, который идёт за заклеенным, – двенадцатый. А этот – без номера. Принимаюсь за очередное, двенадцатое по счёту письмо.

5.

«Саша, Сашенька, сынок! Не писала тебе целых четыре месяца. Выбило меня из колеи одно обстоятельство, над которым мы с тобой когда-

нибудь просто посмеёмся... Сегодня не могу удержаться от того, чтобы не написать тебе хотя бы несколько строк. Такое потрясающее событие: наши воины овладели Берлином! Это победа, сыночек, победа! Я верю: до встречи с тобой остаются считанные дни.

3 мая 1945 г.».

* * *

«Сыночек, сбылось, наконец-то свершилось то, чего ждали мы в эти страшные месяцы, годы. Победа! Сегодня слушала по радио выступление Иосифа Виссарионовича Сталина, его слова: «Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию». Саша, значит, теперь там тебя окружают свои, родные русские люди?! Значит это и то, что теперь ты сможешь если не примчаться тотчас ко мне, домой, то хотя бы прислать о себе весточку? Я знаю, сынок, ты напишешь мне в тот же час, как только у тебя появится возможность это сделать. Поэтому буду ждать твоего письма со дня на день. Господи, я, наверное, от счастья сойду с ума, когда увижу конверт с твоим почерком. А может быть, и не узнаю сразу твою руку, может быть, твой почерк изменился за это время, как и ты сам. Но ведь не настолько, чтобы его не узнала родная мать, правда, сынок? Ах, как я теперь буду ждать почтальона!

Твоя мама. 10 мая 1945 г.».

* * *

«Сашенька, родной мой! От тебя по-прежнему нет известий. Но я не в обиде на тебя. Не пишешь – значит, всё ещё не можешь, нельзя. Это и понятно: победить-то мы их победили, но сколько ещё предстоит потрудиться над тем, чтобы сделать из этих чудовищ людей. Умом я понимаю, сынок, что и немцы не все одинаковы. Были среди них Либкнехты и Тельманы. Но это, повторяю, только умом, но не сердцем. Сейчас для меня слово «немец» звучит только как «враг». Не знаю, смогу ли когда-нибудь переломить себя, чтобы относиться к этим понятиям по-другому.

Не представляю, какое задание ты теперь выполняешь, но думаю, что не менее ответственное, чем в годы войны. Скоро ли тебе разрешат открыться, а значит, и написать мне? Надеюсь, что скоро. Ничего, я подожду.

Почти три месяца прошло, как закончилась война, а всё ещё продолжают приходить домой фронтовики. Ты знаешь, Саня, кого я случайно встретила вчера на улице? Друга твоего закадычного, Витю Стрепетова. Ты понимаешь, Сашенька, ведь он в сорок третьем году как в воду канул. Маме его пришло с фронта сообщение, что Витя пропал без вести. А вчера – ты можешь представить себе моё изумление – меня окликнул совершенно незнакомый молодой мужчина: «Надежда Ивановна?» Только после этого я узнала Витю, по голосу. Странно это: по виду не узнала, а голос – вспомнила. Я затащила твоего школьного друга к себе. Ненадолго, правда. Виктор спешил домой. Не успел ещё вдоволь наговориться с мамой и сёстрами. Рассказал, что был ранен, попал в плен. Бежал неудачно. Поймали, избивали, морили голодом и каторжной работой. Но – выжил, молодец. И теперь дома! Витя меня подбодрил. О тебе, разумеется, я ничего определённого рассказать ему не могла. Поддакнула только, когда он спросил: «А что, Саня тоже без вести?» Принялся утешать меня: «Ждите, Надежда Ивановна, придёт Санёк! Знаете сколько сейчас таких возвращаются?» А я и сама знаю, что ты, сыночек, вернёшься.

До встречи, родной. Мама. 3 августа 1945 г.».

* * *

«Сашенька! Что же это делается на свете? Такая страшная весть – этот ядерный взрыв в Японии. Что же это за оружие такое, сыночек, если за несколько минут уничтожено множество людей? Что же позволяют себе эти американцы? Чем они отличаются от проклятых фашистов? Неужели такое преступление пройдёт для виновных в его организации безнаказанно? О чём только думают люди? Жизнь так коротка. Живи, наслаждайся ею, трудись, люби ближних, воспитывай детей. Кому нужны кровопролития, новые войны, горькие слёзы матерей? Сталин сказал: «На всякий яд найдётся противоядие». Саша, я, кажется, догадываюсь, где ты и чем занимаешься, с чем связано теперь твоё новое секретное задание. Думаю, что есть прямая связь между атомной бомбой американцев и твоим затянувшимся отсутствием. Или я ошибаюсь? Ну да время внесёт ясность в этот вопрос.

Целую тебя, мама. 8 августа 1945 г.».

* * *

«Сашенька, вот и ещё одно зло одолела наша страна – победила, хотя бы частично, голод.

Очень тяжким был для меня, как, наверное, и для всех советских людей, прошлый год. Почему-то с продуктами в этом первом мирном году было хуже, чем даже в годы войны. Хотя это понятно: на начало войны в стране были хоть какие-то запасы впрок, а к концу истощились они до предела. И сейчас ох как долго до изобилия. В продуктовых магазинах, чтобы не пустовали витрины, их украсили бутафорными изделиями. За стеклом красуются огромные колбасы, покрытые лаком, круглые пудовые по виду головки сыра, пустые консервные банки с яркими наклейками, соблазнительные фрукты, как натуральные, но из папье-маше. Пройдешь мимо, посмотришь на этот мираж, и дрогнет болезненно сердце: когда-то всё это было в действительности. И затеплится надежда, что опять такое изобилие вернется. Дай-то бог. Детишек, правда, сегодня жалко. Не понимают, что горки конфет в вазах — это деревяшки в ярких бумажках, просят: «Мамочка, купи!»

И всё-таки, несмотря на эту временную бутафорию, я говорю, что самый страшный голод мы одолели. Сегодня, убив половину своего выходного дня и выстояв огромную очередь, я купила целую буханку белого хлеба. Называется он коммерческим и стоит намного дороже того, который дают по карточкам, но, сынок, какое же это чудо. Принесла хлеб домой, положила его на стол и не могла насмотреться на пышный, высокий, румяный каравай. Столько лет не видела такого чуда. Я легонько гладила хлеб кончиками пальцев, вдыхала изумительный аромат свежей выпечки и никак не могла отважиться отрезать хоть маленький кусочек.

Наконец решилась, отрезала тонкую краюшку. Внутри хлеб был ноздристым, ещё более прекрасным и аппетитным на вид. Съела корочку, запивая кипятком, и совсем не утолила голода, но собралась спрятать начатую буханку подальше с глаз, в шкаф. А потом с радостью подумала, что можно наконец поесть хлеба вволю, что можно теперь в любой день купить такую буханку или даже две. Пишу тебе, Санечка, эти строки и вспоминаю лица людей, купивших чудесный хлеб. Они светились счастьем. То и дело попадались навстречу женщины, дети, старики с буханками хлеба в руках. И у всех — улыбки на лицах.

Не могу сдержать слёз, текут по щекам сами собой. Думаю сейчас: насколько для меня был

бы слаще этот хлеб, если бы я могла поделиться им с тобой, с папой...

23 марта 1947 г.».

* * *

«Сыночек мой, Сашенька! Думала, что твой день рождения проведу сегодня одна, как уж повелось. А тут приятный сюрприз: в шестом часу вечера нагрянул ко мне твой добрый друг, Виктор Стрепетов. Не забыл, что сегодня твой день рождения. Пришёл с бутылкой красного вина, возбуждённый, весёлый. Оказывается, позавчера Витя стал отцом, дочка у него родилась. Пришлось мне пригубить рюмку за здоровье новорожденной.

Да, Санечка, я ведь не писала тебе, что друг твой, Витя, женился. Помнишь Наташу Рогозину? Рыженькая такая. Она на два класса младше вас шла. Но была заметной в школе: в хоре пела, стихи хорошо читала. Помнишь? А теперь вот она жена нашего Витюши и мама Катьки. Катериной Стрепетовы дочку нарекли. Какое же это счастье — ребёнок.

Тебе исполнилось сегодня двадцать шесть... Ничего, вернёшься домой, и будет у тебя всё: любовь, семья, дети. И я ещё успею понынчить внучат. Правда, сынок?

15 мая 1948 г.».

6.

«Ах, Саша, Саша! Все мысли мои о тебе. Когда работаю, ещё как-то отвлекаюсь, поневоле приходится думать о другом. А сейчас у меня отпуск. Занимаюсь уборкой квартиры. Вчера перебирала твои вещи. Кое-что перестирала, просушила, погладила. Что-то аккуратной стопкой сложила, другое повесила на плечиках в шкафу. И на душе сделалось теплее и спокойнее от такой приятной работы. Сегодня книжным шкафом занялась, это всегда надолго. Когда книги разбираю, в каждую заглянуть хочется, с каждой что-то связано. Ещё сокровенный пакет распакую, над ним посижу. Что в нём? Завернула в плотную бумагу и перевязала шпагатом самое дорогое для меня: твой дневник, который ты вёл в подростковом возрасте, твои школьные сочинения, альбомы с рисунками, конспекты по немецкому языку, чертежи авиамоделей, выполненные тобой... Всё, чем ты жил, что интересовало тебя, всё там.

Шестой год пошёл, как кончилась война. Давно вернулись с неё все, кому суждено было

вернуться. Но они ведь были совсем на другом положении, в отличие от тебя. И я тебя всё ещё жду, сынок, жду.

Хлопнет ночью входная дверь в подъезде, и словно оборвётся всё во мне от этого звука. Лежу и прислушиваюсь к шагам. Кто-то поднимается по ступенькам лестницы на второй этаж. Ночью все звуки особенно отчётливо слышны. Вот стихают шаги. И я представляю, что это ты стоишь за дверью и почему-то медлишь, не стучишься в дверь, не нажимаешь кнопку звонка. Я, как есть в ночной сорочке, босиком бегу к двери, замирая, прислушиваюсь. Спрашиваю громким шёпотом: «Кто там?» И так жажду услышать в ответ: «Это я, мама, открой». Но за дверью тишина. Не верю в неё. Непослушными пальцами поворачиваю ключ в замке. За дверью никого. Совершенно разбитая, ложусь в постель. Что это было? Сон или явь? Не понимаю. Долго-долго не могу заснуть. Ведь такое повторяется нередко. Каждый раз мне кажется, что шаги вошедшего в подъезд обрываются именно за моей дверью. А потом – тишина. Что это, господи?!

Я не теряю надежды, сыночек. Я буду ждать тебя долго, всегда. Когда-нибудь вот так же, ночью, открою дверь, а за ней будешь стоять ты... Без веры в это мне было бы незачем жить.

17 июля 1950 г.».

* * *

«Саша, если бы ты был сейчас со мной, знаю: тебя всерьёз огорчило бы то, о чём моё письмо. Умер директор нашей школы, Крупнов. Был он человеком большой души, педагогом от Бога. Сколько я проработала в школе, столько лет знала нашего директора.

Прихватило Сергея Борисовича во время урока. Стало плохо с сердцем. Ученики выбежали из класса, зашумели в коридоре, позвали учителей. Довели под руки Крупнова кое-как до кабинета, вызвали врача. Только приехал он на больничной старой кляче слишком поздно. Сергею Борисовичу было уже не помочь. Тяжёлая это утрата для всех. Крупнова уважали педагоги и любили ученики. Он ведь до последнего вздоха вёл в старших классах историю. Был он и твоим, Саша, учителем.

Сегодня похоронили нашего директора. Ну и погода выдалась: мороз под сорок, каждый звук за километр, наверно, слышен. А музыкантам пришлось играть траурный марш. Представляешь? Зато и звуки оркестра были слышны на

всех окраинах нашего городка. Никого из близких не осталось у Крупнова. Жену, Марфу Даниловну, похоронил он в войну, когда одну за другой получили родители похоронки на обоих сыновей. Не пережила этого мать. Да и как пережить такое?

Жаль, ах как жаль Крупнова. Я его и своим учителем считаю. Так помог он мне словом и делом во время моего становления как педагога. Кто теперь заменит его? Будет ли преемник достойн Сергея Борисовича?

18 декабря 1951 г.».

* * *

«Ну вот, сынок, прошёл и ещё один год. Кончились зимние каникулы, и снова – работа. Нам назначили нового директора – Лидию Николаевну Левашкину. Около трёх лет она заведовала горono. Бывала у нас по служебным делам в школе. И чем-то – высокомерием, что ли, манерой разговаривать с людьми – не нравилась мне уже тогда. Да и не только мне. Такие «маленькие» человеческие слабости, свойственные Левашкиной, я готова извинить людям с блестящими деловыми качествами. Но когда человек ничёмный, который только и умеет что пыжиться и выдавать прописные истины за собственные открытия... Нет, видимо, я предвзято отношусь к новенькой директрисе, невольно сравнивая её с Сергеем Борисовичем Крупновым. Я не настолько хорошо знаю Левашкину, чтобы делать о ней скоропалительные выводы. Слыхала только, что работу в горono она завалила, рассорилась со всеми своими подчинёнными. Но, может быть, именно в нашей школе, на посту директора, и проявятся её скрытые способности.

Поживём – увидим. А сравнивать поведение, слова, жесты Левашкиной с Крупновым мне не следовало. Всё будет не в её пользу. Крупнов был педагог милостью Божьей, а это не каждому дано.

14 января 1952 г.».

* * *

«Сашенька, какой сегодня день тяжёлый. Скорбная весть облетела нашу страну: умер Сталин. Не укладывается это в сознании. Иосиф Виссарионович казался вечным, как земля и небо, и бессмертным, как сам Господь Бог. А ведь на самом деле был он пожилым человеком, много всякого повидавшим в жизни, со своими, как говорится, болячками. По радио уже с неделю передавали сообщения о самочувствии вождя.

Но как-то не верилось, что он может умереть. Ведь знаменитейших профессоров, академиков от медицины, светил мировой науки собрали к нему на консилиум... Не помогли и они.

Сегодня начались, как обычно, занятия в школе. Прошло минут пятнадцать второго урока, и вдруг – звонок. Класс зашумел, ребята завопили на партах. Я посмотрела на часы и подняла руку, призывая всех к порядку. «Это ошибка, – сказала я. – Видно, тётя Клава (уборщица наша, ответственная за школьные звонки) что-то напутала». Ребята засмеялись. Но в это время отворилась дверь, вошла завуч с заплаканным лицом и тихим голосом сказала: «Товарищ Сталин умер».

Видел бы ты, Саша, лица ребят. И растерянность читалась на них, и такое неподдельное горе. Все плакали, весь класс, вся школа, конечно. Да что там школа. Весь советский народ оплакивает горькими слезами кончину любимого вождя. Без малого тридцать лет стоял Сталин над нами. И вот его не стало. Над каждым учреждением, над каждым домом, каждой избушкой – траурный флаг. Какая огромная и тяжёлая утрата. Ты согласен со мной, сынок?

6 марта 1953 года».

* * *

«Сашенька, не пойму, что за наваждение приключилось сегодня со мной. Возвращалась с работы домой и вдруг увидела... тебя. Впереди, в двадцати шагах от меня, шёл молодой мужчина. Что-то знакомое уловила я в его облике. Пригляделась внимательнее и едва не лишилась чувств. Твоя фигура, твоя походка, такие же, как у тебя, светло-русые волосы. Затылок, шея, разворот плеч – всё показалось мне в этом прохожем твоим.

Я попыталась ускорить шаги, чтобы догнать тебя, ну, не тебя, а этого молодого человека. Но ноги мои налились тяжестью, как это бывает иногда в снах, когда хочешь бежать, но не можешь сдвинуться с места. Ты – или твой двойник – удалялся. Из боязни, что потеряю его из вида, слабым голосом – почему-то и голос у меня пропал – я позвала: «Саша!» Он не услышал и не оглянулся. А скорее всего, имя Саша ему ничего не говорило, и человек продолжал удаляться. Оцепенение прошло, я сорвалась с места и побежала за ним. Кто-то, должно быть знакомый, поздоровался со мной. Я, не глядя, ответила и продолжила свой бег

трусой. Приблизилась к тому человеку, но догнать его не смогла, потому что силы стали сдавать, а главное, перехватило дыхание и кольнуло в сердце. Я остановилась и уже громче позвала раз и другой: «Саша! Са-а-ша!» На этот раз мужчина остановился, огляделся по сторонам и спросил сочувственным, но чужим голосом: «Вы меня? Извините, вы обознались, я не Саша». Я не видела лица незнакомца, но при первых же звуках его голоса поняла: это не ты. Доплелась до дома совершенно разбитая, отдышалась немного и вот теперь пишу тебе. Что же будет со мною, когда и впрямь увижу тебя, сынок? Но ведь от счастья не умирают. Только бы дожидаться тебя...

16 июня 1954 г.».

7.

«Сашенька, твой день рождения пришёлся на воскресенье. С утра принялась я наводить порядок в доме. Надо было бы это сделать вчера, но что-то так устала за день на работе. Пришла и свалилась на кровать. Сегодня уже лучше. Протёрла везде пыль, прибрала, а потом принялась печь пирог, твой любимый, с капустой. Удачным получился, поднялся, хорошо пропёкся. Одно горько: есть его придётся мне одной. Но, как всегда в такие дни, со мной ты и папа, ваши фотографии. И, конечно же, букетик цветов в вазочке. Сама не смогла выбраться в лес – так ребята, ученики мои, принесли мне вчера подснежники.

Знаешь, Сашенька, только села я за стол, пирог именинный начала резать, как по радио объявили: «Предлагаем вашему вниманию новую песню «День рождения». Так эта песня кстати пришлась и так на душу легла. Слова простые, и мелодия незатейливая, но такая трогательная. Да ещё прозвучала она в исполнении моего любимого певца – Владимира Нечаева. Заслушалась я и о тебе подумала: может стать, что и ты в эти минуты слушаешь Нечаева вместе со мной.

Тридцать четыре тебе исполнилось. Уже зрелый возраст – силы, открытий, свершений. Ты ещё так молод, сынок. А я стала что-то сдавать в последнее время. Но ты не подумай, что я тебе жалуюсь. Это недомогание временное. Отдохну, и всё пройдёт. Подходит к концу и твой праздник. Я была сегодня мыслями весь день с тобой, с той минуты, как утром открыла глаза, и до позднего вечера, до ночи – с тобой, пока сон не сме-

жит мои веки. Суждено ли мне увидеть тебя, Сашенька, зрелым, таким, каков ты сейчас, не во сне, а наяву? Надеюсь на это и вопреки всему – живу.

15 мая 1956 г.».

* * *

«Сегодня воскресенье, выходной. С утра наводила порядок в твоей, Саша, комнате. Рассмотрела твои вещи. Теперь вот решила поговорить с тобой. Ни о чём особенном. Просто сказать, что и сегодня, и всегда ты со мной... Пишу и прислушиваюсь к звукам радио. Передают концерт для целинников по заявкам их родственников и друзей.

Целина... Как напоминает она мне годы моей молодости, когда вот так же по призыву партии, по зову сердца ехали молодые в неизвестное – возводить ДнепрогЭС, строить Магнитку и Комсомольск-на-Амуре. Те же палатки, такие же трудности. Мне кажется, сейчас всех задела, как тогда, за живое целина. Каждый хоть на миг, но подумал: и я бы мог... Вот и я, несмотря на свои пятьдесят четыре года, по-доброму завидую молодым первоцелинникам. Кабы не года, и я могла бы. Пусть палатки, трудности. Ведь они как очищающий огонь, эти испытания.

Песня хорошая звучит сейчас из репродуктора: «Мама, не скучай, слёз не проливай...» Да, для мам целина как передний боевой край. Провожают сыновей, дочерей с песнями, маршами. Громко, по-праздничному весело провожают, а потом наступают долгие тягостные будни. Может быть, для матерей, оставшихся дома, они тяжелее, чем для тех, кого они проводили на трудовой подвиг.

Я уверена, Сашенька, если бы ты был сейчас здесь, то так же, как эти юноши и девушки, не усидел бы дома, укатил бы покорять целину. Я ждала бы тебя опять, волновалась бы и переживала за тебя. И гордилась бы тобой, как горжусь всегда.

Мама. 2 июня 1957 г.».

* * *

Целина. Я хорошо помню то время. Тогда мне ещё двенадцати не было, а я грезил целиной. Со своей школьной подругой Ниной обсуждала детали побега на целину. Мы взвесили всё до мелочей, составили список, что взять в дорогу, вплоть до носовых платков. Они, как я понимаю теперь, пригодились бы нам в первую очередь. Не забыли включить в список метрики о

рождении. Как же без документов? Изучили на вокзале расписание поездов, идущих на Казахстан.

А в намеченный день, когда Нинка, протоптавшись одна в течение двух часов на перроне, разгневанная прибежала ко мне, она застала меня дома над раскрытым фанерным чемоданчиком, с которым раньше я ездила в пионерлагерь.

– Ты что, передумала? – крикнула подруга.

– Не могу, – ответила я упавшим голосом. – Маму жалко. Тебе хорошо, вас у мамы шестеро, а у моей я одна.

– Предательница! – крикнула Нинка и убежала.

Наша дружба расстроилась на несколько дней, потом утряслось. Но я до сих пор иногда жалею, что наш поход на целину не состоялся. Конечно, нас сняли бы с поезда, вернули бы домой, к мамам. Но если не думать об этом? Можно хотя бы в мечтах представить себя героем целины? Права Надежда Ивановна, люди всех возрастов говорили тогда или думали: «А ведь и я могу...»

8.

«Сашенька, как я хотела бы, чтобы ты был сейчас рядом и разделил со мной радость, которая обрушилась на меня неожиданно-негаданно. Сегодня в школе проходила торжественная линейка, посвящённая Дню учителя. Как и всегда в такой день, всё вокруг было праздничным: лица ребят и учителей светились улыбками, всюду букеты цветов. Каждый раз удивляюсь, каким образом удаётся людям уберечь цветы от первых заморозков.

Открыла праздник инспектор гороно Ионова. Сначала поздравила всех присутствующих, а потом вдруг заговорила обо мне, о том, что в этом году исполнилось тридцать пять лет моей трудовой деятельности на ниве просвещения. Отметила Ирина Юрьевна, что трудилась я все эти годы с полной отдачей сил и знаний. Ну, ты ведь знаешь, сынок, что говорят в подобных случаях. И вдруг сказала: «Заслуги Надежды Ивановны Климовой высоко оценены правительством. Сегодня мы с гордостью поздравляем нашего дорогого и уважаемого юбиляра – Надежду Ивановну – с присвоением ей высокого звания «Заслуженный учитель». Все вокруг зааплодировали, начали поздравлять меня. А я никак не могла до конца поверить в это сообщение. Мне объяснили, что ещё вчера, в предпраздничной программе, посвящён-

ной Дню учителя, по радио перечисляли педагогов нашей области, чей труд отмечен правительством. Оказалось, что и я в тот перечень вошла. А я не слышала передачи. Отлучилась из дома ненадолго, в магазин за хлебом сходила, и вот... Жаль, конечно, что так получилось.

Видишь, Санечка, не забыли твою маму, отметили. Приятно сознавать, что жизнь прожита не зря, что-то полезное сделано для людей.

Мама. 3 октября 1959 г.».

* * *

«Сашенька, о том, как летит время, я, например, сужу по детям. Что значат пять лет в жизни взрослого человека? Почти ничего. Пройдут в трудах, в привычных заботах, добавят немного морщин, возможно, убавят немного здоровья. На внешности человека не очень сильно скажутся. А пять лет в жизни ребёнка? Маленьких и робких первоклашек они превращают в озорных сорванцов. Ведь пятые, шестые классы всегда самые трудные для нас, учителей. Никогда не знаешь, что преподнесут тебе эти «цветы жизни» сегодня или завтра. А ещё через пять лет уже с пятиклассниками происходит метаморфоза. Точно так же, как гадкий утёнок превращается в прекрасного лебедя, так наши занозы и задиры превращаются в симпатичных юношей и девушек, становятся гордостью школы – её выпускниками.

Вот ведь совсем недавно, кажется, забежал ко мне твой дружок, Витя Стрепетов, и с сияющей физиономией объявил: «Надежда Ивановна, поздравьте меня! У нас дочь родилась, три двести весом!» А вчера я проводила в пятом «А» первый урок немецкого, и представляешь, среди учеников Катюша Стрепетова – дочка Виктора и Наташи. Вся в маму, такая же круглолицая милашка с рыженькими завитушками. Но и от Вити что-то в ней есть. Глаза папины. Вот так, Санечка, и идёт жизнь своим чередом. Подрастает молодая смена. Впереди у неё много дел и забот. Ей предстоит исправить наши ошибки и постараться сделать жизнь лучше. Самое главное – никогда не допустить новой войны, никогда не изведать того, что выпало на долю твоего, сынок, поколения. И пусть матери сегодняшних ребят не испытают того, что пришлось пережить мне.

Родители должны уходить в мир иной гораздо раньше своих детей. В этом я вижу гуманный закон жизни. Жить сколько суждено, а в конце

пути – видеть рядом дорогих сердцу людей, глаза сына, дочери, чувствовать прощальное прикосновение их рук... Лично я о большем бы и не мечтала.

3 сентября 1960 г.».

* * *

Вот о каком конце мечтала Надежда Ивановна. А умерла одна, на больничной койке. Даже меня не было в эту минуту рядом с ней. И за это я всегда чувствую на себе тяжесть вины перед ней. В тот мартовский день семьдесят пятого я вызвала к Надежде Ивановне врача. Но когда я подходила к дому, возвращаясь из школы, от нашего подъезда уже отъехала скорая. Соседи объяснили мне, что врач нашёл состояние больной очень тяжёлым и сам вызвал машину скорой помощи.

Я тут же побежала в больницу, но в палату интенсивной терапии меня не впустили, предложили прийти завтра. А на завтра моей дорогой Надежды Ивановны уже не было в живых. Она ушла из жизни ночью так тихо, что никто из соседок по палате этого не заметил. И даже меня не было рядом с ней...

* * *

29

«Санечка, с месяц назад ходил тут у нас по домам один человек, спрашивал, не надо ли кому увеличить маленькое фото до портрета. Я хотела было отказаться от его услуг, а потом решила всё-таки увеличить одну твою, сынок, фотографию. Мою любимую, на которую ты снялся незадолго до своего отъезда. Отдала я этому мужчине фото, а потом долго терзалась сомнениями. Наш-то адрес он записал, а я-то не спросила, кто он и откуда. Вот и переживала весь этот месяц, боялась, что затеряется снимок, а другого такого у меня нет. Но сегодня, слава богу, пришёл тот фотограф или художник, не знаю, как его называть, и принёс фотокарточку и портрет. Очень я довольна тем, что портрет представляет собой точную копию фото. А то случается, такое намалюют... Поместила портрет в твоей комнате рядом с книжной полкой. Теперь могу в любое время войти и, даже не надевая очков, посмотреть на тебя, мысленно поговорить. Сегодня, Саша, то и дело захожу в твою комнату, разглядываю родное твоё лицо, и на сердце ощущение праздника.

8 декабря 1960 г.».

* * *

Дочитала я это письмо, и меня неудержимо потянуло взглянуть на Сашин портрет. Помню я его, конечно, до мелочей: и поворот головы, и чуть приметную улыбку, и прядь волос, упавшую на лоб. Его рубашку, в которой сфотографирован, помню. И то, что верхняя пуговица расстёгнута, – тоже. Нередко, оставшись одна в комнате, я останавливалась перед портретом, смотрела на Александра то просто от нечего делать, то с чувством острой жалости, то с немим вопросом: «Где же ты, где?»

Однажды Надежда Ивановна бесшумно вошла в комнату и застала меня стоящей у портрета. Отчего-то я смешалась тогда, как будто меня захватили врасплох за каким-то постыдным занятием, например за подглядыванием в замочную скважину. Помнится, у меня от волнения даже слёзы выступили на глазах. Надежда Ивановна ничего не сказала, только пригладила рукой мои волосы и поспешно ушла к себе.

Когда я впервые увидела Сашин портрет, ему на нём было столько же лет, сколько тогда, в шестьдесят пятом году, было мне. С годами я становилась старше, а Саша на портрете оставался прежним, девятнадцатилетним. Я разглядывала его и пыталась представить, какой отпечаток могло наложить время на это юное прекрасное лицо. Но как бы ни изменился сын Надежды Ивановны, я была уверена, что, повись он, я без труда узнаю его, настолько памятна мне была по портрету каждая чёрточка его лица.

Я вложила письмо в конверт с номером 27, слезла с дивана и пошла к портрету. Опять перед мной он – молодой, улыбающийся. Я не думаю о возрасте Александра, о том, что ему давно уже не девятнадцать, как на портрете, и даже не тридцать девять, как сейчас мне. Он гораздо старше меня, но всегда казался и сейчас кажется ровней... Где же ты, где?

9.

«Саша, вот ведь, сынок, до какого события мы дожили: человек в космосе! Прямо посреди урока ворвалась в наш класс пионервожатая Лёля, сияющая, возбуждённая, и крикнула: «Скорее выходите все в коридор! По радио прозвучит сейчас важное сообщение!» У меня тревожно ёкнуло сердце. Сообщение? О чём? Но счастливая Лёлина физиономия развеяла мои опасения: это не страшное, это что-то радостное.

В коридоре уже поставили стол, водрузили на него старый, внушительных размеров приёмник, и математик Владимир Дмитриевич принялся настраивать его на нужную волну. Тем временем широкий и длинный коридор, заменяющий в нашей школе актовый зал, заполнили ребята и учителя. Все прислушивались к звукам приёмника, но из него доносился лишь треск, щёлканье да порой обрывки фраз.

Я уже знала причину сумятицы. Человек в космосе, сказал кто-то из учителей. Я не могла в это поверить. Неужели такое возможно? Конечно, я допускала, что такое когда-нибудь произойдёт, но если и свершится, то очень нескоро.

Вдруг всякие лишние шумы в приёмнике прекратились, и мы стали слушать Левитана. Я подумала: у Юрия Гагарина есть мать. Что же она должна чувствовать сейчас? Я знаю – что. Каждая ниточка её нервов, каждая клеточка сердца кричит немим криком одно: «Вернись, сыночек, живым и невредимым!» Только тогда можно будет дать волю радости и ликованию.

12 апреля 1961 г.»

* * *

«Сашенька! Я сегодня, в твой день рождения, сделала тебе небольшой подарок. Заглянула с полочки в магазин, а там очередь в отделе мужской одежды. Подошла ближе, смотрю: женщины мужские рубашки нарасхват берут. Яркие, клетчатые, их ковбойками называют. Кто мужу, кто брату берёт, кто сыну. И так мне горько, Сашенька, сделалось, так жалко себя стало. Как завидовала я этой очереди. Ведь женщины, стоящие в ней, не думали о том, даже не подозревали, какие они счастливые. Это такое большое счастье – иметь возможность сделать подарок близкому человеку.

Я тоже, сынок, встала в очередь. Подумала: почему бы и мне не сделать тебе подарок, не купить вот такую ковбойку? И я купила тебе рубашку такого размера, какой носил папа, когда ему было столько, сколько сейчас тебе. Тебя не удивит такой подарок? Ведь раньше мы, Климовы, никогда не дарили друг другу на праздники вещей, считая это проявлением мещанства. У нас в семье ценились самоделки: рисунки, аппликации, картинки, которые вы с папой тайком от меня выжигали паяльником на дощечках, отшлифованных вашими руками. Но сегодня, сынок, я купила тебе рубашку. Подумала: вдруг явишься ты ко мне без всякого предупреждения, примешь

ванну с дороги, вот я и преподнесу тебе свежее бельё и рубашку новую под названием «ковбойка».

Мама. 15 мая 1962 г.».

* * *

«Санечка, хочу поделиться с тобой своей радостью: я купила себе телевизор под названием «Рекорд». Ты меня поймёшь и не осудишь за то, что приобретение вещи я называю радостным событием. Вещь вещи рознь. Телевизор – это же целый мир. До сей поры в нашем доме постоянно говорило радио. Сейчас всё свободное время я провожу у экрана телевизора. Смотрю всё подряд: последние известия, концерты, передачи о животных, кинофильмы – не только художественные, но и документальные, а также с большим удовольствием – мультфильмы и передачи о спортивных состязаниях. Это, наверное, ненормально. Со временем выберу интересное для себя, нужное, стану следить за программой. А пока не могу по-другому, не получается оторваться от экрана, пока на нём что-то движется. Когда наступает перерыв в работе телестудии, брожу по квартире как потерянная, то и дело поглядываю на часы, считаю минуты до включения моего дорогого друга. Невероятно, до чего наука и техника дошли, на что способен человеческий разум, чтобы создать такое чудо, как телевидение. Как такое возможно: передача изображения на экран через всю страну, «от Москвы до самых до окраин», безо всякого луча, как в кинотеатре, при помощи невидимых волн? Для меня это необъяснимо, чудо какое-то. А что же думают по этому поводу люди полуграмотные или вовсе неграмотные? Скорее всего, не думают они на эту тему вовсе. За них всё учёные продумали и сделали. Впрочем, и первая стиральная машина совсем недавно тоже казалась кому-то чудом. К хорошему привыкаешь быстро.

Итак, с приобретением телевизора «весь мир у моих ног».

Мама. 2 августа 1964 г.».

* * *

«Сашенька, решила я покончить со своим одиночеством. Совестно, честное слово, занимать такие хоромы, как наша квартира, одной. Конечно, когда ты вернёшься, всё будет постарому. А пока я в твою комнату поселила одну девочку. В этом году пришло в нашу школу молодое пополнение в лице молчаливой сероглазой красавицы Валентины Петровны. Её бы Ва-

лечкой называть, по возрасту мне она во внучки годится, но так уж заведено, чтобы в школе учителя друг друга по отчеству навеличивали. Поэтому мы нашу Валечку, которой нет ещё двадцати лет, Валентиной Петровной зовём. Я к новенькой сразу состраданием прониклась, как только узнала, что она одна-одинёшенька на свете. Отца нет, а мать умерла совсем недавно. И в школе что-то у Валентины не заладилось. Мне думается, что она умница, только уверенности в себе ей недостаёт.

Квартирами школа не располагает, общежитием – тоже. Вот и пришлось нашей В. П. самой искать себе жильё. У меня ещё тогда, в сентябре, шевельнулась мыслишка – позвать девочку к себе. Что меня удержало? Опасение, что мой поступок могут истолковать неправильно. Скажет кто-нибудь, что, пока моложе была, жила одна, никого к себе не пускала, а как только дело к старости повернуло, решила обзавестись сиделкой. Возможно, что никто из моих знакомых о таком и не подумает, ну, а если всё-таки...

Слышала, Валентина устроилась у какой-то сердобольной женщины, что та ни копейки за квартиру не берёт. Есть же добрые люди. А недавно завели меня дела в те края, где живёт наша бедняжка. Вижу: идёт она мне навстречу с большими полными ведрами, воду тащит на коромысле. Да так неумело несёт коромысло, что вода при каждом шаге выплёскивается на снег. Остановились мы с ней, словом перемолвились. Узнала я, что каждым вечером Валентина по пять-шесть раз к колодцу за водой топаёт. Я и позвала её к себе. Боялась, что не согласится. Согласилась и вчера перебралась ко мне. Я договорилась с ней, что в твоей комнате останется как было при тебе, как есть сейчас. Временно поживёт Валя в твоей комнате. Вещей у девушки – что на себе да чемоданчик, наполовину книгами, конспектами заполненный. Поспит она пока на твоей кровати. Я духом воспрянула с её вселением к нам.

Мама. 22 декабря 1965 г.».

* * *

Чем-то меня это письмо Надежды Ивановны смутило. Ах да, вот этими словами: «...в нашу школу пришло пополнение в лице красавицы Валентины...» Это обо мне. И ведь чувствуется, что написала Надежда Ивановна без намёка на иронию.

Красива ли я? В детстве не задумывалась об этом. Была, казалось, как все. В восьмом влюбилась в самого красивого мальчишку в классе, Валеру Овчаренко. Никому об этом не говорила, сама от себя таилась. Но моя подруга Нинка, та, с которой мы бежать на целину собирались, сказала мне с сочувствием в голосе: «Я вижу, какими глазами ты на Овчаренко смотришь. Бесполезно, за ним не такие девчонки бегают. А он даже на Эльку внимания не обращает». После Нинкиных слов я в течение целого урока разглядывала Эльку Копейкину. И что в ней такого? Лицо как лицо. Глаза обыкновенные, серые. И у меня такие. Нос маленький, вздёрнутый. Помоему, слишком маленький при её полных щеках. Только губы пухлые и яркие, не как мои. Волосы красивые, ничего не скажешь, светло-золотистые, в кудряшки завиваются и на висках, и на концах косичек...

А ещё, я только тогда это отметила, вокруг отличницы Эльвиры постоянно крутятся наши пацаны. Рядом с ней они становятся более оживлёнными и весёлыми.

Придя в тот день домой, я долго разглядывала себя в зеркале. И тут представление о себе у меня изменилось. На мой взгляд, я была ничего, но ни в какое сравнение с Элькой, действительно, не шла. Нос у меня великоват. Это в папу моего, Петра. Лицо удлинённое, щёки бледные, губы... Куда им до Элькиных.

Когда на школьном вечере Валерка пригласил меня на танго, я подумала: «Это он из жалости». И не пошла с ним танцевать. Меня встревожили Нинкины слова: «Я вижу, какими глазами ты смотришь на Валерку». Я стала стараться вообще не смотреть в его сторону. А если случилось, что он спрашивал меня о чём-то, отвечала ему с иронической усмешкой и находила какие-то ядовитые слова. Так что Валера попросту перестал замечать меня. А остальные мальчишки и вовсе никогда не баловали своим вниманием. Позже, во время учёбы в педучилище, влюбиться в кого-то у меня вообще не было никакой возможности. Сокурсников из ребят можно было пересчитать по пальцам одной руки. Правда, на вечера к нам нередко приходили курсанты военного училища связи, расположенного по соседству с нашим. Кавалеров тогда на вечере было немало, но меня на танец приглашали очень редко. Я не удивлялась этому, потому что знала: спросом у парней пользуются девчонки типа Эльки Копейкиной. Но себя я никогда не считала

дурнушкой. Просто моя привлекательность как бы скрыта от взоров людей, считала я. Но однажды появится он, разбудит меня одним своим взглядом и все увидят, что я красивая... Не сказочный принц, а Надежда Ивановна впервые назвала меня красавицей, если не считать мамы. Но мама есть мама, для неё и гадкий утёнок – лебедь.

Помнится, когда Надежда Ивановна болела, и было это незадолго до её смерти, она взяла мою руку в свою и сказала: «Как тоскливо тебе, девочка, будет жить здесь одной, когда меня не станет. Хоть бы замуж ты вышла, Валечка... Слепые мужчины – проходят мимо чуда и не замечают его». И в ответ на мой немой протест возразила: «Да, да, Валюша, не спорь со мной. Мужчины порой часто не замечают истинной красоты. У какой-нибудь ничего не значащей пустышки нет отбоя от женихов, а скромная умница и красавица, вроде тебя, живёт незаметно в тени этих «красоток». Не усмехайся иронично, Валентина, ты прекрасно понимаешь, что я права. Жаль, что тебя не видел мой сын, он поддержал бы меня... Саша не влюблялся в юности ни в одну девчонку, потому что не встретил своей единственной. Я часто думаю: тебя бы он заметил».

102

10.

«Что-то я устала сегодня, сынок. Проводила после уроков классный час со своими сорванцами из восьмого «Б». Тему для беседы директриса подсказала. Собрала всех учителей, кто преподаёт в восьмых классах, и проинструктировала нас, на что следует нацеливать ребят, о чём вести с ними речь. «Главное, – сказала Левашкина, – настроить учащихся таким образом, чтобы они не заносились в своих помыслах выше своих возможностей. Не за горами конец учебного года. Пусть уже сегодня каждый восьмиклассник – с вашей помощью – оценит свои способности, свои возможности. Не только отстающим, но и середнячкам, я полагаю, нечего делать в девятом классе. Для чего человеку с ограниченными способностями среднее образование? В вуз ему дорога заказана, а для труда с ломом и лопатой больших знаний не потребуются».

Эти рассуждения насчёт лома и лопаты в связи с учениками школы мне приходится выслушивать от Левашкиной не впервые. И всегда они коробят меня до глубины души. Вот и на этот

раз мне захотелось оборвать эту зарвавшуюся особу, напомнить ей о том, что в последние годы правительство страны нацеливает работников просвещения на осуществление перехода к всеобщему среднему образованию. Но меня опередил наш математик Владимир Дмитриевич. Довольно ядовито, как это он умеет, Ефименко заметил, что пресловутые лопата и лом давно изжили себя, остались в прошлом. Что современный рабочий подчас должен обладать знаниями на уровне инженерных, знаниями, которых не хватает порой и иному учителю.

Замечание это прозвучало, может быть, для кого-то из присутствующих несколько оскорбительно. Но лично я слова Ефименко на свой счёт не приняла и выслушала их с большим удовлетворением. Тем не менее директриса потребовала поговорить на классных собраниях о том, куда учащиеся собираются направить свои стопы после восьмого класса. Об этом и вела я сегодня с ребятами разговор. Большинство из них ещё не решили для себя, кем быть. Да и что требовать от них, пятнадцатилетних? Дети, как выяснилось, совсем не заносятся в своих помыслах. Мне, наоборот, не понравилось, что из двадцати семи учеников только трое высказали желание поступать в институт. Многие отделались молчанием. Или не все они были искренни? От грустных мыслей устала я сегодня.

Мама. 18 марта 1966 г.».

* * *

«Сынок, сегодня я приняла очень важное для себя решение: пора расстаться со школой, пора мне на покой. Сколько можно, в конце-то концов, таскаться на работу с такой, как у меня, старой физиономией? Не представляю, правда, себя без работы. Но нормальные люди ведь живут как-то и на пенсии. Буду находить себе какие-то полезные занятия, коротать время. Какие дела? Пока понятия о них не имею. Беда в том, что старуха из меня вышла никудышная. Другие бабки, посмотрю, прядут пряжу, без конца что-то вяжут. А я за всю жизнь ни разу спиц в руки не брала, а уж пряжу прясть – задача и вовсе для меня неразрешимая. Но книги читать буду, телевизор смотреть, с тобой через письма свои говорить... И Валентина у меня есть. Как только пришло мне, на моё счастье, решение – позвать девочку к себе жить? И счастье в том ещё, что она не отказала мне, согласилась... Ты, Саша, вправе задать вопрос, с чего это я так сразу,

вдруг решила оставить работу. Конечно же, не вдруг и не сразу. Непокойные мысли о том, что рано или поздно придётся это сделать, появились у меня давно. Ещё с той поры, как мне стукнуло пятьдесят пять и появилась возможность уйти на «заслуженный отдых». В последнее время часто стали заменять прозаическое слово «пенсия» вот таким романтическим словосочетанием.

На первых порах директор школы сама уговаривала меня поработать, потому не было мне замены и не предвиделось. Позже прислали в нашу школу молоденькую «англичанку». Классы поделили по желанию ребят и родителей на «немецкие» и «английские». Нагрузки у меня поубавилось, часы сократились. Я осталась в школе и осталась. Может быть, какое-то время ещё поработала бы. Но сегодня решила: всё, хватит!

Проходил у нас сегодня педсовет. Решали на нём, как всегда, разную текучку. А перед тем в целях устрашения заслушивали, а вернее сказать, распекали одного мальчишку. Сейчас он в седьмом классе учится. Уж не знаю, чем этот Толик завоевал себе такую громкую славу, но учителя наши твердят одно: «Скорее бы этот Репнин восьмой класс окончил, чтобы отмучиться от него». Откуда такая нетерпимость по отношению к парнишке? Лично я за Толей Репниным ничего особенного, из ряда вон выходящего не замечала. По крайней мере, на моих уроках он ведёт себя нормально. Ну, непоседливый, конечно, сорничает иной раз, но никому не во зло – так, от чрезмерной подвижности. На улице встретится – приветливо поздоровается да ещё и сумку до дома донести напросится. Чего ещё желать от парня?

Нет, наши педагоги и крест на нём поставили, и недалёкое будущее предрекли: после школы ГПТУ, потом вместо службы в армии – отсидка в колонии или в тюрьме. Так вот, на педсовете сегодня навалились учителя на бедного Репнина всем скопом, дыхнуть не дают. Лидия Николаевна все границы, на мой взгляд, перешагнула. «Репнин, – сказала она, – подонок. Гнать его надо из школы, чтобы и свидетельства за восемь классов не получил, чтобы всю жизнь киркой и лопатой орудовал». И напрямую к Толе обратилась: «Отвечай, ты за что сегодня Петю Акимова ударил? Так обидеть Петю, а? Мальчик-то он, Репнин, не в пример тебе – тихий и скромный. За что ты его до крови избил?!» – «За дело», – пробурчал себе под нос Толя, и ни слова больше.

Тут меня дёрнуло вмешаться, помочь решила мальчишке. «Толя, – говорю, – неужели ты способен просто так обидеть более слабого? Я о тебе была лучшего мнения. Ты вон какой спортивный, крепкий мальчик, а Акимов – он же словно ватой набитый, его тронь – он и свалится». Толя оживился, глянул на меня с улыбкой, сказал: «Это точно, Петя как мешок с трухой. Я его не сильно оттолкнул, а он упал и носом – в стенку... Но если он ещё хоть раз про моего отца слово скажет, я его вообще...» – «Что – вообще? – закричала опять Левашкина. – Ты уж давай договаривай, Репнин! Вообще убьёшь, да? Ты это хотел сказать? Это? Правду говорят, что яблоки недалеко от яблони падают. Отец твой сидит, и по тебе, Репнин, тюрьма плачет».

Тут мальчишка переменялся в лице, мне даже за него страшно стало, развернулся, бросился к двери. Ударом ноги распахнул её, крикнул всем нам: «Ненавижу!» – и убежал. Не знаю, Сашенька, кто был прав – Левашкина, а вместе с нею учителя, кажется, все они были против Репнина, потому что единодушно стали возмущаться его поведением, – или я. Я была за Толю Репнина. Отмолчаться не смогла, подумала, что будет предательством по отношению к моему ученику. Сдерживая волнение, – возраст, сынок! – я сказала Левашкиной: «А знаете, Лидия Николаевна, отца Толиного вы зря задели, запрещённым приёмом ударили парня. Ведь, видимо, за подобное и разбил Репнин Акимову нос. По-моему, правильно сделал. А вы... Вы не педагог, простите».

Левашкина сдержалась. Шея у неё, правда, пошла пятнами, давление, видимо, скачет. Помолчала немного, потом сказала: «Мы ценим, Надежда Ивановна, ваш опыт, ваши годы. Может быть, и мы в вашем возрасте не лучше будем... Как вы думаете, не пора ли вам на отдых?» Пора, сынок, давно пора. Как скверно у меня на сердце, как тяжело от мысли, что судьба Толи и других ребят, «не тихих», зависит в какой-то мере от таких вот левашкиных.

Мама. 26 апреля 1967 г.».

* * *

«Ну вот, Сашенька, уgomонилась я наконец. Месяца три после ухода на «отдых» не находила себе места, а потом, как любят у нас сейчас говорить, адаптировалась. Первое время я всё искала предлог, чтобы заглянуть в школу. Впрочем, часто я делала это без всякого повода. Если шли

уроки, бродила тихо по коридору, останавливалась то у одной, то у другой классной двери, прислушивалась к голосу учителя, ответам ребят. Сердце начинало учащённо биться в груди, наваливалась не то слабость, не то усталость, и хотелось присесть.

Тогда я плелась в пустую учительскую и сидела там до звонка, после которого сразу обрывалась тишина, раздавалось хлопанье дверей и слышался топот быстрых ног. Школу заполнял такой привычный для меня гомон детских голосов. Но теперь воспринималось мной всё по-новому, всё причиняло боль. Потом отворялись двери учительской и один за другим входили учителя. «О, кто к нам пришёл!» – бодро при виде меня восклицали одни. «Хватит бездельничать, пора на работу выходить!» – весело шутили другие. «Как здоровье, как самочувствие?» – осведомлялись третьи.

Пусть простят меня мои бывшие коллеги, но меня коробило от их неискренности. Я видела, что им не до меня, да это и понятно. Что такое перемена? Короткие несколько минут, за которые надо так много успеть: перекинуться друг с другом словом, подготовиться к следующему уроку, заглянуть в план, а то и в конспект, посмотреть в зеркало, в конце концов, чтобы поправить причёску, привести себя в порядок... Бывало, что в сутолоке перемены я тихо покидала учительскую и уходила никем не замеченная.

Не лучше обстояло дело и с учениками. Они проносились мимо меня, торопливо здоровались. И всё. А чего я ждала от своих «походов» в школу, не знала толком и сама. Помню только, домой возвращалась совершенно разбитая. И долго потом саднило у меня на душе от непонятной обиды.

«Старая перечница, – ругала я себя, – зачем ты таскаешься в школу, чего ждёшь? Люди заняты делом, у них своя жизнь, свои заботы, им не до твоих болячек. Оставь их в покое». И наконец оставила.

Но что любопытно, сынок, если случается встретить кого-то из бывших коллег вне школы, на улице, я чувствую их искреннюю симпатию, расположение ко мне. Они могут, не считаясь со временем, проговорить со мной хоть полчаса, всё расспросить, на все вопросы ответить. Секрета в перемене их поведения нет. Мне ли не знать, что школа – это огнедышащий вулкан, а совсем не место для визитов.

Хорошо, что у меня есть Валентина. Благодаря ей я в курсе всего, чем живёт школа, что там происходит. Каждый раз, когда Валя приходит с работы, я прошу рассказать мне о моих ребятах, о том, как прошёл этот день. Хочу надеяться, что моя назойливость ей не в тягость. Ну, всё, сынок. Заболталась я не в меру.

Твоя мама. 15 октября 1967 г.».

* * *

«Сашенька, совсем твою маму в немощные старушки записали. Да вообще-то и пора уже: через полтора месяца шестьдесят пять исполнится. Пришли ко мне на днях из нашей школы пятиклассники – девочка и два мальчика – и объявили: мы тимуровцы, будем вам помогать. Помощи мне от них пока никакой не требуется, но и отказаться от неё я не вправе. Сама ведь сколько лет налаживала в школе тимуровскую работу. Приходилось ходить к одиноким старушкам, старичкам, уговаривать их, чтобы не прогоняли наших пионеров, находили для них какое-нибудь дело, объясняла, что это не так для взрослых важно, как для ребят.

Так вот, одного из своих помощников я в магазин за молоком отправила, другому дала молоток и гвозди и заставила сколачивать старую расшатанную табуретку, которую совсем было собралась выбросить. А девчоночку попросила цветы на подоконниках полить, хотя в тот день их уже поливала. Поговорила с ребятами, чаем их напоила. А перед уходом они на дверь нашей квартиры, с наружной стороны, звёздочки стали приклеивать. У тимуровцев тюбик с клеем при себе имелся и звёзды из плотного картона, окрашенные красной краской. Только я обратила внимание, что звёздочки эти двух типов: одни просто красные, другие – с чёрной каёмкой. Пионеры по ошибке мне едва две траурные не приладили. Я им и говорю: «А ну, объясните-ка мне, в чём разница между вашими звёздами?» Девочка вызвалась отвечать. «Красные, – сказала, – мы крепим на те дома или квартиры, откуда человек на фронт уходил, назад вернулся и сейчас ещё живой. А эти, с чёрной полоской, если погиб... А если не один погиб, а двое, то и звёздочки две». Тогда я им пояснила: «Ребятки, на мою дверь надо клеить разные звёздочки: одну с траурной каёмкой, другую – красную. Мой муж, Николай Яковлевич, действительно, погиб на фронте, а сын Саша, Александр Николаевич, жив». Извинились ребята, сделали, как я велела. Напутали. Да и какой с них ещё спрос?

Пусть приходят тимуровцы. Они нужное дело делают. Пусть знают о войне и помнят тех, кто пролил кровь и за их счастливое детство.

20 июля 1968 г.».

* * *

«Сашенька, помнишь, я писала тебе о том, что пустила к себе на квартиру Валентину? Я говорила, что временно она поживёт в твоей комнате. Тогда я думала, что так оно и будет, и слово «временно» не вызывало во мне никаких чувств. А вчера сердце едва не выскочило из груди, когда Валя пришла с работы и, немного смущаясь, сказала, что ей предлагают квартиру. В почти новом доме умерла одинокая старушка, и горисполком выделил её однокомнатную квартиру нашей школе. А Валентина подала заявление на жильё сразу, когда поступила на работу. В шестьдесят пятом году. Вот и подошла её очередь.

Я настолько привыкла к Вале, что даже представить себе не могу, как можно остаться одной, без неё. Но и отговаривать от получения квартиры, удерживать её я не вправе. Кто знает, может быть, я связываю её, в чём-то мешаю. Почему она до сих пор одна? Уж не лежит ли на мне доля вины за её одиночество? Живи Валентина одна, возможно, по-другому планировала бы она своё свободное время, не спешила бы из школы в магазин за продуктами – всё-таки двое не один, – не коротала бы все вечера с бабкой, со мной то есть. Могло стать, нашла бы собеседника поинтереснее.

Знаешь, Саня, ведь Валентина – красавица. Она по-хорошему несовременна, серьёзна не по летам. Влюблена в твоего великого тёзку – в Александра Сергеевича Пушкина. И ещё – или мне хочется, чтобы так это было, – в тебя. Валя всегда с живым интересом слушает, когда я рассказываю ей что-то о тебе. Она очень бережно относится ко всему, что тебе принадлежит. Даже постель заправляет одеялом так, как это делал ты. Я ей однажды показала, как именно. А ещё... Несколько раз уже, войдя в комнату к Валентине, я заставляла её стоящей перед твоим портретом. При виде меня она смущалась и спешила отойти к столу, а однажды, продолжая всматриваться в твои черты, сказала: «Я смотрю на портрет и не могу насмотреться. Удачный снимок». – «Сын у меня удачный», – сказала я с улыбкой. «Конечно, – охотно согласилась со мной Валя. – С плохого оригинала не выйдет хорошей копии».

Я становлюсь по-стариковски болтливой, извини, сынок. Совсем потеряла главную нить рассказа. И так, Валентине предложили квартиру. И я сказала ей, сдерживая своё расхोлившееся сердце: «Смотри, Валюша, сама. Когда-то надо обзаводиться своим углом. Никто на твоём месте не отказался бы от такой возможности. Ты знаешь, как я отношусь к тебе, но удерживать, отговаривать тебя не имею права. Решай сама и делай, как лучше для тебя... Думаю, что тебе следует согласиться».

Сегодня, когда Валентина ушла на работу, я места себе не находила. Представляла, как она уйдёт отсюда и я опять останусь одна в этих стенах. Валя пришла домой немного раньше обычного, в приподнятом настроении. «Когда перебираться думаешь?» – спросила я её. «Отказалась я от получения квартиры, – сказала Валя. – Не прогоните?» И принялась объяснять, что Марине Сергеевне, тоже учительнице младших классов, квартира нужнее. Она хоть всего второй год работает в школе, но уже замужем и ждёт ребёнка. Живут молодые с родителями мужа, и что-то Марина не ладит со свекровью. Я выслушала Валу и поспешила на кухню, чтобы она не заметила моих слёз. Как я благодарна этой девочке!

19 ноября 1969 г.».

* * *

Да, вот так я и отказалась от квартиры. Директор, Левашкина Лидия Николаевна, сказала мне: «Извини, Валентина Петровна, но ты меня удивила! Впредь на квартиру можешь не рассчитывать. Не так часто нас ими исполком балует. И вообще, если тебе не нужна отдельная жилплощадь, забери из профкома заявление, чтобы оно людям глаза не мозолило».

Многие учителя тогда решили, что я поступила правильно. Сравнить мои жилищные условия и Марины Сергеевны... И только Инна Михайловна, учительница пения, в школе нас с ней считали подругами, набросилась на меня, когда мы остались наедине: «Ты что, ненормальная?! Отказаться от квартиры! Скажи кому-нибудь, на смех поднимут... Вообще-то я понимаю ход твоих мыслей: рассчитываешь остаться в квартире Климовой. Ну и правильно: двушка лучше однокомнатной. Только ждать придётся долго. Эта Надежда Ивановна – крепкая старуха, до ста лет протянуть может».

Я тогда отшатнулась от подруги, сказала: «Опомнись, Инна, что ты говоришь?» Инна пожала плечами и обронила с кривой усмешкой:

«Чего ты всполошилась? Я же без свидетелей говорю и совсем не в осуждение тебе, а просто по-человечески, по-дружески. Что тут особенного?»

После того «задушевного» разговора я стала сторониться Инны, и нас вскоре перестали считать подругами.

11.

«Сашенька, сегодня я почти весь день провела в школе. Пригласили меня туда по случаю торжества, имеющего прямое отношение к тебе. В связи со знаменательной датой – 25-летием Победы – в городе, как и по всей стране, широко чествуют бывших воинов Великой Отечественной войны. А на нашей школе установили, сынок, в твою честь мемориальную доску. Сегодня состоялось её торжественное открытие. Столько хороших слов говорили люди о тебе, Сашенька. Выступал первый секретарь горкома партии, потом воспоминаниями делились старые учителя. Лучше всех сказал о тебе твой друг Виктор Стрепетов. Ребята – старшеклассники и самые маленькие – читали стихи на военную тему.

Я отдала в школьный музей некоторые твои фотографии, школьный альбом с рисунками. Только с наградами – твоими орденами – расстаться не смогла, хоть и намекали мне про них. Пусть хранятся у меня. Это для других ты перестал существовать, а я всё ещё живу верой, что дождусь тебя. С людьми я уже давно не делюсь мыслями на этот счёт. Только с Валентиной позволяю себе иногда расслабиться, поговорить о тебе. Она разделяет со мной уверенность в том, что ты вернёшься. Я благодарна ей за эту поддержку.

Мама. 9 мая 1970 г.».

* * *

«Сашенька, сегодня я выбралась в «город». Ходила в универмаг, чтобы купить Вале какой-нибудь подарок. У неё через два дня день рождения. И, знаешь, чуть не испортила себе этой вылазкой настроение. Проходя мимо отдела мужской одежды, услышала, как женщина-покупательница попросила продавца помочь выбрать для мужа сорочку помоднее. Продавец, дебилая крашеная девица, выложила на прилавок что-то полосатое и говорит: «Возьмите вот эту. Импортная, самая сейчас модная, «бухенвальд» называется». Представляешь, Саша? Бухенвальд! Точно молотом меня по голове ударили. Подошла я к прилавку, руку на сорочку по-

ложила, спрашиваю девицу: «Это кто же, простите, эту рубашку так назвал?» Продавщица у меня из-под руки сорочку выдернула, той покупательнице подвинула и сказала пренебрежительным тоном: «Ну как кто? Все так называют. Парни, молодёжь. Видите, полосатая она, как тюремный халат. А Бухенвальд – это же лагерь где-то такой был, та же тюрьма».

Мне стало больно и обидно, сыночек, за сегодняшнюю молодёжь. Неужели забудут, уже забыли – сытые, вот такие раскормленно-дебелые – ту войну, миллионы погибших и набат бухенвальдский? И нет ничего для них святого, если модную полосатую рубашку так легко, играючи окрестили они этим жутким словом?

А потом успокоилась я, сынок. Решила: не стоит из-за одной, извини за грубость, крашеной дуры возводить поклёп на всю молодёжь. Верно?

Твоя мама. 4 января 1973 г.».

* * *

«Вот, сыночек, до какой даты мы дожили: 29-ю годовщину Великой Победы празднуем. Если бы мне сказал кто-то в годы войны, что я столько лет ещё проживу, не поверила бы.

Сегодня сходила к памятнику Солдату. Там, на площади, собрались, казалось, все жители города. Празднование Победы... Как это всегда возвышенно и до глубины сердца искренне и чисто. С каким особым чувством – уважения и благодарности – смотрю я на ветеранов. Хорошо, что есть для них такой праздник. Для всех советских людей великий праздник, конечно. Но для участников войны этот день – самый главный. День, к которому они готовятся загодя, вынимают из заветных коробочек ордена и медали, драят их суконкой, надевают самое лучшее.

Хорошо, что могут встретиться однополчане, поговорить, вспомнить прошлое, отчитаться друг перед другом за настоящее. Саша, когда я смотрю на этих людей, во мне с новой силой оживает боль за тебя и я думаю: «А мой сынок ни разу не надел орденов, так и лежат они в шкапулочке вместе с письмами, ждут своего часа». Я верю, Саша, я всё ещё верю, что настанет день, когда ты вернёшься и наденешь свои награды.

Сынок, сегодня с трибуны во время митинга, как и каждый раз, звучало твоё имя. Тебя называли в числе самых достойных людей города. Тебя помнят и чтут. Только... опять говорили о тебе в прошедшем времени. Я устала спорить с

людьми, доказывать, что ты жив. Да и к чему это? Я-то знаю, что это так, вот что главное.

Столько лет минуло с той поры, как кончилась война. Одни уже успели позабыть о ней, поспешили вычеркнуть войну из памяти. Другие и вовсе знают о ней лишь понаслышке. А я все эти годы несу её груз на своих старых плечах.

9 мая 1974 г.».

* * *

Что это? Вот и кончились письма. Осталось одно, последнее, не дочитанное мною, в конверте за номером 42. В нём письмо, написанное Надеждой Ивановной перед самой её смертью в марте семьдесят пятого года. Именно с него я начала чтение, а потом решила, что нужно читать письма в том порядке, как они размечены. Вложила тогда непрочитанные листки назад в конверт. Вот что на них было написано:

«Здравствуй, Сашенька! Что-то здоровье моё стало сдавать. Сегодня с утра такая боль сжимает сердце, что не нахожу себе места. Валя на работе. Обещала вызвать на дом доктора. Обычно врачи начинают обход по вызовам после обеда. Так что у меня есть время поговорить с тобой. Валюша настаивала на скорой, а я успокоила её, что ничего страшного, и уговорила ограничиться вызовом врача. Это чтобы выкроить время на письмо к тебе. Не хочу думать об этом, но боюсь, как бы оно не стало последним. Мысли о смерти тревожат меня только по одной причине: ты вернёшься, а меня здесь не будет.

Впрочем, может, я ещё сумею выкарабкаться. Не раз ведь бывало, что вот так же барахлило моё сердце, а потом отпускало. Ну, а если не судьба нам свидеться с тобой, за меня поговорят письма. Они-то, надеюсь, тебя дождутся. Сашенька, я верю, что ты жив. Верю, несмотря ни на что, даже на ту бумажку, что прислали мне в январе сорок пятого. Когда я получила на тебя похоронку, жизнь сразу потеряла для меня всякий смысл. Месяца три тогда не жила я, как говорится, не умирала. Не понимаю, как ещё ходила в школу, вела уроки. Но, слава богу, хватило здравого смысла никому ни словом не обмолвиться о той бумаге. Я и сама прочла её единственный раз. Хотела было сжечь и пепел развеять, чтобы и следа не осталось. Потом взяла себя в руки, обдумала всё и решила, что неправда это. Не может быть, чтобы всю войну всё шло у тебя гладко и вдруг в конце её что-то оборвалось. Ещё я решила, что тебе, должно быть, поручили новое, более ответственное, чем пре-

жде, секретное задание. А бумагу о твоей гибели мне просто с целью конспирации прислали. Чтобы на время и я, и все остальные тебя из списка живых исключили. Остальные пусть как хотят, но для меня ты живой!

Чтобы больше никогда не видеть, не читать эту страшную бумагу, я её запечатала наглухо в конверт и оставила только для того, чтобы при встрече тебе показать. Остальные конверты с письмами я не заклеивала, потому изредка перечитывала их, оживляя в памяти прошлое.

Когда ты, сынок, будешь читать мои письма, в твоих руках окажется один запечатанный конверт с тем страшным сообщением о твоей гибели. Я хочу, чтобы ты сам расправился с этой бумажонкой...

Внизу хлопнула дверь. Может, это врач ко мне. На этом закончу письмо. Бог даст, всё обойдётся, тогда ещё напишу тебе, мой родной.

Твоя мама. 14 марта 1975 г.».

* * *

Значит, Надежда Ивановна в конце войны получила официальное сообщение о гибели сына? Она никогда не говорила мне об этом. Как, впрочем, и никому другому. А весь город знал... Помню, как с жадным интересом читала она статью о Саше в городской газете. А дойдя до слов о его гибели, нахмурилась, отложила газету и сказала расстроено: «Опять напутали».

Помню ещё, как после похорон Н. И. Климовой мы с учителями поминали покойную в её, а теперь моей квартире. Перед тем как уйти последней, Левашкина задержалась.

Деловито осмотрела комнаты, всё убранство квартиры и деловито проговорила:

— Тебе здесь, Валентина Петровна, надо бы всё переделать. Квартира сама по себе неплохая, но обстановку надо срочно менять. Этот гардероб, этот жуткий допотопный шкаф, буфет, оттоманку — всё! Пусть постепенно, в рассрочку или как там, но приобрети новую мебель. А это старьё вряд ли кто купит даже по дешёвке.

— Я ничего не собираюсь здесь менять, — воспротивилась я. — Это не моё имущество.

— А чьё? — воскликнула Левашкина. — Чьё, дорогая ты моя? У старухи, извини, у Надежды Ивановны, никого в целом мире нет. Или ты всерьёз поверила в её бред о где-то здравствующем сыне? Я не хочу плохо говорить о покойной. Но, согласись, эта её навязчивая идея о каком-то секретном задании Александра не что иное, как помешательство. Все мы жалели несчаст-

ную, прощали ей странности, нервные срывы... Я сама мать и представляю, что значит потерять единственного сына. Хорошо ещё, на умственных способностях эта болезнь Надежды Ивановны не очень отразилась. Поэтому и разрешили ей работать, даже когда она должна была уйти на пенсию. Вошли в положение... И не смотри ты на меня так, Валентина. Ты-то, надеюсь, человек здравомыслящий и должна воспринимать действительность реально. Александр Климов — герой. Но он погиб! Его нет. У нас в школе все данные имеются. Следопыты делом Климова занимались. Так что не забивай себе мозги чепухой... Ладно, пойду я, — сказала Левашкина и ушла наконец-то.

Александр Николаевич Климов родился в 1922 году. Уже в мирное время статистики подсчитали, что из ста молодых людей этого года рождения, ушедших на фронт, остались навсегда на полях сражений девяносто семь... Только трое из сотни вернулись домой.

Я опять окидываю взглядом комнату, в которой провожу большую часть свободного времени. Всё здесь так, как было при Надежде Ивановне, при Саше. В старинном гардеробе висит на плечиках их верхняя одежда, по полкам разложены их вещи. В объёмистом книжном шкафу книги и папки с бумагами. На кухне поделки, изготовленные умелыми руками главы семейства — Николая Яковлевича. Ничего менять я не собираюсь. Так будет здесь всегда, пока я живу.

Письма матери. Складываю их стопками в том порядке, в каком они хранились в шкатулке до сих пор. А на донышко кладу завернутые в бумагу награды Александра. Осталось перевязать шкатулку выцветшей голубой тесёмкой. Вот так, крест-накрест и на бантик.

Вдруг когда-нибудь гулкие шаги затихнут за моей дверью? Я подойду к двери, спрошу: «Кто там?» Мне ответит приглушённый от волнения голос: «Это я, Александр». Отворю дверь и тотчас узнаю его: умный взгляд светлых с прищуром глаз, прядь волос, упавшая на высокий лоб, волевой подбородок... Такой знакомый и почти родной человек.

Ведь из каждой сотни ушедших на фронт, тех, двадцать второго года рождения, пусть всего трое, но выжили!

Он шагнёт через порог, окинет взглядом родные стены, хоть и полузабытое, но всё своё, дорогое сердцу и скажет тихо: «Вот я и вернулся».

А я... Я буду ждать.

Дорогая Галина Михайловна! От всей души поздравляем Вас, нашего драгоценного автора, со славным юбилеем! Желаем мира, добра, здоровья, творческого долголетия, новых стихов, новых публикаций, новых книг!

Галина
ЗОЛОТАИНА
**БУДУ ТРАТИТЬ,
ПОКА ЖИВА...**

* * *

Смени аккаунт и живи,
Подробностям отдай поводья,
И пусть внутри, в твоей крови,
Само собой всё происходит.

Пусть жизнь течёт, как Бог велит,
А ты детальками балуйся,
Беретик возложи, как щит,
На голову и в бой не суйся.

Ни к старикам, ни к молодым
Саму себя не причисляя,
Легко растаешь, словно дым,
Как дым, легко растаешь, зая!

СТАРОСТЬ

Когда начинаешь учить других
и считать болезни,
На шерстяные колготки
натягивать бриджи,
Всех обвинять в своей несложившейся
жизни,
Бояться критики, порчи, простуды,
бездны.

Льстить тому, кто сильнее, открыто, прямо,
А на того, кто слабее, смотреть

с презрением,

В детях видеть сплошное грехопадение
И при них смотреть «Легенду о Нараяме».

Вздыхать, очки протирать и сутулить плечи,
Глядеть украдкой, что там у них на лицах,

109 И если вина, то про себя веселиться –
Так вам и надо, извергам бессердечным!

Отчуждённо плывут облака по небесной выси,
Жёсткие дуют ветра в предзимних просторах,
А значит, есть ещё в пороховницах порохов,
Коль что-то не нравится

в этой прекрасной жизни!

* * *

У нас у каждого свой Солярис.
Его океан то взбунтует, то вновь

сожмётся...

Кого он прячет, кого таит от земного солнца,
Какую кому он приготовил Хари?

ЗОЛОТАИНА Галина Михайловна родилась 28 апреля 1956 года в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Автор книг «Мир прозрения» (Кемерово, 1985), «Гнездо» (Кемерово, 1995), «Горожанка» (Ленинск-Кузнецкий, 2000), «Как хорошо гулять среди поэтов» (Ленинск-Кузнецкий, 2012). Участвовала в коллективных сборниках «Дороже серебра и злата», «На родине моей повыпали снега...», «Площадь Пушкина», «Собор стихов» и др. Печаталась в журналах «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сибирские огни» (Новосибирск). Член Союза писателей России. Живёт в Ленинске-Кузнецком.

А человеку ненадобен этот космос,
Ему охота расширить то, что уже знакомо:
Он ищет себе подобных сапиенс хомо
И страшно боится любую другую особь.

Здесь, на Земле, вода и солнце ласкает зелень,
На крыльцо выходит отец, он в тоске по сыну,
Он – живой! И пока не пополнил он ту пучину,
Беги, успевай встать перед ним на колени!

* * *

На каком-то этапе вдруг понимаешь,
Что нет для тебя никого, кроме Бога.
А все, кого ты к себе допускаешь,
Пусть не проходят дальше порога.

Не надо их зачитывать поимённо,
Просто пусть идут общим списком,
Оставайся непонятой – непоймённой! –
В пространстве гулком и чистом.

А потом всё наладится, и одиночество
На струнах пространства поведёт своё соло,
И тогда станет слышно, как мистер
Рочестер
Окликает Джейн Эйр через холмы и доли.

* * *

Обязательно в городе я нахожу район,
Где обузы напоминаний о прошлом
не существует,
Где сквер белоснежен зимой, а летом зелён
И киоскёрша в газетном киоске по мне
не тоскует.

Там я без возраста, там я полнейший ноль,
И поэтому, если что-то помножить
на ту меня,
Например обиды, беспокойство, слёзы и боль,
То в итоге они обнулятся – вот такая фигня!

А потом я вернусь на своё привычное место,
Где слева видны сто тропинок моих любвей,
А направо хлебный, школа, мой переулок
детства,
А если пойти напрямую, то не соберёшь
костей...

* * *

Ты хочешь с мужчинами быть на равных?
Но у них длиннее шерсть и стальнее нервы,
Они захотят и возьмут тебя лаской –
и будут правы! –
Потому что им плевать на сохранность
плевых!

Ограничь себя, всё равно проиграешь в споре,
Только будешь выглядеть Кларой Цеткин.
Ты цвести, как вишня, смиришься, как море,
И соси сосательные конфетки.

И знай, что это игра престолов
И настанет миг, когда пар растает,
И тогда, кто был беспечен и молод,
Станет жалким – дождись! – и старым...

* * *

Буду тратить, пока жива,
Деньги с кредитки,
Листы с деревьев,
Мысли, телодвиженья, слова,
Яблоки райские Евы.

А для чего копить-умножать,
Чахнуть над златом,
Ждать чёрный случай?
Кредитку закроет пенсия-мать,
Глаза закроет смерть неминуемая.

Было бы только на хлеб-молоко,
Да на одежду и на обувь,
Да чтоб дышалось подольше легко,
И влага пила из винного кубка.

* * *

Хорошо, когда всё можно и
Всё дозволено:
Сколько хочешь есть мороженое,
Петь застольные,
В бок толкать соседку лживую –
Смолкни, бес!
Не бояться в хмарь дождливую
Топать в лес.
Не канючить в небо с робостью –
Чтобы спас! –
А висеть себе над пропастью,
В куст вцепясь...

Скульптор Алексей ХМЕЛЕВСКОЙ

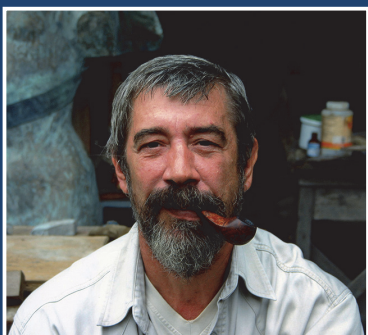

Фото М. Чертовой

Десятого марта в залах Музея изобразительных искусств Кузбасса открылась выставка "Алексей Хмелевской. Послание". Выставка представила творчество кемеровского скульптора, заслуженного художника Российской Федерации Алексея Павловича ХМЕЛЕВСКОГО (1951–2008), которому 16 февраля 2021 года исполнилось бы 70 лет. Годовщина стала поводом вспомнить Художника, его творчество и его самого.

Творческий путь А. П. Хмелевского длился три с половиной десятилетия, со студенческих лет: в 1972 году, будучи воспитанником Московского высшего художественно-промышленного училища, он стал

участником выставки. В 1974 году, по окончании вуза, приехал в Кемерово, а уже в 1977-м был принят в Союз художников СССР (ныне Союз художников России). В 1995 году ему присвоено звание "Заслуженный художник Российской Федерации".

Наряду с творческой деятельностью Алексей Павлович активно занимался общественной. Избирался председателем правления Кемеровского отделения Союза художников России (1991–2001), выступил инициатором проведения ежегодных городских выставок-конкурсов "Лучшая работа года" (с 1993-го).

В разных плоскостях. 1990

Посвящение А. С. Пушкину. Триптих

Стихи

Пушкин

Натали

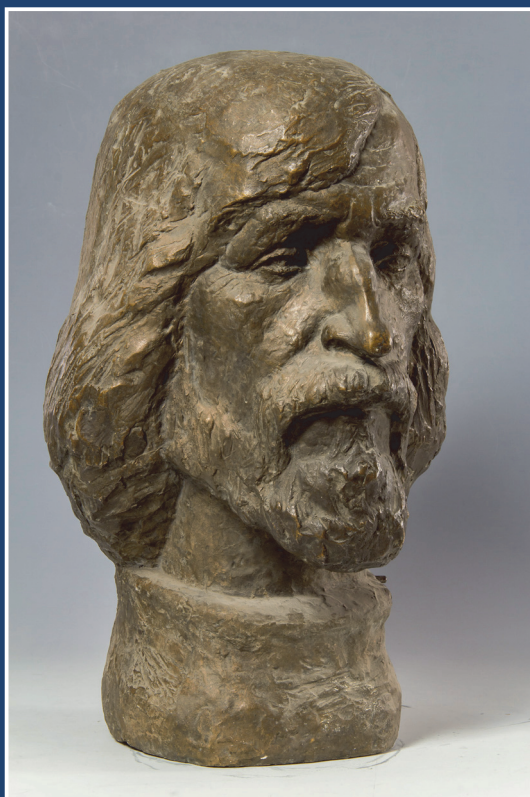
Мужчина и женщина. Диптих

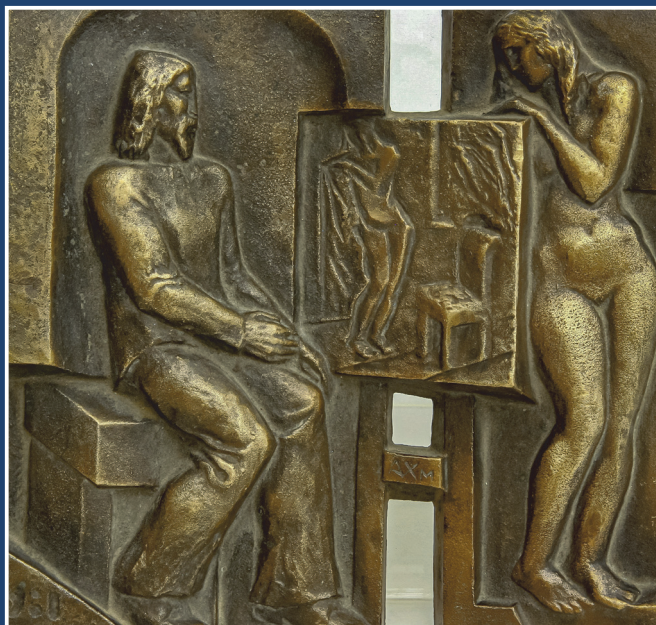
Мужчина. 1996

Женщина. 1996

Портрет А. С. Чернова. 1979

Плакета «Живопись»

Плакета «Графика»

Плакета «Скульптура»

**Андрей
КОРОЛЁВ**

ЗАКРЫТИЕ СЕЗОНА

Рассказ

Сергею Финкельштейну

Тепло и солнце в середине октября у нас большая редкость, и не воспользоваться таким подарком грех, потом будешь жалеть. Нет, мы любим, конечно, порассказывать (особенно приедем, особенно с юга), какие мы все тут закалённые, такие убеждённые романтики-полярники с сосульками в бородах, сызмальства привыкшие ночевать в сугробах; но спросите у любого сибиряка за пятьдесят, хочет ли он с ноября до Нового года или с Рождества до 23 Февраля провести в спячке, и половина точно согласится.

Потому что слишком уж долго тянется зима. Ну ладно бы месяц-два – это даже бодрит, разнообразит выходные: и блеск снежинок под фонарём, и деревья в инее, и коньки-лыжи, и красотишки с мороза раскрасневшиеся – всё это и впрямь замечательно. Ну, и чтобы весна встречалась с настоящей радостью, месяца три потерпеть можно. Но полгода – явный перебор. Вся жизнь замирает, и апатия полная.

В общем, когда в пятницу все прогнозы сошлись в одном: не минус и без осадков, мы решились.

Позади уже мост через Томь, отрезок шоссе вдоль берега и ручей с антично-тюркским названием Люскус; теперь Михина «демио» с удивительной

резвостью штурмует затяжную горку: уже пятнадцать лет в России, а всё продолжает демонстрировать корпоративное рвение. «Я успел взять её, когда проклятые капиталисты ещё не научились делать плохие машины», – объясняет Миха. Хотя сам однажды чуть не изменил ей с молодым «фордом» из Канады. Но сделка сорвалась, и старушка «мазда» словно обрела второе дыхание, поняв, что никто не спешит её в утиль, пока она сама не взмолится. А мы сегодня уж точно не потребуем. Сегодня мы легче, добрей и беззаботней обычного раза в четыре.

Золотая осень за городом – только ради этого уже стоило выехать. Берёзы жёлтые, рябины бордовые, трава кое-где ещё зелёная, а на серебристой облепихе слева на откосе ягоды ярко-оранжевые. Вот бы выйти вечером втихушку и, замирая под редкими фарами, набрать целое ведро. И потом наделать варенья, разводить морс и дуть его – прямо горячий! – долгими зимними вечерами... Дурак, что ли, такое добро переводить? Масло из неё гонят. Облепиховое масло – лучшее средство от ожогов. А если бражку поставить? Противоожоговая бражка: пьёшь – и буксы вообще не горят! Это знаешь кому надо – факирам, которые глыкают керосин и потом выдувают пламя. А-а, так вот откуда взялось слово «керосинить»! Настроение у всех

КОРОЛЁВ Андрей Александрович родился 13 июня 1964 года в Кемерове. Играл в футбол за команду «Кузбасс». Служил в армии. Окончил филологический факультет Кемеровского госуниверситета. Более тридцати лет работал в газетах («Комсомолец Кузбасса»/«Кузнецкий край», «Край», «Губернские ведомости», «Российская газета», «Кузбасс»). Публиковался в журналах «После 12», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни». Живёт в Кемерове.

приподнятое, все болтают без умолку, и среди всех этих окружающих красот возбуждённость какая-то особенно весёлая и праздничная. Все в предвкушении.

С кольца уходим вправо, и Миха выключает двигатель: теперь до самой Жургавани можно докатиться и так. И дело не только в экономии топлива (Миха гораздо больше энергии тратит, отбиваясь от наших шуточек) – это такой ритуал, маленький фокус, маленькое испытание: получится или нет? В этот раз получилось, и это хороший знак.

А вот и ещё лучше: дом, уже законсервированный было на зиму, пока не обворован, даже, похоже, вообще не наведывались, на месте даже бумбокс, тупо оставленный на веранде.

– Только Тане о нём не говорите, – просит Миха. – Это я последним дверь закрывал, забыл спрятать под матрасами.

– Обалдел, что ли? – говорит Данька. – Там же первым делом найдут. Буханут, завалятся спать и сразу наткнутся! И устроят свальный грех под радио «Шансон», представляете?

Он начинает смеяться. Точнее, заливается тонким смешком, заходится от хихиканья, аж согнулся, и слёзы выступили. Мы с Михой переглядываемся: и когда успел? Наверное, пока мы дверь открывали и таскали провизию, а он отходил за угол «вдохновиться природой, так, по-маленькому».

Главная проблема таких субботних выездов – правильное использование времени. Темнеет уже рано, и нужно твёрдо решить, когда усаживаться за стол: сразу же (и значит, с концом) или сначала элегически погуляв по лесу. Если бы здесь были наши жёны, всё прошло бы эстетичней и безопасней для здоровья. А так может получиться и некрасиво, и очень вредно.

С другой стороны, всё это женское стратегическое планирование, эти санитарно-бытовые условности и прочие рюшечки-салфеточки – в День закрытия сезона как-то особенно излишни. Это суровый мужской праздник. Желательно без свинства, конечно, но всё-таки.

Посоветовавшись, решаем так:

1. Распаковываемся.
2. Затапливаем печь.
3. Действуем по обстановке. То есть по настроению.

Но сначала, конечно, надо выпить. А до того решить вопрос с Данькой. Профилактическую (откровенную) беседу с ним заранее мы не успели провести. Может, сейчас ещё сработает? Сразу очистить совесть, чтобы потом не возвращаться.

– Дань, тут вот какое дело... В общем, мы договорились... – осторожно приступает Миха, но потом чувствует, что переборщил с дипломатией, и начинает говорить нормально: – Ты не обижайся, но мы тебе сегодня наливать не будем, даже не проси. Сами выпьем немного (надеюсь), а тебе не дадим. Мы же не фашисты. Тебе правда нельзя.

Данька, надо отдать ему должное, всего пару секунд выглядит уязвлённым, а потом великодушно включает клоунаду – бросается к нам с объятиями и восклицаниями: «Спасибо, друзья, спасибо! Вы спасли меня!»

– Ладно, чего уж, – тоже пытается играть Миха. – Мы тогда и закуску твою съедим, хорошо?

– Вот! – сразу ухватывается Данька. – Вот я вас и вывел на чистую воду – на чистую водку! Давайте, жрите мою вкусенькую, трескайте мою закуску! Может, вам ещё и женщину мою предоставить?! И Родину продать?!

Надо как-то его успокоить, и я напоминаю о печке. Данька всегда хвастается, что лучше нас подготовлен к жизни, больше умеет по хозяйству. И это правда: в своём шахтовом посёлке в своём доме он ту же печку с детства топил.

Сейчас Данька с удовольствием помыкает нами: меня отправил выбросить золу, а Миху – расколоть поленья, имеющиеся-де слишком велики. Всегда и такие годились, но Миха не спорит, послушно берёт топор.

– Учитесь, дети асфальта! – покрикивает Данька, раздирая газеты по сгибу, комкая листы и засовывая их в печь. – Учитесь, пока я живой!

Рукава у него закатаны, вид ужасно довольный, и если бы не жёлтые склеры, улыбка была бы, как прежде, неотразима – и озорная, и тёплая одновременно.

Минут через двадцать в доме уже тепло. Даже, наверное, слишком: Данька сразу зафигачил несколько шумовок угля.

– А весло здесь есть? – неожиданно спрашивает он, оглядывая стены.

– Ты греблей академической решил в бору заняться?

– Ты не знаешь, что такое весло? Музыканты так гитару называют. А парнас? Знаешь, что это такое? Только на первый слог ударение.

– Ну, наверное, барабан. Или бас-балалайка.

– Смешно. Нет, это такой концерт за деньги. Когда можно заказывать песни.

– Ты думал у нас тут чёс устроить? Так зрителей маловато. А мы с Михой и сами тебе что хошь споём, причём сдемпингуем по цене.

– Он нам ещё заплатит, чтобы мы замолчали, – радостно поддерживает Миха.

Всем известно, как противно он поёт.

– Нет, правда нет гитары? – спрашивает Данька. – По-моему, была же.

Миха поднимает брови: Данька и правда не помнит. Сам же сломал весной, забирал в город, да так и не вернул.

– Ладно, хватит языками трепать, – говорю я. – Надо же вас отпиндюрить наконец-то – на Суперкубок закрытия сезона, а то ходите такие неотпиндюренные. А до этого ещё с лесом попрощаться. Мих, ты идёшь? Ненадолго.

Миха изображает лёгкий позыв к рвоте: такие бессмысленные занятия не для него. Он лучше с книжкой поваляется.

– Дань, а ты переодеваться не будешь? Хотя в лесу сейчас сухо – можно не переодеваться. 113 Бери тогда корзину, два ножа. Что ещё?

– А ты думаешь, грибы ещё есть? – загорается Данька.

– Да вряд ли: уже заморозки на почве были. Но чем чёрт не шутит? Грузди под землёй ещё могли остаться. Но лучше не надеяться.

– А помнишь, мы опять из-под снега откапывали?

Конечно, помню, хотя насчёт «откапывали» он слегка приукрасил. Но снег тогда и вправду выпал – первый, пушистый, почти невесомый. И на шляпках опять он действительно смотрелся фантастично. Редкий кадр для воспоминаний на всю оставшуюся жизнь.

– Ну, давай, пока этот промысловик собирается, – наливает Миха в две рюмки и кладёт на два куска хлеба по кружку колбасы. – Чего там грибникам желают: ни моха, ни поганки?

До этого мы выпили «за открытие закрытия сезона» – ещё когда печка растапливалась, и всего по одной. При Даньке всё же как-то неудобно. И сейчас выпиваем не то чтобы торопливо-воровато, но чуть быстрее, чем требуется.

– Сколько вас не будет? – спрашивает Миха. – Мне надо знать, когда лапшу ставить.

– Полчаса – час максимум. Тренируйся пока. Каре и покер в заказ отработай: что-то в последнее время даже неинтересно тебя обыгрывать – такой уровень низкий.

– Ой-ой-ой! Сегодня ты увидишь наконец настоящую игру. Ты поймёшь, что зря на свет родился: такого мастерства тебе никогда не достичь!

– Ну-ну. На табло потом всё будет написано.

Лес молчалив и пуст, даже опустошён – отдыхает после насыщенного лета. И ещё словно немного обижен, подавлен, удивлён: что это с ним стряслось и что дальше будет? Так голые призывники стоят перед хирургом на медкомиссии: вроде бы и не самый страшный момент, а всё равно тревожно. Там, впрочем, ещё и напускная весёлость присутствует, бравада. А здесь – нет: всё всерьёз, неизбежность в чистом виде, после осени совершенно точно будет зима.

Мы идём по свободной тропинке (раньше она была сильно заросшей с боков) до первой поляны с большой густой сосной: именно она (хотя по виду – явно он, кряжистый и мощный) в округе всех главнее. Как-то давно Данька классно сострил, что это дерево здесь «держит шишку», и с тех пор он тоже любит сюда ходить, пусть и сейчас почувствует, вдохнёт настроения. Но он будто не узнаёт этой поляны, даже не приостанавливается, и приходится его окликать.

– Зайдём на минуту? – предлагаю я.

Осиновая поросль по краю уже совсем без листьев, все они на земле. Внутри леса почти то же самое, даже если и остались где грибы, трудно будет их разглядеть. Мы углубляемся всего на несколько шагов, и Данька чуть ли не у первой же берёзы заводит свою канитель. С ума с ним сойдёшь: выбирает одно место (особенно если найдет что-то, даже несчастную сыроежку), садится на корточки и начинает траву вокруг разгребать – и так буквально по квадратному дециметру. Обычно ещё очки надевает, хорошо, что сейчас их не взял.

– Да нет здесь ничего: всё сухо, – убеждаю я его, но это бесполезно: пока сам не убедится, никуда не сдвинется.

Ладно, лес сейчас прозрачный, видно далеко, не заблудится. И я его издалека буду видеть.

Я снова выбираюсь на тропинку, ведущую к выходу из бора. Оттуда вид хороший: поля, колки, простор. Этой мой личный бзик – постоять там и попрощаться с лесом до следующего года, поблагодарить его. Да я и вообще всегда, если один возвращаюсь, даже не набрав ничего – ни грибов, ни папоротника, ни ягоды, ещё и кланяюсь ему – но это только если никто не видит.

Там ещё берёза есть удобная: один из стволов изогнулся почти параллельно земле, можно посидеть, отдохнуть.

Я успеваю выкурить сигарету и прочесть вслух подобающий стих (уж небо осенью дышало и так далее – и здесь, кстати, он лился особенно выразительно), а Данька всё не подходит. И куртка его красная на прежнем месте уже не маячит.

Я направляюсь назад. Потом прибавляю шаг. Куда он мог запропасться?

– Дань! Да-ня! – кричу я.

– Да здесь я, чего орёшь? В лесу, что ли?

Он стоит за деревом. Я подхожу:

– Неужто правда что-то нашёл? Грузди?

– Да какие грузди. Грусть, сплошная грусть...

Фляжки в руке не видно, но этот свежий запах изо рта ни с чем не спутаешь: три секунды назад – дешёвая водка из горла, причем не один глоток.

– Ладно, возвращаемся, – говорю я. – Грибов теперь до начала мая не будет.

– Странно, – удивляется он. – Я был уверен, что наберём море. Было такое чувство.

Миха уже сервировал стол. Посуда, правда, пластиковая, зато всё остальное от души. Обед из трёх блюд: лапша с тушёнкой, колбаса с хлебом и фирменная Михина солёная кунджа (утром засолил, а сейчас уже можно есть, большие куски буквально тают во рту). Миха вообще самый правильный повар: не выпендривается с изысками и редкими ингредиентами, а из обычных гарантированно делает хорошо. Вот и сейчас мы с ним легко уминаем (ещё бы – на свежем-то воздухе да с водочкой!) по две тарелки. Только Данька поклевал совсем немного, говорит, что больше не хочет.

– А теперь – генеральный покер! – провозглашает Миха. – Матч за звание лучшего игрока сезона. Пусть победит сильнейший (то есть я), а проигравшие горько плачут и сетуют на судьбу! Трепещите!

Он отодвигает лишнюю посуду на край стола, в центр кладёт три ручки, листки с отпечатанными таблицами, потом кубики. Один при этом падает на пол и откатывается в дальний угол веранды. Спасибо, что не в щель и находится сразу.

– Подождите! – говорит вдруг Данька. – А хотите – стих прочитаю? Так, навеяло...

– О, конечно! Это песня? Новую написал? – радуемся мы с Михой.

Игра никуда не денется, а он давно не писал ничего, говорит, что нынешние гнусные реалии не располагают к творчеству.

– Нет, музыку ещё не навеяло... А что, здесь есть весло?

– Нет, так читай.

Данька встаёт, прочищает горло, смотрит вперёд-вверх – необычно серьёзно. А потом вообще закрывает глаза.

– Называется «Наши мамы не брили подмышек».

– О, про порнушку? – оживляется Миха. – Интересно-интересно!

– Это что – дурка такая антигламурная? – смягчаю я. – Давно пора.

Как у всякого приличного артиста на вольных хлебах, у Даньки в репертуаре с десятков безотказных дурок – переделанных песен на известные мелодии: или просто ржачные, или к месту похабные, или даже остро-политические. Например, самая короткая – из двух строчек, на мотив «Я хочу быть с тобой» Бутусова: «Я пытался уехать в Израиль. Я брал острую бритву и правил себя...» И публика, конечно, от хохота сползает со стульев. Так что это очень полезное наследие кавээновского прошлого и знакомства с легендарной «Конторой братьев Дивановых». Вся наша компания давно знает эти дурки наизусть.

– Нет, это такое... конц-центрированное. И концептуальное. Слушайте внимательно. И потом не говорите, что не слышали. Только постройте – я вот вас!

Он показывает нам кулак. Потом снова замирает. И, наконец, начинает громко, да ещё и нарочито нажимая на сонорные:

*Наши мамы не брили ни ног, ни подмышек,
Ни тем более что-то ещё.
Нам хватило двора и зачитанных книжек,
Чтобы выучить гамбургский счёт.
Нам хватало смолы, «марсов» нам не светило,
В прикуп нам не вложили туза.
М-м... та-та та-да-та и хозяйское мыло
Нам на всё продирало глаза.*

Он открывает глаза и подозрительно оглядывает нас:

– Ну и как? Аплодисменты, пожалуйста, аплодисменты, не стесняйтесь!

– Ты специально сказал «хозяйское» мыло, а не «хозяйственное»? – мягко интересуюсь я. – Как бы такая аллюзия: хозяин – Сталин – ГУЛАГ и прочая гадость?

– Ну, типа того. Хотя моя бабушка так и говорила: хозяйское.

– А «смола» что такое? – спрашивает Миха. – Это насвай?

– О-о-о, да ты и смолы даже не жевал? О чём с тобой говорить, хороняка! Профессорский сынок! А хотя бы бензин ты нюхал?

– Я понял – это такой портрет поколения, – переключая я внимание на себя. – Как «Час зачатия я помню неточно».

– Вот! Молодец, понял! Портрет потерянного поколения. А кто его потерял и куда – откуда я знаю? Я музыкант, моё дело – петь. Просто выходить и петь правду. Вот! Я придумал для вас тост! Давайте выпьем за правду!

Мы с Михой тоже встаём. Ясно, что, даже если бы он предложил тост за бессовестное враньё, мы поднялись бы с неменьшим энтузиазмом и важностью – лишь бы у него так же сильно звучал голос, лишь бы он так же напоминал себя прошлого.

Себе подливаем водку, а Даньке – минеральку без газа. Так что со стороны всё это выглядит не слишком для него унижительно.

Начинаем хорошо: воодушевление, подначки, традиционные фразочки («Сейчас будет избивание младенцев!», «Может, вам гандикап предоставить?», «Поплачь-поплачь, камни слезу любят»). В общем, всё именно так, как нужно. К тому же Данька почти сразу бросает покер в заказ на четвёрках – и это придаёт ему уверенности, куража.

Но в том-то и опасность: ходов через десять, когда ему перестает везти, он начинает рисковать напропалую и даже глотничать – какое уж тут удовольствие от игры?

И сама игра скоро становится бессмысленной, потому что Данька, потеряв шансы на победу, постоянно отвлекается, дурачится и просто ноет: ему, видите ли, надоел наш классический покер и хочется «укороченного». Он сам когда-то его придумал (бросать только комбинации) и сейчас упёрся рогом.

– Ну, долго всё это, муторно! Уже бы пять раз успели сыграть!

Это пахивает богохульством, расшатыванием устоев. Мы с Михой всё-таки настаиваем, что партия должна быть доиграна. Это же Суперкубок, победитель войдёт в историю!

– Знаешь, что вошло в историю? Как мы при лучинах играли! – возражает Данька, хотя никто и не спорит.

Да, было такое однажды тоже осенью, когда по всем дачам вырубил свет. Игра в самом разгаре, а тут тьма кромешная. Не найдя свечей, мы свили фитиль из каких-то шнурков, положили его в блюдце с постным маслом, зажгли. Огонёк появился, но ненадолго: от перегрева блюдце лопнуло. Тогда мы натесали кучу лучин (причём наверняка неправильных: прогорали они слишком быстро) и всё-таки доиграли партию. А когда проснулись утром – ахнули и смеялись долго: весь белёный потолок и все наши рожи были в копоти!

Кое-как дотягиваем до конца. В итоге – случайно, разумеется, и незаслуженно – выигрывает Миха. Данька же последние ходы откровенно занимался хернёй: ловил только покер в свободе, вычеркнул всю колонку вверх по ходу, но гнул своё. И пару раз был близок, жаль, что не получилось.

Он встаёт, даже не сосчитав сумму, просто хлопнув ручкой по столу:

– Тренируйтесь, вторая лига! Когда захотите научиться играть – обращайтесь. Так уж и быть, проведу мастер-класс!

Он ненадолго скрывается в комнате, выходит и начинает надевать куртку.

– Ты до ветру? – говорю я. – Я тоже.

Данька оборачивается и смотрит на меня с напряжённым недоумением:

– А зачем?

– Зачем я хочу выйти помочиться? Потому что в доме не очень удобно.

– Нет, зачем ты пасёшь меня весь день? Займись уже чем-нибудь поприятней: музыку красивую послушай, водку вкусную попей...

Он смотрит на меня прямо и почти враждебно. Я смотрю на него прямо и без привычного уже сюсюканья «ах, чтобы не задеть». Прямо дуэль какая-то. Сейчас схватимся за дреколье и начнём фехтовать.

– Слушай, что мы играем в какую-то дебильную игру? – говорю я.

Именно я. Кто-то же должен это сказать.

— Он так и будет прикладываться по углам, как школьник? — объясняю я Михе. — Давай наливать ему понемногу, хоть закусывать будет нормально и не прятаться с конфеткой.

Миха молчит, нахмурившись. Он так всегда: чуть какой конфликт — сразу становится вяло-печальным и замирает, будто закрывается изнутри. Просто он, в отличие от меня, не любит никого воспитывать. А Данька наблюдает за нами насмешливо, этот чёртик в его глазах уже проснулся и теперь не заснёт пару часов.

Да нет, меньше. Уже вскоре он сникает и покорно даёт себя уложить. Мы стелем ему на веранде: здесь прохладней, так быстрее очухается, утром легче придёт в себя. Какая наивность!

Миха растолкал меня ночью:

— Он домой собирается.

Я включаю свет. Всё выглядит какой-то ненужной выдумкой. Данька уже сидит на диване одетый, возится с обувью.

— Ну что ты такое выдумал? — говорю я. — Ну куда ты сейчас? Никто же сюда не приедет.

— Да всё нормально, что вы всполошились? — Он тоже старается говорить легко, убедительно, но языком ворочает с трудом. — Мне просто надо домой, просто надо домой.

— Вот прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

И взгляд такой преувеличенно твёрдый.

Только каким-то чудом, измором, большим актёрским мастерством с нотками искренней паники нам удаётся его отговорить. Но в комнате с нами он соглашается лечь только одетым. Хорошо, что Миха (я ещё не спал, услышал) потихоньку запер дверь на ключ.

Пока с утра взад-вперёд ходили отлить-курить-пить кофе, дом успел выстудиться, а затапливать заново, если скоро собираемся уезжать, как-то неэкологично, да и просто лень.

— Может, на обрыв сходим, на ближайший, прогуляемся? — спрашиваю я.

— Да, надо продышаться. Я, чувствую, ещё тяжеловатый, — признаётся Миха.

— Идите-идите, — хрипло говорит Данька.

Он сидит взъерошенный, закутавшийся в одеяло, громко швыряя, пьёт чай, даже не вытаскивая из чашки пакетик, и точно никуда не пойдёт.

— Конечно, идите, бросайте меня одного. В дикой чаще. На растерзание лютым зверям.

Когда мы вернулись, он спал, отвернувшись к стене. Прямо возле кровати на полу стоял пустой мерзавчик: то ли он забыл его спрятать, то ли уже не посчитал нужным.

С Притомского проспекта к дому Даньки нет поворота налево. Ему с перекрёстка пройти метров двести, но он требует, чтобы Миха его довёз. То ли слишком устал, то ли за большие заслуги. Бормочет что-то невнятное, с трудом очнувшись совсем недавно, уже в городе.

— Какой ты противный стал, капризный! — не выдерживаю я.

Потому что достал! Михе потом полчаса кружить надо будет.

— А вы что, куда-то торопитесь? — нахально спрашивает. — Тарапиц не на-а-адо, тарапиц не на-а-адо...

— Да заедем, не проблема, — говорит Миха.

— Может, я хочу побыть с вами подольше?

116 Ещё больше обогатиться духовно! Хотя куда уж больше? — говорит Данька и опять начинает мелко хихикать: он так только недавно начал, раньше такого не было.

«Да ты давно уже не с нами», — думаю я, но вслух говорю другое:

— Если будешь таким же капризным, хрен-то мы возьмём тебя в следующий раз — на открытие сезона.

Это я вроде как пошутил. И выразил сдержанный оптимизм. И это были последние слова, которые я сказал другу в глаза, последующие редкие отчёты по телефону («А ты как?» — «А ты?») не в счёт.

Нет, когда он вылез из машины возле своего подъезда, такой сосредоточенный и жалкий, я же наверняка сказал что-то ещё: «Счастливо» или «Будь здоров».

А надо было сказать честнее: «Прощай и прости».

Любовь
ШАЛАБАЕВА

СУМАТОШНАЯ ЖИЗНЬ

Рассказ

Июль в этом году выдался на редкость знойным. Уже две недели, как небесная канцелярия перестала посылать в Сибирь осадки, так сильно ей необходимые. Жители мегаполиса изнывали от жары в душных офисах. С трудом дождавшись окончания рабочего дня, они мчались за город, чтобы погрузиться в приятную прохладу речной воды. Неудивительно, что во второй половине дня междугородние трассы, ведущие к многочисленным водоёмам, были переполнены автомобилями.

Грязно-белая «девятка» с чёрными шашечками на дверях торопилась в сторону пригорода, подпрыгивая на редких неровностях и обгоняя тех, кто выжимал разрешённые и оттого унылые девяносто километров в час.

— Как бы двигатель не закипел, — пробормотал таксист и прислушался к звуку мотора. — Ох, заглохнем ведь, как пить дать! — Красный от жары водитель вытер со лба пот и покосился на пассажирку.

Алёна Воронцова, хрупкая ухоженная брюнетка лет тридцати, сосредоточенно изучала свой ежедневник. Ничто не могло оторвать её от столь важного занятия — ни заунывный шансон из радиоприёмника, ни пугающая перспектива заглохнуть на трассе в стареньком автомобиле без кондиционера.

Впрочем, это был не просто ежедневник. Толстый кожаный органайзер дублировал и, можно сказать, предопределял всю Алёнину жизнь: он бережно хранил записи по работе, расписание кружков дочерей, важные даты и список предстоящих покупок. А ещё планы на отпуск, список книг, которые предстояло прочитать, и рекомендованные к просмотру фильмы.

Педантичная Алёна обожала планировать и всегда радовалась, когда записи из ежедневника превращались в успешные договоры, вкусные блюда и весёлые праздники. Если коварное мироздание делало так, что встреча с клиентом отменялась, в магазине не было нужных продуктов, а саму Воронцову сбивало с ног банальным ОРВИ, женщине казалось, что мир переворачивается. Она долго приходила в себя из-за расстройств планов и тщательно анализировала причины неудач. Впрочем, подобное случалось редко, и потому ощущение полного контроля своей жизни практически никогда не покидало.

— Далеко же вы забрались, — произнёс водитель в надежде разговорить молчаливую пассажирку. — Двадцать пять километров от города — даль-то какая! До работы, поди, неудобно добираться?

Алёна подняла на таксиста глаза:

— Вы же видите, тут всего полчаса езды. У меня просто машина забарахлила, пришлось оста-

117

ШАЛАБАЕВА Любовь Александровна родилась 9 января 1985 года в г. Мыски. Окончила Новосибирский музыкальный колледж и Новосибирский педагогический институт по специальности «журналистика». Работала корреспондентом в новосибирских СМИ. В 2012 году переехала в Новокузнецк, работала в газете «Новокузнецк». В настоящее время воспитывает детей. Публиковалась в журнале «Огни Кузбасса» и литературном сборнике «Песня». Живёт в селе Атаманове Новокузнецкого района.

вить на сервисе. – Алёна достала из сумки маленькое зеркало и придирчиво в него посмотрела. – Знаете, очень срочно нужно попасть домой, у меня там одна важная встреча намечается. Мы можем немного ускориться? – И она опять уткнулась в ежедневник, давая понять, что разговор окончен.

Таксист вздохнул (эх, некомпанейская какая!) и свернул наконец с широкого шоссе на узкую дорогу, ведущую в небольшой посёлок, который со всех сторон будто бы обнимали мохнатые сосны. За неприступными заборами скрывались добротные коттеджи с панорамными окнами и большими балконами. На их фоне скромные бревенчатые домики с простой деревянной изгородью как будто всем своим видом извинялись за право ютиться рядом с дорогими особняками.

– Вот сюда подъезжайте. – Воронцова указала на небольшое двухэтажное здание, обшитое бежевым сайдингом.

В это же время к дому подъехал белый «лексус». Лениво моргнув фарами, иномарка остановилась, а из машины выпорхнула миниатюрная девушка в модных джинсах с прорезями на коленках и стильной белой футболке в разноцветную полоску.

– А вот и мой ландшафтный дизайнер, спасибо вам за оперативность. – Алёна протянула водителю новенькую купюру и вышла из душного салона.

* * *

– Добрый день, Алёна, – широко улыбнулась девушка и оценивающе посмотрела на добротный дом, крышу которого украшал изящный флюгер с изображением корабля.

– Здравствуйте, Жанна. – Алёна поймала взгляд дизайнера. – Неплохо получилось, правда? Два года строились, а несколько месяцев назад переехали, хотя ремонта ещё выше крыши.

Она открыла калитку и пропустила гостью вперёд. Девушки миновали дом, парочку хозяйственных построек и вышли к заросшему травой участку. Практичные фермеры, дай им только волю, использовали бы землю на полную катушку: теплицы, парники, грядки и море зелёной картофельной ботвы, из года в год переживающей нашествие колорадских жуков. Так, в общем-то, мыслит любой здравомыслящий крестьянин.

Однако Алёна Воронцова огородные работы ненавидела с детства, поэтому давно для себя решила: никаких грядок и всего, что требует полива, прополки и прочих полевых «радостей».

– Здесь тридцать соток. – Алёна обвела рукой свои владения. – И надо всё это красиво обустроить. Только без грядок. Мы хотим детскую площадку, цветники, газон, фруктовые деревья, дорожки в саду. Сейчас, одну минуту, – в руках появился знакомый ежедневник, – ах да, ещё маленький пруд, деревянная беседка и...

– Мама, ты уже приехала! – Две шестилетние девчушки выскочили из дома и бросились навстречу матери.

– Я сейчас вернусь, – предупредила Алёна спутницу и направилась к дочерям.

Жанна, не теряя времени, достала планшет, чтобы сфотографировать участок.

– Ну, здравствуйте, мои хорошие, любимые мои васильки! Как у вас дела?

Алёна обняла двух абсолютно одинаковых девочек с маленькими тугими косичками и необыкновенно синими глазами. Ни дать ни взять настоящие васильки!

– Дела хорошо, приехали с папой из садика, и он ушёл в свой кабинет поработать. А ещё нас пригласили на день рождения в аквапарк! – скороговоркой выпалила та близняшка, что побойчее – Анютка.

– Кто? Когда? – Алёна по привычке схватилась за ежедневник, чтобы сориентироваться, впишется ли в их планы внезапно наметившийся праздник.

– Анжела, с которой мы в садик ходим. Мам, они в это воскресенье едут, давай с ними? – Ася, появившаяся на свет несколькими минутами позже сестры, выжидающе смотрела на мать.

– Но в воскресенье мы собирались к бабушке Наде, – растерялась Алёна. – Вы совсем забыли?

– Не хочу туда, у неё скучно! – сердито заявила Аня и нахмурила брови.

– Давай поедем на день рождения, ну пожалуйста! – срывающимся голосом произнесла Ася.

– Ладно, я подумаю, – вздохнула Алёна и закрыла ежедневник, мучительно соображая, как деликатно сообщить свекрови, что они не придут.

Нет, все-таки ломать хорошо выстроенный график очень и очень плохо! А может, просто отменить незапланированный аквапарк?

– Я же говорила, что она согласится, значит, и Баську уговорим оставить! – громко зашептались довольные близняшки.

– Какой ещё Баська? – Алёна внимательно посмотрела на девочек и быстрым шагом направилась к дому.

Аня и Ася с визгом побежали за ней и первыми оказались в полупустой комнате. На малень-

ком деревянном столике стояла небольшая картонная коробка с чёрным котёнком внутри. Услышав голоса, малыш поднял пушистую голову и с интересом посмотрел на Алёну круглыми жёлтыми глазёнками.

– Мам, он такой милый... – жалобно начала Ася.

– Откуда? – строго спросила Алёна.

– Баба Валя дала, – поникли девочки-васьки.

– Могла бы и не спрашивать, – вздохнула мать. – Ох уж эта баба Валя! Послушайте, – она взяла девочек за руки, – вот какие нам сейчас котята? Вы этой осенью в школу пойдёте, я целый день на работе, папа тоже – кто будет смотреть за вашим котёнком? Не станет же он сидеть в коробке целый день, правда? Его нужно к лотку приучать, смотреть, чтобы ничего не поцарапал.

– Но ты обещала! – едва сдерживая рыдания, произнесла Ася.

– И потом, скоро в гостиную привезут новую мебель, он же здесь всё испортит и поцарапает!

– Ты обещала, – глухо повторила за сестрой Аня.

Она подошла к Асе и крепко сжала её ладошку.

– Я сказала, что сначала вы начнёте учиться, а там видно будет, но школа же ещё не началась! В общем, пока верну его бабушке Вале, а потом, может быть, заберём обратно. Посмотрим.

Маленькое картонное жилище с его пушистым квартирантом покидало дом под громкий аккомпанемент детских всхлипов. Сердце Алёны сжималось, но она знала, что всё делает правильно, ведь никакого котёнка в ближайших планах не было и быть не могло.

– Вернусь через десять минут, подождите меня, пожалуйста! – крикнула она Жанне и скрылась из виду вместе со своей невесомой ношей.

* * *

Баба Валя жила в деревянном доме через дорогу. В отличие от современного особняка Алёны, дом матери будто бы возвращал в прошлое: причудливый орнамент на деревянных ставнях, резные завитушки на фасаде, выцветшая голубая краска на стенах.

Алёна толкнула скрипучую калитку и, не реагируя на радостный лай рыжей овчарки Даны, вошла в дом. Уже с порога почувствовала в воздухе запах свежее испечённой сдобы. «Булочки готовит», – догадалась Алёна и сразу направилась на кухню. Действительно, на большом фарфоровом блюде возвышалась гора ароматных румяных плюшек, щедро посыпанных маком.

– Привет, мам, – ровно произнесла Алёна и поставила коробку с котёнком на табурет.

– Здравствуй, Алёнушка, как там ваш новый жилец, уже познакомилась? – Валентина Григорьевна отправила противень с последней партией плюшек в духовку и повернулась к дочери.

– Да что-то ему не понравилось у нас, домой вот запросился обратно!

– Как не понравилось? – Валентина Григорьевна наконец заметила коробку. – Да ты никак вернуть решила Баську-то?

Она огорчённо покачала головой и вытащила котёнка. В больших и тёплых ладонях бабы Вали маленький чёрный комочек немедленно принялся мяукать.

– Мам, ну какие котята! Я тебе уже говорила, что пока не до животных, дай нам ремонт сделать по-человечески! И потом, скоро привезут новую мебель, он её всю изгрызёт или поцарапает! – Алёна присела и забарабанила пальцами по голубой в меленький красный цветочек клеёнке. – Я и без того себя чувствую не в своей тарелке, девочки вон ревут сидят. А всё из-за кого? – Она сердито посмотрела на котёнка, старательно вылизывавшего чёрные лапки.

– И когда же наступит твоё обещанное потом? К школьному выпуску? – Валентина Григорьевна подпёрла голову рукой и внимательно посмотрела на дочь. – Признайся, ведь ты вообще не хочешь заводить ни котов, ни собак, потому что не любишь их. Но живёшь-то не одна! А со зверушками всякий добрей становится. – И баба Валя ласково погладила Басю, который довольно заурчал и свернулся уютным клубочком на её коленях.

– А я, значит, злая, да? – усмехнулась Алёна и отломила от тёплой ватрушки кусок.

– Да нет, не злая. – Валентина Григорьевна аккуратно переложила котёнка в коробку и поднялась, чтобы налить дочери свежесваренного чая. – Ты, – она замерла с чайником в руке, пытаясь подобрать подходящее слово, – суматошная какая-то, что ли. И жизнь у тебя такая же.

Алёна закашлялась, и мать заботливо похлопала её по спине.

– Что, неправду сказала? Как будто не знаешь, что так и есть. Всё бежишь куда-то, спешишь. И постоянно вокруг тебя суeta суeta, встречи, разговоры, переговоры. Жить-то хоть успеваешь?

– Меня всё устраивает, – усмехнулась Алёна. – И работаю, и отдыхаю иногда, да, нечасто, но что ж поделать? Жизнь такая. Главное, что всё

идёт по плану. Вот сделаем ремонт, сад обустроим, отправим девочек в первый класс, и будет полегче. Мам, я всё успеваю!

— А мне кажется, что не успеваешь, — напирала мать. — И дальше своего носа из-за этой суматошности ты ничегошеньки не видишь. Между прочим, белый джип у вашего дома я не первый раз вижу. Расстраивать просто тебя не хотела, да и нет у меня привычки лезть в ваши дела.

— Не может быть, — засомневалась Алёна. — Жанна никогда не приезжала сюда раньше.

— Может, может, машина-то приметная, с мужиком твоим шашни крутит, поди, а ты и не в курсе. Под контролем у неё всё! В будущее бы тебя отправить лет так на десять вперёд, вот и посмотрела бы, к чему весь твой контроль-то привёл. — Валентина Григорьевна сердито глядела в окно, словно пытаясь испепелить дорожную иномарку одним лишь взглядом.

— Ну, это уже слишком. — Возмущённая Алёна вскочила со стула и направилась к выходу.

— А котёнок?

— Какой ещё котёнок? — Яростный взгляд в сторону картонной коробки. — Знаешь, мама, я бы и впрямь не отказалась переместиться на десять лет вперёд: ремонт сделан, девочки выросли, поступили в институты, на работе повысили. Никакого головняка! Можно отдыхать и наслаждаться жизнью.

— Девочки повзрослеют так быстро, что оглянуться не успеешь, — вздохнула Валентина Григорьевна и потуже затянула кухонный фартук с улыбающимися пчёлами. — Не торопи время, лучше сделай так, чтобы они сейчас запомнили всё самое хорошее. На чай-то вечером придёте?

— Мам, не знаю, мне сейчас с человеком надо пообщаться, и потом ещё работы целый вагон.

— Пусть хоть Аня с Асей забегают, — крикнула вдогонку мать, но в ответ донесся только звук равнодушно хлопнувшей двери.

Валентина Григорьевна с досадой махнула рукой и наклонилась к духовке, чтобы проверить, испеклись ли плюшки.

* * *

Выйдя из дома, Алёна не поверила глазам. ещё пять минут назад улицу заливало ярким солнечным светом, теперь же своим цветом небосвод напоминал переспелую сливу. Где-то за спиной прогрохотало, и на лицо посыпались холодные дождевые капли. С нарастающей быстротой крупные капли заплескали на горячем асфальте, припечатывая серую пыль. Алёна помчалась до-

мой, успев по пути заметить, что белого «лексуса» возле её ограды больше нет.

Дом встретил непривычной тишиной, лишь в одной из комнат слышалось знакомое урчание: кто-то не выключил компьютер.

— Аня, Ася, вы где?

Ни звука в ответ. Алёна осторожно провела по стене рукой, нащупала клавиши выключателя. Мгновенно вспыхнувшие лампочки прогнали сумрак и привели хозяйку в ступор.

Их новый просторный коридор, которым они собирались заняться не раньше чем через месяц, был полностью готов: на стенах бордовые итальянские обои, на полу дорогой коричневый ламинат, на потолке маленькие изящные светильники с золотистым ободком. Всё как она и планировала. Но что, чёрт возьми, происходит?!

Стало жутко. Сердце колотилось, как у перепуганного зайца, липкий комок страха застрял в горле, по телу побежала мелкая дрожь.

— Кто здесь? — тихо спросила Алёна и на цыпочках зашла в комнату с работающим компьютером.

Детская одной из девочек. И как будто необитаема: кровать заправлена, сувениры и книги аккуратно расставлены на полках, а в шкафу практически нет одежды. Зато с кровати на Алёну дружелюбно смотрит большой игрушечный медведь с красным плюшевым сердцем в мягких лапах. Откуда он здесь? Никто никогда не дарил девочкам такого мишку, она точно знала.

Алёне вдруг захотелось упасть на пол и разрыдаться от ужаса и непонятности происходящего. В какую параллельную вселенную её забросило? Собрав всю волю в кулак, она уселась за компьютерный стол и, нажав первую попавшуюся клавишу, разбудила задремавший монитор.

Экран радостно замерцал и явил изображение Ани и Аси на рабочем столе. Близняшки сняты крупным планом: они смотрят в объектив фотоаппарата своими васильковыми глазами и чему-то смеются. Вот только выглядят уже не как будущие первоклассницы, а, скорее, как выпускницы.

— Я сошла с ума? — вслух спросила себя Алёна и запустила интернет-браузер.

Только там, в хитро сплетённых виртуальных паутинах, она найдёт ответы на все свои вопросы. По крайней мере, в фантастических фильмах главные герои всегда делали именно так...

«Точная дата и время», — быстро забарабанили пальцы по клавиатуре, а поисковик немедленно выдал ответ. Алёна уже знала его, но всё же

зажмурилась, понимая, что не готова увидеть пугающие цифры, которые станут для нее ушатом ледяной воды, пробирающей до костей. Ну же!

«25 июля 2028 года», – равнодушно сообщила поисковая система. Ладно, это уже понятно. Что дальше? Узнать, что произошло в мире за десять лет? Кто стал президентом? Господи, при чём тут политика! Где муж, где девочки? Рассудок подсказал, что нужно открывать социальные сети.

Вот личная страница Воронцовой Алёны, её фотография: она положила голову на переплетённые пальцы рук и куда-то задумчиво смотрит. Личные фотоальбомы: какие-то встречи, семинары, мастер-классы, и везде она стильная, деловая и чрезвычайно важная. Так, место работы... Всё там же, только должность поменялась: теперь аж целый заместитель генерального директора. Ого! Да она даром времени не теряла! Семейное положение: в разводе. Что-о-о?! Сердце ухнуло вниз, а руки затряслись. Когда она успела развестись? Как? Почему?

Пальцы лихорадочно забегали по клавиатуре, в списке друзей нашёлся муж. Впрочем, уже бывший муж. Неважно! На главной фотографии её Воронцов стоял на берегу моря и нежно обнимал миниатюрную блондинку. Алёна увеличила фото, пригляделась – дизайнер Жанна! Выходит, что мать оказалась права и она, действительно, ничего дальше своего носа не видела. Когда это случилось? Беглый просмотр фотографий бывшего мужа дал ответ: восемь лет назад серый штамп в паспорте поставил точку в семейной жизни Воронцовых.

В груди противно заныло и снова захотелось разрыдаться. Нет, только не сейчас, свою порцию слёз она уже наверняка выплакала восемь лет назад. Алёна закрыла соцсеть и подошла к окну. Прислушалась к разыгравшемуся ветру – погоду лихорадило. Дождь яростно бился в закрытые окна, пунктиром выстукивая какой-то замысловатый ритм, напоминавший не то воинственный марш, не то легкомысленную польку.

А ведь именно в такое ненастье они и познакомились... В тот день, когда летний дождь с утренней силой обрушился на землю, Алёнина малолитражка нахлебалась воды перед выездом из города и внезапно заглохла. Пока девушка представляла знак аварийной остановки, будущий муж, промокший насквозь, но не потерявший от того своей обаятельности, уже предлагал помощь. Ну и закрутилось: встречи, кино, рестораны... Потом свадьба, поездки на море, долгожданное рождение дочерей. После выхода из декрета

Алёна с головой окунулась в офисные будни, желая как можно скорее подняться по карьерной лестнице на самую вершину. Задерживалась допоздна, брала рабочую документацию домой, старалась чаще ездить в командировки. Тогда-то они с мужем и начали отдаляться – перестали брать отпуск в одно время, выбирать куда-то вдвоём и даже спали порой не вместе. Засиживаясь в домашнем кабинете до глубокой ночи, Алёна устраивалась на маленьком диванчике, чтобы не тревожить уснувшего мужа. Они жили вместе, но были порознь. Завтракали друг без друга и ужинали отдельно: она с девочками, а он в компании с одиночеством.

– У меня остались дочери, – растерянно произнесла Алёна и опять загрузила соцсеть, нашла Аню и Асю.

Теперь её маленькие весёлые дошколята превратились в первокурсниц престижных столичных вузов.

«Не торопи время», – вспомнила она слова матери, и прозрачные ручейки заструились по щекам. Детство Ани и Аси упорхнуло беспечным мотыльком, а она даже не заметила. «Василёчки, мои родные, мои хорошие, – прошептала Алёна. – Как я могла всё пропустить?»

«Онлайн» – значилось в статусе у обеих сестёр, и Алёна дрожащими пальцами застучала по клавиатуре.

«Привет, Анята, любимый мой василёк, где ты, как ты сейчас?»

«Мам, с тобой всё в порядке? Ты меня уже тысячу лет так не называла».

«Ну, прости, прости! Чем занимаешься, как твои дела?»

«Да ничего особенного, я ведь уже писала. Гуляем по Москве, отмечаем зачисление. Мам, тут очень круто! И мы будущие юристы! Разве можно в это поверить? Скоро приеду домой на остаток каникул, только погуляем ещё чуть-чуть, ладно? Мам, вышли мне, пожалуйста, немного денег. Сама понимаешь – Москва, тут всё в десять раз дороже». К сообщению Аня прикрепила с десяток смайлов – танцующих, веселящихся и посылающих воздушные поцелуи.

«Да, конечно пришлю, я очень за тебя рада», – быстро настрочила в ответ Алёна и открыла переписку с Асей.

«Ася, доченька, как экзамены? Ты уже поступила куда хотела?»

«Ма-а-а-ам?!» И вереница недоумевающих круглолицых эмодзи. «Экзамены закончились неделю назад, мы с девочками сняли на троих

квартиру на Фонтанке, теперь всё обустроиваем».

«И кем ты у нас будешь?» – осторожно поинтересовалась Алёна.

«Поваром-кондитером, конечно же». И смайлы с тортом, пирожным и конфетами.

«???»

«Мам, ты чего, я в художественный институт поступила, буду дизайнером. Ты совсем заработалась? Я же пошутила про повара».

«Да, прости, просто не выспалась...»

«А знаешь, кто будет жить с нами в квартире? Мы выбрали на улице котёнка, наконец-то у меня будет свой собственный пушистый друг, пусть даже и не совсем мой, а общий, но всё же... Мама, мы решили назвать его Басей!»

Алёна вздрогнула. Бася. Маленький обитатель картонной коробки, которого она безжалостно вернула матери. И ведь именно там она пожелала попасть в будущее, которое почему-то и впрямь наступило – красивое и безрадостное, холодное и одинокое. Десять лет её жизни проглочены, растоптаны, перемолоты в пыль. Ради чего теперь стоит бежать, крутиться и составлять ежедневные планы? Ради кого? Алёна сжала пальцы в кулак, и ногти больно вонзились в ладонь. А что же мама? Что случилось с милой доброй мамой, которая пекла нам плюшки и звала на тёплые семейные ужины? Её-то ведь в соцсетях нет...

Алёна рванула к выходу, чуть не расколов по пути большую диковинную вазу с огненными иероглифами. Дождь, обрадовавшись новой жертве, принялся колотить крупными водяными горошинами по телу, не давая ни малейшего шанса остаться сухой. Раскалённой нитью молния разрежала небо, а прозвучавший вслед за ней раскат грома потревожил автомобили, немедленно заголосившие на разные лады.

Алёна перебежала через дорогу и распахнула калитку. Сказочный дом с резными ставнями укоризненно смотрел на Воронцову своими глазокошками. Мрачными. Тёмными. Без единого намёка на свет. Проглотившими последнюю надежду на счастливый финал.

* * *

– Мама! – Алёна стояла в знакомом коридоре, пропитанном родными запахами, и тряслась не то от холода, не то от рыданий. – Мама, ты здесь? С тобой всё в порядке?

– Ба-а-а, а ты где же промокнуть умудрилась в такое пекло? – Валентина Григорьевна вышла в коридор в знакомом кухонном переднике с пчела-

ми. – Небось Антошиных пацаны облили? У них что ни день, то Иван Купала! Я сейчас полотенце тебе вынесу.

– Что ты хочешь сказать? – закричала Алёна. – Какое ещё пекло?

Она вбежала на кухню и выглянула в окно. И в который раз за сегодняшний день отказалась верить в реальность: улица залита солнцем, небо ослепительно-голубое, а у дома по-прежнему дремлет большой японский автомобиль.

– Да как же это... Мам, какой сейчас год?

– С утра восемнадцатый был. – Валентина Григорьевна положила перед Алёной махровое полотенце и заглянула в духовку. – Ты совсем, я смотрю, заработалась?

– Мам, я...

Голос дрожал, а глаза заблестели. Неужели она вернулась? В этот момент в коробке, по-прежнему стоящей на табурете, завозился, а затем жалобно замыкал Бася.

– Мама, я передумала, мы забираем котёнка! – Взволнованная, она схватила коробку и прижала к себе так, словно та хранила все сокровища мира. – Я пойду, ладно? Но вечером мы придём к тебе на чай. Вчетвером! – Алёна наклонилась к матери и поцеловала в морщинистую щёку.

– Ох, суматошная, никак на солнце перегрелась, – озабоченно покачала головой Валентина Григорьевна и вынула из духовки последнюю партию вкусно пахнущей сдобы.

* * *

Алёна спешила домой и думала, что, наверное, надо бы завести ещё и собаку. В своём доме как без животных? И девочки так хотели золотистого кокер-спаниеля. Дурная, конечно, порода, взбалмошная, не будет с ней покоя. А ещё можно взять на работе неделю за свой счет и вырваться куда-нибудь с мужем. Покататься на лошадях, сходить в театр, да мало ли интересных мест? Теперь весь мир в её распоряжении, к чёрту дурные переработки! И пускай темп жизни перейдёт с энергичного allegro на неторопливое largo. Хотя нет, largo – это слишком медленно. Moderato – будет более уместным. Точно.

Увлечённая мыслями о новой жизни, Алёна не заметила, как близняшки заворожённо наблюдают за ней из окна. Не отрываясь они смотрели на заветную коробку, хранящую в себе лёгкое, почти невесомое счастье. Переступая порог своего дома, Алёна ни секунды не сомневалась, что чёрный кот, несмотря на все суеверия, обязательно принесёт в их семью счастье.

Константин КАРАБАНОВ

ОН БЫЛ ПРОСТО СОЛДАТ...

(отрывок)

Я знаю: разнится война
У тех, кто пишет не воюя,
И тех, которые под пули
Вставали, шли...
Но не моя
Вина – живу в иное время.
Иными вихрями овеян.
Я ваш потомок.
Им быть смею.
Я ваши помню имена...

Был мал, расспрашивал отца,
Как воевал –
Мне знать хотелось.
Его отметины на теле
Ладонью трогал.
Так хрупка
Под затянувшуюся раной
Струилась жизнь.
И было странно
Мне, пацану, на плоти рваной
Насколько кожа тонка.

Нам не досталось тех времён.
Дорогой той –
Не прошагалось.
Мне, сколько помню, всё казалось:
Тобой не произнесено,
Не сказано того, что полнит
Солдата небывалой болью
И тяжко слышится в упорном
Молчании фронтовиков...

пос. Тисуль

Георгий КОЛЬЦОВ

Георгий Николаевич Кольцов родился в 1945 году в селе Буреть Боханского района Иркутской области. В 1976 году окончил Литинститут им. Горького (семинар Л. И. Ошанина). Печатался в журналах «Звезда», «Студенческий меридиан», «Пограничник», «Сибирь», «Берега», «Молодая гвардия». Автор сборников стихов «Корни кедра» (1975) и «Спасательный круг» (2017). В 1985 году трагически погиб в г. Кашире. Там и похоронен.

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Его зарыли в шар земной...
С. Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы – пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
Или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, –

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

СЛЕПОЙ

В огне бомбёжки,
В адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма крошечная
Его обыкновенный слух,

Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле – по шуршанью колоса,
Сентябрь – по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал –
Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне,
Как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

* * *

Лебедеву Николаю Александровичу,
Герою Советского Союза

Вникая сердцем в правду горьких сводок,
Стал город на Неве фронтовиком...
Вернулся зимним вечером с завода
Отец опять с урезанным пайком.

Не верь,
Мол, пах он клеим силикатным,
Темнея, как протравленная медь,
Одно лишь отличало хлеб блокадный:
Ни разу не успел он зачерстветь.

Лишь дочери – девчонки молодые,
Не видевшие в жизни ничего,
Глаза с трудом от хлеба отводили,
Пока мать ниткой резала его.

А сам отец, такой седой, сутулый,
Вздыхнув, квартиру молча оглядел.
Нет ни стола, ни полка и ни стула.
Да – стула,
На котором сын сидел...

И вот, когда в прошитом стужей доме
Всё, что горело, было сожжено,
Взял старый слесарь лермонтовский
томик
И вспомнил, может быть, «Бородино».

И передумал, видимо, о многом.
Ну а потом недрогнувшей рукой
Буржуйку подостывшую потрогал,
Откинул дверцу с болью и тоской.

Жену, детей, себя ли успокоил,
Пытался ли загнать подальше стыд:
«Я думаю, когда вернётся Коля,
То он поймёт, то он меня простит».

Шли жизнь и смерть по Ленинграду рядом.
Тепло от книг, текущее к ногам,
Могло назавтра стать в цехах снарядом.
Ещё одним снарядом – по врагам!

О, книги! Бескорыстные подруги –
Их меньше становилось с каждым днём –

Спасали обмороженные руки
Своим недолгим ласковым огнём.

Ирина ЛЯШКО

ЛЕНИНГРАД

Город голодает. Город выгорает.
Город смотрит в небо ямами глазниц.
Стены коммуналок, берега каналов,
Парки, скверы душит полоумный фриц.
Люди не из стали, люди ждать устали,
Что замки блокады вера отпрёт.
Голод тело сушит, улетают души,
Дверь им отпирают только смерть да Пётр.
Город голодает, жадно хлеб глотает,
А на ужин клейстер в виде холодца.
Но под ветхой кровлей делится он кровью
С раненым солдатом из-под Воронца.
Город пишет личный девятьсотстраничный,
Без полей и строчек летопись-дневник.
Здесь чернила влили тысячи фамилий,
И над каждой крестик, как прощальный крик.

ВЕТЕРАН

У него не сердце – сталь,
На груди висит медаль,
Душу обметало
Осколками металла.
Пуля с яростью врага
Грудь в бою подстерегла
И с боками твёрдыми
Влезла между рёбрами.
Врач заметил мумро:
«А она не дура!
Раз оставила в живых,
Значит, глянул жених.
К этой даме сердца
Надо б притереться».

У него не сердце – сталь,
На груди висит медаль,
А в ребре – из Бреста
Вечная невеста.

МУЗЕИ

Здесь птицы и цветы вольны
Жить нараспашку.
Здесь нет и не было войны
Пока что.

Травы, всего огрызок с метр,
Кусты и тополь.
Здесь даже не ступала смерть
И враг не топал.

Здесь пули не вросли в кору,
Удар снаряда
Не разорвал волшебный круг –
Пришёлся рядом.

Пора без привкуса вины
Водить туристов
В места, где не было войны...
Рублей за триста.

ПЕРЕКЛИЧКА В 1943-м

Он сел за стол.
В журнале клякса...
А нет кого
На перекличке класса?

Девчонки парами,
Ну точно мышки.
А где за партами
Друзья-мальчишки?

Глаза от списка
Не видят, слепнут.
Девчонки близко,
Мальчишек нету.

Сбежали, плуты?
Всем замечания.
Ушли в минуты
Они молчания...

г. Кемерово

Михаил СВИЩЁВ

* * *

День Победы? Просто выходной.
Кремовые жёлтые розетки,
И отцовский отчим – неродной
Дедушка, который был разведчиком.

Дед Андрей – с медалью на ребре
(Может быть, скучал, а может, датенький)
На мобилизованном ковре
Битый час играл со мной в солдатики.

Строил танк из кубиков, ещё
Бормотал: «Ну точно под Калугою»,

Самодельный пушечный расчёт
Называл по-сказочьи «прислугою».

«Что, Михал Георгиевич, – восклицал
(Никогда не звал его по отчеству), –
Даже пластилиновым бойцам
Во военнопленные не хочется?..»

Тщётно звал из кухни нашу рать
Мамин голос, кашлем поцарапанный,
Павших в коробочки собирать,
А живых – к обеду поторапливать.

Он соринки стряхивал с колен:
«Руки умываем перво-наперво» –
На своём веку не бравший в плен
Только огнёмётчиков и снайперов.

* * *

Зябнут эшелоны на вокзале.
Что стрекочет в метре от земли?
«Карлсона» ещё не написали,
Вертолётчики не изобрели?

Победит «Динамо» в первой лиге,
Лигу Наций пустят под откос.
Пишет молодая Астрид Линдгрен:
«Русские бомбили Гельсингфорс».

САПЁР ФОМИН

...подай перст свой сюда...
Ин. 20:27

Календари на палец похудели
в конце весны, и сорван без стыда
большой войны последний день недели,
который называется среда.

Зелёный цвет обратно входит в моду –
пучком травы, брезентовым ведром,
и роженицы прячутся, и воды
отходят у берлинского метро.

И, налезая строчками на ставни,
кириллица, как рация, фонит
на штукатурке майского Рейхстага:
«Проверено. Бог есть. Сапёр Фомин».

* * *

Всё кончается – пуля
покинет висок
вместе с бурой трухой
под рукой следапыта,

*и уже через час
в отсыревший песок,
словно косточка вишни,
обратно зарыта.*

*Спи спокойно, товарищ,
в особом раю,
недотронутым щупами
и именами, –
на домашнем ТВ
в чёрно-белом строю
нас не встретят
с почётом забытые нами.*

*Но в шкатулках, среди
похоронок и смет,
как из свечки – искра,
как из рыбы – Иона,
в каждой пятой семье
твоя верная смерть
ковыряет иголкой
пенал медальона.*

г. Москва

Кира МАРЧЕНКОВА

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЛЕС

*Здесь почву не радуют всходы,
Не делает птица гнезда.
Здесь в давние-давние годы
Случилась большая беда.*

*В какой-то причудливой вязи
Сплетаются ветви, стволы,
Глубокие старые язвы,
Засохшие капли смолы.*

*Он вспомнится мне не однажды –
Под сводом лазурных небес,
Наполненный болью и жаждой,
Угрюмый, скривившийся лес.*

*Стекает по камешкам время,
Скрипит под ногами песок...
Я знаю, в чём тайна и бремя
Таких некрасивых лесов:*

*За долгие-долгие вёсны,
За дни многотрудной зимы
Корнями опутали сосны
Осколки ушедшей войны.*

г. Сельцо, Брянская область

Сергей ЧЕРНОПЯТОВ

* * *

*Посвящается
бабушке Елены Елистратовой*

*Эй, режиссёр, ты где? Работать надо:
Экрана жаждет новый «Батальон» –
О том, как получивших аттестаты
Девчоночек отправили на фронт,*

*Как обучить их время не хватило,
Переодеть на воинский манер,
Как, жутко грохоча, на них катила
Армада бронированных «пантер»!*

*О той войне, чудовищной и лютой,
Есть обелиски всем ли городам?
Откликнись же, художник или скульптор,
Ваятель диорам и панорам...*

*Пусть от фрагмента в жилах кровь
застынет,
Опешит пусть заезжий экскурсант,
Увидевший девчонку... в крепдешине,
Горячей смесью завалившей танк!*

* * *

*18 июля 1941 года
на станции Лычково
фашистами был взорван
эшелон с детьми.
Погибло больше 2000 малышей.*

*Об этом веками должны помнить мы –
Картину с вагонами, полных детьми.
Ах, друг машинист, как ты долго стоял!
На всех полустанках других пропуская.*

*Из нынешних дней, хоть кричи не кричи,
Деревню Лычково скорей проскочи!
Пора паровозу пары поддавать:
Летит душегуб ребятишек взрывать.*

*Кто выжил, картофельным полем бежал,
Мальчонку на бредущем «ас» догонял,
С улыбкой гашетку он жал не спеша,
Не жадничал пуль, изверг, на малыша.*

*Приходит пора камни нам собирать,
В Лычкове две тысячи душ вспоминать.
Скульптура там есть, ты иди и смотри:
Из бронзы ребёнка подбросивший взрыв.*

Увидишь – и в жилах кровь может застыть:
Игрушки из бронзы лежат у плиты.

г. Кемерово

Наталья КИЛОЧ

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Военных дней нетленные страницы,
В них затаилась память прошлых лет,
Читаешь – и взлетает тихо птицей
Истории малюсенький фрагмент.

«Здорово, батя, как дела на фронте?
Ты пишешь, был у вас тяжёлый бой.
Осталось мало вас, наверно, в роте?
А кот приبلудный – он-то как, живой?

За дом не бойся, всё держу в порядке.
Картошку мамке выдаю варить:
Нам по одной и две ещё для Надьки –
Так, чтоб весной хватило посадить.

Дед Вася снова в шахту попросился.
В Подгорном пробивают новый ствол.
А твой пиджак на мамке износился,
Латала ночью продранный подол.

Вчера у Надьки было день рожденья.
Из шторки мама сшила ей наряд.
А баба Нюра принесла варенье.
На чай пришли одиннадцать девчат.

Санёк Белов удрал на фронт – вернули.
Ссадили, говорят, с порожняка.
А бабка с дедом крепко Саньку вздули,
Но он опять рванёт, наверняка.

У Павловых вторая похоронка,
Тётъ Галя разом сделалась немой.
Вернулся с фронта Балаганин Борька:
Безногим привезли его домой.

Ты, батя, бей фашистов проклятущих,
Вернёшься – вместе срубим новый дом.
В реке наловим раков здоровущих
И голубей почтовых заведём.

Я раньше, помнишь, стать хотел пилотом,
На самолёте в облаках парить?
Теперь решил, что стану полеводом,
Хочу голодных хлебом накормить...»

Вернулся ли отец домой? Не знаю.
Да и писавший жив ли или нет?..
Но острой болью сердце мне пронзают
Чужие письма из военных лет.

г. Ленинск-Кузнецкий

Ирина СИДЕЛЬНИКОВА

* * *

Смотрит псина, мокрая, худая:
Пирожок свой отдала я ей.
И опять невольно вспоминаю
Корку хлеба бабушки моей...

Первый раз ударила собаку!
Нет, не с перепугу, не со зла.
От досады захотелось плакать:
Корку хлеба псина отняла!

Встретились голодных два оскала,
Взгляды обозлённые скрестив, –
Отступила псина, убежала,
В пыль сухую корку уронив.

Так бежать ещё не приходилось!
Только бы не съесть и добежать!
У девчонки сердце заходило:
Дома ждёт измученная мать

И лежит сестрёнка, угасая,
На простынке, как цветок в снегу,
Маленькая, добрая, смешная...
«Я бегу к вам, милые, бегу!»

Добежала, донесла, не съела!
Шаткие ступени, дверь, кровать...
«Прощаться с Любой не успела», –
Прошептала еле слышно мать.

Свет поплыл, кривясь и угасая,
И собака взвыла вдалеке.
Корка хлеба, грязная, сухая,
Хрустнула предательски в руке...

Смотрит псина, мокрая, худая:
Пирожок свой отдала я ей.
И опять я плачу, вспоминая
Корку хлеба бабушки моей.

с. Подгорное

Дмитрий ФИЛИППОВ

ХОЗЯИН ДОРОГИ¹

**Документальная повесть
о Михаиле Александровиче Нефёдове,
капитане I ранга, начальнике
военно-автомобильной дороги № 101**

Эх, Ладога, родная Ладога...

Дорога жизни.

Дорога смерти.

До сих пор она хранит свои тайны: затонувшие баржи с людьми, продуктами и боеприпасами, сбитые самолёты, ушедшие под лед полуторки... «В 1965 году группа аквалангистов в честь 20-летия Победы прошла по дну озера, по Дороге жизни. После прохождения маршрута они сообщили, что фактически шли по крышам автомобилей»².

Массовая эвакуация населения Ленинграда через Ладожское озеро началась ещё до начала блокады. Жителей города перевозили на баржах и катерах от Осиновца до Новой Ладоги. Но уже в сентябре стало понятно, что этот маршрут смертельно опасен. Во-первых, штормящая Ладога непредсказуема и коварна. Перегруженные людьми старые баржи в штормящем озере становятся неуправляемыми. Во-вторых, для немецкой авиации на открытой воде они являлись идеальными мишенями. Самая страшная трагедия произошла 17 сентября 1941 года, когда баржа № 752 затонула во время шторма, забрав на дно более семисот человек.

«Нашу баржу кидало из стороны в сторону. Буксирный трос, соединявший нас с “Орлом”, лопнул, и мы остались один на один с разъяренной стихией. Деревянная обшивка старой баржи разошлась, и в образовавшиеся щели начала поступать забортная вода. Вода заполняла трюмы, и баржа погружалась в озеро все глубже и глубже...

В довершение всего баржа треснула и разломилась. “Орел” все это время находился недалеко, однако из-за огромных волн не мог подойти, чтобы снять людей с разваливающейся баржи. Но мы не паниковали, а сопровождавшие нас командиры вели себя достойно, как и полагается настоящим морским офицерам. Хотя всем уже было ясно, что помо-

щи и спасения ждать неоткуда. Выяснилось, что на барже нет не только шлюпок или плотов, но даже спасательных кругов и поясов. Вообще ничего, что полагается иметь на судне, перевозящем людей. Выяснилось также, что нельзя было отправлять нас без всякого прикрытия с воздуха. Мы поняли это, когда над нами стали летать, обстреливая из пулеметов, немецкие самолёты. На палубе началась паника. Отчаянно кричали женщины, плакали дети. Среди выпускников медицинской академии раздалось выстрелы. У них были пистолеты, и некоторые, не выдержав, кончали самоубийством»³.

Были сделаны оргвыводы, 13 октября командующим Ладожской военной флотилией был назначен бывший командир 1-й бригады торпедных катеров капитан I ранга В. С. Чероков. Одним из первых его приказов было запрещение перевозок людей неуправляемыми баржами.

Но уже в сентябре 1941 года все понимали насущную необходимость живого коридора с Большой землей. 13 сентября датируется постановление Военного совета Ленинградского фронта «Об организации транспортной воздушной связи между Москвой и Ленинградом». Речь пока не шла о массовой перевозке людей воздушным транспортом. Коридор налаживали для доставки из Ленинграда в Москву грузов оборонного значения, а также ценных специалистов военной промышленности. В сентябре о голоде ещё никто всерьёз не думал, поэтому в Москву из Ленинграда отправляли в первую очередь людей – ценные кадры с семьями, а также продукцию ленинградских оборонных заводов: танковые пушки, авиаприборы, телеграфные и телефонные аппараты. В Ленинград с Большой земли поступали снаряды, патроны, взрывчатые вещества, стрелковое оружие, моторы, средства связи, оптические приборы и другая необходимая для армии продукция. Но уже в ноябре характер грузов резко изменился. «Самолёты стали доставлять в Ленинград в основном продовольствие. 9 ноября 1941 г. И. В. Сталин подписал специальное постановление, определявшее план перевозок продовольствия в Ленинград на пять дней. По плану в город ежедневно доставляли 200 тонн следующих продуктов: концентраты – каша пшенная и суп гороховый – 135 т; колбаса и свинина копченые – 20 т; сухое молоко, яичный порошок – 10 т; масло сливочное – 15 т; комбизир, сало топленое – 20 т»⁴.

Тем не менее, не умаляя важности авиационного сообщения с блокированным городом, все понимали, что воздушный путь снабжения может играть

¹ Из книги «Битва за Ленинград» / Дмитрий Филиппов. – М.: Молодая гвардия, 2020. – 424[8] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1853).

² 75 лет Дороге жизни... // ТАСС [электронный ресурс]. 22 ноября 2016. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3801036?partner=slwozon>; обращение 02.02.2020.

³ Дворкин С., Сегаль А. Трагедия на Ладоге // Нева. 2003. № 8.

⁴ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая земля. Л., 1975. С. 54.

лишь вспомогательную роль. При этом каждый транспортный самолёт необходимо было усиливать истребительной группой сопровождения. Решить проблему доставки грузов в Ленинград и обратно можно было только задействовав Ладогу.

В нашем представлении Дорога жизни – это путь по льду Ладожского озера, полуторки, груженные продуктами, стоят девушки-регулирующие, а вокруг бескрайняя ледяная пустыня. В реальности же Дорога жизни – это самый сложный логистический комплекс, включающий организацию водного пути в весенне-летний период, строительство причалов, обеспечение их охраны, складские помещения, инженерные сооружения, взаимодействие тыла и фронта, работа гидрометеорологических служб. Плюс к этому огромный отрезок военно-автомобильной дороги № 102 (ВАД-102), проходивший по южному фасу межозерья Ладоги и Онеги – это 300 километров по болотам и непроходимым лесам. Эта часть Дороги жизни, начинавшаяся от маленькой станции Заборье, зачастую оказывалась куда более тяжелой, чем ледяная трасса по Ладожскому озеру. Достаточно сказать, что первая колонна в количестве 20 автомобилей 389-го автобатальона прошла этот участок трассы только за две недели.

После того как 8 сентября немцы заняли Шлиссельбург, отрезав Ленинград от Большой земли, единственной артерией, питающей Ленинград, должна была стать южная часть Ладожского озера, находившаяся в непосредственной близости к противнику. В мирное время в серьезных перевозках по открытой воде не было необходимости, поскольку суда использовали более удобные приладожские каналы. Но теперь каналы были заняты немецкими войсками. На южном побережье Ладоги практически не было портов и причалов, ощущалась острая нехватка приспособленных для плавания на озере судов.

«Государственный Комитет Обороны уже 30 августа 1941 г. принял постановление [№ 604] “О транспортировке грузов для Ленинграда”. [В нем] наркоматам военно-морского и речного флотов предлагалось выделить 75 озерных барж грузоподъемностью по 1 тыс. т и 25 буксиров, обеспечив курсирование ежедневно по 12 барж от пристани Лодейное Поле до Ленинграда. Для перевозки горючего предлагалось выделить 1 танкер и 8 наливных барж. <...>

Вопрос о строительстве новых пристаней на озере возник ещё до потери Шлиссельбурга. 30 августа 1941 г. Государственный Комитет Обороны [в том же 604-м постановлении] предложил немедленно подготовить фронт разгрузки в районе железнодорожной станции Ладожское Озеро для направления сюда барж в случае необходимости. 1 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта приказал начальнику Управления пути Северо-Западно-

го бассейна Наркомречфлота Бородину произвести рекогносцировку возможных мест разгрузки озерных барж от мыса Осиновец до мыса Морьин Нос и составить технические проекты постройки причалов для приема 12 озерных барж ежедневно»⁵. Работы проводили специалисты Приладожского техучастка управления под руководством военного инженера В. К. Шурпицкого. Шурпицкий со своей группой в трехдневный срок выполнил рекогносцировку, составил проект постройки причалов для приема барж в бухтах Осиновец и Гольсмана. Южный берег Ладоги достаточно мелкий по сравнению с северным. Чтобы обеспечить судам подходы к причалам, во многих местах приходилось углублять дно. Работать приходилось и во время шторма, и при налетах немецкой авиации. И надо понимать, что в сентябре вода в Ладоге не просто холодная – она ледяная. Но, несмотря ни на что, к концу сентября 1941 года поставленная задача была выполнена. Центральным стал причал в Осиновце, так как в бухте Гольсмана даже после проведения дноуглубительных работ было невозможно разгружать более трех судов одновременно. В Осиновце это число достигало двенадцати. «Срок готовности гавани к приему одного судна был установлен 11 сентября, 5 судов – 18 сентября, 12 судов – 25 сентября 1941 г.»⁶.

В рекордные сроки бойцы строительных и саперных батальонов и ленинградские рабочие построили на западном берегу склады, пирсы, причалы, землянки. От основной железнодорожной магистрали к Осиновцу, гавани Гольсмана и бухте Морье протянулись узкоколейки. Из Ленинграда доставили подъемные краны, другое строительное оборудование, и к концу сентября ускоренными темпами возвели два причала в Осиновце, два причала в гавани Гольсмана и одну дамбу в бухте Морье с глубинами на подходах от 1,7 до 2,5 метра. Тот, кто хоть раз побывал на берегу Ладоги в этой части озера, знает, чего это стоило: можно на сто метров отойти от берега, а воды будет по пояс.

Отсутствие координации различных ведомств, служб и родов войск при организации перевозок порождало на первом этапе неразбериху и безответственность. Поэтому к 30 сентября 1941 года Военный совет фронта выстроил новую схему взаимодействия и подчинения. Уполномоченным по всем перевозкам был назначен генерал-майор А. М. Шилов, руководитель сложный и непростой. Запомним эту фамилию. Афанасий Митрофанович был заместителем начальника тыла Ленинградского фронта. Военный совет фронта наделил его широкими полномочиями: его распоряжения, касающиеся обеспе-

⁵ Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 59, 61.

⁶ Там же. С. 62.

чения перевозок, подлежали немедленному и беспрекословному выполнению всеми учреждениями и организациями. Ладожская флотилия выделила для обеспечения перевозок канонерские лодки «Селемджа», «Вира», «Нора», «Бурея», «Шексна»; транспорты «Совет», «Чапаев», «Вилсанди»; тральщики и буксиры № 126, 127, КП-19, «Норек», ТЩ-37, «Орел», «Связист»⁷.

Военный совет Ленинградского фронта подчинил порт Осиновец начальнику тыла фронта, но фактически – генерал-майору Шилову. Начальником порта был назначен капитан госбезопасности М. Г. Евграфов. Кадровый разведчик, впоследствии начальник ОКР Смерш 34-го стрелкового корпуса Юго-Западного фронта. Подобное назначение показывает важность и секретность осиновецкого порта. «Начальник порта Осиновец, имея в своем подчинении пристани Морье, Гольсмана и Осиновец, отвечал за прием, разгрузку и погрузку грузов, строительство, ремонт и поддержание в порядке гаваней, причалов, путей, складов, гидротехнических сооружений, аварийно-спасательную службу, охрану, конвойную службу, санитарную службу и ПВО»⁸.

А. М. Шилов управлял такой огромной машиной с помощью системы военно-морских комендатур в портах на станциях разгрузки. Также была создана должность инспектора по водным перевозкам.

Водная артерия начала свою работу.

Столь подробное вступление к описанию жизненного пути и деятельности Михаила Александровича Нефёдова, начальника ледового участка ВАД-101, необходимо, чтобы понять, чем была Дорога жизни для Ленинграда, как она создавалась. И только тогда подвиг одного человека, отвечавшего за перевозки и состояние ледовой трассы в зимний период, будет высвечен во всей своей объективности.

Постоянной угрозой была авиация противника, а также дальнобойная артиллерия. «Командование Ленинградского фронта с самого начала навигации на Ладожском озере принимало меры по защите водных перевозок. Однако в начале сентября 1941 г. в районе ст. Ладожское Озеро, Морье, Осиновец действовал только один зенитный артиллерийский дивизион, средств которого было недостаточно для надежного прикрытия перевалочных баз на западном берегу Шлиссельбургской губы. Поэтому Военный совет Ленинградского фронта [22 сентября] создает Осиновецкий бригадный район ПВО во главе с командующим генерал-майором артиллерии С. Е. Прохоровым»⁹. В его состав входило 7 зенитных артиллерийских дивизионов и 2 отдельные

зенитные железнодорожные батареи. С ноября 1941 года Ладожский бригадный район ПВО будет подчиняться непосредственно Военному совету фронта, а не командованию ПВО. Помимо зениток, водную трассу прикрывали авиационные группы Балтийского флота и 7-го истребительного авиакорпуса ПВО.

Несмотря на колоссальный объем проделанной работы, начальник тыла Ленинградского фронта генерал Феофан Николаевич Лагунов так охарактеризовал впоследствии создавшееся положение: «Настоящего объединения всех перечисленных организаций не было. Не было и единого руководящего оперативного органа, который бы возглавил перевозки и полностью отвечал за выполнение плана перевозок»¹⁰.

А теперь к герою нашего рассказа!

О довоенном жизненном пути Нефёдова известно крайне мало. Родился Михаил Александрович 8 ноября 1899 года в селе Капустин Яр Царевского уезда Астраханской губернии. Его военная карьера, как у многих из его поколения, началась после революции 1917 года. В рядах Красной армии он принял участие в Гражданской войне, во время которой, в 1918 году, вступил в РКП(б). Поскольку проявил себя Нефёдов по политической линии, в январе 1922 года его направили на усиление в Электроминную школу в Кронштадте политлектором. Так, возможно несколько неожиданно для себя, он оказался в рядах Рабоче-крестьянского Красного флота, но политрук будет служить там, куда его направит партия... С июля 1922 года Нефёдов служил сначала инструктором, а затем начальником агитпропотдела Политуправления Балтийского флота. В следующем году он стал комиссаром учебного отдела военно-морского училища. Возможно, и дальше делал бы карьеру по линии агитации и пропаганды, но в 1926 году его в составе делегации военных советников направили в Китай.

Китай того времени – это хаос, гражданская война, Северный поход Чан Кайши, борьба правительства гоминьдана с генералами Бэйянской группы, а впоследствии и с Коммунистической партией Китая. ещё в 1923-м правительство гоминьдана договорилось с Советской Россией о сотрудничестве. С этого года в Южный Китай начали приезжать советники из СССР, наиболее значительным из которых был представитель Коминтерна Михаил Бородин. Главная задача Коминтерна состояла в том, чтобы наладить сотрудничество между гоминьданом и Коммунистической партией Китая, в результате чего был создан Первый объединенный фронт двух партий. Вот в эту обстановку на юг Китая и был направлен Нефёдов. О деятельности его в Китае также мало известно, но

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 70.

¹⁰ Там же. С. 70.

вернулся он оттуда в январе 1928 года и сразу же стал помощником начальника 3-го отдела Учебно-строеного управления Управления Военно-морского флота (УВМС РККА).

В 1930 году его откомандировали на учебу на Курсы по усовершенствованию высшего начальствующего состава, которые он успешно окончил в следующем году, после чего в апреле 1931-го возглавил сначала 7-й сектор 1-го управления, а в октябре 1932-го – 3-й сектор 3-го управления УВМС. Затем Нефёдов учился на основном курсе Военно-морской академии РККА им. К. Е. Ворошилова и в 1935 году сдал выпускные экзамены. В конце 30-х годов он был назначен начальником 4-го отдела Разведывательного управления РККА. 4-й отдел – это военноморская разведка. Тогда же ему было присвоено звание капитана II ранга.

Столь яркий взлет, от агитатора до начальника военноморской разведки, безусловно, требует отдельного исследования. К сожалению, белых пятен в довоенной биографии Нефёдова предостаточно. Крайне сложно, например, объяснить тот факт, что с марта 1938-го по июнь 1939 года Нефёдов занимает должность заместителя начальника разведывательного отдела ВМФ, а затем следует резкое понижение: его назначают всего лишь старшим преподавателем кафедры тактики Высшего военноморского училища им. М. В. Фрунзе в Ленинграде. В чем причина такого падения? Клевета? Доносы? На сегодняшний день нам это неизвестно.

Но стоит отметить, что понижение было временное. Такими кадрами, как Нефёдов, не разбрасываются. Вскоре он поступил в распоряжение наркома ВМФ СССР и получил назначение начальником группы контроля при наркоме. Теперь он занимался инспектированием частей и военноморских учебных заведений, контролировал ход строительства военноморских объектов. Возможно, именно нарком Н. Г. Кузнецов и вывел его в тень, когда в армии и на флоте началась печально известная чистка кадров 1937–1939 годов.

Мы бы очень мало знали и о военном периоде биографии Нефёдова, если бы не записные книжки, которые он регулярно вел с 22 июня 1941 года. Нам открывается человек умный, твердый, жесткий руководитель, требовательный к самому себе, к своим подчиненным и к вышестоящему руководству. Не прощающий слабости и ошибок. Не боящийся критиковать различные решения и приказы командования. Но в то же время спокойный, выдержанный, не склонный к паникерству, горячо любящий свою Родину, преданный партии и делу Ленина, умный, тонко чувствующий, интеллигентный.

В день начала войны Нефёдов записывает в своем дневнике: «22.06.41 г. Страница перевернулась.

Ещё вчера планировали целый ряд мероприятий, в каждой семье, в каждом уголке мирно трудились. Все чувствовали войну, но думали, что она придет попозже. Сегодня все планы радикально изменились. Фашистские изверги вероломно напали на нашу Родину. Надо всеми средствами и силами защищать, иначе станем рабами этих оголтелых зверей. Мирные планы должны быть отложены. Суровый лик войны глянул в каждый дом, в каждое село, город, фабрику, и все должно быть подчинено этому суровому, но важному для нас делу защиты Родины – отечественной войне против этих мракобесов. Теперь мы должны исходить из одного плана – как можно скорее и победоноснее разгромить германских фашистов.

Вечером был у наркома. Завтра сдаю дела и уезжаю»¹¹.

На следующий день после начала войны Нефёдов отбыл к новому месту службы – в Ригу. Он был назначен начальником тыла Рижской военноморской базы. Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов лично проинструктировал Нефёдова перед отправкой, поручив ему, скорее всего, некоторые задачи разведывательного характера под прикрытием основной должности.

Прибыв на место службы, Михаил Александрович застал отнюдь не радостную картину. Полная неопределенность, отсутствие четких установок и приказов. Командование Рижской военноморской базы не стремилось проявлять инициативу. Немцы к тому времени приблизились к Либапе и теперь находились в 195 километрах по прямой от Риги. То есть практически вплотную подошли к базе.

«25.06.41 г. в 4 часа вступил в исполнение служебных обязанностей. Настроение у работников – поскорее эвакуироваться, а главное, эвакуировать жен и вывезти барахло. Надо было это преодолеть, но корень этих настроений не в рядовых рабочих, а в высшем звене.

Враг продвигается, вместо упорного сопротивления начался отход, который деморализующе действует на население. “Айсорги” и прочая сволочь поднимает голову, за это платимся. В городе постреливают из окон и с чердаков»¹².

Айсарги – это некий аналог современной национальной гвардии. Организация была создана в 1919 году для самообороны, но полномочия у этих отрядов были значительно больше, чем у обычных дружинников. Они совместно с полицией проводили обыски и аресты, патрулировали дороги, боролись с бандитами и мародерами. Не армия, не полиция, но при этом внушительное военизированное формиро-

¹¹ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

¹² Там же.

вание. Его распустили в июле 1940 года, когда советские войска вступили на территорию Латвии. Руководителей и видных членов организации айзсаргов депортировали.

Но выслать, конечно, успели не всех. А у каждого члена организации имелось личное оружие. Латвия, бывшая до войны преимущественно сельской страной с рассыпанными по всей территории хуторами, маленькими поселениями, стала благодатной почвой для возникновения партизанских очагов.

Военно-морская база в Риге была создана всего несколько дней назад. Приказ о создании Прибалтийской ВМБ был подписан наркомом ВМФ адмиралом Н. Г. Кузнецовым 21 июня, за день до начала войны. Теперь же она оказалась не в состоянии обеспечить базирование на ней кораблей передового отряда Балтийского флота и управление авиацией и береговой артиллерией. «В порту в моральном отношении начался перелом, люди стали думать не об отступлении, а об обороне и наступлении. Идет подготовка минного и артиллерийского боезапаса. Атмосферу удалось создать спокойную и работоспособную. Наехала масса контролирующих и проверяющих, все хотят получить информацию, охают, ахают и только мешают. Ночью вызывают в штаб. Обстановка усложнилась, будем отходить»¹³. Эту запись Нефёдов сделал через несколько дней после вступления в должность, 26 июня. Уже на следующий день части вермахта вышли к Западной Двине, а в 3.00 27 июня пришел приказ об эвакуации Рижской базы, которая должна была быть завершена к вечеру того же дня. В Риге началось антисоветское восстание, нарушилась связь со штабами Прибалтийского военного округа и 8-й армии. Не имея связи, командование базы неверно оценило обстановку и форсировало эвакуацию, вследствие чего часть грузов уничтожили на месте, часть оставили врагу. Но самое главное – не успели произвести минирование фарватера Рижского залива.

Нефёдов вспоминал: «В 18 часов приходит Чубуков. Приказано закончить эвакуацию. “Сколько у меня времени?” – спрашиваю его. “Приказано закончить эвакуацию. Свертываем”. На рейде Оленецкий учинил очередной бедлам. Разогнал и растащил все буксиры. Только неорганизованность и партизанщина, несогласованность отдельных начальников губит дело и усложняет обстановку. Посадил на транспорта всех. Пошел взрывать крепость и взорвал ее в 21 ч. Пересел после этого на транспорт “Веронич”, и пошли к Пярну»¹⁴.

Как и везде в первые месяцы войны, хаоса и неорганизованности хватало с излишком. «Ввиду от-

сутствия централизованного руководства эвакуацией переход кораблей был организован плохо. Особенно плохо было организовано охранение на переходе. Отряд легких сил имел в охранении четыре торпедных катера, а бригада подводных лодок – два тральщика и два торпедных катера. Не была организована служба оповещения. Так, например в 2.15 29 июня дозорный эсминец “Сердитый” обнаружил на подходе к южному входу в пролив Муху-Вяйн подводную лодку. Не зная о движении наших подводных лодок, командир дозорного корабля запросил об этом по радио командование, находившееся на крейсере “Киров”. Но адмирал сам не знал обстановки и ничего не мог ответить на запрос командира эсминца. С “Сердитого” открыли огонь. После двух выстрелов подводная лодка дала свои опознавательные сигналы – это была С-9. Огонь немедленно был прекращен, и лодка без повреждений пришла на рейд Куйвасту»¹⁵.

Из Пярну эскадра направилась в Виртсу. Нефёдов прекрасно видел все недостатки и сложности эвакуации, отметив нерешительность командующего Рижской ВМБ контр-адмирала П. А. Трайнина: «У нашего “золотого козырька” начинает проявляться воля к борьбе, он все ещё мямлит и не принимает определенных решений. Действительно, как правильна мысль, изложенная в уставе: “Лучше на что-нибудь решиться, чем не решаться ни на что”. Этой нерешительностью и обладает наш Трайнин»¹⁶. Контр-адмирал был арестован 28 июля 1941 года. Его обвинили в оставлении части имущества и в отсутствии управления во время эвакуации. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР его разжаловали и осудили на 10 лет лишения свободы. Но уже 11 сентября судимость была снята, Трайнина восстановили в звании и отправили на фронт.

В ситуации неразберихи Нефёдов не боялся принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность. Взрыв крепости в Риге и минного боезапаса базы он организовал на свой страх и риск, не дожидаясь приказа от Трайнина, и в ближайшее время подтвердилась правильность такого решения.

На оставлении Риги эвакуация не закончилась. То, в какой обстановке она проходила, какие решения принимались, хорошо иллюстрирует вот такой эпизод. «Время тянется медленно. Начали поджигать деревянные постройки. Поднялся дым и огонь, кое-где горит нефть. Рвутся бочки, к небу поднимаются клубы дыма с большими огненными языками сквозь дым. С моря доносится шум мотора. Идет

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Чернышев А. А. Балтийский флот в битве за Ленинград. 1941 г. М., 2014. URL: <https://www.rulit.me/books/baltiiskij-flot-v-bitve-za-leningrad-1941-g-read-355169-28.html>; обращение 02.02.2020.

¹⁶ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

торпедный катер. На пристань заходит командир дивизиона капитан I ранга (Кливенский), выражает свое неудовольствие, что зажгли здания, не дождав-шись противника. Сейчас же потушить и не жечь. До-ложил ему, что я выполняю приказ контр-адмирала, действую в духе указаний Сталина, прошу сообщить: отменяет ли он приказ контр-адмирала и прикажет ли ждать противника и лишь после того, как он по-дойдет, начать взрывы? Между прочим, армия уже взорвала телеграф и телефон и порвали связь с Тал-лином. Хорошо, доложу и сейчас же привезу новое распоряжение. Ушел. Поджоги прекратили. Через некоторое время приходит контр-адмирал. Почему задержали взрывы и поджоги? Ваш заместитель от-менил ваше приказание. Сейчас же жечь и рвать, я приказания не отменял, черт знает что такое. Так как наехало много начальства, то сразу же начался бес-порядок. До этого подбежал пограничник, который задает мне вопрос: а ему не попадет, что он уходит? Не знаю, мне неизвестна ваша задача. Ну, тогда я лучше не поеду. Полковник дал мне неопределен-ные, путанные задачи. Тогда выбирайте по самому опасному варианту. Хорошо, я не поеду»¹⁷.

Кто он, тот неизвестный пограничник, который не поддался панике и принял решение остаться и дожидаться врага? Выжил ли он? Или попал в плен? Вот из таких судеб, из таких людей и ковалась Победа.

Нефёдов прибыл в Таллин 14 июля. Обстановка, которую он там застал, обрадовала его ещё меньше. Неразбериха не прекращалась, а отдельные случаи нарушения дисциплины вызвали у него настоящее возмущение. В дневнике он записал: «18.00. В Тал-лине та же неопределенность. Пока неясно с органи-зацией тыла островного района, ясно одно – надо как можно скорее гнать топливо. Решили погубить ещё одно хорошее начинание: Трайнина назначили командующим Ладожской военной флотилией. Дело загубит и разложит! Тяжелое впечатление произво-дит обстановка в г. Таллине. Неясность, неопреде-ленность, нерешительность по-прежнему царит сре-ди так называемых адмиралов. Сколько мы их зря наплодили. Сегодня [задержали] одного подполков-ника, который напился пьяным, стрелял в крыс. При-кидывается больным. Какой-то кисель, трус, с ним далеко не уедешь, а таких сволочей, видимо, нема-ло. От этой мрази надо очиститься и пробудить волю к победе, к бою. Ворошилов должен это сделать. Пора, пора прекратить “спасать” корабли. Лучшее спасение для них – это победоносное сражение, и только сражение спасет боевые корабли от гибели и разложения. Но трайнины ли это сделают? Нет. Они

никогда этого не сделают, а своей натурой пропоя погубят важное дело»¹⁸.

После 19 июля Нефёдов с тыловыми частями вернулся в Рохукюлу, которую немцы так и не заняли. Сам Нефёдов не скрывал злости: «...Около 24.00 прибыли в Рохукюлу. Какое печальное зрелище. Ва-ляются обломки металла и обгоревшие головы. Сердце сжимается от злости, что так глупо из-за различных Трайниных получилось. Зря – из-за отсут-ствия связи, воли к сухопутной обороне, нежелания ее организовать – сожгли эту базу. Будь другой на-чальник, поручи это дело командования базой мне или (неразборчиво), мы до боя с противником ни за что не ушли бы. А теперь, к сожалению, получились одни развалины, на которых надо организовать ра-боту острова»¹⁹.

Тем не менее работу он организовал. «Устраива-емся на ночлег. Бойцов привожу в христианский вид. За время переездов с одного места на другое они превратились в цыганский табор, хотя и до переез-дов не представляли из себя воинской части»²⁰.

Задач много: наладить снабжение частей, уста-новить связь, подготовить оборону острова, органи-зовать регулярное сообщение с материком, добить-ся установки на острове средств ПВО. Тыловую базу надо было восстанавливать практически с нуля, при том что не было четкой определенности у командо-вания, иметь ли им постоянный тыл или рассредото-чить средства по островам. Впрочем, работы Нефё-дов не боялся. Боялся он только паники, безволия и бардака. Привыкший действовать четко и решительно, он принялся за дело.

Главную мысль, которую он извлек из опыта пер-вого месяца войны, Нефёдов сформулировал четко, не допуская ни на йоту сомнений в будущей Победе. А в июле 1941 года такие мысли дорогого стоили: «Нам нужен культурный, грамотный, исполнитель-ный, инициативный, волевой средний и старший ко-мандир. Сейчас война производит переоценку цен-ностей в людях. Выявляются подлинные характеры воинов, бабы и трусы отсекаются, армия приобрета-ет боевой опыт, и война вступает в свой критический период, когда мы от обороны перейдем к наступле-нию, и активному, победоносному наступлению. Так будет, и этого мы добьемся любой ценой и жертвой, добьемся!»²¹

В эстонском военном порту Рохукюла Нефёдов пробыл недолго. «Около 4 часов 5 июля контр-адмирал Трайнин получил от командующего флотом приказание немедленно приступить к вывозу на Саа-ремаа и Хийумаа всего имущества, которое может

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

быть использовано для усиления обороны островов. Все остальное, что не удастся вывезти, предписывалось уничтожить в последний момент, сообразуясь с обстановкой. Командир Прибалтийской базы, не имея связи с армейским командованием, решил отойти на острова. К 9 июля из Рохукюля было вывезено все имущество и снаряжение»²². Тыловые соединения, за которые отвечал Нефёдов, были размещены в Палдиски. Во время эвакуации по-прежнему было много неорганизованности, но уже начало появляться централизованное командование. «После оставления Рохукюля Прибалтийская военно-морская база решением Военного совета от 10 июля, просуществовав на новом месте всего 8 суток, была расформирована. <...> Вся ответственность за оборону Моонзундских островов и Рижского залива была возложена на коменданта БОБР (береговой обороны Балтийского района. – Ф. Д.) генерал-майора А. Б. Елисеева»²³. Впрочем, и ему Нефёдов дает нелестную характеристику: «Елисеев не понял ни организации, ни положения с тылом. Он отличается от других тем только, что больше шумит и командует, но в его шуме чувствуется не здоровая тревога за положение, а нотки смятения и растерянности. Не случайно поэтому сначала он заговорил о транспортах на случай отхода, а потом поправился, что он отсюда никуда не уйдет и даже собирается высадить десант на Виртсу, все это говорится главным образом для самоуспокоения»²⁴.

В данной ситуации сказалось многодневное напряжение, общая неразбериха и незнание Нефёдовым оперативной обстановки. На самом деле Елисеев уже получил приказ от Военного совета флота высадить десант и отбить у противника Виртсу, что и было сделано в ближайшее время.

В августе 1941 года Нефёдов организовал тыловое снабжение частей, базируясь на острове Сааремаа (Эзель). В начале сентября на него возложили обязанности председателя Комитета заготовок и прав использования материальных ресурсов острова. Если переводить на русский язык, то Нефёдову и его подчиненным надо было убедить крестьян добровольно сдавать мясо и продукты на нужды фронта. А мы понимаем, что на прибалтийских территориях этот процесс не мог пройти гладко по определению. Обстановка на фронте складывалась таким образом, что население и даже активисты не верили, что Сааремаа удастся отстоять. Было зафиксировано очень много случаев саботажа, крестьяне не хотели сдавать мясо. И Нефёдов лично начал объезжать окрестные села. Где разъяснением, где уговором, а

где и применяя силу поставки мяса удалось наладить.

«09.09.41 г. Поездил по селам. Саботаж среди крестьян преодолевается, нужна твердость и решительность действий. К вечеру уже поступило 85 голов и 60 баранов. Дело сдвинулось с мертвой точки. Будем солить и отправлять мясо по назначению. Надо обдумать поставки мяса без машин.

09.09–13.09 продолжаем заниматься заготовками. Местные власти упорно этому (скрыто) сопротивляются. Сопротивление преодолеваем. Скот поступает регулярно. Начались операции по отражению высадки десанта на Муху»²⁵.

В эти сентябрьские дни Нефёдов оказался в эпицентре трагической и несправедливо забытой обороны Моонзунда.

Моонзундский архипелаг состоит из трех крупных и множества мелких островков, общая протяженность с севера на юг составляет около 150 километров. В древности эти острова были прибежищем пиратов и лихих людей всевозможных мастей и оттенков. Их стратегическое расположение таково, что три больших острова позволяют надежно перекрыть морские выходы в Рижский и Финский заливы, полностью контролировать обстановку в центральной и восточной частях Балтийского моря. Поэтому бои за архипелаг разворачивались во время всех войн на Балтике. И после захвата немцами Таллина перво-степенной задачей для вермахта стало установление контроля над островами Хийумаа (Даго), Муху и Сааремаа.

Также необходимо добавить, что аэродром на острове Сааремаа был единственным, откуда в августе осуществлялись налеты советской авиации на Берлин. Этот факт сильно тревожил А. Гитлера и Г. Геринга, убежденных в превосходстве люфтваффе. Вскоре после первых налетов Гитлер потребовал от своих генералов и адмиралов: «Совместными усилиями соединений сухопутных войск, авиации и военно-морского флота ликвидировать военно-морские и военно-воздушные базы на островах Даго и Эзель, и в первую очередь аэродромы, с которых производятся налеты на Берлин».

Командующий 18-й немецкой армией Георг фон Кюхлер направил на архипелаг 61-ю и 217-ю пехотные дивизии при значительной поддержке авиации, флота, инженерных частей. Принимал участие в захвате Моонзунда и финский батальон.

К сентябрю немецкое командование сосредоточило на побережье группировку общей численностью до 50 тысяч человек и около 350 десантных плавсредств (против 23 тысяч советских солдат и моряков). Ее поддерживали бомбардировщики, три

²² Чернышев А. А. Указ. соч.

²³ Там же.

²⁴ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

²⁵ Там же.

легких крейсера («Лейпциг», «Кёльн», «Эмден») и флотилия миноносцев. 9 сентября начались бои за остров Муху. 14 сентября немцы высадили десант одновременно в южной и северной частях острова. Несмотря на упорное сопротивление наших войск, противник закрепился на острове Муху и в течение трех дней планомерно выдавил обороняющиеся советские войска. Гарнизон острова вынужден был отойти на Сааремаа.

Генерал Елисеев 17 сентября отдал Нефёдову приказ сосредоточить тыловые части на Цереле. Это южная оконечность полуострова Сырве, который вытянулся продолговатым отростком в южной части острова. Полуостров был удобен для обороны с суши: необходимо было только перекрыть небольшой перешеек в районе Салмэ. На Цереле в 1917 году русские моряки героически обороняли от немцев проход в Ирбенский пролив, не давая им проводить минное траление. Гарнизон батареи № 43 на мысе Цереле погиб тогда практически в полном составе. Спустя четверть века история сделала круг и вышла на новый виток.

Нефёдов в спешном порядке отправил на полуостров скот, продовольствие, боеприпасы, оружие, горючее – все то, без чего армия не может существовать. Впрочем, и здесь не обошлось без неразберихи.

«20.09.41 г. Отправка на полуостров идет ускоренным маршем. Послышался звонок с КП около 2 часов ночи – взрывать аэродром. Дали сигнал, через минуту звонок – отставить взрыв, и так продолжалось до вечера. Вечером перебазировались на полуостров. Наши части с боем отходили. 20.09 в 1.10 части упорно ведут бой, но как красноармейцы и солдаты деморализованы авиацией, она безнаказанно буквально издевается, бомбит наши войска»²⁶.

Рубеж на полуострове Сырве советские войска держали до 30 сентября. После чего были вынуждены эвакуироваться на остров Хийумаа. 3 октября катер с командованием покинул Сааремаа, перед этим Нефёдов отдал приказ уничтожить все, что не удалось вывезти буксирами и катерами.

О причинах поражения на Сааремаа и перспективах обороны Хийумаа Нефёдов высказывается беспощадно в своем дневнике. Главная мысль состояла в том, что нельзя было уходить из Таллина, напротив, следовало бросить все силы на оборону города. Тогда не потребовалось бы сейчас сражаться за острова. После объезда острова Даго – последнего плацдарма защитников Моонзунда – Нефёдов сделал неутешительный вывод: гарнизон не продержится и десяти суток.

Бои за остров Даго были кровавые, ожесточенные и отчаянные. Советские солдаты и моряки, оказавшись в кольце, сражались яростно. «Ярким примером могут служить действия береговой батареи № 44 под командованием старшего лейтенанта М. А. Катаева. Она оказалась окруженной вражеским десантом. Гитлеровцы многократно пытались ее атаковать, но каждый раз откатывались, неся большие потери. Бой в окружении продолжался целый день. Были израсходованы почти все снаряды. С наступлением темноты, взорвав орудия, личный состав батареи штыками и гранатами расчистил себе путь на север. В артиллерийском погребе, где находился остаток боеприпасов, добровольно остался сержант комсомолец Е. Ф. Попов. Когда гитлеровцы подошли к батарее, он закрыл за собой люк и взорвал погреб. Прорвавшиеся артиллеристы вышли в район полуострова Тахкуна, куда отходили наши части, и приняли участие в последующих боях. 13 октября было получено приказание командования эвакуировать личный состав гарнизона Хиумы на остров Ханко и остров Осмуссар. На другой день вечером началась эвакуация. До 22 октября успели вывезти 570 человек. Оставшаяся на острове часть гарнизона продолжала героически сражаться с врагом и должна была покинуть его на катерах, присланных из Ханко. Однако катера из Ханко так и не смогли прорваться»²⁷. Гарнизон острова практически полностью был уничтожен.

А генерал Елисеев был эвакуирован специальным самолётом в Кронштадт. Во всех известных источниках указывается, что генерал вылетел с Даго 20 октября 1941 года. Тем не менее из дневника Нефёдова следует, что эвакуация произошла 8 октября: «Генерал был настолько подавлен бесперспективностью борьбы, что военком островов Г. Зайцев радировал в Военный совет флота, предложив отозвать коменданта. За Елисеевым был прислан на Даго самолёт.

При гибели корабля командир покидает его последним. Это требование Корабельного устава прошло неизменным сквозь века. Дореволюционное русское офицерство твердо придерживалось его. Не только корабельное, но и сухопутное. Несомненно, был бы обречен на презрение начальник осажденного гарнизона, покинувший своих подчиненных»²⁸.

После эвакуации для Елисеева начинается череда понижений. Сначала он был назначен помощником командующего Балтийским флотом по береговой обороне и комендантом Кронштадтской военно-морской базы, затем через 10 дней – только

²⁶ Там же.

²⁷ Криницын Ф. Оборона Моонзундских островов в 1941 году // Военно-исторический журнал. 1966. № 9.

²⁸ Войскунский Е. Баллада о Финском заливе // Дружба народов. 2005. № 3.

комендантом Кронштадтской военно-морской базы. Через полгода в апреле 1942-го он становится начальником Научно-испытательного морского артиллерийского полигона, а в декабре того же года без объяснения причин снят с должности. 22 декабря 1942 года Елисеев застрелился из табельного оружия. Страх ареста в то время для многих был выше страха смерти.

Причина, по которой в октябре 1941-го генерал взял с собой начальника службы тыла, скорее всего, простая. Понимая, что в Ленинграде ему придется дать полный отчет об организации обороны, Елисеев нуждался в живом свидетеле, который мог бы подтвердить необходимость и своевременность тех или иных приказов. В этой связи Нефёдов подходил по всем статьям. Во-первых, его отсутствие на Даго не сыграло бы решающей роли в обороне острова. Во-вторых, руководить Нефёдову было практически нечем. Тыла на Моонзунде больше не существовало.

Нефёдов вылетел в осажденный Ленинград 8 октября. Началась новая страница его боевой биографии. О героической обороне и падении Даго он узнал уже из новостей, скупно поступающих в осажденный город.

Два месяца Нефёдов провел в Ленинграде, об истории его назначений за этот период нам ничего не известно. Он достаточно активно вел свои записки, но в них нет ни слова о планах и новой работе. Михаил Александрович с тревогой размышлял об усиливающейся милитаризации Японии, угрозах Советскому Союзу на восточном направлении, о наступлении немцев под Москвой. О нехватке продуктов в Ленинграде писал скупно, больше о немецких бомбежках.

В это же самое время подготовка к организации перевозок по льду Ладоги шла полным ходом. Достаточно сказать, что в период с 6 по 9 ноября было составлено пять (!) проектов постановления Военного совета Ленинградского фронта «О постройке ледяных дорог через Ладожское озеро». В каждом из проектов корректировалось направление движения транспорта по льду озера. Наконец 13 ноября был подписан приказ начальника тыла Ленинградского фронта «Об организации постройки ледяной дороги по водной трассе мыс Осиновец – маяк Кареджи».

Дорогу было решено делать шириной не менее 10 метров, с обязательными пунктами обогрева, медицинской помощи и питания по пути следования колонн автотранспорта. «К работе по устройству ледяной дороги, – говорилось в приказе, – приступить с 14 ноября с. г., производя усиление льда путем искусственного намораживания, с учетом окончания ее постройки одновременно с ледоставом». 19 ноября вышел приказ войскам Ленинградского фронта «Об организации автотракторной дороги через Ладож-

ское озеро». Строительство дороги было возложено на начальника Автодорожного отдела военинженера I ранга В. Г. Монахова, но непосредственно руководил постройкой военинженер III ранга Б. В. Якубовский, которому были подчинены 165-й строительный батальон, 88-й отдельный мостостроительный батальон, снегоуборочная техника.

Уже 16 ноября из Кобоны выехала первая пробная автоколонна из семи полуторок, груженных мукой. «Так как толщина льда не превышала 12–15 см, были приняты меры предосторожности. Машины шли уступом. Водители стояли на подножке и в случае опасности провала автомобиля под лед должны были покинуть машину. Отряд... проехал по льду от Кобоны 20 км. Но дальше пути не было – лед кончился, началась полынья. Отряду пришлось, выгрузив муку на лед, вернуться обратно»²⁹.

Необходимо было произвести доразведку ледовой трассы, и 17 ноября из деревни Коккорево в направлении Зеленцы – Кобона вышел в разведку отряд 88-го отдельного мостостроительного батальона численностью 30 человек. 18 ноября группа прибыла в Кобону, а на следующий день без происшествий вернулась обратно, ориентируясь на выставленные по ходу маршрута вешки. Уже 23 ноября первая автоколонна доставила в Ленинград 70 тонн муки. А на следующий день на основании приказа № 00172 вышло Постановление Военного совета Ленинградского фронта № 00419. Приведем его полностью:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Военного совета Ленинградского фронта № 00419
24 ноября 1941 г.

1. Для подвоза продовольствия, горючего и боеприпасов в Ленинград и эвакуации населения и имущества из Ленинграда построить к 30 ноября 1941 г. фронтную автомобильную дорогу на трассе: ст. Заборье, Серебрянская, Великий Двор, Лахта, Никульское, Шаньгово, Еремина Гора, Новинка, Ямское, Корпино, Новая Ладога, Кобона с общим грузооборотом в оба конца – 2000 тонн в сутки, с открытием на ст. Заборье перевалочной базы.

2. Строительство дороги возложить на комиссию Ленинградского обкома ВКП(б) (т. Воротов) со сроком окончания к 1 декабря 1941 г.

3. Начальником фронтной дороги назначить генерал-майора интендантской службы Шилова с подчинением его начальнику тыла Ленинградского фронта. Помощниками начальника дороги назначить: инженера I ранга Щепенникова – по железнодорожным перевозкам; инженера I ранга Кузьмина – по дорожно-комендантской службе; интенданта I ранга Харитонову – по интендантской службе. Штат управления дороги установить — 35 чел.

²⁹ Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 97.

4. Начальник дороги отвечает за состояние дороги, за движение транспорта и своевременную подачу грузов, за дорожно-комендантскую службу и за состояние автомобильного парка.

Начальнику дороги подчиняются: дорожно-эксплуатационные части; автобатальоны подвоза; перевалочная база (Заборье); питательно-обогревательный пункт; пункты санитарной помощи.

5. Председателю исполкома Ленинградского горсовета депутатов трудящихся т. Попкову:

а) к 25 ноября 1941 г. мобилизовать на период работы дороги из народного хозяйства города 500 автомашин разных марок и 100 автоцистерн (исправных) с водительским составом, передав их командиру 17-й отдельной автотранспортной бригады в эксплуатацию на дороге;

б) к 27 ноября 1941 г. выделить в распоряжение начальника дороги т. Шилова необходимый инвентарь и оборудование из расчета на 10 питательных пунктов с пропускной способностью в 4000 чел. каждый;

в) к 25 ноября 1941 г. выделить в распоряжение командира отдельной автотранспортной бригады единовременно 3000 комплектов резины для автопарка дороги.

6. Начальнику Авто-бронетанкового управления Ленинградского фронта полковнику Дементьеву к 26 ноября 1941 г. выделить из состава армейского транспорта Ленинградского фронта 1000 автомашин и 100 автоцистерн с водительским составом, передав их в распоряжение командира 17-й ОАТБ для работы на дороге.

7. Заместителю начальника штаба Ленинградского фронта генерал-майору Семашко к 27 ноября сформировать:

а) два дорожно-эксплуатационных полка и из выделенных исполкомом Ленгорсовета и начальником АБТУ фронта машин – 4 автомобильных батальона, из них 1 батальон для подвоза горючего, 2 – для подвоза продовольствия и 1 батальон для подвоза боеприпасов;

б) управление перевалочной базы.

8. Начальнику тыла Ленинградского фронта генерал-майору т. Лагунову:

а) к 27 ноября 1941 г. выделить в распоряжение начальника дороги лимит продовольствия для питательных пунктов с Череповецкой базы Ленфронта;

б) к 28 ноября 1941 г. организовать пункты медицинского обслуживания по трассе дороги за счет средств санитарного управления фронта, областного и городского здравоохранения.

9. Дорогу разбить на 4 дорожно-эксплуатационных участка в границах:

первый участок (Ефимовский район) – Заборье, Лахта;

второй участок (Капшинский район) – Лахта исключительно, Еремина Гора включительно;

третий участок (Пашский район) – Еремина Гора исключительно, Шаньгово включительно;

четвертый участок (Волховский район) – Шаньгово исключительно, Кобона включительно. Обязать председателей райисполкомов Ефимовского, Капшинского, Пашского и Волховского в пределах границ, через начальника дороги, поддерживать дорогу в проезжем состоянии.

10. Для поддержания дороги в проезжем состоянии обязать комиссию обкома ВКП(б) (т. Воротов) привлечь местное население в порядке трудгужпоинности по требованию и заявкам начальника дороги генерал-майора т. Шилова.

11. Обязать начальника Октябрьской ж. д. т. Колпакова к 1 декабря 1941 г. подготовить железнодорожный состав для перевозки эвакуированного населения со ст. Финляндская до Осиновца на 7000 чел. ежедневно.

12. Начальнику Управления связи Ленинградского фронта генерал-майору т. Ковалеву обеспечить связь управления автомобильной дороги со штабом фронта и линейную связь на протяжении трассы автомобильной дороги.

13. Просить Государственный Комитет Обороны Союза ССР:

а) санкционировать устройство зимней фронтовой автомобильной дороги на трассе ст. Заборье, Серебрянская, Великий Двор, Лахта, Никульское, Шаньгово, Еремина Гора, Новинка, Ямское, Корпино, Новая Ладога, Кобона с общим грузооборотом в оба конца 2000 тонн в сутки, с открытием на ст. Заборье перевалочной базы;

б) обязать т. Хрулева из центральной базы НКО для нужд фронта и народного хозяйства ежедневно отгружать с отправкой до ст. Череповец: муки – 840 т; крупы – 325 т; мяса – 210 т; жиров – 104 т; сахара – 164 т; фуража – 100 т; автобензина – 300 т, в том числе 150 т для нужд дороги; авиабензина – 75 т; керосина – 150 т и боеприпасов – 200 т по заявкам начальника артиллерии Ленфронта генерал-майора т. Дорофеева.

14. Установить временное местопребывание управления дороги – Новая Ладога.

Командующий войсками Ленинградского фронта генерал-лейтенант ХОЗИН

Члены Военного совета фронта

Секретарь ЦК ВКП(б) ЖДАНОВ

Дивизионный комиссар КУЗНЕЦОВ³⁰.

Из постановления мы видим, что продуманы были все мелочи. Эвакуация населения из блокадного Ленинграда предполагалась в количестве 7000 че-

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 33419. Д. 3. Л. 134–138.

люди ежедневно, что впоследствии и было осуществлено.

В этот же день, 24 ноября, в дневнике Нефёдова наряду с анализом ситуации на других фронтах появилось первое упоминание о дальнейшей деятельности: «24.11.41 г. Осатанелые гитлеровцы лезут, не считаясь ни с какими потерями, к Москве. Наши части отстаивают каждую пядь земли, а там победа за нами, мы сумеем создать резервные армии и бросить их против орд сволочей. В Ливии англичане бьют итали-германцев.

17.00. В Осиновец выехал на разведку трассы»³¹.

«Начальником дороги был назначен В. Г. Монахов, с оставлением в должности начальника Автодорожного отдела. Ему были подчинены перевалочные базы, весь работающий на трассе автотракторный парк, дорожно-комендантская служба (через командира 64-го ДЭП), ПВО, наземная охрана и оборона»³². При этом важно обратить внимание на четкое разделение обязанностей. Начальнику дороги подчинялись перевалочные базы на обоих берегах Ладоги, весь транспорт и силы охраны, но обеспечивал он только перевозки по льду. А вот за подвоз грузов к восточному берегу отвечал уполномоченный Военного совета фронта генерал А. М. Шилов. С 26 ноября 1941 г. приказом по тылу Ленинградского фронта ледовая дорога стала именоваться военно-автомобильной дорогой № 101 (ВАД-101). М. А. Нефёдов был назначен начальником ледового участка ВАД-101 7 декабря. Вероятно, назначение Монахова изначально было временной мерой: совмещать две должности, начальника Автодорожного отдела и начальника Дороги жизни, долгое время было невозможно. Кандидатура Нефёдова подходила идеально: бывший морской разведчик, имеющий опыт управления тыловыми частями, снабжения войск, организации перевозок в боевых условиях, он как никто другой мог справиться с поставленной задачей. А задача была одна: не дать умереть Ленинграду с голоду.

Девятнадцатого ноября было создано Управление ледовой дороги, которое занималось вопросами планирования перевозок, использования транспорта, работой перевалочных баз, организацией эвакуации перевозок, строительными и ремонтными работами, организацией пунктов питания и обогрева, охраной ледовой трассы и примыкающих грунтовых дорог.

Первый коннотранспортный обоз вышел из Кокорево 20 ноября. Он насчитывал 350 упряжек. Шли медленно, на 9-м километре путь перегородила широкая трещина, пришлось искать обходные пути. Колонна растянулась на несколько километров, места-

ми люди и лошади проваливались под неокрепший лед, но тем не менее 21 ноября обоз прибыл в Осиновец.

Несмотря на то что начальником ледового участка Дороги жизни Нефёдова назначили только 7 декабря, он уже в конце ноября понимал перспективы своей дальнейшей службы. Нефёдов выезжал на трассу, осматривал ее, делал свои замечания: не обвехованы отдельные опасные участки, мало регулировщиков, нет пунктов обогрева. Все тщательно фиксировалось и заносилось в записную книжку.

Первый рейс грузовых автомашин по ледовой дороге совершили автомобили 389-го отдельного автотранспортного батальона 17-й отдельной автотранспортной бригады. Десять машин 21 ноября благополучно прибыли из Осиновца в Кобону. Следующий рейс командир батальона В. А. Порчунов сформировал уже из 60 машин. Колонна благополучно добралась из Осиновца в Кобону, погрузила муку, и 23 ноября 70 тонн груза благополучно прибыло в Ленинград. Начало большого пути было положено.

О своем назначении Нефёдов писал в записных книжках: «6.12.41 г. Выскочило новое для меня предложение: взять управление Ладожской дороги на свои плечи. Меня осматривают, как невесту, со всех сторон. Боятся идти на решительный шаг, хотят назначить зам. начальника (Соловьева, Логунова). Мой ответ: либо отвечать мне за работу полностью, либо на эту работу не идти. Ушел домой. Решают и колеблются.

7.12.41 г. Вызвали снова на переговоры. Продержали до 12 часов. Решили назначить ответственным за дорогу»³³.

В начале декабря 1941-го ледовая дорога ВАД-101 ещё была самостоятельным участком. Но в тот же день, когда состоялось назначение Нефёдова, из Москвы пришла правительственная телеграмма за подписью заместителя председателя СНК СССР А. И. Микояна. В ней он предлагал создать Управление дороги во главе с начальником, отвечающим за погрузку, разгрузку и движение транспорта, которому должны быть подчинены начальники баз в Подборье – Заборье, в Новой Ладоге и в Осиновце и весь транспорт, то есть речь шла об объединении двух дорог – ВАД-101 и ВАД-102. Начальником объединенной дороги А. И. Микоян предложил поставить генерал-майора интендантской службы А. М. Шилова. У А. А. Жданова возражений по этому вопросу не возникло. Но, вероятно, возражения были у Нефёдова. И впоследствии отношения с Шиловым у него сложились достаточно напряженные. Приказ о назначении Нефёдова заместителем Шилова будет издан только 22 февраля 1942 года.

³¹ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

³² Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 101.

³³ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

Тем не менее Нефёдов уже 8 декабря выехал на трассу для первого знакомства с участком, людьми, сложностями и задачами. А трудностей на трассе хватало.

Во-первых, движение автотранспорта по льду, не запорошенному снегом, было крайне медленным, машины буксовали, поэтому шоферы в нарушение инструкций часто сворачивали в сторону, где снежный покров обеспечивал хоть какое-то сцепление с колесами. Но здесь подстерегала другая опасность: под снегом лед был тоньше, и машины проваливались.

Во-вторых, много трудностей создавали трещины. В начале декабря из-за резкого перепада температур верхнего и нижнего слоев льда образовывались трещины по всему маршруту следования. Если температура верхнего слоя доходила до 30 градусов мороза, то в нижних слоях, у самой воды, она равнялась нулю. Такие перепады приводили к вспучиванию и разрыву льда. Это были «температурные» трещины. Но были ещё трещины «мокрые». Они образовывались в результате колебания уровня воды, а также из-за длительного воздействия динамических нагрузок, передаваемых от шин автомобилей. Из-за веса полуторок такие «мокрые» щели расширялись до 8–10 сантиметров, становились сквозными, наполнялись ледяной водой, и дорога в этих местах становилась просто опасной. Вследствие этого уже 26 ноября 1941 г., то есть через 3 дня после начала работы ледовой дороги, движение автотранспорта пришлось перенести на новую трассу. За первый месяц работы дороги ее трассы менялись четыре раза, а отдельные участки ещё чаще: в районе банки Астречье – 6 раз, а на участке от о-вов Зеленцы до Кобоны – 12 раз³⁴.

Осложняли движение и постоянные трещины, которые образовывались вследствие движения воды и льда к северной части озера. Даже в самые суровые зимы Ладога не замерзает полностью, в центральной ее части остаются свободные ото льда пространства. И при сильном южном ветре огромные массы воды и льда смещаются на север со стороны Шлиссельбургской губы. Уровень воды в южной части озера понижается, что приводит к колебанию льда и образованию глубоких, незамерзающих трещин.

В первые же дни управления ледовой трассой Нефёдов столкнулся с трудностями. Машин много – бензина нет, и бензин не дают. По нескольку раз на дню звонил сам командующий фронтом генерал М. С. Хозин, орал, требовал начать транспортировку грузов и угрожал расстрелом. В такой обстановке только крепкие нервы кадрового разведчика позво-

лили Нефёдову не надеть глупостей и организовать движение автотранспорта.

К концу декабря ему удалось навести относительный порядок во вверенных частях. Действовать приходилось жестко, каких-то офицеров он отдал под трибунал, других снял с должности. В сухом остатке: управление налажено. В подчинении у Нефёдова находились 64-й дорожно-эксплуатационный полк, 57-й дорожный батальон, 2 роты регулировщиков, большая группа машин во главе с 17-й автомобильной бригадой, гужевой полк и 14-й восстановительный автобатальон.

В записной книжке Нефёдов сам себе ставил задачи: «Якубовский не ведет постоянного наблюдения за трассой. Прокладку новой трассы прогнал на след. день. Он должен знать все опасные места. Всю работу он должен суммировать, наблюдать за людьми. Наблюдение за состоянием дороги после проезда (надо иметь легковые машины). Иметь запасы вех для изменений трассы. Запасные трассы. Каждый участок на 3 км для прочистки трассы иметь свои два-три треугольника, закрепить коней и машины. Срубить торос, выделить 10 машин для посыпки трасс песком. Очистить все торосы. Заготовить мосты на льду»³⁵.

Вся трасса была поделена на участки, и основная нагрузка по ее содержанию, ремонту и обслуживанию легла на 64-й дорожно-эксплуатационный полк. В документах он проходит как 64-й ДЭП. Силы 64-го ДЭПа Нефёдов распределил следующим образом: 1-я и 3-я роты располагались в Коккорево и обслуживали трассу в районах Ириновского и Вагановского спусков и до 10-го километра ледового участка. 2-я путевая рота располагалась на островах Зеленцы и обслуживала трассу с 10-го по 20-й километр. 4-я рота была размещена в Кобоне и следила за трассой от 20-го километра до восточного берега озера. Каждой роте был придан взвод регулировщиков. Свой штаб Нефёдов разместил в Кобоне, но ночевал там редко. Целыми днями колесил по маршруту ледовой дороги, указывая на недостатки, ставя задачи по расчистке трассы. Записные книжки превращались в перечень задач. Больше нет размышлений о самой войне – отрывистые, рубленые предложения, много сокращений и пропущенных знаков препинания: «Давать подробный учет по лицевому счету поголовный осмотр саней машины. Люди должны быть на разгрузке, выгрузке. Сводка в 24.00. Бытовой порядок: красноармейцы довольствуются своим пайком, им разрешено по 50 гр. концентратов, 50 гр. водки, кто работает на льду и кому вытаскивать машины. Ввести премию, представлять на звание. С гражданскими лицами без разрешения ни-

³⁴ Непокоренный Ленинград. Л., 1970. С. 201.

³⁵ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

кого не выпускать. Прокуратура там. Сводки в 12 часов. Состояние дороги 24.00, сколько машин, коней, рабочих, сколько привезли, температура, состояние льда, налеты противника, результаты. Задание ПВО мы даем. График движения. Диспетчера. Посмотреть какие нужны теплые вещи. Машина должна работать круглосуточно»³⁶.

К 27 ноября количество регулировочных постов по маршрутам трассы было увеличено с 20 до 45. В задачи регулировщиков входил контроль за дистанцией между автомобилями, так как на гладком льду резкое торможение было фактически невозможным. Днем регулировщики обвеховывали трассу, ночью включали фонари. В случае обнаружения опасных мест они также должны были отводить трассу в сторону.

В связи с увеличивающимся количеством трещин возникла необходимость в специальных аварийных командах. Они также формировались из числа путевых рот 64-го ДЭПа. Их обязанностью было наведение мостов через трещины. «23.12.41 г. Начали делать настоящий большой мост. Появились большие трещины. Сейчас спрямляем дорогу, удивительно безынициативный народ, только когда стоишь над душой, добиваешься результатов. Поступление грузов увеличивается. Нужно делать несколько дорог, и делать очень срочно, иначе мы завалим важнейшее дело снабжения Ленинграда и его защитников»³⁷.

Недовольство Нефёдова вполне объяснимо, но преувеличивать возможности 64-го ДЭПа тоже не следует. Для примера: в первый период работы ледовой трассы козелками и вехами было обставлено 120 километров дороги. Для обслуживания подобных трасс одного полка, конечно же, было недостаточно. А если вспомнить, что полк состоял из четырех путевых рот (чуть больше батальона по штату мирного времени), то становится понятным, что силы и средства путейцев были весьма ограничены.

Немцы бомбили ледовую трассу регулярно, причем бомбили с умом, ровно поперек трассы длинной широкой линией, используя тяжелые бомбы, таким образом, чтобы максимально затруднить прокладку дороги в объезд разбомбленного участка. От таких бомбежек лед давал радиальные трещины, и зачастую приходилось прокладывать новую трассу.

В конце декабря в дневнике Нефёдова появилась долгожданная запись: «Вчера в Л-де увеличили норму. Это подняло огромный энтузиазм у населения. Грузоподъемность льда не более 6-7 тонн. Грузопотоки шли хорошо. Перевезли 1033 тонны, дадим ли завтра столько же, все зависит от транспорта, дорога пока не лимитирует нас. Все внимание уделить

дороге, надо, чтобы дорога нас не лимитировала»³⁸. «Лимитирование дороги» – это ее состояние, ее проходимость, трещины, торосы, это ее пропускная способность. И Нефёдов сделал все, что в его силах, чтобы поддержать дорогу в наилучшем состоянии, насколько это возможно в тех условиях.

Действительно, от погодных условий зависело очень многое. Во время буранов и метелей грузопоток резко сокращался. Приходилось ждать, пока погода наладится, потом тратить драгоценное время на расчистку трассы (где грейдерами, а где и вручную). Дорогу загромождали провалившиеся, но не ушедшие полностью под лед машины. Требовались дополнительные силы и средства, чтобы вытащить засевшие в полынях автомобили, пока они полностью не скрылись подо льдом.

«На льду озера, – вспоминал один из командиров 88-го ОМСБ А. Г. Торгашев, – были созданы небольшие станции (офицер и 2–3 солдата), которые тщательно следили за изменением ледовой обстановки, толщиной и прочностью льда, появлением трещин и т. п. Сведения, добываемые этими станциями, были очень нужны подразделениям, эксплуатировавшим трассу. Оперативно переданные станциями сигналы об обнаруженных воронках, трещинах, полынях и других дефектах льда спасли от аварий немало автомашин, спешивших с грузом к Ленинграду. Эти сигналы позволяли своевременно переключать движение на новые участки трассы, быстро доставлять к поврежденным пунктам ремонтные материалы, мостовые конструкции и ограждения»³⁹.

Все свое время Нефёдов отдавал службе. В быту он был неприветлив, обходился самым малым. Капитан I ранга С. Я. Прикот, начальник штаба ВАД-101 и по совместительству комендант Осиновецкого порта, вспоминал о Нефёдове: «Управление дороги ВАД-101 было в Кокорево, в избушке. Нефёдов там практически не был. Приезжал раз в неделю – поесть горячего. Ему там старуха готовила щи, и мылись у нее (в ее доме), во время тумана. Все личные вещи Нефёдова были в машине у Фокина (2 кителя – рабочий и более или менее терпимый). Кабинет находился в землянке в три наката. Наверху стояла армейская палатка под сосной, в которой он спал. Моя стояла чуть подальше.

Был скромным в быту: питался солдатской пищей. Фокин приносил в котелке, и мы вдвоем ели: Фокин, Нефёдов и я. С котелка, с кружки, с консервной банки.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ На Дороге жизни / Сост. П.Л. Богданов. Л., 1975. С. 309.

Скромность до наивности, никогда не повышал голос. Трудолюбие, всегда был в действии. Неприхотлив.

Внешность Нефёдова – немножко выше среднего роста, плотный, лысоват, чисто выбрит (независимо от бомбежек), одет всегда аккуратно по форме. В походе, на льду в валенках, полушубке.

У Нефёдова было ещё одно пристрастие: по гидрометеорологии. Вел дневники, собирал атласы.

Любил слушать песни на патефоне, арии из опер Римского-Корсакова. Когда слушал музыку, кричал: «Прикот, иди сюда, послушай музыку». Сидел в байковой рубашке, печка-чугунка горит, и пишет свои дневники. Отдыхал в ненастную погоду»⁴⁰.

С 1 января возобновились проблемы с горючим. «Началась новая лихорадка, вследствие глупой политики и боязни поставить вопрос на попа и прямо. Начали вертеться, Шилов почти ничего не сказал о горючем, и весь парк замер – дорога замерзла, машины становятся. Мороз крепкий, доходит до 37 градусов. План не выполняется, дорога идеальная, а машин нет. Положение с горючим снова стало очень острым. Парк стоит. Шилов горючего не добыл. Пришлось снова вмешаться. Звоню Логунову, ни приветов ни ответов. Снова звоню Соловьеву, он приказал Логунову выдать»⁴¹.

Николай Васильевич Соловьев – председатель Леноблисполкома – по прямому поручению А. А. Жданова отвечал за Дорогу жизни. В своих дневниках Нефёдов отмечал его как грамотного руководителя. Когда все средства исчерпаны – иди к Соловьеву, он решит вопрос своей властью. При этом следует отметить и возможности самого Нефёдова: у него была прямая телефонная связь с высшими должностными лицами Ленинграда. (В 1949 году Соловьева арестуют в рамках «Ленинградского дела». 27 октября 1950 года Военная коллегия Верховного суда СССР за участие в «контрреволюционной антипартийной группе врагов народа» приговорила его к смертной казни. В тот же день он был расстрелян.)

Несмотря на увеличение нормы выдачи хлеба, положение в Ленинграде к концу декабря стало особенно тяжелым. На 1 января 1942 года продовольственные запасы Ленинграда для снабжения населения составляли: муки – 980 т, крупы и макарон – 334 т, мяса и мясопродуктов – 624 т, масла животного – 16 т, масла растительного – 187 т, прочих

жиров – 102 т, сахара – 337 т⁴². Этого запаса городу хватило бы на двое-трое суток. Только в декабре 1941 года, по официальным данным, в Ленинграде умерло 53 000 человек. Это больше, чем за весь предыдущий год. Спасение было только в увеличении грузопроходимости Дороги жизни, а значит, в качестве самой ледовой трассы, во взаимодействии 17-й автомобильной бригады и 64-го ДЭПа, в слаженной работе тысяч людей и единиц транспорта.

Бензина по-прежнему не хватало. Это была основная причина, наряду с погодными факторами, тормозившая грузоперевозки. В донесении начальника политотдела бригады от 5 января 1942 года говорилось: «Частое отсутствие бензина не дает возможности батальонам высылать на трассу все ходовые машины. В результате вполне исправные машины вынуждены целыми днями простаивать в парках. Так, например, в 390-м ОАТБ 29 декабря 1941 г. и 1 января, 3 января 1942 г. из-за отсутствия бензина машины не выходили на трассу до 16 час. В 385-м ОАТБ 1 января 50 автомашин в течение дня простояли на трассе без бензина. По тем же причинам в 388-м ОАТБ 2 января 37 машин до 16 час. не вышли из парка на трассу, а 22 машины – до 18 час. Имеют место случаи простоя машин, перевозящих бензин из Тихвина в Кобону для заправки машин бригады. Так, 2 автоколонны 3-го батальона простояли в Тихвине в течение 28, 29 и 30 декабря в ожидании бензина»⁴³.

Управление трассой в таких условиях требовало железной воли и дисциплины. К тому же в первых числах января 1942 года резко испортилась погода. Каждый день метель, поземка, дорогу заносит. 4 января командование 17-й автомобильной бригады ввиду ухудшения погодных условий попросило прекратить движение по трассе. Нефёдов запретил. На лед вышли все, включая руководящий состав: проталкивали машины всеми силами и средствами, по трассе выставили прожектора, служащие маяком для шоферов.

«Приехал генерал Шилов, – пишет в дневнике Михаил Александрович, – и теперь практически узнает, что значит пурга на озере и что здесь не только в желании или нежелании чистить дорогу, а дело и в кое-каких других вещах. На грунте тоже большие заносы. Шилов просидел между Ленинградом и Кокорево в сугробах часа два»⁴⁴.

Несмотря на сильные морозы в начале января 1942 года, на Ладоге продолжал трещать лед. Обра-

⁴⁰ Начальник ледовой «Дороги жизни» 1941–1943 гг. Михаил Александрович Нефёдов // Подвиг Ленинграда бессмертен. СПб., 2004. URL: <http://www.llg-hist.narod.ru/nephedofpricot.htm>; обращение 3.02.2020.

⁴¹ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

⁴² 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. Л., 1966. С. 298.

⁴³ ЦА МО РФ. ВАД-102 ЛФ. Оп. 7769. Д. 9. Л. 18.

⁴⁴ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

зовались глубокие продольные и поперечные впадины, торосы. Нефёдов постоянно возвращался к причинам образования трещин, пытался систематизировать информацию, сделать некий аналитический срез и выявить закономерности. «Все же я думаю, что причины здесь разные в появлении трещин. Прежде всего, ветры и резкость уровня воды, потом уже резкость температур между верхним и нижним слоем льда, наконец, динамическая сила удара способствует расширению трещины и проламыванию льда. Сейчас лед очень толстый, толщина достигает 75 см, а лед ломается и трещит, и выходит как у Толстого, в одной из пьес герой говорит: “Черт его знает, формула верна, а газ взрывается”, так и мы должны были сказать: “Лед толстый, а ломается и проваливается”, тоже формула верна, а лед ломается»⁴⁵.

«Постановлением Военного совета от 4 января 1942 г. было предусмотрено с 5 января выпускать на линию как минимум 1500 автомашин (в условном полуторатонном исчислении), с 15 января – 1700 и с 1 февраля – 2000 автомашин»⁴⁶. Речь идет, конечно же, обо всех этапах перевозки, включая ВАД-102. Городу нужен был хлеб, а значит, необходимо было сделать все возможное и невозможное. 9 января 1942 года была запущена Лавровская ветка трассы (от островов Зеленцы до станции Лаврово), что позволило увеличить количество перевозимых грузов. Но трещины не давали выполнить план.

«У Букаева опять лопнула дорога, образовалась трещина, и пар валит. Мы имеем уж таких 8 точек, поистине нам приходится выполнять ...ую работу. Вчера я от Шилова потребовал предоставить мне следующее количество тракторов по дороге Коккореву – Кабона для 64-го ДЭП. 0–10 км – 4 тр. нати ЧТЗ – 4 тр. 10–20 км – 8 тр. нати и 4 тр. ЧТЗ, 20–30 км – 6 тр. нати и 4 тракт. ЧТЗ, ветка Лаврово (о. Зеленец – Лаврово) – 6 тракт. нати и 4 ЧТЗ. Кроме того, для 22 ДЭП на Лавровском участке надо 12 тр. нати и 6 ЧТЗ»⁴⁷. Совершенно очевидно, что без наличия тракторов и грейдеров ледовая дорога встала бы через несколько дней, поэтому недооценивать их роль в работе трассы не следует.

Погода и непредсказуемость льда – вот главные враги начальника ледовой трассы. Сохранился в архиве список провалившихся машин за один только день – 8 января 1942 года.

«СПИСОК ПРОВАЛИВШИХСЯ МАШИН

1. На 14 км провалилась ремлечка, судьба экипажа неизвестна.
2. На 15 км ЗИС-5 № 10-34, 446 АТБ, оба задних колеса провалились. На буксире вела ГАЗ-АА, провалилась передними колесами.
3. На 16 км ЗИС-5 № 68-01, цистерна с горючим, провалилась боком, 446 АТБ, шофер Марков.
4. На 17 км ГАЗ-АА с мукой провалился задними колесами.
5. ЗИС-5 № 22-46 на 17 км со снарядами провалилась одним боком.
6. На 17 км без № цистерна с горючим провалилась задние колеса, 446 АТБ.
7. На 15 км цистерна, шофер Михайлов, машина засела задними колесами.
8. ЗИС-5 цистерна без № 447 автобатонона, шофер Бедерин, провалились задние колеса на 20 км.
9. ЗИС-5 совсем ушла под лед на 20 км.
10. ЗИС-5 № 88-54, 47-й арт. полк, с боеприпасами, шофер Стрелков. Провалилась задними колесами по самый кузов.
11. ЯГ-6 № 47-72, автобат, шофер Дунаев, с боеприпасами, провалилась задними колесами на 21 км.
12. ЗИС-5 без №, 446 автобат, шофер Медев, с бензином, провалилась задними колесами на 21 км.
13. Трактор с грейдером на 24 км.
14. ГАЗ-АА № 23-43, водитель Соколов, 804 АТБ, провалился весь кузов на 23 км.
15. На 25 км ЛГ-5⁴⁸ № 49-55, 390 АТБ.
16. На 25 км 1 машина находится подо льдом. Начальник штаба – капитан Левашев 8.1.42»⁴⁹.

Лавровская ветка проработала несколько дней, после чего ее пришлось закрыть на ремонт из-за большого количества образовавшихся трещин. Тем не менее в начале января 1942 года наметился «неуклонный рост количества перевозимых грузов. Если 3 января 1942 г. части 17-й ОАТБр перевезли 805 т продовольствия, а 4 января – 864 т, то 6 января было перевезено 1410 т, а 7 января – 1418 т. Многие водители делали по два рейса в сутки»⁵⁰. Это, конечно же, давало дополнительную нагрузку на ледовую трассу, но Ленинград смог хотя бы судорожно вздохнуть, как глотает свежий воздух утопающий, на мгновение вырвавшись на поверхность. После взятия советскими войсками Тихвина расстояние от перевалочной базы Жихарево до Осиновца стало 44 километра, из них

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 136.

⁴⁷ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391. НАТИ (Научный автотракторный институт) – это СХТЗ-НАТИ (СТЗ-3), марка гусеничного трактора, выпускавшегося с 1937 по 1952 год на тракторостроительных заводах СССР; ЧТЗ – трактор Челябинского тракторного завода, скорее всего С-65 «Сталинец».

⁴⁸ ЛГ и ЛГ-5, скорее всего, опечатка; имелась в виду полторка ЯГ и ЯГ-5, выпущенная на Ярославском государственном автозаводе.

⁴⁹ Штаб ЛВФ. Переписка по ледовой дороге ЛВФ 1941–1942 гг. // ЦВМА. Ф. 505. Оп. 8. Д. 47. Кор. 376.

⁵⁰ Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 138.

половина по льду озера. Чтобы избежать заторов на дороге, трассу сделали кольцевой. Длина всего кольцевого рейса составляла 87 км. Была также построена вторая кольцевая дорога протяженностью 111 километров. Это упростило логистику перевозимых грузов, позволило увеличить грузопоток, но потребовало дополнительных усилий от ДЭПов, обслуживавших ледовый участок.

Нефёдов продолжал обслуживать свой участок и зачастую не владел всей полнотой оперативной обстановки. 12 января он записал в дневнике: «Шилов постепенно нас обдирает, на наиболее легкий участок он берет лучшие части, так взял 88 ОСБ, 71 ДЭП и понемножку отбирает другие части. И все же народ у нас боевой, и мы из положения выйдем. Люди работают упорно и настойчиво, воюют со стихией и побеждают ее. Сегодня утром облачно, мороз 22 градуса, надо ожидать днем метели. Это уже хуже всего»⁵¹.

Генерал Шилов отбирал части неспроста. И 88-й отдельный мостостроительный батальон, и 71-й дорожно-эксплуатационный полк, как и многие другие части, были брошены как раз на строительство двух кольцевых дорог. Работы велись в нечеловеческих условиях, на морозе, под свирепым зимним ветром. На отдельных участках приходилось валить лес и прокладывать дорогу по целине. Тем не менее 16 января кольцевые трассы заработали на полную мощность. Не останавливаясь на достигнутом, сразу после постройки двух кольцевых трасс Военный совет Ленинградского фронта предложил построить прямую железнодорожную ветку по плечу от станции Войбокало до окончания песчаной косы на восточном берегу Ладоги. Государственный Комитет Обороны дал добро на строительство и обязал Наркомат путей сообщения в месячный срок железную дорогу построить. Ввиду срочности строительство железнодорожной ветки пришлось вести без проектов и смет по облегченным техническим условиям для зимней эксплуатации. Для понимания масштабов следует сказать, что на строительство Москва отпустила 18 млн рублей. Наркомторг СССР должен был выделить продовольственные фонды на 20 тысяч человек. Вновь закипела работа.

А на ледовой трассе свой быт, свои проблемы.

«На дороге масса колдобин и выбоин, или, как их называют шоферы, вы...боны.

Их надо срезать, засыпать снегом, залить водой, и тогда это сровняется, дорога станет гладкой и удобной.

22 ДЭП начал работать лучше, расширяет дорогу и улучшает, надо срочно ставить знаки ограждения.

Можаев зазнался и хуже стал смотреть за дорогой. Надо не давать ему успокоиться, иначе дело засыпет.

Сегодня прекрасный день, перевезли продовольствия 2539,6 т + транзит 237,8 = 2777,4 тонны, других грузов 538,4 тонны, а всего 3315,8 тонны»⁵², – продолжал вести дневник Нефёдов.

Дни на ледовом участке идут своей чередой, один похож на другой, и при этом каждый новый день сродни лотерее: что-то принесет сегодня неমেц, погода, лед... Там особая жизнь, свои задачи, свой взгляд и свое видение ситуации. Нефёдов в дневниках то хвалит отдельные ДЭПы, то ругает их же на чем свет стоит. Каждый день приносит сюрпризы: новые трещины, бомбежки, выход из эксплуатации отдельных участков.

«21.1.42 г. Лед рвет. Дорога местами стала опасной для езды, приходится выключать целые куски дороги. И так каждый раз в течение трех дней после бури рвет лед и происходит незаметная, но вредная передвижка льда.

Фашистские мерзавцы с утра пораньше, в 8.00, начали обстрел трассы. Тов. Соловьев приказал проверить состояние охраны склада, где много хищений, и принять меры к устранению их. Идет мало машин, автомобилисты кивают на дорожников, дорожники на автомобилистов. На трассе развился бандитизм: ещё одного регулировщика сбили. Вся Лавровская ветка из-за трещин выведена из эксплуатации. На грузовой трассе провалилось 6 машин, две из них вытащили. Сукины сыны! Из 22 ДЭПа перевернули трактор. Судить мерзавцев! На 9-м км утонул один ЧТЗ. С 15 до 24 шел снег, потом стихло»⁵³.

Несмотря на то что к середине января 1942 года были построены две кольцевые дороги от станции Жихарево до Ленинграда и начато строительство железнодорожной ветки Войбокало – восточный берег Ладоги, по-прежнему сказывалась нехватка транспортных автомашин. Нефёдов отмечал, что машин мало, используются они зачастую нерационально, на износ, без должного ремонта и обслуживания. Также ощущается большой дефицит топлива. Но все равно грузопоток неуклонно рос.

Увеличение грузопотока сказывалось и на жизни города. «С 24 января 1942 г. ленинградцы стали получать по рабочей карточке 400 г хлеба в день, служащие – 300 г, дети и иждивенцы – 250 г. С 20 января была увеличена норма выдачи мяса в войсках. Для частей передовой линии она была доведена до 150 г, а для тыловых частей и учреждений – до 75 г в день. Калорийность суточного рациона полевого пайка

⁵¹ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

была повышена до 2830 калорий, а тылового пайка – до 1863 калорий»⁵⁴.

В конце января по ледовой дороге впервые прошли своим ходом тяжелые танки КВ. Начинается переброска целых частей вместе с артиллерией в войска Ленинградского фронта. Тогда же в дневнике Нефёдова появилась ещё одна короткая запись, очень точно характеризующая и то время, и написавшего эти строки человека: «Надо срочно спасти детей. Отдал приказание, несмотря на запрещение, на порожняке перебрасывать женщин и ребят. Так и будем делать!»⁵⁵

Так все и бывает в жизни.

Одна строчка.

Один приказ.

Сотни необорвавшихся судеб.

«5 февраля 1942 г. была закончена укладка главного пути на перегоне Войбокало – Лаврово, и вечером этого же дня на ст. Лаврово прибыл первый поезд с продовольствием для Ленинграда весом 1200 тонн»⁵⁶. Для приема грузов по новой железнодорожной ветке были построены три дополнительные станции: Лаврово, Кобона и Коса. От станции Коса до Осиновца была проложена новая ледовая трасса.

Отношения Нефёдова с вышестоящим начальством складывались непросто. С одной стороны, в армии всегда была жесткая вертикаль власти. Там, где заканчивается дисциплина, заканчивается и армия. С другой стороны, особенностью характера Нефёдова было резко нетерпимое отношение к непрофессионализму. Он терпеть не мог профанов и неучей, лентяев и разгильдяев. Когда это было в его власти – наказывал нещадно. Но когда встречал непрофессионализм со стороны высшего руководства, едко и не всегда справедливо расписывал это в своих дневниках. С генерал-майором интендантской службы Шиловым отношения у него складывались напряженно.

Вот несколько примеров.

Запись из дневника от 2 февраля: «В 5.00 звонок от Шилова. Были ли пробки? Да, были. Почему? Потому что шли части и создали эти пробки. Мы их рассосали. 500 тн. корова как языком слизнула, ответил Шилов. Потом добавил, что 22 ДЭП снимается и обслуживание трассы передается 64 ДЭПу. Хорошо, когда снимаешь? Утром. Силами 64 ДЭПа построить и новую дорогу.

Потом позвонил ему о механизмах и назвал его тов. Шилов. Кто вам дал право так называть меня? Я вам приказываю называть меня по званию. Почему вы не называете меня по званию и т. д.?

Хорошо, виноват, отныне этого не будет.

Ну и дурак, умный человек это сделает деликатно, а дурак грубо. Шилов неумный и очень недалекий человек. Ну что же, будет называться “генерал-майор инт[ендантской] службы”, но потребуем и к нам обращаться по званию. Устав одинаков для всех»⁵⁷.

И ещё из дневника: «28.01.42 г. звонит Каленицкий, он сообщает, что Шилов прислал Кузьмина проверить, действительно ли это так (не врем ли мы насчет трещин). Даже его ставленник должен был признать нашу правоту и дать заключение, что дорога грузовая опасна. “Генералы” Шилов и Логунов решили вместе с нами сделать совещание в Лаврово в 11 часов. Испугались, между тем трещина – явление для нас гибельное...»⁵⁸ Звание Шилова и Логунова Нефёдов закавычивает, подчеркивая ироничное отношение к ситуации.

Из приказа ВАД Ленфронта № 97 (дата не указана):

«1. С сего числа 64 ОДЭБ и 165 ОСБ во всех отношениях подчиняю себе.

2. Моим заместителям и начальникам отделов ВАД все распоряжения отдавать минуя начальника ледового участка – непосредственно командирам 64 ОДЭБ и 165 ОСБ.

3. Начальник ледового участка капитан 2 ранга т. Нефёдов является моим заместителем по ледовому участку с функциями контроля за исполнением моих приказов.

Нач-к ВАД Ленфронта генерал-майор Шилов»⁵⁹.

Интересен их обмен телеграммами 19 марта 1942 года. Шилов приказал Нефёдову во всех документах именовать себя начальником ледового участка ВАД ЛФ, а не начальником ВАД-101, прекратить издание самостоятельных приказов и сдать гербовую печать и угловой штамп ВАД-101 в секретную часть военной автомобильной дороги Ленинградского фронта. Требование Шилова понятно: ему нужен заместитель, а не самостоятельный начальник, который вроде бы подчиняется ему, а вроде бы и нет. И эта неопределенность генерала Шилова раздражала.

Нефёдов незамедлительно ответил, что распоряжением Военного совета Ленфронта и начальника тыла Ленфронта от 7 декабря 1941 года № 0712 он назначен начальником ледовой дороги ВАД-101 и другого распоряжения Военного совета по этому вопросу не имеет. По всем уставам Нефёдов имел право издавать собственные приказы, тем более что начальник тыла Ленфронта по-прежнему продолжает именовать ледовый участок – ВАД-101. Тем не менее

⁵⁴ Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 169.

⁵⁵ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

⁵⁶ Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 143.

⁵⁷ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 47. Кор. 376. Л. 16.

печать и угловой штамп он отослал с писарем в секретную часть ВАД ЛФ. И до открытого конфликта не дошло. Все понимали, что делают одно дело. При этом Нефёдов отвечал только за ледовый участок, а генерал Шилов за всю военно-автомобильную дорогу ВАД-102, являясь при этом заместителем начальника тыла Ленинградского фронта. Дополнительно он исполнял обязанности уполномоченного Военного совета фронта, отвечая за обеспечение подвоза в осажденный Ленинград продовольствия и других материально-технических средств. Ответственность двух руководителей несопоставима.

С увеличением объемов доставки грузов к западному берегу Ладоги возникла новая проблема. Теперь уже Ириновская железнодорожная ветка перестала справляться с количеством грузов, которые перевозились по льду Ладожского озера. Возникла необходимость строительства дороги от станции Ладожское Озеро до осажденного города. Военный совет Ленинградского фронта 7 февраля дал приказ начальнику тыла фронта генералу Ф. Н. Лагунову в кратчайшие сроки построить грунтовку от Ленинграда до Вагановского спуска и передать ее в ведение начальника ВАД генерала А. М. Шилова.

Впервые за несколько месяцев Нефёдов приехал в Ленинград 14 февраля, по служебной надобности. Город произвел на него гнетущее впечатление, которое вдвойне усиливалось грузом ответственности за подвоз продовольствия. Каждая недопоставленная тонна груза – это десятки человеческих жизней. В ту поездку Нефёдов понял это ясно и отчетливо. «15.02.42 г. Город медленно умирает, надо его радикально вытаскивать из этого положения – разгромить врага и разорвать блокаду (нет воды, света, топлива, полно сугробов), много гробов по улицам. Да, тяжёлая и грустная картина. Да, надо как можно скорее выбить врага из занятых им укрепленных пунктов»⁶⁰.

После того как новая железнодорожная ветка была построена вплотную к восточному берегу Ладоги, сократилось движение автотранспорта от станций Жихарево и Войбокало. Все движение было практически сосредоточено на ледовом участке, поэтому от состояния ледовой трассы зависело все. Не умаляя значения других участков ВАД, можно сказать, что ледовая дорога воистину стала Дорогой жизни. Соответственно, причалы на маяке Осиновец уже не обладали необходимой грузопропускной способностью. В конце февраля Нефёдов получил приказ построить новую дорогу на мыс Гольцмана.

«Позвонил т. Соловьеву, что дорогу на м. Гольцмана к исходу дня 26.02 сделаем, но сделаем ее в одну полосу.

26.02.42 г. Идет строительство дороги. Уже сделано 4,5 км. Много торосов. Но какие-то безынициативные наши командиры... И все же дорогу сделаем, но очень много торосов, они мешают ходу машин. Надо будет кирковать лед и сбивать торосы»⁶¹.

В целом в феврале 1942 года ледовая трасса функционировала как автомобильная магистраль. Были построены отдельные дороги для гужевого, тракторного, автомобильного транспорта. Даже для пешеходов была проторена отдельная дорога. Скорость движения полуторок составляла 35–40 км/ч, в ясные и бесснежные дни доходила до 60 км/ч. Все это было обеспечено ежедневным и ежечасным титаническим трудом дорожных служб.

Нефёдов и все строительные команды, переданные ему в подчинение, знали трассу полностью и досконально. Выделялись опасные участки. Так, много трещин и торосов образовывалось на знаменитом 9-м километре. 5-й и 11-й километры подвергались наиболее плотному огню вражеской артиллерии. Для борьбы с разрушениями ледовых трасс, нанесенными противником, в период с 5 января по 25 марта дорожниками 64-го ОДЭПа было построено 160 километров объездов и новых дорог и сделано 60 погонных метров новых мостов⁶².

В начале марта Нефёдов снова ругал в дневниках генерала Шилова, за то что тот снимал подразделения и перебрасывал их на другие участки, а чистить ледовую трассу практически некому, но мы помним, что с 1 по 8 марта 1942 года все силы были брошены на строительство и расчистку грунтовой дороги от Ваганова до Ленинграда.

В марте для Нефёдова наступает самый напряженный этап. Наряду с метелями и пургой начинается весенняя передвижка, ломка, таяние льда.

Вместе с возросшей перевозкой грузов увеличился и поток эвакуируемых из Ленинграда жителей. Если в январе 1942 года через Ладогу было перевезено немногим более 11 тыс. человек, то в феврале – уже около 117,5 тыс., а в марте – около 222 тыс. человек⁶³.

В конце марта наступил один из самых трудных и героических этапов работы Дороги жизни – борьба за продление ее работы на максимально возможный срок. С 23 марта 1942 года началось потепление. Нефёдов записал в дневнике: «23.03.42 г. Началось потепление. Грузов мало, очень мало. Противник тоже помалкивает. Надо готовиться к возможным огневым налетам. Температура все повышается и повышается. Думаю, что проехать до 15-го, как многие хотели бы, не удастся. Надо рассчитывать на

⁶¹ Там же.

⁶² ЦА МО РФ. Ф. 217. Оп. 1289. Д. 13. Л. 19.

⁶³ Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. Л., 1985. С. 247.

⁶⁰ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

10.04 и не больше. До 1.04 должны быть закончены все приготовления к весне.

24.03.42 г. Температура повышается, продолжается таяние снега. Вот тебе и 40 утренников старого деда. Мостки перевозят, но очень медленно. Хлам почти не собирают, и все потому, что впутываются разные черноруки и лезут в части через голову. 15.10. Прошло 16 аэросаней. Говорят, что 16.03 утонул один КВ.

25.03.42 г. Температура продолжает повышаться. Дороги выходят из строя. Циклон захватил наш район и нарушил планы. Вечером в 18.00 началось торошение на 9-м км. Чертова трещина дает себя знать, и дает знать очень скверно. Все мосты поломало. Построили новые мосты. На дорогах лужи»⁶⁴.

Скорость машин была ограничена до 30 км/ч, а в отдельных местах до 15 км/ч. Доклады о состоянии дороги командиры 22-го и 64-го ДЭПов готовили два раза в сутки, был запрещен обгон на трассе, интервал между машинами увеличили до 80 метров. Категорически запрещено было одновременное движение двух и более машин на подъемах и спусках. Для наблюдения за состоянием ледовых путей и оказания помощи транспорту, для буксировки застрявших и эвакуации оказавшихся в аварийном состоянии машин на каждом линейном участке вводилась аварийно-патрульная служба (одна грузовая машина и команда в составе 7–9 бойцов) и выделялся дежурный трактор НАТИ.

Еще 10 марта генерал Шилов издал приказ по ВАД № 057, в котором всю ответственность за обеспечение зимнего и весеннего содержания дорог на ледовом участке и обеспечение по ним нормального бесперебойного движения возложил на Нефёдова, при этом 64-й и 22-й ДЭПы, а также 136-й ОМСБ подчинил ему лично с «безоговорочным выполнением его приказаний в отношении содержания ледовых трасс».

Когда Нефёдов 31 марта прибыл по вызову начальства в Ленинград, он отметил в своих дневниках, что город оживает, освобождается от голодного зимнего морока: «Ленинград понемногу стал преобразаться, жители очищают его от грязи, снега. Город-великомученик, город-герой отстоял себя. Жителей надо питать и питать, они очень ослабели. Лучшая помощь городу – это активное наступление и скорейший прорыв блокады. Погода хорошая»⁶⁵.

«4 апреля 1942 г. начальник военно-автомобильной дороги издал приказ, в котором говорилось, что задачей всего личного состава дороги является использование льда до последней возможности»⁶⁶. Но

уже после 6 апреля эксплуатировать дорогу становилось все труднее и труднее. Вода разливалась по всем дорогам, прокладка новых трасс уже не могла спасти положения. Разрушающаяся структура льда требовала немедленного снятия с участков тракторов и тяжелых грейдеров: хрупкий покров просто не выдерживал тяжелую гусеничную технику. А это значит, что расчищать торосы приходилось фактически вручную. 9 апреля Нефёдов во время контрольного объезда попробовал уйти с трассы, свернуть на снег, но и там воды оказывается столько же, как и на дороге. Перед Хозяином дороги, как его за глаза называли подчиненные, замаячила перспектива массового провала машин под лед. Шилов требовал продолжить расчистку дорог, но Нефёдов, вопреки его приказу, снял тяжелую технику с озера. Для расчистки луж трактора бесполезны. «10.04.42 г. Воды много, но лед прочный, движется теплая погода. Генерал боится воды и очень нервничает, ему хочется получить нашу санкцию на снятие машин. Не даем, ругается. Машины идут по нашим каналам Венеции, как буксиры. Отдал приказ буксируемые машины на лед не пускать»⁶⁷.

Через два дня, 11 апреля, состояние ледовых трасс стало ещё хуже. Заместитель Нефёдова А. И. Кальницкий этим же вечером докладывал начальнику ВАД-102 А. М. Шилову: «Слои воды на льду от 5 до 12 см, на подходах к трещине — до 25 см. На Лавровской ветке воды значительно больше — до 30 см... От действия поверхностной воды лед на 8–12 см имеет игольчатую структуру, общее уменьшение толщины льда до 15 см... Во второй половине дня имелось 4 провала автомашин... Жертв и потерь не было. Все автомашины подняты и отправлены по назначению»⁶⁸. Учитывая состояние льда, руководство тыла Ленинградского фронта принимает решение прекратить перевозку грузов и эвакуацию населения с 24 часов 12 апреля 1942 года, а до 14 апреля снять со льда все имущество. А дальше история приобретает практически детективный оборот.

За день до этого приказа Нефёдов присутствовал при разговоре, в котором решалась судьба ледовой трассы. В нем участвовали генералы Шилов, Лагунов, полковник Монахов.

«На Борисовой Гриве встреча двух генералов. О чем говорили, неизвестно. Только приказали мне, так как я их не видел, явиться вслед за ними в Кабона. Лед хороший, только есть талая, поверхностная вода. Как только въехал на грунт, так и увяз. От Кабона до Низова, где помещается генерал Шилов, можно ходить только пешком, и то в резиновых сапогах.

⁶⁴ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 182.

⁶⁷ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

⁶⁸ ЦВМА. Ф. 13. Д. 6309. Л. 41. Цит. по: Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 182.

На квартире у Шилова – Лагунов и Монахов. Они уже предрешили закрытие дороги. Я доложил им ледовую обстановку и предложил ездить до конца, до 15-го же мы безусловно проездим полногрузно, а затем будем постепенно снимать машины и уменьшать нагрузку на них. Лагунов считает, что надо машины снимать все сразу, так как лед будет ломаться не постепенно, а сразу. Надо кончать. Если вы считаете, что мы уже обросли жирком и лишняя тысяча нам не играет роли. Да, но осенью мы каждым десяти тоннам были рады. Мне кажется, что надо рисковать и здесь. Лишняя тысяча тонн не мешает. Нет, это уже роли никакой не играет. Иоселев (главный ветродуй), видя, откуда дует ветер, сейчас же переориентировался и начал “подводить погоду” на необходимость закрытия дороги. Вечером началась писанина приказа»⁶⁹.

Скорее всего, перед закрытием ледовой трассы Лагунову и Шилову было желательно заручиться согласием Нефёдова. Но Михаил Александрович такого согласия не дал. Мотивы Лагунова понятны: его первостепенная задача – сохранить в целостности транспорт. Если машины массово пойдут ко дну – спросят с него, с начальника тыла фронта. Нефёдов же понимает, что каждая тысяча тонн груза – это десятки тысяч спасенных жизней. Лишний день работы ледовой трассы – это живые судьбы, это ленинградцы, это женщины, дети и старики, солдаты и матросы. Тем не менее все остаются при своем мнении. Лагунов готовит приказ. А дальше происходит следующее.

Утром 12 апреля на трассу приезжает член Военного совета фронта Соловьев, устроив Шилову и Лагунову настоящий разнос. Даже формулировка слово в слово: неужели вы так обросли жирком, что лишняя тысяча тонн для вас не играет никакой роли? Может быть, вам не дороги интересы Ленинграда? «Дорога работает, – сообщал Соловьев А. А. Жданову 12 апреля, – и будет работать, по-моему, до 20 апреля. Прекращение работы дороги может быть решено по обстановке, когда проезд с грузом невозможен. Вчера вечером и сегодня утром лично проезжал по Ладожскому озеру, никаких опасностей в работе дороги по льду не нахожу. Вчера ехал 2 часа, сегодня – 1,5 часа»⁷⁰.

Безусловно, Соловьев приехал не просто так. Учитывая, что в предыдущих дневниковых записях Нефёдов периодически упоминал о имеющейся у него возможности в отдельных случаях звонить Соловьеву напрямую, минуя тыл фронта, всех генералов и начальников, можно сделать вывод, что и 11 апреля он позвонил Соловьеву и доложил о гото-

вящемся приказе. Результаты не заставили себя ждать. В докладе Жданову Соловьев четко говорит о 20 апреля. Эта дата тоже не могла возникнуть из головы, предварительно он обязан был посоветоваться с Нефёдовым, как с самым компетентным в этом вопросе человеком.

«12.04.42 г. Вам не дороги интересы Ленинграда! (С-в) Кто будет отвечать за потопленные машины? (Ш-в) Я буду отвечать, говорит Соловьев, я дам вам расписку, и тут же берет бумагу и пишет распоряжение, что делать. Я хочу сделать одно добавление, говорит Лагунов, что мероприятие с военной точки зрения неграмотно. Идите вы знаете куда с таким заявлением... Я неграмотный, но интересов Ленинграда не продаю. По-вашему, так полковник Н-дов неграмотен? Неграмотен я, неграмотен, так что же, одни генералы грамотны. Делайте так-то, а не закрывайте дорогу. До этого как раз Лагунов бросил замечание, что Лапшин и Н-в безответственны, они за транспорт не отвечают. Ни полковник Лапшин, ни я на дороге не являемся посторонними зрителями (Н-в). Мы этот вопрос затрагивать здесь не будем. Поедьте на дорогу, т. Нефёдов, везите нас. Повел их по дороге на Лаврово. Машина С-ва идет хорошо, а те устали, несколько раз вылазили и все думали, когда эта чертова дорога кончится, и когда эти беспокойные люди перестанут нам портить настроение. Мы портим настроение, зато возим Ленинграду.

Итог: 1. Отменено приказание не возить ночью. 2. Продолжать возить, пока не кончится лед. 3. Заставить Прозорова не снимать пулеметов»⁷¹.

И Дорога жизни продолжила свою работу. Тысячи тонн продуктов были доставлены в Ленинград за оставшуюся неделю.

О последней неделе работы ледовой трассы лучше всего расскажут записные книжки Нефёдова и выписки из приказов. Продолжались обстрелы немецкой артиллерии, налеты «мессершмитов», которые Нефёдов иначе как «стервятники» не называл. Портилась дорога, все чаще машины проваливались под лед. Но трасса жила и по ней шли в Ленинград драгоценные грузы.

«14.04.42 г. Придется Иоселеву брить бороду – будем ездить дольше, чем он предсказывал. В 8.50 два М-109 обстреливали 9-й км дороги. Дорога на косу очень скверная, много колдобин. Тов. Соловьев говорит, здорово ты их подковырнул. Я не собирался их отковыривать, они сами себя сковырнули. Вчера, когда я сказал Лагунову, что мне нужен мостовой батальон для постройки моста с берега на лед, он ответил, бросьте мне сказки рассказывать, ваши арабские сказки, довольно мне их. Вы хотите ездить до 1 июня. До первого не до первого, а как лед позво-

⁶⁹ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

⁷⁰ Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 183.

⁷¹ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

лит. Ночью был мороз, это нам на руку – Дед Мороз за нас, большевиков.

15.04.42 г. Солнце, ветер и мороз работают на нас. Дорога живет и крепко держится. Если мы продержимся на льду ещё дней пять – семь, это лишние 14 тыс. тонн. Нужна только изобретательность и желание. Фриц и стреляет и бомбит (обстреливает из пулеметов). Шилов решил отыгаться на Кальницком, он назвал его брехуном и пригрозил, что я до вас доберусь, несмотря ни на что. Вы там сидите, герои, больше всех знаете, грамотней всех и т.д., а в общем, работайте.

16.04.42 г. Пока что везет. Село несколько машин задними колесами, их уже вытащили. Перевезли сегодня 3600 тн.

18.04.42 г. Наступает горячее время. Структура льда резко меняется. Под действием температуры лед из кристаллического превращается в игольчатый. Машины проваливаются очень часто. Сегодня провалились три бензовоза и 7 машин. Цистерны с эксплуатации надо снимать. Приехал т. Шилов. Несмотря на решение ВС, он испросил согласие т. Соловьева пустить бензоцистерны 19.04 до 18 час. Я настаивал на снятии цистерн. Все же решил пустить. Посмотрим, как дело сложится, ну, тепло подводит»⁷².

И наконец в записных книжках Нефёдова 20 апреля появилась следующая запись: «20.04.42 г. Вся ночь и весь день пропускаем транспорт, он садится, мы его вытаскиваем, уже вытащили около 90 машин. Хватит. Надо принимать более радикальное решение. Предупредил Шилова, что сегодня, возможно, закроем движение. Доложил об этом т. Соловьеву: условились движение грузов закрыть»⁷³. В этот же день, 20 апреля, приказом по войскам Ленинградского фронта движение автотранспорта через Ладожское озеро было закрыто с 12 часов 21 апреля. После этого срока как исключение разрешалось следование одиночных легковых машин и людей по разовым пропускам. Для транспорта, двигавшегося на западный берег, пропуска выдавались с разрешения начальника ВАД А. М. Шилова, а для транспорта, направлявшегося на восточный берег, – с разрешения начальника ледового участка М. А. Нефёдова. Закрытие ледового участка было оформлено соответствующим актом...

«И все-таки ледовая дорога продолжала работать. 22 и 23 апреля по ней из Ленинграда на восточный берег было переброшено 10 850 бойцов с вооружением – пополнение для 54-й армии. 23 и 24 апреля на западный берег было доставлено около 60 тонн лука. С восточного берега до кромки льда у западного берега его доставляли на санях, запря-

женных лошадьми, а отсюда по рыхлым ледяным полям, преодолевая большие трещины и разводья, лук был перенесен людьми на руках»⁷⁴.

К 12 часам 25 апреля с ледовой трассы были сняты регулировщики, связисты, перевезено на берег все дорожное имущество 22-го и 64-го ДЭПов. Застрявший автотранспорт был разобран и переправлен на берег по частям.

«За три недели апреля на западный берег Ладожского озера было доставлено более 87 250 тонн различных грузов и вывезено на восточный берег около 163 400 человек. Кроме того, за 14 дней апреля из Ленинграда было отправлено 520 железнодорожных вагонов различных грузов»⁷⁵.

После того как перевозки по льду Ладожского озера были остановлены, Нефёдов на несколько дней уехал в Ленинград, где в начале мая получил назначение в Новую Ладогу, заместителем командующего Ладожской военной флотилией по перевозкам. Чуть позже ему в нагрузку дали должность командира Осиновецкой военно-морской базы и Осиновецкого порта. Погоны флотского офицера тянули Нефёдова обратно к воде.

Работа его в должности начальника ледового участка была отмечена ещё 2 марта 1942 года. Приказом № 0508/н по войскам Ленинградского фронта М. А. Нефёдов был награжден орденом Красной Звезды. А вот по результатам работы ледовой трассы осенью 1941 – весной 1942 года наград не последовало. 9 мая 1942 года в газете «Правда» на первой полосе вышла большая статья «Воля к борьбе и победе». В ней было отмечено мужество всех, кто обеспечивал бесперебойную работу ледовой трассы: шоферов, регулировщиков, ремонтников. Нефёдов в своих дневниках упомянул эту статью в положительном ключе: история делает ставку именно на лед, а не на весь участок военно-автомобильной дороги. После статьи опубликован длинный список награжденных: 12 человек награждены орденом Красного Знамени, 114 человек – орденом Красной Звезды, 62 солдата и офицера получили медаль «За отвагу», 150 человек – медаль «За боевые заслуги». Заслуги генералов А. М. Шилова, Ф. Н. Лагунова и бригадного комиссара И. В. Шикина были отмечены орденами Ленина. Фамилии Нефёдова в списке не было.

Безусловно, Михаила Александровича задела подобная несправедливость. Служил и воевал он не за награды, но чувство справедливости у него было обостренное, реагировал всегда мгновенно и жестко.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Ковальчук В. М. Указ. соч. 184.

⁷⁵ Там же. С. 185.

«Исторический спор решился в нашу пользу, в пользу ледовиков. Мы настаивали на том, что центральным звеном ВАДа 102 является лед, Шилов-Шикин и Лагунов говорили вообще о трассах. “Правда” сказала свое веское слово, и сказала в нашу пользу. А практически Лагунов с Шиловым обвели главных ледовиков, они затаили злобу, что мы их заставили возить лишних 12 дней, а когда время подошло к “расчету стройся”, из списков вычеркнули, как передают, что лимиты-де, мол, не позволили. На деле же получилось другое и мотивы другие»⁷⁶.

Итогом работы военно-автомобильной дороги Ленинградского фронта стало спасение Ленинграда. Ни много ни мало. Всего было доставлено 361 тыс. т различных грузов, из которых 262,5 тыс. т – продовольствие.

«На первом месте среди продовольственных грузов были мука и зерно — около 142 тыс. т. Различных круп и концентратов было завезено более 36 тыс. т. Лишь после того как были созданы некоторые запасы муки и круп, развернулись в больших масштабах перевозки других продуктов. Мясопродуктов было завезено около 35 тыс. т, жиров — более 14 тыс. т, овощей — около 5 тыс. т, клюквы — 833 т, варенья-повидла — 752 т, орехов — 126 т, сухофруктов — 1470 т. По мере того как совершенствовалась деятельность дороги, ассортимент продовольственных грузов неуклонно расширялся. В него были включены шоколад, сыр, кондитерские изделия, кофе, какао, творог, сметана, яичный порошок и др.»⁷⁷.

Помимо продовольствия, в Ленинград было доставлено 32 тыс. т боеприпасов, 35 тыс. т горюче-смазочных материалов. С февраля 1942 года по специальной трассе в Ленинград стал доставляться уголь, которого до конца существования ледовой дороги было завезено более 22 800 т.

«Перевозки войск из Ленинграда составили 20 % от всех перевозок. Только в декабре 1941 г. – январе 1942 г. в период подготовки многофронтовой стратегической операции с целью разгрома главных сил группы армий “Север” и освобождения Ленинграда от блокады, для усиления 54-й армии, действовавшей за пределами блокадного кольца, по ледовой дороге на автомашинах были перебросены 80, 115, 11, 177, 198 и 265-я стрелковые дивизии с вооружением и боевой техникой. В начале февраля 1942 г. была перевезена также 124 танковая бригада вместе с тяжелыми танками КВ»⁷⁸.

И, наконец, 550 тыс. человек мирного населения было эвакуировано из Ленинграда по льду Ладозского озера. 550 тыс. спасенных жизней.

«История Ладозской дороги – это поэма о мужестве, настойчивости и стойкости советских людей. Дорога жила полнокровной фронтовой жизнью. Это и был фронт», – написано в газете «Правда» 9 мая 1942 года.

А Нефёдову на новой должности хватало забот: контроль строительства пирсов, приемка новых барж, выработка новой системы учета плавсредств и многое, многое другое, от чего зависит жизнедеятельность военно-морской базы.

Из Кобоны в Осиновец 21 мая прибыл буксирный пароход «Гидротехник». Тут же выяснилось, что в Осиновце нет мазута, чтобы заправить судно на обратный путь. Ночь искали мазут, получили нахлобучку от самого А. А. Жданова.

Характер работы по управлению военно-морской базой кардинально отличался от управления ледовой дорогой. Тем не менее Нефёдов – опытный моряк и грамотный работник тыла. Со скрипом, но база в Осиновце начала выравнивать свою работу, хотя недостатки всплывали повсеместно тут и там.

С 23 мая корабли начали регулярно приходить под погрузку. Основной груз – люди, ленинградцы. В мае 1942-го продолжилась эвакуация мирного населения из осажденного города. Все это происходило под бомбами немецких люфтваффе. И, конечно, не следует забывать про голод, который никуда не отступил. «...Налетело 84 самолёта и начали бомбить базу и пирсы. Налет был сделан звездный, так что приходилось только успевать поворачиваться. Пострадали склады, железн[ая] дорога (подожжены вагоны), разрушена голова пирса № 2 и произведено прямое попадание в кл. [канонерская лодка] «Бира». Много убитых и раненых. Моряки держались стойко и героически. Они упорно работали и, несмотря на продолжающиеся налеты, приводили себя в порядок. <...> Масло, яблоки, мозги, кровь, мясо, уголь – все смешалось в кровавое месиво. И все же нашлись люди, которые всю эту мешанину собирали в котелок с желанием сожрать. <...> Убитых моряков похоронили и стали продолжать заниматься погрузкой людей»⁷⁹.

Не все ладилось с погрузкой. Как всегда во время большого дела, за составные части которого отвечают разные руководители, начались простои, проволоочки, тут и там стали возникать непредвиденные обстоятельства, накладки.

«К началу навигации 1942 года причальные линии Осиновецкого порта составляли уже несколько километров; порт занял огромную территорию по берегам бухт Морье, Гольцмана и Новой. Он мог принимать ежесуточно до 2 тыс. т грузов. В центре Осиновецкого порта находилась железнодорожная станция Ладозское Озеро Ириновской ветки. Здесь

⁷⁶ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

⁷⁷ Ковальчук В. М. Указ. соч. 198.

⁷⁸ Худякова Н. За жизнь ленинградцев. Л., 1958. С. 68.

⁷⁹ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

*Во время объезда ледового участка ВАД-102 –
Дороги жизни. Зима 1942 года*

М. А. Нефёдов

*Очистка ледовой трассы «Дорога жизни»
грейдером*

Во время погрузки в Осиновецком порту. 1942 год

*Руководство тыла Ленинградского фронта в Осиновецком порту.
Слева направо: неизвестный, М. А. Нефёдов, генерал-майор А. М. Шилов, генерал-лейтенант Ф. Н. Лагунов,
неизвестный. 1942 год*

*Подъем провалившегося под лед танка КВ.
Предположительно 1942 год*

Работа зенитной пулеметной установки М4
на Дороге жизни

Прокладка деревянных настилов через полынью
на льду Ладожского озера

Дорога жизни

Работа ледовой трассы «Дорога жизни»
в апреле 1942 года

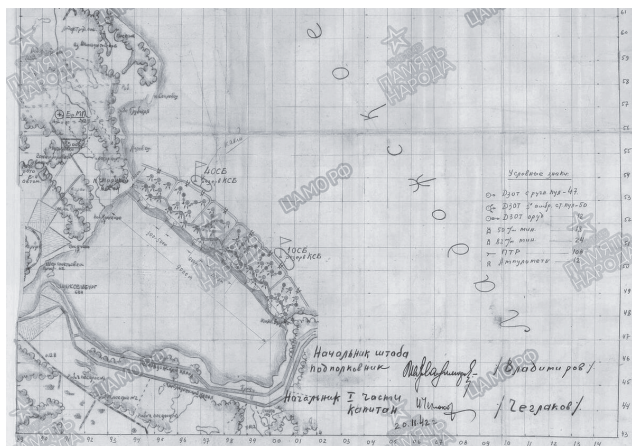

Схема обороны ледовой трассы на Ладожском озере

формировались составы, отсюда они отправлялись в Ленинград. От работы этой однопутной ветки в значительной мере зависела судьба блокированного города и войск Ленинградского фронта. Поэтому по приказу Военного совета фронта на Ириновской ветке стали срочно прокладывать новые пути, расширять станционное хозяйство, и в 1942 году эта дорога была превращена в развитую магистраль, а станция Ладожское Озеро стала большим железнодорожным узлом. Теперь пути заходили на причалы осиновецких пирсов в бухте Морье, к пирсу паромной железнодорожной переправы. Был сооружен и слиповый железнодорожный подводный путь для спуска в озеро боевых катеров, а позднее – порожних железнодорожных цистерн, буксируемых по воде на восточный берег озера»⁸⁰.

Осиновецкий порт был огромным организмом, тысячи людей работали на погрузке, разгрузке, в охране, навигации, тыловом снабжении базы. И всё для того, чтобы Ленинград продолжал жить и сражаться.

Сам Нефёдов никогда не оставался на одном месте. Несмотря на то что штаб его располагался в бухте Морье, появлялся он там редко. Колесил на катере от Кобоны до Осиновца, к станции Ладожское Озеро, а оттуда снова на восточный берег Ладоги. Должность обязывала: он отвечал за перевозки всей Ладожской военной флотилии.

В конце июня состоялось совещание Военного совета фронта, на которое вызвали Нефёдова вместе с генералами Лагуновым и Шиловым. По его результатам было принято следующее решение: Лагунов и Шиллов занимаются погрузками, Нефёдов – исключительно перевозкой. Его задача – чтобы транспорт дошел в целости и сохранности точно в срок. Задача эта была непростая, учитывая уровень подготовленности и техническое состояние кораблей. Когда же Нефёдов прямо поставил вопрос о качестве плавсредств, внятного ответа никто дать не смог. Поддержал Нефёдова начальник тыла Балтфлота генерал-лейтенант береговой службы М. И. Москаленко: «Ленфронт грузит и разгружает, мы возим и поставляем тоннаж». После этого вечером А. А. Жданов по очереди заслушал всех начальников. На повестке стоял только один вопрос: как лучше наладить погрузку и выгрузку на западном берегу. Заседание длилось до 3 часов ночи 26 июня. Резолюция совещания была следующей: начать реорганизацию портов. При этом Жданов лично предложил кандидатуру Нефёдова в качестве начальника Осиновецкого порта. Военный совет фронта поддержал кандидатуру единогласно, за исключением гене-

рала Шилова и адмирала Трибуца. В разговоре один на один Жданов заверил Нефёдова, что знает о непростых взаимоотношениях его с генералом Шиловым, но обещает со своей стороны всяческое содействие: «Мы знаем ваши взаимоотношения, только хорошо работайте, в обиду не дадим, поддержим, оцениваем мы по работе. Нам важен человек, а не нашивки и звания»⁸¹. Так Нефёдов стал начальником Осиновецкого порта.

На следующий день адмирал Н. Г. Кузнецов, который и вел Нефёдова с момента его службы в разведке ВМФ, уточнил задачу: «Мы поэтому вас и назначили, чтобы иметь своего человека»⁸². Вот так остро стоял вопрос кадров и доверия этим кадрам. Особенно в части снабжения Ленинграда.

«28.06.42 г. Выехал в Осиновец. Прошел по всем пирсам и владениям. Туда же приехали Лагунов и Шилов. Что бросается в глаза – многоначалие, а вследствие этого и неразбериха. Вечером отбыли в Кабону»⁸³.

А дальше не без некоторой гордости Михаил Александрович отмечает: «Как-то грустно уезжать и оставлять уже налаженное хозяйство. Видимо, уж такова моя судьба, что, где плохо, где прорыв, туда меня и бросают. Сделался специалистом по ликвидации прорывов. Что же, роль почетная, но довольно неблагодарная, но неважно, где бы ни работать, а лишь бы приносить максимальную пользу Отечеству»⁸⁴.

152

Из воспоминаний помощника Нефёдова, Сергея Яковлевича Прикота: «Я с ним служил только в порту (с мая по декабрь 1942 г.). Непосредственно был прямым подчиненным Нефёдова, начальником штаба Осиновецкого порта, затем адъютантом Управления Осиновецкого порта. В декабре был назначен помощником командира «морского охотника», затем командиром.

Напротив ст. Ладожское Озеро были вырыты землянки, штук 10–15. В них находилось Управление порта. На бугре, у самого берега, в густых соснах. Там был командный пункт начальника порта. Огромный коридор вел к комнатам Нефёдова, Прикота (я), комиссара порта – Желдина. Чуть подалее отдельный ход – сообщение в диспетчерский пункт порта, где был стол, на столе – панорама Ладожского озера и порта в масштабе из пресс-папье (средства ПВО, причалы). У диспетчера были телефоны, связь с портом (5 бухт, 20 причалов), связь с диспетчером по перевозкам Северо-Западного речного пароходства, Ладожской флотилией, со Смольным (с Управлением тыла Ленинградского фронта, генерал-лейтенантом Лагуновым). В управление передавали

⁸⁰ Гришина Л. И., Файнштейн Л. А., Великанова Г. Я. Памятные места Ленинградской области. Л., 1973. URL: <http://blokada.otrok.ru/towns.php?t=26>; обращение 3.02.2020.

⁸¹ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

сводку. Там же находились: плановый отдел, начальник – капитан Иохельчук, хоз. отдел, продпункт, столовая, прачечная – ст. лейтенант Шамарин. Гл. инженер порта – Овсянников, перешел с СЗРП, гл. электрик порта – Неймарк.

Нефёдов думал не только о своих обязанностях. Интересовался, как обеспечены подчиненные, как грузчики. Везде старался сам посмотреть, своими глазами. В случае аварии всегда появлялся сам. Старался локализовать. Были тяжелые случаи: однажды обвалился причал.

О взрыве причала в бухте Новой, где разгружался тендер с боезапасом, в конце августа 1942 г. никто не пишет. Погибли все, кто разгружал. Была ли это диверсия – неизвестно. В следствие никого не вызывали. Взрыв произошел километрах в пяти от землянок. Сразу приехали. Никого. Дымится воронка. Тендер затонул»⁸⁵.

Взрыв в бухте Новой произошел 11 августа. Погиб и пропал без вести 91 человек.

Сам Нефёдов редко писал о себе в записных книжках. Даже понимая, что когда-нибудь эти записи попадут к потомкам и исследователям, не старался приумножить собственную значимость.

Отдельное место в его дневниках занимали размышления о сути войны и о будущем: каким оно предстанет? Что нужно, чтобы к нему подготовиться? И мы видим уже не воина, а философа, что, по большому счету, совершенно не исключает одно другого. Некоторые его мысли не потеряли актуальности и сегодня: «С миром капитализма нам придется столкнуться ещё не раз, к сожалению, не последний раз, а поэтому мы должны воспитать поколение воинов, воинствующих большевиков, патриотов, не ораторов, которые красно бают, клянутся и ломают копья за формулировки, а бойцов, воинов, таких, каким было старшее поколение...

Война сейчас поставила вопросы (проблемы) национальные во всю ширь: речь идет не только о социальных завоеваниях, но и о национальном существовании народа. Будет ли физически существовать народ, национальность или он будет истреблен, германизирован? Не зря мы обращаем свои взоры к истории и вспоминаем героев прошлого, которые оружием утверждали государство Российское и защищали Отечество, поднимали в народе национальную честь, воспитывали его в духе героизма, преданности Родине»⁸⁶.

С назначением Нефёдова начальником Осиновецкого порта резко выросла производительность погрузок. Если первоначальный план был 3 тыс. т в сутки, то теперь цифра стала доходить до 5 тыс. т. Несмотря на то что практически каждый рейс подвергался атакам с воздуха.

Эвакуация населения происходила следующим образом. Главный эвакупункт находился в поселке Борисова Грива, в 20 километрах от Осиновца. Он был один на весь Ленинград. Возглавлял его Лаврентий Аронович Левин. Эвакупункт был обеспечен врачами, медсестрами и даже нянечками. На прибывавших ленинградцев оформлялись документы, выдавался суточный паек, потом с сопровождающим людей везли до причала. Сопровождающий шел к дежурному коменданту, предъявлял направление. Комендант выдавал посадочный талон на 30 человек. В лесу у причала формировались команды. После подачи транспортного судна следовал приказ на погрузку. Все было организовано четко, по военному.

«В июне за день поступало в среднем по 2790 человек, в июле – по 7820 человек. А всего за 170 дней действия водной трассы через эвакупункт прошло 448 694 человека – в среднем по 2640 человек в день. В эти цифры не включены ленинградцы, перебравшиеся на восточный берег озера самостоятельно. А таких было немало»⁸⁷.

Непредсказуемая погода на Ладоге путала Нефёдову все карты, срывала планы: штормы на озере достигают 7-8 баллов. Баржи выбрасывало на берег в такую погоду, уносило в озеро. Ветер выворачивал деревья с корнями, рвал связь, сворачивал причалы и мостки. Потом все это приходилось в спешном режиме восстанавливать.

Случались и диверсии.

«12.08.42 г. Результаты катастрофы дают себя знать. Люди начали страховаться, как бы чего не вышло. Весь день работает комиссия, выясняет – кто же виновник катастрофы. На пирсе Морья нашли в перекачивающейся будке динамит и тол. Работает рука врага. В 15.15 баржа с вагонами отошла наконец-то на тот берег. В Коредж прибыли в 19.30.

13.08.42 г. Сегодня инженерное управление снова выкинуло фокус – прислало понтон с селитрой, где также оказались бертолетка и два взрывателя упрощенного типа. А среди химикатов (едкого натрия) нашли бочку бертолетки на барже 4093. Да, на том берегу явно неблагополучно с погрузкой»⁸⁸.

Даже начального курса химии хватает, чтобы понимать, что селитра во взаимодействии с бертолетовой солью дает взрывчатое вещество. Достаточно только малейшей детонации.

В порту Нефёдов продолжал работать до поздней осени 1942 года, пока не остановилась летняя навигация. 12 ноября его вызывает нарком Н. Г. Кузнецов. Речь шла о дальнейшей службе Нефёдова. Никаких определенных решений принято не было, но Кузнецов дал понять, что начальником ВАД второй раз он

⁸⁵ Начальник ледовой «Дороги жизни»...

⁸⁶ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

⁸⁷ Левин Л. А. Курс – Большая земля // Ладога родная. Л., 1969. С. 262.

⁸⁸ ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

Ленфронту Нефёдова не отдаст. 5 декабря остановилась навигация, наступил тот короткий момент, когда корабли уже не ходят, а для транспорта, даже гужевого, лед ещё слишком тонок.

Нефёдов не был бы Нефёдовым, если бы смирился с остановкой навигации. 12 декабря он настоял на проведении ледовой разведки. На следующий день в 9.00 корабли «Бира» и «Гидротехник» вышли на ледовую разведку. В 15.00 они вошли в 30-сантиметровый лед. Пробивались по полмили в час. За новостями следили из Смольного, звонил Жданов. На следующий день корабли прошли, провалились к пирсам сквозь лед.

«14.12.42 г. И все же, несмотря на сопротивление различных ведомств, мы корабли заставили пойти, и они пошли на восток, пробивались к пирсам. За первой тройкой пошла ещё пара. Так заставили служить нашему делу людей, уже почивавших на лаврах. Погода хорошая, но барометр поднимается и есть опасность, что будет похолодание. Льда у берега нет. Начался рокот волн, где-то далеко дует северный ветер, который дает себя знать в виде прибоя и волн у нас»⁸⁹. Несколько дней грузы доставлялись на кораблях, а 19 декабря трасса открылась для пеших людей и гужевого транспорта. 23 декабря на лед вышли первые сто машин. Так ледовая трасса начинала свою вторую жизнь за время блокады Ленинграда.

Получив 26 декабря расчет в Управлении перевозок Ленфронта, Нефёдов остался ждать нового назначения по линии ВМС. Вскоре он был освобожден от должности начальника Осиновецкого порта и назначен командиром Осиновецкой военно-морской базы. Дела он принял у капитана I ранга А. В. Ванифатьева, которого прекрасно знал по работе в порту. Поменялась должность, но не место службы.

«Задачами Осиновецкой военно-морской базы являлись оборона сухопутного участка базы на западном берегу озера, обеспечение базирования и ремонта кораблей, продолжение портового и гидротехнического строительства по генеральному плану развития порта Осинец, обеспечение зимних перевозок по ледовой трассе через Ладожское озеро»⁹⁰.

Нефёдов принял новое назначение как должное: он готов работать на благо Родины на любом участке фронта. К сожалению, этот участок стал для него последним. Его жизнь трагически оборвалась 24 мая 1943 года. Во время налета немецкой авиации на бухту Морье, где располагался штаб Осиновецкой ВМБ, машина, в которой находился Нефёдов,

подверглась обстрелу. По воспоминаниям Сергея Яковлевича Прикота, Нефёдов никогда не выходил из машины при атаках с воздуха. Возможно, это и сыграло роковую роль. Он погиб в возрасте 44 лет.

За несколько дней до гибели Нефёдов получил назначение заместителем начальника тыла Краснознаменного Балтийского флота. Он должен был работать в непосредственном подчинении генерал-лейтенанта М. И. Москаленко. Его новая должность в масштабе флота была равна должности генерала Шилова, в подчинении которого он проработал первую блокадную зиму. Это было серьезное повышение по службе. Иные задачи. Иной масштаб... Не судьба.

В тот день Нефёдов сдал дела по должности командующего военно-морской базой. Но началась бомбежка, и он поехал к месту пожаров в Морье. В это время немецкий штурмовик атаковал его автомобиль. Машина остановилась. С ним были начальник штаба военно-морской базы Петр Ильич Барабан и шофер и порученец Анатолий Фокин. Шофер и начальник штаба выскочили из машины и укрылись в кювете, а Нефёдов остался. Осколок снаряда отскочил от валуна и попал ему в голову.

По решению Военного совета Ленфронта Нефёдов был похоронен в Александро-Невской лавре, на Коммунистической площадке. Такой чести сподобились немногие военные деятели.

О чем он думал, когда «мессершмит» заходил на атаку? Что пронесет, что он заговоренный и пули просвистят мимо? Или просто доверился судьбе, выполнив главное дело своей жизни, то, для чего был рожден на свет? О чем он думал в последнюю секунду перед гибелью? Вспоминал ли семью, которая осталась в Москве? Или видел Победу в мае 1945-го?

Каждый человек проходит свой путь сам, и знание последних секунд жизни, когда душа отрывается от тленного тела, – интимное, сакральное знание. В него невозможно вторгнуться и вывернуть на всеобщее обозрение. Это знание человек уносит с собой в могилу. Но мне очень хочется верить, что в последние секунды перед смертью он видел Ладогу в апреле 42-го года, когда озеро от растаявшего снега практически полностью покрылось водой над слоем льда. Получилось озеро над озером. В отдельных местах этот водный покров достигал полуметра. Нефёдов умирал и видел, насколько хватало глаз, как люди, машины, обозы, повозки, сани заполнили собой горизонт... и шли по воде, аки посуху. И невыносимый свет вокруг...

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 80.

Людмила РАКУЗО

КОГДА МЫ ЖИЛИ НА «43-М ПИКЕТЕ»

Эта небольшая автобиографическая повесть – история нашей семьи. Она о моих предках и моём детстве. Маленький кусочек истории рода Гордеевых-Гончаровых. Потомки должны знать, откуда идёт их род, где его корни.

Написано для сестры моей Ольги по её настоятельной просьбе.

ТОЧКА РАЗМЕТКИ ВСЕЙ ЖИЗНИ

Я с детства пыталась выяснить, что значит «пикет» и почему именно 43-й. Никто не мог мне этого объяснить. И вот теперь я попробовала сама найти более-менее разумное объяснение.

Пикет – точка разметки расстояний на железнодорожных линиях на местности с шагом в 100 метров. Когда-то в Юрге через весь город проходила железнодорожная ветка. Начиналась она на кирпичном заводе, шла по улице Московской, потом по переулку Литерному и заканчивалась на первом участке. Вот, видимо, где-то на этой линии и была точка разметки ПК-43. И в районе этого столбика началась застройка частного сектора, наречённого в народе «43-й пикет». Но это моё личное предположение. Был ещё «27-й пикет» вдоль железной дороги, где-то в районе Старой Юрги.

В городе вообще много мест со странными названиями: «40 домиков», Бурлачиха, первый участок, второй и пятый, но никогда не было третьего и четвёртого. Или были?..

В крутых берегах речки Бурлачихи жили немцы в землянках. Там же, только чуть выше, было у них кладбище. Теперь там немецкий мемориал и садовые участки. Берега уже не такие крутые, и речка уже не речка, а ручей. И только весной шумно бурлит, оправдывая своё название.

Первый участок – это теперь промзона, а когда-то были жилые улицы, клуб, баня и школа № 6. Центр города называли «2-й участок». Помню бараки, в которых жили люди и располагались разные учреждения. За баней, по Леонова, 3, сто-

ял барак, в котором была стоматология. Мне там впервые удалили зуб...

Железнодорожная линия, проходившая по улице Московской, просуществовала до 1964 года, а «43-й пикет» стоит и поныне. Для всех, кто здесь родился и жил, это точка разметки всей жизни. Наше детство, наши родители, наша малая родина. Потому-то и произнёс однажды мой одноклассник с гордостью: «Мы – сороктретьевские!»

СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

Начала писать и вдруг поняла, что не знаю о своих предках почти ничего. И спросить уже не у кого. А ведь бабушка так много мне рассказывала! Я была уверена, что знаю если не всё, то очень многое. Потом осознала, что информации в её рассказах содержалось совсем мало, в основном это были эмоции о пережитом.

Наш дед Ракузо Винидикт Яковлевич родом из Белоруссии, Могилёвская область, Быховский район. И вот неожиданно выяснилось, что никакой он не Ракузо, а Николайчик. Это мне рассказали родственники, которых я случайно отыскала в соцсетях. Вот уж не ожидала обнаружить такой «скелет в шкафу». Оказывается, во времена репрессий семья Николайчик была признана неблагонадёжной. Сменив фамилию Николайчик на Ракузо, вся дедушкина семья подалась в бега из Белоруссии в далёкую Сибирь. В надежде, что тут их не найдут и «дальше Сибири не сошлют».

Какие ещё семейные тайны унесли с собой в могилу наши предки? Про своего первого мужа бабушка говорила, что он пропал в Гражданскую. Не знаю ни имени его, ни фамилии. Никаких подробностей. Пропал, как и не было...

Беглого белоруса привёл бабушке её отец, Гордеев Михаил Дементьевич, наш прадед. Это уже в Сибири было. Помню фотографию в старинной рамке, где она совсем ещё молодая с маленькой дочкой Ниной на руках. На бабушке кофта в оборочках со множеством пуговичек. На Нине шнурованные ботиночки до колен. Рядом сидит на венском стуле, закинув ногу на ногу, в хромовых начищенных сапогах бабушкин муж и наш родной дед – Ракузо Винидикт Яковлевич. А папы ещё нет, не родился.

Но и эта фотография пропала вместе с тетей Ниной. Вот и пришла мне в голову мысль записать всё, что знаю и помню. Пока ещё помню... Вдруг кому-нибудь интересно станет, кто мы и откуда.

Когда-то давным-давно я часто просила бабушку рассказать «про раньше». И она воспомина-

ла о своём далёком детстве, начиная каждый рассказ словами: «Вот раньше-то бывало...»

О РОДИТЕЛЯХ

Знаю, что папа в школе хорошо учился. Я видела его табель с отличными отметками об окончании семилетки. Был папа щёголем, хоть и деревенским. То шарф повяжет с особым форсом, то шапку сдвинет набекрень. Став взрослым, он всегда выглядел элегантно. В костюме, при галстуке, на брюках стрелки наглажены, ботинки начищены. Весной мужики в сапогах по грязи шлёпают, а папа в ботиночках с камушка на камушек перепрыгивает. Не простой деревенский парень, а франт столичный. Откуда это в нём?

Вот и влюбилась в него наша мама. Не знаю ничего об их романе – как познакомились, долго ли встречались, но проводила мама папу в армию и ждала его три года.

Служил папа в Москве, с 1949-го по 1951-й. Наверное, мама ему письма писала, мечтала замуж за него выйти. Чтобы мечта сбылась наверняка, решила мама в союзники бабушку привлечь. В один прекрасный день, а именно в день рождения бабушки, явилась мама в гости с подарком. Бабушка подарков не любила, всегда говорила: «За всё надо платить, а за подарки – расплачиваться». А этот подарок вообще был неслыханной дороговизны: лежали в коробке шикарные ботиночки, да с пряжкой блестящей. Бабушка за голову схватилась: вовек ей не расплатиться за такой подарок! Сразу смекнула, с чего такая щедрость, стала отказываться наотрез, ни в какую не хотела брать. Что она сыну может сказать? Да он её и слушать не станет, возьмёт и женится на другой, и что тогда?!

После армии папа женился на маме, и 31 декабря 1951 года в юргинском загсе был зарегистрирован брак между Ракузо Василием Винидиктовичем и Гончаровой Таисией Ивановной.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

В Юрге папа пошёл работать на машзавод в цех № 50 подручным сталевара. Как главный герой из кинофильма «Весна на Заречной улице». В горячем цехе (как тогда говорили) он хорошо зарабатывал. Соседи и знакомые даже приходили к нам перехватить денег займы до зарплаты.

Получил он и отдельное жильё – домик на «43-м пикете». Дом состоял из комнаты и кухни. Жили мы впятером: мама, папа, я и бабушка с тётей Ниной. Тётя Нина, старшая папина сестра, была женщина одинокая и полуграмотная. В комнате на диване спала я, там же стояла родительская железная кровать с никелированным изголо-

вьем. Посередине комнаты располагался круглый стол. Над ним висел большой жёлтый абажур с бахромой. Бабушка с тётей Ниной спали в кухне за печкой.

Моим пристанищем был диван, я не только на нём спала, я на нём жила – читала, рисовала, играла. Рядом с диваном, на этажерке, стоял радиоприёмник, я любила слушать песни и громко подпевать: «Ой ты, дорога длинная, здравствуй, земля целинная...» Добрый Оле Лукойе рассказывал мне сказки: «Здравствуй, мой маленький дружок! Садись поудобней...» Уверенная, что обращаются именно ко мне, я послушно усаживалась и слушала очень внимательно.

На пружинном сиденье хорошо было прыгать, пока никто не видит. В спинке дивана имелись зеркала, и если хорошенько подпрыгнуть, на короткий миг было видно отражение комнаты. Та комната была очень похожа на нашу, но почему-то гораздо лучше! Время шло, я подрастала, и уже не надо было подпрыгивать, чтобы заглянуть в зеркало. Частенько мы с подругой Галкой с восхищением разглядывали комнату из Зазеркалья и мечтали туда попасть.

Мама работала в больничной прачечной. Пару раз она брала меня с собой на работу. Там было очень страшно, крутился огромный барабан на ремнях – что-то вроде гигантской стиральной машины. Вокруг что-то гроыхало и шипело, откуда-то со свистом вырывался пар, и в этом тумане перекикивались прачки.

Иногда мама носила стирать в прачечную большие вещи из дома, одеяла байковые, покрывала. Обратно приносила всё сияющее чистотой. Покрывало с моего дивана было красивое, плюшевое, светло-жёлтое и очень маркое. После прачечной оно становилось неузнаваемым. Тогда ведь всё стирали в корыте, на стиральной доске, а большое покрывало разве вручную так постираешь?

ВОСКРЕСЕНЬЕ – ДЕНЬ ВЕСЕЛЬЯ!

Блины бабушка печь любила, все говорили, что у бабы Поли самые лучшие блины. Первый блин бабушка всегда вручала мне. Потом сядились пить чай. Мама ставила на стол чашки со сметаной и с растопленным коровьим маслом. Вкуснее всего было обмакнуть блин в масло, а ещё лучше в сахар. Бабушка в тарелочку несколько блинчиков отложит и идёт к Кормушаковым, угощать соседскую бабу Лизу. Баба Лиза с ответным визитом к нам придёт и угощение принесёт – тарелку хрустящего татарского хвороста.

Вот одно из первых моих детских воспоминаний. Было мне тогда чуть больше трёх лет. Солнечное воскресное утро. Весело поёт радио: «С добрым утром, с добрым утром и с хорошим днём!» Меня распирает радость! Сегодня вся семья в сборе. В комнате мама с папой, от них я бегу на кухню, там бабушка заводит тесто на блины. В печи весело потрескивают дрова. Я разворачиваюсь и снова бегу в комнату. Мама застилает постель, расправляет одеяло на кровати. Я вприпрыжку опять мчусь на кухню. Бабушка ставит рядом с плитой табурет, на него кастрюлю с тестом. Бегу обратно в комнату, мама стелет поверх одеяла белый подзор с кружевным краем и голубое гобеленовое покрывало; осталось сложить пирамиду из подушек. Резкий разворот, и я опять на кухне. Бабушка достаёт большую чугунную сковороду, прикрикивает на меня: «Уймись!» Но унять совершенно невозможно, меня переполняет восторг. К бабушке присоединяется папа: «Прекрати носиться!» Он бреется опасной бритвой, и моя беготня его напрягает. «Воскресенье, день веселья!» – радуется в радиоприёмнике Марк Бернес, и при очередном забеге я цепляюсь ногой за табурет...

Слыша грохот за спиной и бабушкины вопли, не оглядываясь и не останавливаясь, со всего разбега я влетаю под кровать. Забиваюсь в дальний тёмный угол и... о, ужас! Вижу, как к кровати приближаются папины ноги. Весёлое пение радио сменилось бабушкиными причитаниями. День померк.

АРАП

По утрам всех будил заводской гудок. Гудел три раза: в 7.00, в 7.30 и в 8.00. Все уходили на работу, и мы с бабушкой оставались дома одни.

Бабушка очень боялась «сиблонцев», так она называла заключённых сибирских лагерей. Тогда папа в питомнике Сиблага приобрёл щенка восточноевропейской овчарки. Пёс был совсем молодой, но очень крупный и уже прошёл школу дрессировки. Знал много команд, но был очень агрессивный, натравленный на человека. Слушался он только маму и папу, бабушку и тётю Нину игнорировал. Кормить Арапа могла только мама. Все его боялись – и свои и чужие. При приближении чужих пёс захлёбывался в яростном лае. Только команда «Свой!» заставляла его замолчать, но он продолжал угрожающе рычать, скалить острые клыки, и на его загривке шерсть стояла дыбом. В общем, вид у собаки был устрашающий. Уходя из дома, дверь мы запирали на

замок, который легко открывался гвоздём: были уверены, что к двери Арап никого не пропустит.

После смерти мамы Арап покусал бабушку, порвав ей обе руки. Пса пристрелили.

АЭРОДРОМ

Из нашего окна открывался вид на широкую степь. Серебристые метёлки ковыля перекачивались волнами под летним ветром. Осенью катились, подпрыгивая, шары перекасти-поля. Побежишь – не догонишь.

Именно здесь, буквально рядом с нашим домом, в конце пятидесятых открыли аэродром. Он был в ведомстве машзавода. До этого аэродром находился примерно на месте теперешней городской администрации, но там были только планировщики.

Мама, конечно, не упустила такую возможность и пошла работать на аэродром разнорабочей. В её обязанности входило выкашивать траву и стелить «старт». Папа тоже часто пропадал на аэродроме. Помогал маме косить, а скошенную траву вёз на тележке домой – нашей корове Зорьке.

К маме на аэродром я бегала каждый день. Она занималась своей работой и между делом показывала мне разные цветы и травы, рассказывала, как они называются. Мы с ней собирали букеты. Любимым маминым цветком была скромная незабудка.

Иногда мы прогуливались втроём: папа, мама и я. Происходило это по вечерам, когда самолёты уже не летали. Было тихо, солнце клонилось к горизонту, и перепёлка кричала: «Спать пора, спать пора...» Счастливое время.

Штат на аэродроме был маленький, во главе стоял начальник А. М. Махонин. Ещё был радист Олег, папа с ним очень сдружился. В отдельной будке-сторожке сидели дядьки-сторожа. Уборщицей работала наша соседка, тётя Аня Ливанская. Самолёты летали довольно часто, несколько рейсов в день делал жёлтый пассажирский кукурузник и по одному рейсу почтовый и санитарный с красным крестом. Кукурузники летали в Яшкино, Анжерку, Кемерово, Тайгу, Мариинск. Пассажиров всегда много было, даже городской рейсовый автобус ходил с вокзала до аэродрома.

При взлёте и посадке самолёты с рёвом пролетали над крышей нашего дома. Не помню, чтобы кто-то возмущался этим шумом, никому это не мешало. Только тётя Нина каждый раз пела частушку: «Самолёт летит, крылья стёрлись. Вы не ждали нас, а мы припёрлись!»

ПОЛЁТ НА КУКУРУЗНИКЕ

Однажды и мне довелось слетать в Кемерово. Это, наверное, самое яркое впечатление моего детства.

Летнее утро, в голубом небе плывут лёгкие облачка. Мы торжественно шагаем на аэродром. Мама с папой и мамина сестра тётя Иза с мужем дядей Димой решили навестить родственников в Кедровском. Взяли и нас с Тamarой. Тамара – моя двоюродная сестра, дочь тёти Изы и дяди Димы. Мы с ней были одного возраста и очень дружили.

Это было настоящее приключение. С каким нетерпением мы ждали взлёта! Одно дело – видеть летящие самолёты над головой, и совсем другое – лететь самой в небе. Неслыханный праздник! На нас с Тamarой новые ситцевые платья. Мы с туго заплетёнными косичками, наглаженными лентами. Сандалии обуты не на босую ногу, а на белые носочки.

Все волнуются в ожидании, но вот пилот открывает дверь в салон самолёта, цепляет ступеньку, и мы забираемся внутрь. Самолёт разбегается, подпрыгивая на кочках, отрывается от земли, и мы летим! Все с любопытством прилипают к иллюминаторам. Первое, что я увидела, – это крышу нашего дома и соседских гусей на поляне. Какое сверху всё было маленькое!

Самолёт набирает высоту, под нами проплывают прямые улицы «43-го пикета», бескрайние поля, знакомые лога. Передо мной открылась невиданная панорама. Такой красоты я не ожидала. У меня захватило дух! Но тут самолёт попал в воздушную яму и у Тamarы началась морская болезнь. Дальше мне пришлось в одиночестве любоваться завораживающими видами. Все были заняты Тamarой, ей дали бумажный пакет и велели в него дышать. Самолёт то проваливался в воздушную яму, то снова шёл вверх. Трясло изрядно. Пассажиры сидели на жёстких сиденьях вдоль бортов. Когда самолёт накренился, я судорожно цеплялась за сиденье, чтобы не свалиться в проход. Под нами проплывали удивительно ровные квадраты полей. По ниточке-дорожке полз грузовичок размером с зёрнышко. Когда нас потряхивало, как на ухабах, папа спрашивал, не боюсь ли я. Мне совсем не было страшно, ведь рядом были папа и мама. Полёт был недолгим. Самолёт пошёл на посадку, и вот тут я поняла, что такое морская болезнь...

Уже во взрослой жизни мне не раз доводилось летать на современных лайнерах в Ташкент, Ленинград, Бухару. Но больше всего запомнился тот недолгий полёт из детства на неуклюжем кукурузнике Ан-2.

Как-то раз бабушка собралась к родственникам в посёлок Яшкино погостить. Мама с папой уговорили её полететь туда на самолёте. Ну, как уговорили? Купили билет и посадили в самолёт. Впечатление от полёта у бабушки было немногословным: «Страху натерпелась!»

Потом на месте закрывшегося аэродрома разместили метеостанцию, но и её позже закрыли. Теперь на этом месте церковь.

ТА ЗАВОДСКАЯ ПРОХОДНАЯ...

Вокруг аэродрома тянулся довольно глубокий ров – это чтобы скот не забрёл на лётное поле. Кое-где виднелись воронки, оставшиеся от снарядов. За аэродромом находилась испытательная станция маззавода – стрельбище, огороженное колючей проволокой. Из нашего окна можно было разглядеть высокий насыпной бугор. Стрельбу слышно было в любой части города. Противотанковые и корабельные пушки бабахали одиночными выстрелами. Когда же шли испытания артустановок для эсминцев, от канонады дребезжали стёкла в окнах и содрогались стены, эти орудия стреляли очередями. Стрелять перестали в 1990 году, и в тишине начался развал. Развал завода... Развал страны...

После подписания договора между СССР и США о сокращении вооружений завод перестал получать военные заказы, а других заказов почти не было. Масса людей осталась без работы и без зарплаты. Сначала зарплату задерживали, потом вообще перестали платить. Заводским рабочим стали выдавать талоны вместо денег. На эти талоны можно было пообедать в заводской столовой и домой прихватить пирожков и хлеба. Потом и столовые стали закрываться. Начались забастовки. Рабочие массово стали увольняться с завода. Наш цех закрылся, и я перевелась в соседний цех. Потом совсем пришлось уволиться с завода. В Юрге работы не было никакой, и только благодаря подруге Тамаре Коноваловой меня взяли на пивзавод приёмщицей стеклотары. В 1998 году люди вышли на рельсы и перекрыли Транссибирскую магистраль. Начались «рельсовые войны».

До той поры большинство жителей города были рабочими маззавода. По утрам сплошной людской поток двигался по улице Машиностроителей в сторону завода, а в конце рабочего дня – обратно, в сторону города. С самого раннего утра все улицы Юрги уже были чисто подметены, а проезжая часть помыта поливальными машинами. Люди гордились тем, что работают на оборонном предприятии. На заводе изготавливали оборудование для космоса и Военно-морского флота.

та. Изделия были лучшими в мире. Работа на заводе считалась престижной. Много было династий. Наши родственники тоже там трудились.

Мамина старшая сестра Руфина Ивановна Беседина работала начальником техбюро цеха № 23. Младшая мамина сестра Иза Ивановна Кравец – контролёром в ЦИЛ (центральной инструментальной лаборатории). Муж Изы Ивановны Дмитрий Галактионович Кравец – инженером в технадзоре ИПР. Когда стали взрослыми их дети, Саша и Тамара, они тоже пошли работать на машзавод.

Мамин родной брат Александр Иванович Гончаров трудился начальником бюро ППР в ОГМех (отдел главного механика). Его жена Валентина Владимировна работала начальником бюро общего отдела главной бухгалтерии.

На заводе работал и папа – подручным сталевара в цехе № 50. Слесарь механосборочных работ – штамповщик – это моя профессия в цехах № 36 и 42. В 41-м цехе я работала секретарём начальника цеха. Сестра Оля работала инженером-конструктором в техбюро ИПР.

Наш родной дядя Александр Иванович Гончаров был настоящим семейным фотографом. Мы очень признательны ему за все сделанные снимки. Тогда фотоаппараты были большой редкостью. Благодаря ему мы теперь с ностальгией разглядываем старые чёрно-белые фотографии. 159 Нам есть на что посмотреть и что вспомнить!

Жена дяди Саши, Валентина Владимировна Корникова, хоть и родилась в селе Поломошном, была дама с изящными манерами, к тому же эрудированная и приятная собеседница. У дяди Саши и тёти Вали было двое детей – Володя и Оля, наши двоюродные брат и сестра.

ПО МАЛИНУ

В посёлок Яшкино бабушка обычно ездила на электричке и меня с собой иногда брала. В гости ездили к многочисленным бабушкиным родственникам. Это было всегда летом, когда поспевала малина. По ягоду ходили в тайгу. Три сестры – баба Поля, баба Пана и баба Дуся. Все шли с ведрами, а мне давали бидончик. В лесу стоял густой аромат цветов и хвои. Голоса птиц звучали необычно и очень красиво, совсем не похоже на сумасшедший ор городских воробьёв. Огромные сосны и кедры поднимались до самого неба. Запрокинув голову, я смотрела, как высоко в небе плывут облака, и ждала, вдруг облако зацепится за острую макушку высоченной ели... Но меня окликали – не отставай! Начинались малинники, и бабушки начинали собирать ягоду. Они постоян-

но перекликались: «Ау!.. Ау!..» Хотя не теряли друг друга из виду. Сейчас я догадываюсь, что кричали они, наверное, медведю, отпугивая его от малинника. Вёдра быстро наполнялись, и только на дне моего бидончика перекатывались одинокие ягодки. Малина росла исключительно в буреломе, продрасть было непросто. Жгучая крапива росла везде, куда ни протяни руку. Когда же я добиралась до ягоды, она почему-то попадала не в бидон, а мне в рот...

ИСЧЕЗНУВАША ДЕРЕВНЯ

В конце пятидесятых на огородах ягоду почти никто не выращивал. Старались посадить как можно больше картошки. Ягоды вокруг и так хватало, только собирай. Начиная от нашего дома, в полях и логах было много клубники. В первом же логу за «43-м пикетом» протекала речка Ягодная. За речкой, на крутом берегу, когда-то стояла деревня с одноимённым названием. Но на моей памяти деревни уже не было, а только стоял на том месте памятник с крестом и памятными табличками. Деревня же переселилась на несколько километров дальше и стала называться Новоягодное. Сейчас и от неё почти ничего не осталось, только дачи и ферма агротехникума. А на ягодных полянах и по сей день зреет клубника.

Корову мы старались пасти сами. В стаде корова давала меньше молока. Соседи тоже своих коров гоняли пастись в ближние лога. Бабушка накидывала корове на рога верёвку и выводила её со двора. Следом топали мы с телком. С мамой пасти корову было интересней. Это было как экскурсия. Мама рассказывала мне обо всём, что видела вокруг. Импровизированные уроки природоведения. Иногда мы поднимались к памятнику, с трудом забираясь по крутому и высокому склону.

От мамы я и узнала, что стояла тут деревня Ягодная. Очень много клубники здесь было, поэтому называли так речку и деревню. Деревню основали крестьяне – столыпинские переселенцы из Расеи. Вокруг рос лес, на речке стояла мельница. Постепенно от леса остались берёзовые околки, от речки – ручей, от деревни – памятник, поставленный кем-то в память о родной деревне и покоившихся здесь предках. Вандалы забили таблички на памятнике, но можно было прочитать фамилии – Василевич и Шитиков. В наши дни и ручей почти совсем пересох. Крутые берега стали пологими. Рельеф изменился до неузнаваемости. Почти ровное поле, и памятник среди пахоты. Как жаль...

Окончание следует

Григорий ШАЛАКИН

ОСЯЗАНИЕ БЫЛОГО

Мое поколение – послевоенное. И память моя сохранила лишь одну картинку начала 1950-х годов, опосредованно связанную с войной и предшествующую смерти генералиссимуса Иосифа Сталина, которую в нашем горняцком посёлке Прокопьевска оплакивали в каждом доме. Тот фотокадр стоит перед глазами и сегодня: в людном месте около клуба шахты имени всё того же великого вождя – небольшая группа фронтовиков-инвалидов. Они почти каждый день собирались здесь с простой целью – побыть вместе, поговорить со знакомыми, чтобы не остаться забытыми и затерянными. И от этого, как мне представляется, жилось им полегче.

Один подъезжал к месту сбора по нашей улице. Он ехал в инвалидной коляске на трёх велосипедных колесах с ручным управлением и клаксоном. Мы ватагой караулили его и специально перебежали перед скрипучим «самокатом» дорогу, чтобы худощавый мужчина лет тридцати обязательно посигналил нам резиновой грушей со свистком.

Второй добирался до площади пешком. Но двигался он медленно. Его ход сковывал толстенный деревянный протез, пристёгнутый к обрубку левой ноги потёртыми кожаными ремнями. Этот протез делал мужчину в тёмном костюме с одинокой медалью каким-то приземистым и широким.

Был и третий. Он держал в одной руке морскую свинку, а в другой – картонную коробочку. Мимо шли люди. Некоторые останавливались. Давали три или пять копеек. Свинка водила носом по ящичку и вытаскивала сложенный квадратиком листок бумаги. Его разворачивали. Внутри могло быть написано: жди счастья, поведёт в любви, через год свадьба, грядёт прибыль или прибавление. А мы, ребяташки, наблюдали за таким гаданием, которое никому не сулило горести.

Подобные сценки с предсказанием судьбы в окружении нескольких фронтовиков-инвалидов происходили и на центральном прокопьевском рынке, перед входом в цирк шапито, где за 20 копеек с человека (дети бесплатно) давали представление бродячие артисты, производившие шумные выстрелы из пушек, от которых у зрителей вываливались из рук ведра и бидоны, приготовленные для покупки на рынке молока, яиц и прочей снеди.

Такие действия в тёплое время происходили на моих глазах года два. Потом оба кружка фронтовиков исчезли. Слез по этому поводу никто не пролил, и слышать чьи-либо суждения о произошедшем мне не пришлось. Однако тех инвалидов я больше не видел. Хотя все остальные соседи, каждый день спускавшиеся в забои шахты имени Сталина за кузнечим угольком, оставались на своих местах.

Нам, пацанам, приходилось знаться с теми, кто прошёл плен и Колыму, кто был перемещён с оккупированных территорий. О военной поре они сильно не распространялись. Точнее, помалкивали. А за язык их никто не тянул. Фронтовики могли и не знать в лицо, потому что пиджаков с наградами они не надевали. Торжественных поводов, по сути, не было. А широко и привольно отмечать День Победы в Великой Отечественной войне стали, на моей памяти, в 1975 году, то есть спустя 30 лет.

Я был свидетелем, как утром 9 мая от пламени мартеновской печи Кузнецкого металлургического комбината прославленные ветераны зажгли огонь в факеле и доставили его на площадь Побед на узике, украшенном щитом с римскими цифрами, означающими тридцатилетие. После этого перед заводоуправлением начался митинг. На нём я впервые увидел знаменитого сталевара Александра Чалкова, чьё имя со школьных лет ассоциировалось с автоматическим фронтовым оружием, на прикладе которого крепилась табличка: «Сибиряку – от Чалкова».

Газетчики часто путались и называли эти автоматы калашниковскими. А на самом деле это были ППШ, изготовленные на средства Александра Яковлевича из Сталинской премии, присуждённой ему за освоение скоростного выпуска броневой стали. Надо подчеркнуть, что за годы войны выпуск стали в Кузбассе увеличился почти на 500 тысяч тонн и достиг показателя более 2,3 миллиона тонн. Естественно, львиную долю этого объёма давал КМК. А валовый выпуск продукции чёрной металлургии за то же время увеличился почти в два с половиной раза. В денеж-

ном выражении – с 239 миллионов рублей до 616 миллионов рублей.

В Государственном архиве Кузбасса сохранились фотографии 1943 года, на которых около огнедышащего мартена запечатлены Чалков, Лаушкин, другие сталевары и подручные, среди которых, между прочим, были даже симпатичные девчата. Есть в архиве и фотография с фронта. На ней командир 155-го Кузбасского полка полковник Николай Сыркин вручает бойцам автомат Чалкова перед боем за высоту 233,3 под городом Ельней. С таким оружием красноармейцы-сибиряки становились грозой для фашистов.

Наш фронт и тыл, действительно, были едины. Игнатий Шаровьев, политрук 150-й стрелковой дивизии добровольцев-сибиряков, чьи воспоминания появились в прошлом году в сборнике документов областного архива «В памяти сердца эхо войны», на фронте встречал делегацию, в составе которой была мировая рекордсменка по урожайности картофеля Анна Юткина из Кузбасса. По словам политрука, эшелон прибыл на станцию Торопец. Часть вагонов привезла пополнение – ребят и девчат, а другая часть была занята подарками. Бойцам доставили сибирские пельмени, сливочное масло, мясо, полушубки, валенки и другие тёплые вещи, личные подарки солдатам и офицерам. Не забыли по-
161

слать и водочки к пельменям. Делегация пробыла в дивизии несколько дней. Гости рассказывали фронтовикам, как живут и трудятся в тылу, а солдаты и офицеры – как они воюют. Приехавшим даже показали передний край обороны немцев и произвели по ним артиллерийские залпы; разрывы снарядов гости увидели в бинокли.

При освобождении Европы сибирячка Раиса Черева из 309-го медсанбата в одной из венгерских деревень во время привала случайно встретила с бывшим солдатом противника, воевавшим против неё под Воронежем. Она спросила, думал ли он, что Красная армия совершит победоносное наступление? Тот ответил: «Даже мысли не допускал, что русские смогут не только освободить свою страну, но и придут на мою родину».

Вернёмся на КМК. Сталевар Александр Чалков в войну стал почётным гвардейцем сибирской дивизии. А я познакомился с ним в мае 1975 года, будучи репортёром кэзэмковской многотиражной газеты «Металлург». Александр Яковлевич красноречием не отличался. Зато он так умело управлял мартеновскими агрегатами, что заработал госпремию. И потратил он её не

только на автоматы, но и на шубу жене, с которой воспитал пятерых сыновей. И всех привёл работать на КМК. Скромности его трудовой династии можно позавидовать. У одного из Чалковых мы сидели за праздничным столом в обычном доме в посёлке Точилино с покосившимися сараями во дворе. Был я в гостях и у другого Чалкова, жившего в бараке на Верхней колонии. Там и там жилищные условия мартеновцев оставляли желать лучшего. Но так уж воспитаны были ребята: дело – главное, а быт – наживное.

С Александром Яковлевичем в 1975 году мы ездили в Новосибирск на встречу с бойцами 22-й Сибирской добровольческой дивизии. Там он был нарасхват. Сфотографировал я его и со снайпершей гвардии ефрейтором Лидией Соколовой, правый глаз которой закрывала тёмная повязка. О ней так писали в «Боевом листке»:

*На немца – вора и бандита
давно охотится она.
И сумка у неё набита
немецкой «дичью» до полна.
Удаче этой есть причина:
у Лиды Соколовой взор
отменно зорок и остёр.
Он и взаправду соколинный.
И поневоле немцы-гады
боятся девичьего взгляда.
Она по-снайперски глядит.
Посмотрит – пулей одарит.*

С оператором новокузнецкого корпункта Кемеровского телевидения Николаем Щетинкиным мы тогда сняли документальный фильм о сибиряках-добровольцах на 8-миллиметровой чёрно-белой плёнке. С юными следопытами и новокузнецкими фронтовиками в июне 1975 года побывали в Москве, где встречались с прославленным сибиряком, генералом армии Афанасием Белобородовым. Настоящими подвижниками в деле сохранения памяти о войне были редактор газеты «Металлург», участник Великой Отечественной Сергей Знатков и учитель новокузнецкой школы № 8 Алла Глотова.

В 1970-х годах преобразилась сама площадь Побед. Много хлопот руководству города и КМК выпало при решении задач, связанных с установкой в 1973 году на постамент танка Т-34, при создании мемориала с Вечным огнём и музеем боевой славы. Непросто было заполучить стоящую на учёте в войсках боевую машину. При выборе учитывался каждый километр её пути. Танк встал на наклонное бетонное основание, словно продолжая находиться в атаке. Не было на территории Советского Союза, нет и сейчас столь

динамичного памятника с использованием танка, дошедшего до Берлина.

Сложно создавался мемориал, который проектировали и изготавливали по частям, если мне не изменяет память, московские специалисты. На КМК одна за другой шли телеграммы: «Нужен такой-то металл, срочно отгружайте!» Результат впечатляет, стоять мемориалу века.

Все уголки Новокузнецка всколыхнуло открытие в 1975 году 800-метрового бульвара Героев – единственного в Кузбассе монументального сооружения подобного типа. Это волнительный экскурс в грозные 1941–1945 годы, озарённый Вечным огнём. Приходящие сюда (теперь уже после второй или третьей капитальной реконструкции) сразу окунаются в прошлое. Каждый – со своими воспоминаниями и мыслями.

Мне довелось фотографировать фронтовиков и тружеников тыла и на площади Побед, и на бульваре Героев. Среди них Герои Социалистического Труда, полные кавалеры орденов Славы, награждённые одним, а то и двумя орденами Красной Звезды, орденами Ленина. Не счесть, сколько одухотворённых лиц попало в объектив фотоаппарата. Главное, эти люди – честь и совесть страны – всегда оставались скромными тружениками самых разных цехов КМК, от доменного до паросилового, добросовестными работниками машзавода, железной дороги, строительных и многих других организаций.

Наш новокузнецкий фотоклуб «Сибирь» постоянно показывал отличившихся земляков на выставках в Музее изобразительного искусства и в Доме творческих союзов. Примерно в 1980 году художественный руководитель клуба Юрий Романов раздобыл у своего родственника 72 кадра о войне, которые прежде никогда не публиковались. Они были сделаны солдатом в окопах, во время атак. И тайком от кого бы то ни было. Такую правду из первоисточника мало кто получал. А новокузнецчанам повезло увидеть эти снимки первыми.

Но до сей поры не вскрыты огромные пласты информации на военную тему. А когда они обнажаются, то воспринимаются с болью и слезами на глазах. Все-таки война не только победные марши. Работая над сборником документов Государственного архива Кузбасса, вышедшим к 75-летию Победы, я подивился цепкой памяти пулемётчика Виталия Удовиченко из 376-й Кузбасско-Псковской стрелковой дивизии. Он бесхитростно описал

многие моменты армейской жизни. Запомнилось ему, например, как в марте 1942 года выбирали из-под снега на болотах мох и снимали солому с крыш в деревнях, чтобы прокормить лошадей. И бойцам приходилось не легче. Им порой выдавали всего по два-три сухаря в день.

12 января 1943 года в 9.30 около 2700 орудий и миномётов Волховского фронта одновременно с Ленинградским начали артиллерийскую подготовку, длившуюся в течение одного часа и 45 минут. Гул и рёв стояли невообразимые. Стрелковая дивизия овладела рощей Круглая, где гитлеровцы оставили свыше тысячи трупов. А если наши приводили пленных, то все они были контуженными.

Однако летом 1944 года всё ещё продолжались ожесточённые бои, и наши войска несли потери. Пулемётчику Удовиченко врезался в память залп «катюш» в 4.25 утра. Высота «Гора» покрылась сплошным дымом и пылью. Штрафная рота залегла на нейтральной полосе. Вместе с ординарцем он пытался организовать повторную атаку, но бойцы были недосыгаемы и без движения. Из 56 человек в роте осталось 33.

«На нейтральном поле боя, не занятом противником, – вспоминает фронтовик, – мы были обязаны снимать с убитых шинели, обувь, каски. У меня в роте насчитали недостачу в 10-кратном размере на 8900 рублей. В течение двух месяцев высчитывали по 250 рублей, а потом документы финчасти разбомбили и удержания прекратились.

Утром 23 декабря 1944 года прошла полуторачасовая артминомётная пристрелка, за ней – 50-минутная артминомётная обработка немецких позиций. Мы дружной цепью поднялись в атаку и за два часа продвинулись вперёд почти на четыре километра. Бывало, за день и ночь проходили по 40–50 километров.

В четыре часа утра 9 мая 1945 года были разбужены криками о Победе. Выбегали на улицу все, кто мог. Торжество было неопишным, все осознали, что остались живыми и смогут возвратиться домой к своим семьям. Через несколько дней по дороге под советским конвоем проследовали немцы вместе со своими командирами», – завершает свои воспоминания воин-сибиряк.

Что ж, будем жить и будем помнить, какой ценой старшее поколение обеспечило нам день сегодняшний!

ЗЕМНЫЕ ПУТИ К ЛУЧЕЗАРНОМУ СЛОВУ

(к 70-летию со дня рождения
Любови Никоновой)

В её имени – отзвуки деяний патриарха Никона, чуда Матроны Московской, загадочным и вполне закономерным образом оказавшейся однофамилицей, духовные искания и пути-перепутья странницы Лексы (Александры Швецово́й), родной по «лабиринтам крови» и мироощущению, «ходившей и в Троице-Сергиеву лавру, и в Киев, и в северные края, на Белоозеро»... И, конечно, Любовь! Любовь в высшем православном её понимании: «подвижница в разных ситуациях, на разных путях и уровнях человеческой жизни», всепроникающая и всепрощающая, милосердствующая и сорадаующаяся истине, та, что «всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит». Любовь неотступная – благодатный огонь, дарующий смысл существованию...

Самобытному поэту Любови Никоновой суждено было явиться на свет в середине XX века в самарском селе Владимировка, «в царстве света, воздуха и ветра». Каждая клеточка её поэтического таланта возрастала и питалась на равнинных просторах, под палящим зноем разморённой степи, вместе с дикорастущими травами, зреющим хлебным колосом и огородными диковинами. И лирическая героиня стихотворений, живущая «под столетней ветлой», облаканная теплом маминых рук, общением с деревенской живностью, открыто-радостно отзывалась на яркие и незначительные мгновения бытия, симфонии мироздания и родники народного Слова. Она поистине горела в творческом огне, искренне удивляясь каждому баловню судьбы: «пугливой ящерке», огромной бабочке, «неизученному ручью», капелькам дождя, «мягким бархатным гусеницам», «длиннопёрым рыбам», «одутловатой жабе», «музицирующему кузнечнику», птицам и даже червям...

В отрочестве пламя, возжжённое в Среднем Поволжье, как факел, было перенесено в суровый металлургический Кузбасс. Его промышленные огни, смог и шлаковые отвалы, суровые люди, технократические ритмы тяжёлой поступью вошли в поэтический мир Л. А. Никоновой и помогли окончательно созреть ей как поэту, прозаику, педагогу.

Образ никоновской лирической героини, живущей по законам Бога и Вселенной, Им созданной, безыскусен и прост. Она странница, бредущая всевозможными тропами к чистому и вечному лучезар-

ному Слову, к его истокам и сокровенным смыслам, к благословенной земле, о которой грезил, создавая в детстве поэму «По дороге к Вечному городу». Она мечтательница и фантазёрка, рискнувшая испить из «следа барашка на глине», умеющая читать высшие знаки, разгадывать загадки, общаться с картофельным человечком Фиолетко, «чудотворчествовать», видеть, как всё живое переходит из одной формы в другую, просить счастья для бедной «земли, на которой вырастают фиолетовые цветки»...

В ней никогда не затихало противоборство двух полюсов – «скрытого духа бунтарки» и «смирненного взора схимницы», которые парадоксально уживались в человеческом и писательском естестве. Шествуя с молитвой, странница Никоновой опиралась на крепкий посох – Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа – и непрестанно закаляла себя суровой аскетичностью быта и роскошным пиршеством духа. О первом Любовь Алексеевна никогда не откровенничала. «Следы» второго с легкостью запечатлелись в её памяти и творческих «летописях»: они рассыпаны щедрыми самоцветами песенного и сказочного фольклора, трепетно замерли в живописных полотнах и декоративно-прикладном искусстве, влились в авторский мир удивительными находками кинематографа, художественной и православной литературы, вечным сиянием классической музыки...

На теле Божьей странницы скромное одеяние и... ожоги. Самые глубокие – от Достоевского, «обжигающего имени». Познакомившись с его романами в подростковом возрасте, она так и пронесла их до конца дней в холщовой котомке жизни, как в узелке Мышкина, то соглашаясь, то споря с великим, то отрицая, то вновь возвращаясь к нему.

Созданный Любовью Никоновой художественный мир в высшей точке своего воплощения, в расцвете или зените, напоминает живую, вечно движущуюся икону: в юности – природную, буйствующую, олицетворяющую сезонное коловращенье земных радостей и страстей, в зрелости – православную, устремлённую к райскому саду, пред вратами которого одновременно испытывают восторг, тихую светлую радость и благоговейное оцепенение, как «перед чудом жизни»...

Путь Никоновой в литературе, от «Скрипичного ключа» до «Знакомого мира неузнаваемого», тернист и лучезарен, во многом загадочен и неизведан. Его творческие плоды, как те «капельки алые, что слезам по значенью близки», кажется, родственны бисеринкам крови, выступившим на терновом венце. Это великая жертва и драгоценный подарок. И как же это ответственно – вовремя получить его! Но ещё важнее – достойно принять и благодарно нести в сердце от встречи к встрече, от встречи к встрече...

Елена ТРУХАН,
г. Новокузнецк

СМОТРЕТЬ БЕСПЛАТНО В ХОРОШЕМ КАЧЕСТВЕ

Отклик на книгу Дмитрия Мурзина «Новое кино»

Стремительный темпоритм начала XXI века буквально не даёт возможности остановиться, отдышаться, оглядеться. Постоянно ускоряющаяся гонка породила множество вредных привычек, и, пожалуй, самая досадная из них – привычка к постоянной внешней, формальной новизне. При этом, чтобы удержаться на скорости и сэкономить силы, подлинная новизна – внутренняя, содержательная – игнорируется напрочь: нужно же останавливаться, присматриваться к ней, оценивать...

Событие, каким бы оно ни было, держится на плаву день-два-три, а потом безвозвратно уходит в прошлое. Ни правота, ни красота, ни особенный масштаб или характер события – ничто не повод остаться, подзадержаться, а уж тем более запомниться. Многого и не жалко, но вот с книгами так быть не должно точно – особенно с поэтическими, у которых свой собственный повод быть и своё собственное внутреннее и внешнее время.

* * *

У книги Дмитрия Мурзина «Новое кино» ряд событий неспешен. В 2015 году автор стал лауреатом национальной литературной премии «Поэт года», но лишь в 2017-м в соответствии с программой книгоиздания оргкомитет премии выпустил эту книгу в свет. Безусловно, такая книга – явление весьма нерядовое, и, чтобы развернуться, ему требуется время. Сборник официально не обозначен как «избранное», но в аннотации указано, что он «включает в себя избранные произведения, написанные в разные годы. Лирика автора проникает в самое сердце читателя. Безысходность и безнадежность, зачастую присущие его герою, обязательно уравнивают надеждой на лучшее и верой в добро...»

Собственно, поэтическая книга по-настоящему всегда осмысливается не по факту своего выхода в свет (это, скорее, просто информационный повод), а по факту включения в литературный контекст своего времени, по факту диалога, который складывается (или не складывается) вокруг неё. Посему и разговор о «Новом кино» мы затеваем не сразу, а спустя несколько лет. И конечно, проблему контекста попробуем обозначить, хотя задача не из простых.

В предисловии к сборнику знаток и ценитель поэзии Игорь Волгин основной акцент делает на образе лирического героя: «Можно сказать, что лирический герой Дмитрия Мурзина искущён жизнью и, в общем, не ждёт от неё ничего хорошего. Он смотрит на неё с чуть заметной и невесёлой усмешкой, он “медитативен”, он всё делает “медленно и печально”... Это очень выигрышная лирическая позиция. Ибо она не только позволяет взглянуть на окружающих пристальным поэтическим взором, но ещё и художественно дистанцироваться от той действительности, которая, как правило, угнетает поэта своим неблагообразием. Или, как принято ныне выражаться, своей безблагодатностью...»

Сложно спорить с этой оценкой, но и запросто согласиться с «выигрышной» поэтической позицией и выгодной поэтической дистанцией получается как-то не очень. Уже хотя бы потому, что выигрыш и выгода применительно к поэзии понятия совершенно лукавые даже и в наше сугубо прагматическое время.

Разумеется, подход «со стороны лирического героя» не исчерпывает своеобразия книги – скорее, предисловие, как ему и положено, только начинает разговор, ведущий в широкое пространство актуальных, а порой и весьма болезненных для современной поэзии тем. Темы эти должны бы выходить прямо в живую жизнь, но, возможно, именно по причине их болезненности они сегодня оказались в филологической резервации – там, куда опытные загонщики уже не первое десятилетие умело направляют и саму современную поэзию.

Поэтому давайте-ка отложим в сторону филологический инструментальный анализ, вычеркнем термины «центон», «аллюзия», «реминисценция», «постмодернизм» (да-да, и постпостмодернизм тоже) и иже с ними. И в безоружной простоте спросим себя: что происходит-то? Вот здесь, например:

Какое сильное звено,
Но – выпавшее из цепочки...
Уменье свыше нам дано –
Как пропадать поодиночке.

По одному нас ловит стая:
Под дых – ага, по морде – хрясь,
Как бы резвясь и играя,
Но не играя, не резвясь.

Это восьмистишие, пожалуй, одно из показательных, характерных для «Нового кино». Самим приёмом (на всякий случай напомним: слово «аллюзия» мы вычеркнули) Дмитрий Мурзин здесь и далее, практически в пространстве всей книги, владеет мастерски, но подобное мастерство оставляет как минимум двойственное впечатление.

С одной стороны, текст изящно, играючи раскрывается в культурный и разговорный контекст практически каждой фразой, и эти фразы аккуратно разло-

жены по культурным полочкам – от Пушкина и Тютчева до Окуджавы и телевизора (это я про звено), а одна так прямо и принесена с заплёванного асфальта в тёмном переулке. Игра с читателем: ты помнишь? ты узнал? а вот это? Молодец, возьми с полки пирожок... Некоторые стихотворения «пирожком» и ограничиваются, как, например:

*Огонь зажётся и погас в ночи
Вы были обезьяной Чичичи
И дилером кирпичного завода
Вам даже дали имя парохода*

*Пройдёт зима пройдоха не пройдёт
Пусть переименуют пароход
В кармане лишь окурки и огрызки
Я гадам буду буду учпедгизом*

*Огонь зажётся в траченной ночи
Вы слышали упали кирпичи
Не ведая сомнения и цели
На голову в цене на самом деле*

Да, продавала обезьяна Чичичи в детской считалке строительные материалы и не только продавала – она там ещё и за верёвочку дёрнула, но повод ли это для стихов? Не растрата ли, не тотальное ли рассылание памяти – от классического наследия до городского детского фольклора?

А с другой стороны – ну какая же это игра? Пропадать-то поодиночке и всерьёз, и в финале стихотворения о «сильном звене» пропадает даже не столько сам лирический герой, сколько всё перечисленное в тексте, включая классику, ТВ и саму подворотню, приговаривается без права обжалования – «не играя, не резвясь». И видимо, не для красного словца. Всё как-то незаметно становится слишком серьёзным. До той степени сугубой серьёзности, что и (в другом стихотворении) солнце может не взойти.

*Легко, по погоде, одета,
Раздета ли – кто разберёт? –
Нетрезвая девушка Света
Домой с вечеринки идёт.*

*По розовой кромке рассвета,
Туда, где батяня побьёт,
Нетрезвая девушка Света
Чуть-чуть, еле-еле бредёт.*

*Вращается тихо планета,
Над городом брезжит восход.
Светает со скоростью Светы:
Чуть медленней – и не взойдёт.*

Даже не хочется спрашивать у автора, вправду ли бесхитростная муза юности и романтики, «хорошая девочка Лида» Ярослава Смелякова ушла в безвоз-

вратное прошлое, а вместо неё уныло бредёт с вечеринки вызывающая брезгливое обывательское любопытство «нетрезвая девушка Света». Потому что становится более чем понятно, что в процессе замещения реальной жизни цитатами и тенями из прошлого автор принимает самое непосредственное участие.

*Тяжела атлетика Мономаха,
Асинхронно плавание, квёл футбол.
Проигравшего ожидает плаха,
Победителю достается кол.*

*Выпьем за победу, да где же кружка?
И, по ходу, нечего наливать...
Коротка дистанция, как кольчужка,
А мы ещё не начали запрягать...*

Или:

*Внезапно замолчали соловьи,
Напившись неба, захлебнувшись высью...
— Иванушка, не пей из колеи,
Тойотой станешь, хондой, мицубисью!*

*Но выпало всем сёстрам по серьгам,
Алёнушку везла «Калина-Лада»
По всем семи холмам, по всем кругам,
По всем развязкам дантовского МКАДа.*

165

Это же тот самый безотказный приём работы «на обывателя», из ненавистных самому автору, вызывающих отторжение и повергающих в уныние примитивной схемой «узнавание плюс страшилка». Та самая ситуация с новизной, о которой мы говорили в самом начале рецензии: внешнее событие, мгновенно стирающееся, вроде бы есть, а внутренняя, содержательная новизна под запретом. И не под цензурным, а под самым страшным – самозапретом.

И хотя самым первым стихотворением нас обо всём честно предупредили:

*Жизнь началась, как положено, в три утра,
Сердце заныло (сердце – известный нытик),
Поиск таблетки, смысла, воды, добра...
Снова прилечь, затихнуть, выключить бра.
Жизнь – лженаука, мой неумелый гитик.*

*Каяться, маяться, перебирать слова,
Праздновать труса траченным валидолом...
Сдрейфив насчёт «пройдут Азорские острова»,
После сорваться на торжество шутовства:
Выжечь большое сердце дурным глаголом, —*

всё равно как-то не очень по себе. Впрочем, и здесь ещё не край. Край – с перехлёстом – там, где автор в полемике со стихотворением Дмитрия Быкова, написанным ещё в 1996 году («Нет, уж лучше эти, с модерном и постмодерном... Но уж лучше эти, они не убьют хотя б»), проговаривает впрямую:

Как бы нам ни стелили, как бы нам ни спалось,
 Лучше – чтобы убили, чем вот так, как пришлось.
 Лучше – чем эти невольно-вольные стили,
 Выгибоны, впадины, пируэты...
 Знаешь, как было б надёжно, если б убили,
 А не это, вот так, вот этим, вот через это.

Потому-то пора уходить со сцены,
 Снимать пуанты, стирать белила,
 Объявлять об отказе участвовать в этом концерте...

Чем, скажите, смерть вам так сильно не угодила,
 Что всё это вдруг кажется лучше смерти?

Страдательный залог этого стихотворения тоже с двойным дном: с одной стороны, реальность, как утверждает поэт, хуже смерти, но с другой, с другой-то – «лучше – чтобы убили, чем вот так, как пришлось». Безволие, возведённое в крайнюю степень, точнее, в неё низведённое. Признание жизни нестойкой игрой – и вполне логичный отказ «участвовать в концерте»? Нет, не отказ, а только лишь декларация отказа, потому что ведь весь этот пошлый до тошноты концерт в белилах и на пуантах – «на хлебе и Водкине день ото дня» – и состоит из бесконечных «нетрезвых девушек Свет», а там ещё «Сергеев-Мценский. Новиков-Припой. Как странен нынче путь в макулатуру...», «Если пароль – “хопёр”, то отзыв – “хопёр-инвест”. Нас с тобой два раза один Мавроди не съест» – и так далее.

Вот здесь, в этой точке отказа от жизни и смерти, поэзия и сворачивает в филологическую резервацию, куда уже совсем скоро будут продавать билеты туристам и водить содержательные экскурсии: «А вот тут у нас реминисценции, здесь аллюзии, в основе которых лежат перцепции...» И не искущённость и отстранённость, а крайняя растерянность и демонстративная беспомощность перед жизнью видятся теперь уже нам в образе лирического героя. И очень хочется, чтобы он очнулся, стряхнул этот морок, замолчал, поражённый – чем? Любовью, может быть? И начался заново – может быть, таким:

Злой я был, когда, шатаюсь,
 Брёл домой по пустырю,
 От обиды задыхаясь,
 Нарываясь на зарю.

Злой я был и шёл сквозь темень,
 Как идёт из раны кровь,
 Проклиная место, время
 И особенно любовь.

Ты таким меня застала:
 Ярость с пеплом и золой...
 Улыбнулась и сказала:
 «Успокойся. Ты не злой».

И вот таким, да, точно знающим, что:

Каждый забился в свой отдельный мирок,
 Напоминающий пластиковый стакан.
 В мире, почти забывшем, что есть ещё Блок.
 В мире, почти забывшем, что есть Океан.

Почти забывшим – но ведь не забывшим:

Вяло сигарету разминаю.
 Не курю. И не прошу огня.
 Будто бы не знал – но вспоминаю
 Тех, кто жил на свете до меня.

Как они здесь сеяли-пахали,
 Как бывали здесь навеселе.
 Как они наивно представляли
 Всё, что будет после на земле.

Вот уж на чужом пиру похмелье,
 Вот уж пальцем не туда попал...
 Вряд ли они этого хотели,
 Ничего-то я не оправдал.

Нет печи. А так – считай, Емеля,
 Полон весь намерений благих,
 Даже помолиться не умею
 За безвестных пращуров своих.

Вздвогнул и очнувшись от напасти,
 Брошу сигарету – баловство,
 Задыхаясь от стыда и счастья,
 Как Иван, припомнивший родство.

И потому начинающим сначала:

Выйдешь в чём есть из трамвая,
 В воздухе пахнет грозой,
 Светит звезда роковая
 Ласковой бирюзой.

Выдохнет ночь, как живая,
 В спину, листвою шурша...
 Ходят по кругу трамваи,
 Маётся в круге душа.

Светит звезда, остывшая...
 Будто бы над головой
 Смерть, падла, как таковая
 Жизни как таковой.

И приходящим к неизменному:

Искусственность дыхания рот в рот,
 На выдох-вдох – чтобы трещали рёбра...
 Ну что же ты? Дыши, дыши, сынок!
 Ну что же ты? Дыши, дыши, урод!
 Открыл глаза. Ну, здравствуй! Вечер добрый!
 Теперь ты жив. Теперь ты одинок.

Ещё проскальзывают цитаты и тени цитат, ещё порой соблазняет игра – но это уже скорее попытка выйти из игры. Вторая половина «Нового кино» настойчиво и честно прорывается в жизнь, в её реальную боль и опустошённость, в то её постепенно наполняемое живое пространство, от которого не очень-то и дистанцируешься, где невозможно оставаться искушённым, а возможно только быть оглушённым, растерянным, влюблённым, разозлённым, беспомощным – короче, живым. Нормально живым. Прорваться из резервации:

*хочется лёгкого – рук твоих на заливке.
ветки черёмухи. тёплого молока.
всё чересчур. букетик сирени, сливки
и слишком тяжёлые белые облака.*

*всё чересчур. я получил с лихвою,
гуще, больше, сильнее, невпроворот.
так чересчур, что, кажется, я завою
только с того, что зевота скривила рот.*

*то, что мне перепало, двоим хватило б:
друзей и предательства, верности и измен,
сколько всего память моя вместила.
столько свободы, что, кажется, лучше плен.*

*вместо одной мне выпало две дороги,
я был идущим, то есть осилил их,
небо коптил за двоих, но зато в итоге
смерти боялся больше, чем за двоих.*

И жить дальше с тем, с чем жить, по сути, невозможно, но без чего жизнь теряет всякий смысл:

*То ли с веком-кастратом не справился,
То ли впрямь – человеческий хлам.
Все поступки мои мне не нравятся,
А по сути – не нравлюсь я сам.*

*Ни стихом, ни романом, ни повестью
Не изжить, не сказать напрямик
Эту мелочность, сделочки с совестью,
Будто совесть моя – ростовщик.*

*Наслаждаясь минутной победой,
Сам себе, сам себе говорю:
Я ведь ведаю, ведаю, ведаю,
Я ведь ведаю, что я творю.*

*Я ведь знаю всё это заранее,
Понимаю: за каждым углом —
Не возмездие. Нет. Наказание.
А возмездие будет потом.*

Здесь поэт Дмитрий Мурзин говорит уже в полную силу, и ему в полную силу – веришь. И среди стихов, знакомых по предыдущей книге «Клиниче-

ская жизнь», радостно обнаруживаешь в избранном любимое, иронически-ёрническое, но вполне между тем серьёзное по сути:

*В глухой Сибири, где бродит лось
И сладка вода родника,
Течёт и пробует на износ
Русло своё река.*

*Берега её утопают в песке,
Воды её легки.
Но те, кто живёт на этой реке,
Боятся этой реки.*

*Наступит зима, когда нужно зиме,
Льдом эту реку скуёт.
Никто из местных в своём уме
Не ступит на этот лёд.*

*Прощай, рыбалка, рыбка, прощай,
Не будет подлёдным лов.
Не тронется лёд, не наступит май —
Рыбак не покинет кров.*

*По небу крадётся, словно шпион,
Поздний зимний рассвет.
А по-над речкой – малиновый звон.
Малиновой звона нет.*

*Звон ненадёжных зимних оков,
Пока не померкнет свет.
Лёд звенит, но ни рыбаков,
Ни конькобежцев нет.*

*Лёд, звенящий, но хрупкий лёд
Провалами чреват.
Система ходов, система пустот
Изрыли лёд наугад.*

*Система дыр и система нор.
Шаг ступил – и привет.
В этой реке есть рыба-шахтёр —
В других местах её нет.*

*Черна как смоль, с фонарём во лбу
И с плавником-киркой,
Рыба-шахтёр, проклиная судьбу,
Ушла в ледяной забой.*

*У местных с неместными вышел спор,
Как есть, о природе вещей:
Зачем нужна эта рыба-шахтёр
И есть ли она вообще?*

*Спор утихает, но лёд звенит,
И пацаны твердят:
Мол, рыба-шахтёр найдёт динамит
И местные победы.*

И вот тут становится понятно окончательно: местные победы. Точно. Весь этот смертельно усталый от постмодернизма постпостмодернизм, всё это безнадёжное прогрызание штретов в воздухе, забитом словами и словосочетаниями до полной окаменелости, вся эта гоп-кампания по обустройству филологических резерваций для современной виршефикации или виршефикации – всё пройдёт. А останется, пожалуй, вот это:

*За окнами хмуро и сиром,
Уснёшь и увидишь во сне,
Что мир разделён на два мира
В какой-то ужасной войне.*

*В какой-то продуманной бойне,
В каком-то тумане и мгле...
И колокол на колокольне
Звонит обо всех на земле.*

*Ты держишь винтовку, как палку,
От страха и злости дрожишь,
Такой близорукий и жалкий,
Кого-то убить норовишь...*

*Окопы, обстрелы и взрывы,
И будет всё именно так,
Пока не увидишь красивый,
Пробитый осколками знак:*

*До вражьей столицы две мили.
И тут же проснёшься без сил
От счастья, что мы победили
И ты никого не убил.*

И финальная цитата – как мгновение, в которое – ещё, может быть, незаметно – ситуация начинает разворачиваться в обратную сторону (помните, как у Высоцкого: «От границы мы Землю вертели назад –

/ Было дело сначала. / Но обратно её закрутил наш комбат, / Оттолкнувшись ногой от Урала...»):

*Заштопай на сырую нить
Надежды скверное сукно,
Мы просто не умели жить.
И научиться не дано.*

*Уже никто и никогда
У нас не спросит закурить.
Сгорела, падая, звезда,
И нужно слезить заменить.*

*А сны застираны до дыр,
Порой так хочется уснуть.
Вновь пробуксовывает мир,
И нужно выйти – подтолкнуть.*

* * *

Вот такое получилось «Новое кино» – не слишком весёлое, но с настоящей надеждой. Для искушённых и неискушённых. Для отстранённых и погружённых. Автор прошёл весь путь – и вышел к себе. Преодолея в себе то, что обычно занимает целую жизнь, и обозначил жизнь другую – настоящую.

...Я принадлежу к поколению, рождённому в 1960-е, и всегда считала, что именно оно попало под самый сильный удар эпохи, именно на него обрушились обломки советской империи. «Новое кино» представило иной сюжет – поколение, рождённое в 1970-е и угодившее под те же обломки, ещё не успев набрать хотя бы минимальной силы и крепости. Но и оно, в принципе, выстояло.

Времена не выбирают – но, совершенно точно, мы сами выбираем свой путь через них.

НИНА ЯГОДИНЦЕВА,
г. Челябинск

4 марта на 76-м году ушёл из жизни член Союза писателей России

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВИЧ ПОБОКИН.

Поэт, прозаик. Родился в Кемерове. Окончил Анжеро-Судженский горный техникум (машиностроительное отделение). Служил в Московском военном округе ракетчиком ПВО. Работал на химических и машиностроительных предприятиях Кемеровской области.

Стихи Сергея Побоккина печатались в альманахе «Огни Кузбасса», в журнале «Молодая гвардия», в газете «Наш город». Изданы четыре его книги: «Улицы синего плёса», «Русь в берёзовой сорочке», «Летний снегопад», «На щуку с кувалдой».

Сергей Побоккин был активным пропагандистом поэтического творчества и внимательным наставником молодых талантов. Он создал и много лет руководил анжеро-судженской городской литературной студией им. В. Д. Фёдорова.

Покойся с миром, дорогой товарищ!

Писатели Кузбасса

31 марта на 65-м году после продолжительной болезни ушла из жизни

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВА (СОКОЛАЕВА).

Член Союза писателей России, поэт, прозаик, педагог, художник декоративно-прикладного творчества. Ранимая и тонко чувствующая натура.

Мы будем помнить необыкновенное воодушевление Татьяны на встречах с молодыми литераторами в новокузнецкой студии «Мастер-круг», её глубокую заинтересованность в поиске новых авторов. Её публикации в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Москва», «Молодая гвардия», «Сибирские огни». Её книги «Живи меня, Господи», «Где ты, потомок Первого?», «Ключок обетованный», «Вместоимения».

Проницательная и прямолинейная, яркая и богемная, земная и огненная, горькая и беззащитная, гордая и необыкновенно искусная в создании вышивки, скульптур, кукол, графических и живописных работ... Такой запомнится нам многогранно талантливая Татьяна Николаева. Вечная память!

*Всё проходит – временно и тленно,
но живая плоть попеременно
воскрешает утра, вечера...*

Писатели Кузбасса

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В ноябре 2020 года Марина Фёдорова вошла в лонг-лист IV литературного конкурса на лучшее художественное произведение для детей «Берег детства» в номинации «Стихотворения для детей».

16 января 2021 года в Ленинске-Кузнецком, в Центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской, прошла творческая встреча с поэтом, членом Союза писателей России С. Самойленко (Кемерово – Новосибирск).

29 января в библиотеке им. Д. С. Лихачёва города Новокузнецка в рамках празднования 300-летия Кузбасса состоялась творческая встреча с членом Союза писателей России Е. Трухан «Я за Словом сквозь годы бегу...».

29 января в библиотеке Кузбасса для детей и молодёжи подвели итоги проекта «Собеседник» для воспитанников детских домов, школ-интернатов и школ психологической поддержки. В конкурсе приняло участие более 600 детей, было издано 9 журналов, работало 10 литературных гостиных. С поздравлениями и напутствиями выступили поэты, члены Союза писателей России В. Шумилов, Ю. Сычёва, С. Донбай и рекомендованный в Союз писателей К. Стафиевский.

29 января при поддержке Кемеровского отделения Союза писателей России на платформах Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского (Новокузнецк) в соцсетях «Инстаграм» и «ВКонтакте» прошли областные «Дни Любви Никоновой – 2021». Традиционный праздник прошёл в формате громких чтений и был посвящён двум юбилейным датам: приближающемуся 300-летию Кузбасса и 70-летию со дня рождения писательницы. Более 40 участников акции – представители образовательных учреждений, общественных организаций, творческих сообществ, сотрудники музеев и библиотек – из Новокузнецка и Мысков, села Красный Яр, Яйского, Ижморского, Чебулинского, Итатского посёлков прочитали произведения Любви Никоновой онлайн. Среди них члены Союза писателей России О. Комарова и Е. Трухан.

В феврале Марина Фёдорова стала финалистом Первого Всероссийского конкурса молодых критиков в номинации «Эссе».

2 февраля в городской библиотеке Таштагола состоялась встреча В. Коняева с читателями библиотеки и студентами горного техникума.

2 и 9 февраля в библиотеке Кузбасса для детей и молодёжи прошли Большие чтения произведений кузбасских писателей – юбиляров 2021 года «Отра-

жение в литературе». Молодые люди читали стихи ушедших поэтов: Е. Буравлёва, М. Небогатова, Л. Никоновой. Со своими стихами выступили поэты-юбиляры Б. Бурмистров и Д. Мурзин.

12 февраля в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошла презентация пятого номера журнала «Огни Кузбасса» за 2020 год. Вклейку номера, посвящённую выставке икон «Святые неразделённой церкви», представил директор Музея изобразительных искусств Л. Мызина. И. Надилова представила свои стихи. О своих публикациях рассказали прозаики Т. Твердохлебова и протоиерей Сергей Адодин. Стихи отсутствующих авторов прочли Б. Бурмистров и Д. Мурзин. Минутой молчания почтили память поэта А. Каткова. Вёл вечер поэт С. Донбай.

13 февраля на «Семейном клубе» при храме Казанской иконы Божией Матери Д. Мурзин представил журнал «Огни Кузбасса» № 6.

15 февраля в школе № 37 прошла встреча учеников с поэтом и ответственным секретарём журнала «Огни Кузбасса» Д. Мурзиным. На встрече поэт рассказал о журнале, ответил на вопросы, почитал стихи. Мероприятие организовала библиотека им. И. Киселёва.

16 февраля в областном ДОСААФ на уроке мужества выступил поэт А. Пятак. Он читал стихи о войне перед будущими кадетами. Урок провёл учитель воскресной православной школы Ю. Малышев.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Альманах «Менестрель», № 14 за 2020 год, дал подборку стихотворений Ирины Надиловой «Форма поиска».

Журнал «Русская Ладога», № 3 за 2020 год, напечатал поэтическую подборку Бориса Бурмистрова «Русский мир, как космос, навсегда».

ИЗДАНЫ КНИГИ

Альманах «Образ» (Ленинск-Кузнецкий). 2021. № 1. 112 с.

Прудников М. Домик в лесу: Записки партизанского командира / Вступ. ст. Ю. Лукина; рис. А. Лозенко. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2020. 133 с.

Тюшина Е. Сказка про Иванушку, Умную Царевну и волшебный смартфон: Сказка для детей. Кемерово: ИНТ, 2020. 40 с.

Времена года: Сборник. Кемерово, 2020. 24 с.

Дьяконов Ю. Вдоль времени. Музыка цвета: фото & хайку. Кемерово, 2020. 128 с.

МИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

СГК

ПОДДЕРЖИВАЕТ ИНИЦИАТИВУ РОСПРИРОДНАДЗОРА

- ТЕБЕ ОТ 7 ДО 16 ЛЕТ?
- ТЫ РИСУЕШЬ, ПИШЕШЬ, СНИМАЕШЬ
ФОТО ИЛИ ВИДЕО, УЧАСТВУЕШЬ
В ЭКО-ДВИЖЕНИЯХ?
- ТЫ ЗНАЕШЬ, КАК ПОМОЧЬ ПРИРОДЕ?

УЧАСТВУЙ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕМИИ «ЭКОЛОГИЯ — ДЕЛО КАЖДОГО»

НОМИНАЦИИ:
ЮНЫЙ ЭКО-БЛОГЕР
ЭКО-ТРЕНДЫ
ЭКО-ШКОЛА
ЭКО-РИСУНОК
ЭКО-ПРОЕКТ
И ДРУГИЕ

ВСЕ ПОДРОБНОСТИ НА САЙТЕ
ЭКОЛОГИЯДЕЛОКАЖДОГО.РФ

РОСПРИРОДНАДЗОР

Федеральный служба по надзору
в сфере природопользования

Мы работаем на твой мир

**ГЛАВНЫЙ ПРИЗ —
ОТДЫХ В ЛАГЕРЕ «ОРЛЁНОК»**

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъём» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис».

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 2. Дата выхода в свет: 02.06.2021 г.

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 890. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский ЦЕНТР ИСКУССТВ»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «ВЕКТОР-ПРИНТ»: 650021, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Стахановская 1-я, д. 39а, оф. 211.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств»

(650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

(650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **М. Н. Долгов**

Вёрстка: **Е. К. Метякова**

Дружески поздравляем
супружескую пару прекрасных поэтов
Дмитрия и Наталью Мурзиных
с общим на двоих столетием!

Творческая встреча с поэтом, главным редактором "Литературной газеты"
Максимом Замшевым в библиотеке им. Н. К. Крупской г. Ленинска-Кузнецкого

Слева направо: М. Замшев, Д. Мурзин,
Б. Бурмистров, Н. Ибрагимова, С. Донбай

М. Замшев

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40